КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXIV.

ЯНВАРЬ

1889 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 2-го Января 1889 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЯНВАРЬ.

Годъ восьмой. ТОМЪ XXIV. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Воспоминанія. М. К. Чалаго. I—II. (1—40).

II. Судъ и казнь Григорія Самойловича. А. Востокова. (41—63).

III. Культурныя переживанія. I—IV. П. О. Сумцова. (64—89).

IV. Бѣлая Панна. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній неудавшагося поэта). I—IV. Г. А. Мачтета. (90—116).

V. Русскія колоніи въ Добруджѣ. I. Лопулеску. (117—154).

VI. Сельскія недоразумѣнія. (Перев. съ польск.). I—III. К. М. (155—186).

VII. Научное значеніе западно-русской исторіи. П. А. Лященка. (187—202).

VIII. Документы, извѣстія и замѣтки. Остатки древняго храма въ г. Переяславѣ. П. А. Лашкарева. Церковище возлѣ дер. Монастырекъ, каневск. у. кіевск. губ. П. Бѣляшевскаго. Къ статьѣ г. Бѣляшевскаго. П. Л. Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ. Его всеподданнѣйшее представленіе Государю Николаю Павловичу о разсрочкѣ недоимки помѣщичьимъ крестьянамъ малороссійскихъ губерній. П. С. Листовскаго. Псевдо-Желѣзняки. А. Л. Дейнеки В. А. Учитель графа П. А. Румянцева-Задунайскаго Т. М. Сенютовичъ. А. Л. Запорожцы посылаютъ изъ Петербурга въ Сѣчь за водкой Сообщ. А. Л. Березенская Вознесенская церковь. П. Т. Замѣчательная колядка. Мирона. Малорусскія рождественскія колядки. Сообщилъ К. В. Болсуновскій. Рождественская „вечеря". Пв. Манжура. Рождественскія святки на Волыни. П. Бѣньковскаго. Рождественскія вирши въ спискѣ XVIII ст. О. Л. Платонъ Акимовичъ Лукашевичъ. W. Александръ Ипполитовичъ Гавриловъ. П. М. (204—247).

IX. Для справокъ. (248—249).

X. Библіографія. Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства. т. I. Исторія колонизаціи. Изслѣдованіе Д. И. Багалѣя. П. Камашина. Харьковскій Сборникъ. Литерат.-научн. прилож. къ „Харьк. кал. на 1888 г. И. Касперова. П. Камашина. Двадцатипятилѣтіе изданія Под. Еп. Вѣдом. Указатель неоффиц. части Вол. Еп. Вѣдом. за 20 л. ихъ сущ. Указатель ста ей помѣщен. въ неофф. Полт. Еп. Вѣдом. за 25 л. изд. ихъ. A. J. Pulaski Kazimierz. Szkice i poszukiwania historyczne. Kraków. 1887. В. А. Девятисотл. русс. іерархіи. Ст. Л. Календарь сѣв.-зап. края на 1889 г., П. Т. Кіевскій нар. календарь на 1889 г. Кіевскій календарь на 1889 г. Издатель Іогансонъ. Кіевскій календарь на 1889 г. Редакторъ-издатель В. Фабриціусъ. Волынскій календарь на 1889 г. первый. Изданіе Ѳ. И. Дусинчука. Житомиръ. Амартола. Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1886 г. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи. (249—296).

XI. Объявленія. (1—38).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.

2) Наказы малор. депутатамъ 1767 г.

3) Пред. В. Тяпинскаго къ печатн. Евангелію.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

Березенская Вознесенская церковь.

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго.

Когда зима намъ кудри убѣлитъ,
Приходитъ къ намъ нежданная забота
Свести итогъ...
Богъ старости—неумолимый богъ:
Приходитъ онъ къ прожившему полвѣка
И говоритъ: „оглянемся назадъ,
Поищемъ дѣлъ, достойныхъ человѣка!“
Увы! ихъ нѣтъ! одинъ ошибокъ рядъ!

Некрасовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ ряду литературныхъ произведеній, пользующихся у русской публики бо́льшею или меньшею популярностью, едва ли не самая незначительная доза вниманія выпадаетъ на долю сочиненій, отличающихся характеромъ субъективнымъ, каковы: воспоминанія, автобіографическія записки, дневники и т. п. произведенія, которыми не особенно богата наша литература. У насъ на Руси какъ то не въ обычаѣ подводить итоги прожитому и прочувствованному, а тѣмъ болѣе дѣлиться съ публикой своими личными впечатлѣніями. Происходитъ ли это отъ равнодушія русскаго человѣка къ своему прошлому, или же причинъ такого явленія слѣдуетъ искать въ несостоятельности нашей интеллигенціи въ литературномъ дѣлѣ, въ отсутствіи въ ней способности наблюдать и комбинировать обыденныя явленія жизни—вопроса этого мы рѣшить не беремся; но во всякомъ случаѣ, такой важный пробѣлъ въ отечественной литературѣ не мо-

жетъ не броситься въ глаза каждому, кто сколько нибудь знакомъ съ литературами другихъ народовъ, у которыхъ существуетъ такое обиліе разнаго рода мемуаровъ, записокъ современниковъ, дневниковъ и т. п. сочиненій, возбуждающихъ живѣйшій интересъ въ массѣ читающей публики, наравнѣ съ романами и повѣстями, каковыми исключительно пробавляется большинство русскихъ читателей. Большой спросъ потребителей легкаго чтенія на беллетристику переполнилъ нашъ журнальный рынокъ множествомъ произведеній съ претензіей на соціальное направленіе, хотя между ними весьма мало истинно художественныхъ произведеній, въ которыхъ бы

Наглядно отразился вѣкъ
И современный человѣкъ,

и изъ которыхъ читатель дѣйствительно могъ бы ознакомиться съ духомъ и направленіемъ русскаго общества въ данный моментъ его историческаго развитія.

Признавая за лучшими изъ такихъ произведеній важное соціальное значеніе, авторъ позволяетъ себѣ думать, что для болѣе основательнаго изученія общества въ данную эпоху его развитія, недостаточно ограничиться чтеніемъ однихъ романовъ, какъ бы рельефно ни были изображены, въ лицѣ ихъ героевъ и героинь, представители и выразители идеаловъ своего времени. Преслѣдуя преимущественно художественныя цѣли, романисты невольно иногда должны жертвовать фактической стороной сюжета изяществу выраженія, красотамъ формы и концепціи ad hoc придуманныхъ событій и случаевъ, чего нельзя сказать о мемуарахъ, запискахъ современниковъ, дневникахъ и т. п., въ которыхъ на первомъ планѣ всегда остается задача: вѣрно и точно воспроизвесть дѣйствительность, не скрашивая ее вымыслами фантазіи. При томъ же, и сами романисты, нисходя изъ области вымысла на реальную почву, не всегда могутъ ограничиться поэтическимъ чутьемъ, коль скоро дѣло коснется воспроизведенія явленій жизни изъ эпохи болѣе или менѣе отдаленной: въ этомъ случаѣ ихъ творчеству необходимъ сырой матеріалъ, простая лѣтопись событій. Тутъ то самый безъискуственный разсказъ современника-очевидца, какой нибудь дневникъ, мемуаръ можетъ оказать неоцѣненную услугу не только романисту-поэту, но и бытописателю-историку.

Правда, геніальные художники, воспроизводя прошлую жизнь, по особенному инстинкту, сразу становятся прорицателями минувшаго: для нихъ не существуетъ ни время историческихъ вѣковъ, ни пространство мѣстности націй—они всемірны. За всѣмъ тѣмъ, хроники понадобились даже такому міровому генію, какъ Шекспиръ, котораго душа, по словамъ Тэна, была какъ бы „сокращеніемъ вселенной“ и котораго Шлегель называетъ „пророкомъ, прозрѣвающимъ прошедшее“.

„Въ описаніе по воспоминанію, говоритъ Сѣченовъ въ статьѣ своей „Элементы мысли“, человѣкъ вноситъ, кромѣ объективнаго воспроизведенія фактической стороны дѣла, множество субъективныхъ элементовъ, навязанныхъ ему степенью развитія, свойствами его характера, складомъ ума, настроеніемъ духа и проч.“.

А ко всѣмъ подобнаго рода произведеніямъ, съ индивидуальными, чисто субъективными элементами, читающая публика относится съ крайнимъ равнодушіемъ: у каждаго непочатый уголъ собственныхъ воспоминаній и каждый, поэтому, вправѣ встрѣтить подобный моему трудъ ѣдкими стихами поэта:

Какое дѣло намъ, страдалъ ли ты иль нѣтъ?
На что намъ знать твои волненья?...

Лерм.

Тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь выступить въ свѣтъ съ своими „Воспоминаніями“. Помимо автобіографическихъ замѣтокъ, интересныхъ для меня одного, въ нихъ найдется не мало страницъ чисто объективнаго свойства, которыя своими деталями могутъ способствовать воспроизведенію событій и лицъ недавняго прошлаго, за послѣдніе 50 лѣтъ.

„Воспоминанія“ мои главнымъ образомъ будутъ вращаться въ училищной сферѣ. Пройдя суровую школу жизни и ученія, а по профессіи педагога, стоя, такъ сказать, у самаго источника воспитанія нарождающихся поколѣній, я имѣлъ полную возможность слѣдить не за однимъ лишь физическимъ ростомъ дѣтей, но и за духовнымъ ихъ развитіемъ. „Школьный міръ вообще представляетъ много любопытнаго для наблюденія надъ человѣческой природой во всей ея первобытности“, говоритъ французскій реалистъ Золя. А исторія моего ученія и учительства тѣсно связана съ исторіей рус-

скаго просвѣщенія въ періодъ наибольшихъ перемѣнъ въ организаціи нашихъ учебныхъ заведеній съ 1828 по 1871 годъ. Хотя, правду сказать, всѣ наши начинанія и реформы по части народнаго просвѣщенія, производимыя безъ строго опредѣленной системы, были не болѣе, какъ временныя, палліативныя мѣропріятія, „въ видѣ опыта“, такъ что въ результатѣ выходитъ, что втеченіе полстолѣтія мы производили въ отечественной педагогіи одни лишь эксперименты.

Оглядываясь на свое прошлое и подводя итоги собственной педагогической дѣятельности, невольно приходишь къ убѣжденію, что и самъ я учился около 20 лѣтъ и слишкомъ 30 лѣтъ училъ уму-разуму другихъ—не болѣе какъ „въ видѣ опыта“.

Увы! одинъ ошибокъ рядъ!...

I. Моя родина и ея обитатели.

Родина моя—Новгородъ-Сѣверскъ, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ славянскаго міра. Въ отличіе отъ Новгорода Великаго, городокъ этотъ въ старину именовался Малымъ, а также Новгородкомъ; въ хроникѣ же Стрыйковскаго—Новгородомъ Литовскимъ.

„Сей Новгородъ, хотя крѣпокъ и красенъ былъ, но толь лютыя раззоренія на него были, что съ землею огнемъ и мечемъ уравнивано и раскапывано нарочно, чтобы его имени не было“, говоритъ безъименный лѣтописецъ XVIII столѣтія [1]).

Какъ главный городъ удѣльнаго княжества, Новгородъ-Сѣверскъ въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ въ 1141 году, а къ 1185 году относится знаменитый походъ Игоря Святославича на половцевъ, воспѣтый въ извѣстной поэмѣ XII вѣка „Слово о плъку Игоревѣ“.

Начавшіяся послѣ монгольскаго періода между Москвой и Литвой войны преимущественно велись за обладаніе Сѣверской землей, которая въ XIV столѣтіи вошла въ составъ литовскаго государства и Новгородъ-Сѣверскъ, по свидѣтельству Стрыйковскаго, былъ нѣкоторое время „столицею королевской резиденціи и коронаціи престоль-

---

[1]) Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1853 г. № 1. Матеріалы для описанія Новгородъ-Сѣверска Ив. Самчевскаго.

нымъ городомъ". Въ немъ крестился Миндовгъ и вѣнчался королевскою короной, присланною папой Иннокентіемъ IV.

Древнѣйшія на Руси владѣнія литовцевъ, по изслѣдованію проф. В. Антоновича, составляла по преимуществу Черная Русь, съ городами: Новгородкомъ, Здатовымъ, Гродно и др. Область эта въ XIV столѣтіи называлась Кривичскою землею и только съ конца XVI столѣтія—Сѣверскою землей или Сѣверіей.

Когда окатоличенная Литва задумала окатоличить народъ Сѣверской земли, то сей послѣдній протестовалъ противъ такого посягательства на свое исконное православіе:

„Все наше православное христіанство хотятъ окрестити въ латинскую вѣру, ино наша Русь велми ся съ Литвою не любитъ", говоритъ одинъ современникъ 1498 года.

Въ концѣ XV столѣтія Сѣверія, вслѣдствіе тяготѣнія своего къ православной Москвѣ, безъ всякой войны, отдѣлилась отъ Литвы и соединилась съ московскимъ государствомъ. Между тѣмъ Литва, соединившись съ Польшею, во все продолженіе XVI столѣтія, силилась отвоевать Сѣверскую землю отъ московскаго государства, что наконецъ и удалось ей въ „смутное время".

Въ 1604 году къ Новгородъ-Сѣверску подступилъ съ своими полчищами Лжедимитрій, за два года предъ тѣмъ инкогнито проживавшій въ Спасской обители, подъ именемъ Отрепьева. Русскіе воеводы Трубецкой и Басмановъ, съ помощію горожанъ, дали мужественный отпоръ самозванцу, за что городу пожалованъ гербъ „съ изображеніемъ городской стѣны съ башнею, на коей звѣзда, по сторонамъ же копье и сабля золотыя".

Въ 1634 году, по поляновскому договору, къ Польшѣ отошелъ и Новгородокъ, который, хотя и утратилъ свое прежнее значеніе, будучи причисленъ къ староству черниговскому, но удержалъ за собой магдебургское право и иныя привилегіи. Ad majorem Dei gloriam, поляки основали здѣсь два монастыря, „коихъ память и поднесь остается: одного въ городѣ, на горѣ надъ Десною, которое мѣсто называется Кляшторомъ (clasztorż—монастырь), а другого подъ городомъ, гдѣ нынѣ деревушка Домотковъ", по испорченному слову доминикановъ[1]). Старожилы говорятъ, что еще въ концѣ прошлаго

[1]) Черниг. Губерис. Вѣдомости, 1853 г. № 1.

столѣтія на высокомъ берегу Десны находились остатки древняго укрѣпленія, состоявшаго изъ землянаго вала, съ остатками Басмановскаго замка, отчего и самая гора до сихъ поръ именуется Замкомъ.

Сѣверская земля находилась подъ властію Польши до 1654 года, когда Малороссія лѣвобережная возсоединилась съ Россіей.

Въ 1708 году, во время шведскихъ войнъ, въ Новгородъ-Сѣверскѣ имѣлъ пребываніе Императоръ Петръ I, въ домѣ сотника Журавки. Домъ этотъ находился на Кляшторѣ, близь собора, еще въ концѣ 20-хъ годовъ. Никому и въ голову не пришло сохранить эту историческую рѣдкость.

Съ учрежденіемъ намѣстничествъ въ 1782 году, Новгородъ-Сѣверскъ сталъ главнымъ городомъ сѣверскаго намѣстничества и оставался имъ до учрежденія губерній (1797 г.).

Въ 1787 году черезъ городъ прослѣдовала Екатерина II, въ честь коей сооружены уцѣлѣвшія до нынѣ тріумфальныя ворота извѣстныя у горожанъ подъ именемъ Брамы. Но лучшее украшеніе города—Преображенскій монастырь—зданіе величественной архитектуры, итальянскаго стиля, воздвигнутое по проекту Гваренчи. На сооруженіе храма Екатерина II велѣла отпустить 75 тысячъ руб., а на внутреннюю онаго отдѣлку Александръ I повелѣлъ выдать 21 тысячу. Вслѣдствіе обнаружившихся въ зданіи трещинъ, для поддержанія главнаго купола, въ 1821 году поставлено 16 колоннъ, скрывшихъ отчасти красоту и величіе храма. Поврежденія произошли не отъ архитектурныхъ погрѣшностей знаменитаго художника, а отъ недобросовѣстнаго выполненія строителями и подрядчиками его идеи: при возведеніи купола они употребили вмѣсто желѣзныхъ связей—деревянныя. Гора, на которой красуется Спасскій монастырь, благодаря корыстолюбію архимандрита Никанора и ближайшихъ его преемниковъ, вступившихъ въ компанію съ іудеями, по поставкѣ камня на черниговское шоссе,—гора эта обезображена и разрыта до основанія. Живописно выдававшіяся къ рѣкѣ гранитныя скалы исчезли, величавые дубы и сосны, окружавшія обитель цѣлыя столѣтія, пали подъ святотатственной рукой сребролюбцевъ-настоятелей; опасность угрожала самой угловой башнѣ, еслибъ высшая духовная власть не остановила варварскаго хищенія, запретивъ добываніе камня изъ нѣдръ св. горы.

Приступая къ характеристикѣ моихъ согражданъ сѣверянъ, какими они были въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, необходимо коснуться болѣе отдаленнаго времени.

Въ концѣ XVI столѣтія Сѣверскій край заключался въ предѣлахъ сѣверной части нынѣшней черниговской губерніи. Народонаселеніе его состояло тогда изъ трехъ главныхъ элементовъ: восточную его часть занимали малороссы, западную, пограничную съ Литвой,—бѣлоруссы, въ верхнихъ же его городахъ и селахъ жили великороссы. Впослѣдствіи Сѣверія стала заселяться выходцами изъ пограничныхъ областей, чему, съ одной стороны, содѣйствовали продолжительныя польско-козацкія войны, набѣги крымскихъ татаръ и невыносимый гнетъ крѣпостнаго права, а съ другой стороны, глухая лѣсистая мѣстность Сѣверской земли. Находясь въ близкомъ сосѣдствѣ съ великоруссами, литвинами и малоруссами и не примкнувъ ни къ тѣмъ ни къ другимъ, земляки мои выработали своеобразный типъ. Въ силу тѣхъ же историческихъ и этнографическихъ условій, языкъ моей родины представляетъ уродливую смѣсь словъ и оборотовъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и украинскихъ и даже польскихъ, а въ повѣрьяхъ, нравахъ и обычаяхъ сохранилось много языческаго. Сограждане мои по пословицѣ и отъ своего отстали, и къ чужому не пристали. Тѣмъ не менѣе сѣверскіе города подверглись постороннему вліянію пришлаго населенія въ гораздо большей степени, чѣмъ села и деревни. Языкъ, обычаи, одежда горожанъ, постоянно входившихъ въ соприкосновеніе съ чуждыми элементами, подвергались безпрерывнымъ измѣненіямъ, между тѣмъ какъ деревенскій людъ, замкнутый въ самомъ себѣ, всегда отличался строго консервативнымъ характеромъ. Оттого племенныя особенности разныхъ національностей русскаго царства этнографы преимущественно изучаютъ по селамъ.

Особенно со времени реформы 61 года наша печать весьма участливо стала относиться къ крестьянству, какъ бы не замѣчая существующаго на ряду съ нимъ другаго сословія — мѣщанъ.

„Изумительно печально положеніе нашихъ мѣщанъ, говоритъ наблюдательный этнографъ Максимовъ, а еще печальнѣе то, что за нихъ почти совсѣмъ не вступалась наша литература и обходила ихъ, какъ бы забывая, что они составляютъ самостоятельный, интересный

для изученія классъ, что они не крестьяне, не купцы, а именно мѣщане, среднее звено между этими двумя звеньями сложной цѣпи сословій русскаго царства".

„Но пора желать, ратуетъ другой народолюбецъ Щаповъ, чтобы и писателями, и учеными были не одни дворяне, а всѣ научно развитые люди—крестьяне, мѣщане, купцы".

Мыслящіе люди, подобные авторамъ приведенныхъ строкъ, возлагаютъ большія надежды на обновленіе общественныхъ силъ русскаго народа отъ прилива свѣжихъ дѣятелей изъ низшихъ слоевъ его; но едва ли они скоро дождутся возрожденія русской жизни. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ наша черноземная сила произвела весьма мало умственныхъ плодовъ. Россіи далеко еще до Англіи, гдѣ, по свидѣтельству Гальтона, изъ 107 ученыхъ 95 дали средніе классы и только 12 низшіе и высшіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что благодѣтельная реформа предыдущаго царствованія, потрясшая прежнее statu in quo въ его подгнившихъ основаніяхъ, дала широкій просторъ всѣмъ сословіямъ стремиться къ образованію, наравнѣ съ правящими классами, которые одни до того времени пользовались монополіей просвѣщенія; но частію по своей бѣдности, частію по своимъ закоренѣлымъ предразсудкамъ, неразлучнымъ съ абсолютнымъ невѣжествомъ, наши мѣщане все таки мало подвинулись впередъ. А пора бы, казалось, стряхнуть съ себя вѣковую грязь грубости и косненія, и выглянуть на свѣтъ Божій изъ тьмы кромѣшной... Поживемъ да подождемъ, пока что то будетъ, а пока оно будетъ, ничтожный процентъ мѣщанской интеллигенціи не въ состояніи удовлетворить самымъ обыденнымъ потребностямъ городского самоуправленія. А что было прежде, лѣтъ 50 назадъ, о томъ и вспомнить тошно.

Бывало какъ дойдетъ дѣло до общественныхъ выборовъ въ гласные, бургомистры и ратманы, то изъ четырехтысячнаго населенія некого и выбрать. Оттого всѣ дѣла въ думѣ и магистратѣ рѣшались секретарями да городничимъ изъ отставныхъ военныхъ, бургомистры же и гласные оставались безгласными чурбанами. Только непроходимое невѣжество членовъ городскаго присутствія и происходящая отъ того безпомощность общественнаго положенія была причиной такихъ, напр., возмутительныхъ исторій, что какой нибудь при-

казный выжига, въ родѣ думскаго секретаря П...скаго, позволилъ себѣ въ присутственной комнатѣ трепать по щекамъ городскаго голову Соболя. Только забитость и запуганность нашего мѣщанства могла вызвать дикое насиліе градоначальника на пожарѣ, разбившаго въ кровь голову мѣщанину Іощенку, такъ сказать, всенародно, безъ малѣйшаго протеста со стороны любезныхъ согражданъ.

Въ Новгородъ-Сѣверскѣ съ 1808 года существуетъ гимназія. Для поступленія въ нее требовалось увольнительное отъ общества мѣщанъ свидѣтельство, но его получить было весьма не трудно: стоило лишь купить ведра два горѣлки на угощеніе „общества“—и дѣло въ шляпѣ. Отчего же теперь, когда доступъ къ образованію открытъ не только мѣщанамъ, но и крестьянамъ, цифра учениковъ изъ мѣщанскаго сословія не только не возрастаетъ, но съ каждымъ годомъ падаетъ? Отчего дѣти мѣщанъ, въ большинствѣ случаевъ, завершаютъ свое образованіе первымъ или вторымъ классомъ уѣзднаго училища?

Бывали, правда, хотя весьма рѣдкіе, примѣры, когда изъ мѣщанскаго сословія выходили люди съ высшимъ образованіемъ, но вырвавшись изъ своей среды, они безъ оглядки бѣжали отъ своихъ милыхъ согражданъ, потому что сколько нибудь развитому человѣку не безопасно оставаться въ родномъ омутѣ. А какихъ трудовъ и лишеній стоитъ это высшее образованіе всѣмъ намъ, вышедшимъ изъ бѣдной мѣщанской семьи! Намъ ничто не давалось даромъ, но достигалось тяжелой борьбой, а на такой подвигъ, при своей наслѣдственной лѣни и распущенности семейныхъ нравовъ, рѣдкій изъ „нашихъ“ отваживается. Лучше спокойно сидѣть въ лавкѣ и бездѣльничать отъ бездѣлья.

Не взлюбилъ я своихъ согражданъ-мѣщанъ за ихъ глумленіе надъ „мужиками“, за ихъ насмѣшки надъ „деревенщиной“. Въ числѣ многихъ другихъ безобразій, въ памяти моей сохранилась возмутительная выходка молодыхъ лавочниковъ на базарѣ. Сидя отъ утра до вечера въ лавкѣ, безъ всякаго дѣла, они, подобно „шутникамъ“ Островскаго, разважаютъ свою скуку разными грубыми издѣвками надъ своими всегдашними покупателями и кормильцами—крестьянами изъ окрестныхъ селъ. Попадутъ какого нибудь горемыку мамекинца изъ имѣнія кн. Голицыныхъ и начнутъ надъ нимъ глумиться.

„У тебя на правой ногѣ шесть пальцевъ“, пристанутъ къ нему цѣлой ватагой.

Долго бѣднягa открещивается и отбивается отъ нихъ, какъ отъ докучливыхъ собакъ, да наконецъ, соблазнившись посуломъ пятака, развязываетъ свои оборы, скидаетъ лапоть, развертываетъ онучи и показываетъ имъ свои пять пальцевъ; а „шутники“ хватаютъ лапоть и забрасываютъ на лавочную крышу при 15 градусномъ морозѣ. И хохочутъ въ свое удовольствіе и молодые и старики, что одурили отупѣвшаго отъ голода и дрожащаго отъ холода нищаго.

Да, неприглядна была жизнь моихъ согражданъ-мѣщанъ и не за что мнѣ было полюбить ихъ? Вѣчное сидѣнье въ лавкѣ, въ ожиданіи копѣечнаго барыша, распущенность и шалопайство младшихъ членовъ семьи, отвратительное сквернословіе, дикое самодурство и домашніе разбои—старшихъ: отцы семейства пьяные и буйствующіе, женщины-матери съ синяками подъ глазами ищущія убѣжища у сосѣдей, разбитыя окна и посуда, разваленная печь... дѣти, брошенныя на произволъ судьбы, безъ всякаго призора... О, памятны мнѣ эти родныя картины моего печальнаго прошлаго!...

Насупротивъ нашего дома, подъ Замкомъ, стояла бѣдная, кривобокая хатенка, глядѣвшая на улицу единственнымъ оконцемъ. Тутъ жилъ и здравствовалъ извѣстный всей Варварской парафіи герой-сапожникъ Красненькій, съ женою Ѳеклой и сыномъ Ѳедоромъ. Заунывныя пѣсни Кондрата, которыя онъ распѣвалъ, сидя за работой, и фантастическія сказки Ѳедора до того приковывали мое дѣтское вниманіе, что я, несмотря на запрещеніе родителей, просиживалъ у нихъ по цѣлымъ днямъ. Съ помощью подростка-сына, Кондратъ работалъ неутомимо и скоро. Не одни „шкаповые“ чоботы, но и настоящіе выростковые „сапоги въ рантъ“ подъ ваксу ему были ни почемъ. Сапогъ за сапогомъ откидывался на „полицу“ работа кипѣла, пѣсни не умолкали ни днемъ, ни ночью. Такъ проходила недѣля, иногда двѣ, а то и цѣлый мѣсяцъ. Когда оканчивались заказы, Кондратъ бралъ подъ мышку нѣсколько паръ готовыхъ сапогъ и съ утра уходилъ изъ дому за получкой денегъ. И тутъ то наступалъ періодъ совершеннаго превращенія. Никто, видѣвшій его за работой, не повѣрилъ бы, что природа человѣка можетъ измѣниться до такой степени: изъ тихаго, честнаго, трудолюбиваго, до тонкости деликатнаго

человѣка—внезапно дѣлался лютый звѣрь, вырвавшійся изъ желѣзной клѣтки.

Получивъ мѣстахъ въ трехъ деньги, Кондратъ начиналъ свое тріумфальное шествіе съ отдаленнаго конца города, не минуя ни одного заведенія съ двуглавымъ орломъ, въ каждомъ выпивалъ онъ по крючку и, идя по улицѣ, страшно неистовствовалъ, произнося неблагозвучныя ругательства на свою жену Ѳеклушу. Львиное рыканіе его слышалось издалече.

Войдя въ хату, Кондратъ въ ту же минуту начиналъ бить посуду, стекла, ломалъ столъ, раскидывалъ постель и такимъ образомъ сокрушалъ все, что подвержено разрушенію рукъ человѣческихъ. Ѳекла, дорожа припрятаннымъ въ коморѣ добромъ, бѣжала во всѣ лопатки въ полицію. Вернувшись домой, въ сопровожденіи двухъ полисменовъ, она сдавала имъ на руки свое сокровище и тѣ уводили Кондрата проспаться въ холодной.

Разъ, послѣ сильной бомбардировки, когда онъ проломалъ даже стѣну въ своей ветхой хатенкѣ, не зная куда дѣваться отъ стыда, Кондратъ нанялся за 100 рублей въ солдаты. Наемщикъ кормилъ и поилъ его цѣлыхъ четыре мѣсяца, отпасъ его, какъ борова, и повезъ въ Черниговъ „до пріему“ но, увы! тамъ нашли въ немъ какой то изъянъ и забрили затылокъ, къ великому огорченію семейства, а чѣмъ бы казалось не воинъ?

„Пьянъ, какъ сапожникъ!“ привыкли возглашать немыслящіе, хотя съ виду и образованные, люди, не задаваясь вопросомъ, отчего пьютъ преимущественно сапожники? И одни ли сапожники пьяницы? Отчего не сказать: пьянъ, какъ купецъ, пьянъ, какъ чиновникъ Терлецкій? Зачѣмъ пользуются такой привилегіей одни лишь сапожники? „Всѣ на Руси пьютъ и пьютъ страшно!“ замѣтилъ гдѣ то Писаревъ.

Вотъ для примѣра два молодыхъ лавочника, учившіеся, но не доучившіеся въ мѣстной гимназіи: они напивались до чортиковъ. Честный труженикъ Кондратъ имѣетъ передъ ними огромное преимущество: онъ пропивалъ свои собственныя трудовыя деньги, между тѣмъ какъ они пропивали готовое, отцовское достояніе и пили до безобразія. Скитаясь цѣлую недѣлю по городскимъ кабакамъ, они забирались потомъ на вольную—въ Домотканов или въ Солоное;

ночевали гдѣ нибудь во рву или на кладбищѣ въ запавшей могилѣ, какъ евангельскіе бѣсноватые, о коихъ повѣствуется: „не живяху въ домѣхъ, но во гробахъ“.

Чѣмъ лучше сапожника Красненькаго хоть вотъ тотъ молодой купецъ, бѣгавшій въ одной рубашкѣ по базару въ припадкѣ delirium tremens? На его памяти тяготѣетъ проклятіе отца, не добитаго на пожарѣ городничимъ и умершаго отъ побоевъ, нанесенныхъ ему собственнымъ дѣтищемъ—этимъ самимъ потерянным юношей.

Иль хоть этотъ блудный сынъ пившаго безъ просыпу мѣстнаго богача, бывшаго головы Бѣлова, вольноотпущенника Демидова? Сапожникъ Кондратъ ему и въ подметки не годится...

„О препоганая мать-природа! Зачѣмъ ты создала мать-сивуху? Чтобъ тебѣ на сквозь прошло!“

Облаявъ такими некрасивыми словами природу и обвинивъ ее въ произведеніи на свѣтъ такого чудища, какъ сивуха, несчастная жертва того же чудища—Помяловскій, безъ сомнѣнія, разумѣлъ подъ этимъ словомъ не ту „природу-мать“, которая восхищала великаго Байрона и въ которой поэтъ находилъ бальзамъ утѣшенія для растерзанной души своей. Люди сами создаютъ себѣ адъ и среди рая земнаго, а она, владычица, остается вѣчно неизмѣнною, дѣвственно прекрасною. Гнусные пороки и преступленія людей не въ силахъ омрачать свѣтлаго чела ея. Солнце одинаково свѣтитъ на праведныхъ и неправедныхъ, и блаженъ, кто, подобно великому пантеисту Гёте, умѣетъ дышать одною жизнію съ природой, чья душа откликается на ея дружескіе призывы, кто понимаетъ „говоръ древесныхъ листовъ и чувствуетъ травъ прозябанье“.

II. Дѣтскіе годы и мое домашнее воспитаніе.

> Кто наблюдалъ, какъ пристально, широко раскрывъ глаза, смотритъ младенецъ на окружающіе предметы, тому хорошо извѣстно, что воспитаніе начинается уже съ того времени.
>
> *Спенсеръ.*

Сознавая всю важность дѣтскихъ лѣтъ и первоначальнаго домашняго воспитанія относительно вліянія ихъ на образованіе въ человѣкѣ характера, я, однако жъ, мало коснусь этого темнаго періода

своей жизни. Что можно сказать о первоначальномъ дѣтскомъ воспитаніи подъ родительскимъ кровомъ, при этой безобразной обстановкѣ домашняго быта, какую въ большинствѣ предъявляла семейная жизнь мѣщанскаго сословія?

Школьному возрасту, говоритъ ученый педагогъ Кнаппе, предшествуетъ шестилѣтіе, которое гораздо важнѣе, чѣмъ два трехлѣтія, проведенныя въ академіи и путешествіяхъ".

Есть, конечно, счастливцы, у которыхъ было такое блаженное шестилѣтіе; но у меня его не было. Я и мои сверстники поведены были такъ, что не допускали въ старшихъ себя никакихъ недостатковъ: все, что ни дѣлали они, по нашему убѣжденію, такъ и слѣдовало быть. Привыкши слышать изъ устъ своихъ родителей вѣчные упреки въ нашей дѣтской глупости, забитые и придавленные самодурствомъ старшихъ членовъ семьи, мы никогда не относились критически къ тому, что говорилось намъ зачастую въ нетрезвомъ видѣ. Произволъ и деспотизмъ большаковъ не возбуждалъ въ насъ никакого протеста. Безобразное поведеніе взрослыхъ, тузившихъ насъ за всякіе пустяки, по теоріи того же, самаго скуднаго воспитанія въ мірѣ, не должно было служить примѣромъ для подражанія, по латинской пословицѣ: quod licet Jovi, non licet bovi. Но такое правило было для насъ обязательнымъ лишь до тѣхъ поръ, пока мы оставались дѣтьми. Мы пришли къ убѣжденію, что бьютъ насъ не за то, что мы поступаемъ дурно, а за то, что мы не получили еще, такъ сказать, юридическаго права поступать такъ, оставаясь дѣтьми. Такая мораль наводила нашъ дѣтскій умъ на мысль, что абсолютнаго безобразія нѣтъ и быть не можетъ, что скверные поступки неприличны только дѣтямъ, большимъ же все вольно. Всякій изъ насъ, получивъ затрещину отъ властной руки старшаго, думалъ: погоди, дай-кась мнѣ вырости и я буду такимъ манеромъ расправляться съ меньшими себя. Руководясь такими нехитрыми соображеніями, дѣти усвоивали всѣ дурныя наклонности своихъ родителей и шли по ихъ слѣдамъ, какъ только переставали быть дѣтьми. Физическая сила, при совершенномъ отсутствіи вліянія нравственнаго, сдерживая въ мальчикѣ порочные инстинкты, переставала имѣть для него значеніе, коль скоро онъ становился большимъ болваномъ: тогда разнузданная природа его не знала удержу. Такимъ образомъ

сынъ копировалъ отца и, дождавшись собственныхъ дѣтей, поступалъ съ ними тѣмъ же манеромъ. Удивляясь богатырскимъ подвигамъ подобнаго сорванца, родители только ахали, приговаривая: „совéршенный батечко!“ и на томъ мирились съ безобразіемъ его поступковъ.

Нечего послѣ этого удивляться, что нѣкоторые пороки во многихъ мѣщанскихъ семьяхъ дѣлаются наслѣдственными, переходя изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія къ поколѣнію. Еще Горацій гдѣ то сказалъ, что „примѣры, понятія и правила вкореняются въ дѣтствѣ такъ же сильно, какъ запахъ кушаньевъ впервые влитыхъ въ глиняный сосудъ“.

Часто случается, что родители еще при жизни пожинаютъ плоды такого безсмысленнаго воспитанія. Сынъ, выросшій изъ подъ палки, возмужавъ, беретъ за груди отца и ругается надъ матерью, которая, отбиваясь отъ милаго чадушки кочергой, нерѣдко проклинаетъ день его рожденія, причитая сквозь слезы: „а щобъ ты бувъ пропавъ маленькимъ!“

За примѣромъ ходитъ не далеко. Единственный сынъ и наслѣдникъ Красненькаго Ѳедоръ, мой закадычный пріятель, посвятившій меня во всѣ таинства игры въ пацы (бабки) и уженья рыбы, получивъ отъ природы богатые задатки врожденныхъ способностей и добрыхъ инстинктовъ, вслѣдствіе неизбѣжнаго вліянія окружавшей его среды, не могъ не сдѣлаться вторымъ, значительно передѣланнымъ изданіемъ своего батюшки. Въ силу вышеизложенной морали, будучи мальчикомъ, онъ не смѣлъ и подумать о чемъ нибудь дурномъ. Вкусы его были самые невинные, проказы самыя дѣтскія; но это происходило оттого, что онъ считалъ для себя недозволеннымъ то, что составляло привилегію однихъ совершеннолѣтнихъ. За то, оперившись, да оженившись, этотъ птенецъ и батька за поясъ заткнулъ. Тотъ, по крайней мѣрѣ, хоть и пилъ, но былъ всегда честенъ и совѣстливъ. Врагъ самому себѣ и своей семьѣ, Красненькій старшій пропивалъ свою собственную, заработанную копѣйку и не зарился на чужое добро, между тѣмъ Красненькій—меньшій, кромѣ того, что былъ страшный буянъ и пьяница, былъ еще вдобавокъ отъявленнымъ негодяемъ и злодюгой; „обокравъ нѣсколько лавокъ и замордовавши двохъ жонокъ, и само пропало ледащо!“ сообщили мнѣ о немъ ближайшіе сосѣди.

Уединеніе, въ нѣкоторомъ отношеніи пагубное для здоровья дѣтей, никогда не остается безъ добрыхъ послѣдствій для ихъ внутренняго саморазвитія. Тепличное воспитаніе барскихъ дѣтей, удаленное отъ природы, совершенно исключаетъ уединеніе изъ своей программы: они вѣчно окружены няньками и гувернерами, а у семи нянекъ, какъ извѣстно, дитя часто лишается глаза: привыкши постоянно ходить на помочахъ, дѣти лишены самодѣятельности ума и нерѣдко во всю остальную жизнь чувствуютъ себя какими то безпомощными созданіями.

Pas trop gouverner—по мнѣнію педагога Рихтера,—считается лучшимъ правиломъ не только въ политикѣ, но и въ педагогіи.

Не то было съ нами—замарашками, брошенными на произволъ судьбы, безъ всякаго надзора. Не знали мы въ дѣтствѣ ни боннъ, ни гувернеровъ, а росли волею Божіей, какъ грибки послѣ дождика.

Никому до насъ не было дѣла, развѣ, набѣгавшись вдоволь, ѣсть попросишь—тогда только о тебѣ вспомнятъ, утрутъ съ любовью носъ, давши въ придачу подзатыльника. Для такихъ дѣтей, при безобразіи домашней обстановки, уединеніе не опасно, даже лучше, если они будутъ подальше отъ взрослыхъ, у которыхъ имъ нечего хорошаго заимствовать. Такъ было отчасти и со мной.

Былъ, правда, и у меня менторъ, но совсѣмъ другаго сорта. Въ темномъ царствѣ невѣжества, лѣни и дикихъ инстинктовъ, свѣтила мнѣ путеводная звѣзда, въ лицѣ моего добраго дидуся Алексія Ивановича: она то и вывела меня на хорошую дорогу.

Въ 1834 году дѣду моему въ день его кончины было 100 лѣтъ безъ мѣсяца. Стало быть, онъ родился въ царствованіе Анны Ивановны около 1735 года и умеръ въ восьмое царствованіе, при императорѣ Николаѣ I. На его глазахъ совершились всѣ перемѣны, всѣ важнѣйшія фазы какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни Малороссіи. Пришелъ онъ въ Новгородокъ около 1765 года, въ царствованіе Екатерины II, изъ правобережной Украины, гдѣ подвизался въ оное время извѣстный гайдамака Савва Чалый. Упорнымъ трудомъ достигъ онъ безбѣднаго состоянія и, передавши на старости лѣтъ нажитое добро единственному сыну Корнилію, успокоилъ свои кости на теплой лежанкѣ. Много видѣлъ онъ и испыталъ на своемъ вѣку. Чередовались поколѣнія, видоизмѣнялся бытъ родной земли,

а онъ оставался неизмѣннымъ, какъ столѣтній дубъ между молодыми деревьями. Среди своихъ согражданъ—мѣщанъ, утратившихъ навсегда память о своихъ предкахъ, дидусь мой Алексій Ивановичъ едва ли былъ не единственною живою связью съ отдаленнымъ прошлымъ...

Моя любовь къ Украинѣ, благодаря этому столѣтнему старцу, вкоренилась во мнѣ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Смутно помню я его поэтическіе разсказы о старинѣ, въ долгіе зимніе вечера при тускломъ мерцаніи каганца. Благодаря этимъ разсказамъ, я сознялъ себя украинцемъ съ первымъ проблескомъ пониманія.

Приверженность мою къ малорусской старинѣ питали во мнѣ и заунывныя пѣсни Кондратовы, и фантастическія сказки сына его Ѳедора, и юмористическія прибаутки нашего сосѣда Игната Попка, тоже сапожника зимой и садовника лѣтомъ, и иныхъ бѣдняковъ—ремесленниковъ, къ которымъ уходилъ я тайкомъ въ долгіе осенніе вечера, когда они въ кругу своихъ домочадцевъ обоего пола, скорчившись, сидѣли за работой при яркомъ освѣщеніи „лушника“ [1]).

Немало занимали меня и юродивыя выходки мѣстнаго полишинеля Ивана Скакуна, говорившаго всегда стихами и пѣвшаго дребезжащимъ голосомъ комическія пѣсни, съ подмигиваніемъ и притопываніемъ, что такъ не шло къ сѣдой головѣ его. Печально, говоритъ Гейне, если старику приходится продавать отъ нужды уваженіе, должное его лѣтамъ, и приниматься за шутовство.

Чувство привязанности къ Украинѣ нерѣдко также будилъ въ дѣтской душѣ моей своими заунывными думами забревшій изъ за Десны бандуристъ, пробиравшійся всегда съ своимъ поводыремъ въ городъ на петровскую ярмарку „манывцямы“, во избѣжаніе встрѣчи съ становымъ, какъ видно, сильно не долюбливавшимъ народной музыки...

Хотя дѣдовскій нашъ домъ, по своей старосвѣтской обстановкѣ, не принадлежалъ къ числу богатыхъ хоромъ купеческихъ, но изъ уваженія къ почтенной личности высокочтимаго старца Алексія Ивановича, нашимъ убогимъ жилищемъ не пренебрегали не только именитые купцы и мелкотравчатые чиновники, насъ посѣщали нерѣдко

---

[1]) Такъ назывался натянутый на обручи и выбѣленный мѣломъ конической формы мѣшокъ, котораго вершина вдѣлывалась въ потолокъ и сообщалась съ дымовой трубой на чердакѣ, въ основаніи же этого конуса привѣшивалась желѣзная рѣшотка, на которой ярко пылали сосновые коренья, не уступая газовому освѣщенію.

и настоящіе породистые паны, какъ напр. Судіенко, Богунъ и Халанскій. Несмотря, однакожъ, на сіе, меня, сколько я помню, никогда не тянуло вверхъ. Въ дѣтствѣ у меня не было ни одного пріятеля между дворянскими и купеческими дѣтьми. Всѣ мои симпатіи принадлежали низшему слою населенія. Меня всегда тянуло неудержимой силой къ нашему бѣдному, голодному, оборванному крѣпостному люду и къ трудовому сословію ремесленниковъ. Кажется, любовь и симпатіи мои къ „униженнымъ и оскорбленнымъ" я унаслѣдовалъ отъ своей матери, родившейся не въ городѣ, а въ селѣ Семіоновкѣ [1]).

И если участьемъ былъ связанъ
Съ больнымъ человѣчествомъ я—
Я знаю, кому я обязанъ
Тѣмъ чувствомъ, согрѣвшимъ меня.
(Изъ Мориса Гартмана).

Мать моя никогда бывало не отпуститъ ни одного нищаго безъ того, чтобы не накормить его горячимъ борщемъ или молокомъ съ хлѣбомъ.

Живымъ примѣромъ этой кроткой страдалицы я только и могу объяснить мои дѣтскія привязанности къ разнымъ горемыкамъ: Каблукамъ и Каблучкамъ, рыжему Сенькѣ, кучерскому сыну, Васѣ слѣпой нищенкѣ и прочей голи, пріютившейся подъ Замкомъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ нашимъ домомъ. Часто, послѣ долгихъ поисковъ, матушка находила меня то у сапожника Кондрата, то у Лукьяна портнаго, то на Замкѣ въ сообществѣ дѣтей разныхъ возрастовъ и половъ, въ замаранныхъ и заплатанныхъ рубашонкахъ. Эту голодную ватагу пріятелей водилъ я иногда, воровскимъ обычаемъ, въ собственный садъ красть яблоки, за что неоднократно гости мои, вмѣстѣ со мною, отвѣдывали джигучки-крапивы и, поднявъ рубашонки, разбѣгались по домамъ, оглашая улицу жалобными воплями,

— Яке ты ледащо, Михайло, не буде зъ тебе ничого доброго!

Журилъ меня дидусь послѣ каждой подобной проказы. Тонъ его рѣчи былъ всегда спокойный и строго внушительный. Я не

[1]) Село Семіоновка, новозыбковскаго уѣзда, населено гетманомъ Самойловичемъ выходцами съ правой стороны Днѣпра послѣ руины и названо имъ по имени сына его Семіона; жители этого села во многомъ сохранили еще до сихъ поръ свои особенности, отличающія ихъ отъ мѣстнаго населенія.

помню, чтобы онъ когда нибудь бранился или раздражался. Живо представляется мнѣ его величавая фигура: это былъ высокаго роста старикъ, атлетическаго сложенія, съ большой широкой бородой, съ высокимъ лоснящимся челомъ, изрѣзаннымъ глубокими морщинами, съ нависшими густыми бровями, изъ подъ которыхъ глядѣли кроткіе любящіе глаза. До 90 лѣтъ своей жизни онъ былъ еще такъ бодръ, что здоровью его могли бы позавидовать тщедушные юноши новѣйшей формаціи. Чаще всего журилъ меня дѣдушка лѣтомъ, не видя меня по цѣлымъ днямъ. Да и какъ его усидѣть въ комнатѣ? По утру, едва продерешь глаза, какъ и былъ таковъ. На улицѣ подъ заборомъ ожидали меня пріятели, съ которыми я нерѣдко дѣлился и своимъ завтракомъ. Любимыя мѣста нашихъ дѣтскихъ игръ: садъ, замокъ и оболонье—тамъ меня обыкновенно и находила мать, вернувшись домой изъ лавки.

— Ледащо нашъ Михайло! твердилъ вѣчную свою пѣсню старый ворчунъ, а я слушалъ, какъ Васька-котъ у Крылова, понуривъ голову, и наровилъ только, какъ бы, подкрѣпивши силы, снова улизнуть на улицу, захвативъ съ собой какой нибудь блинъ, намазанный саломъ, или краюху хлѣба для своихъ голодныхъ друзей, ожидавшихъ меня подъ воротами.

Но быстро проходитъ веселое лѣтечко; наступаетъ скучная осень и еще скучнѣйшая Филипповка, когда, по словамъ моей слѣпенькой бабушки, „молоко и сметана полизли на дуба“. За осенью, обычной своей колеей, слѣдовала сѣдая чародѣйка зима, съ своими вьюгами и мятелями. Вылазки мои прекращались надолго. Выскочишь на дворъ, повозишься съ полчаса съ крынджолами (салазки) да „трушкомъ у хату“, къ дидусю на теплую лежанку. Въ эти длинные зимніе вечера (въ счастливѣйшіе годы моего дѣтства, пока не постигло насъ великое семейное горе, повлекшее за собой совершенное разореніе), къ намъ частенько приходилъ кто нибудь изъ родственниковъ—провесть вечеръ въ душеспасительныхъ бесѣдахъ съ дѣдушкой, а я все слушалъ и наблюдалъ своимъ дѣтскимъ умомъ, сидя подлѣ дѣда на теплой лежанкѣ. Тутъ нерѣдко читались Четьи-Минеи или Печерскій патерикъ. Чтеніе прерывалось обильными комментаріями дядюшки Никиты Гавриловича Згутницкаго, великаго книжника, вступавшаго иногда въ жаркіе богословскія пренія съ

раскольниками изъ Стародубья—Григоріемъ Москалемъ и Нестеромъ Меркуловымъ. Подъ вліяніемъ благочестивыхъ бесѣдъ, воображеніе мое настраивалось на тонъ чудеснаго и сверхъестественнаго, такъ что на нѣкоторое время я чуть не сдѣлался маленькимъ мистикомъ; а страшныя сказки слѣпой Васи про вѣдьмъ, домовыхъ, вовкулакъ и другую погань—довершили мое эстетическое образованіе, разстроивъ нервы и поселивъ въ душѣ такой суевѣрный страхъ, что я ни на одну минуту не могъ остаться одинъ въ темной комнатѣ. Иногда, пробужденный страшнымъ сновидѣніемъ, я ощупывалъ руками дѣда и своимъ плачемъ прерывалъ старческій сонъ его. И все таки, несмотря на такой страхъ, слушать волшебныя сказки было для меня неизъяснимымъ наслажденіемъ: изъ за нихъ я забывалъ и сонъ, и пищу.

Отрѣшаясь такимъ образомъ отъ окружавшей меня дѣйствительности, я съ раннихъ лѣтъ привыкалъ жить поэзіей вымысловъ, принимая мечту, порожденіе собственной фантазіи, за существенность. Справедливо кто то замѣтилъ, что тотъ, кто въ дѣтствѣ былъ убаюканъ волшебными сказками, во всю жизнь не отрезвится.

По замѣчанію эстетиковъ, чувство прекраснаго врождено каждому человѣку, но у одного оно проявляется сильнѣе, у другаго слабѣе, смотря по тому, какіе предметы окружаютъ наше младенчество, какими стремленіями волнуется наше воображеніе въ юности, какими, наконецъ, склонностями зрѣлый возрастъ завершилъ образованіе нашей духовной природы. Мое дѣтство вращалось въ очарованномъ кругу вымысловъ,—я жилъ въ мірѣ призраковъ. Чѣмъ сильнѣе тѣснила меня грубая среда, тѣмъ чаще уходилъ я мыслію въ область фантастическаго міра: я бредилъ одними чудесами.

Уродливость такого воспитанія не преминула обнаружиться во всей своей силѣ. Воображеніе и чувство, питаясь и развиваясь на счетъ разсудка, породили во мнѣ неисправимую мечтательность и ту нервную впечатлительность, которыя легли въ основу моего характера, сдѣлавшись причиной многихъ увлеченій и необдуманныхъ поступковъ, что немало вредило моей практической дѣятельности. О, какъ много дѣлаетъ дѣтямъ зла этотъ сказочный міръ съ его прекрасными спящими царевнами!...

Съ другой стороны, въ первоначальномъ моемъ воспитаніи весьма важную роль играло непрерывное сближеніе съ природой, чему

такъ много содѣйствовало привлекательное мѣстоположеніе моей родины. Оно то, это сближеніе, и послужило противувѣсомъ тому одностороннему мистическому направленію способностей, которое, подъ вліяніемъ Четь-Миней и волшебныхъ сказокъ слѣпой Васи, несомнѣнно привело бы меня къ монастырю или къ желтому дому, что и случилось съ нѣкоторыми изъ моихъ сверстниковъ впослѣдствіи... То, что слышишь и видишь въ дѣтскомъ возрастѣ, врѣзывается въ умъ и служитъ основой нашихъ мыслей до конца жизни.

Съ самаго ранняго дѣтства я полюбилъ природу беззавѣтною, безотчетною любовью; въ ней одной находилъ я отраду, забывая тяготы своего существованія. Она — кормилица пріютила меня на своемъ материнемъ лонѣ, сохранивъ въ душѣ невинность, простоту и воспріимчивость, на зло окружавшей меня пошлости и грубости.

„Безсознательно для человѣка, говоритъ Гумбольдтъ, рано сливается въ немъ то, что отражала въ душѣ его окружающая его природа, съ тѣмъ, что глубоко и свободно вкоренилось въ его первоначальныхъ наклонностяхъ, въ его внутреннихъ духовныхъ силахъ“.

Живописная мѣстность моего роднаго города весьма благопріятствовало зарожденію въ душѣ неизмѣнной любви моей къ природѣ [1]), Городъ лежитъ на Деснѣ, а домъ нашъ находился почти на берегу ея, подъ Замкомъ. За рѣкой разстилаются зеленые луга, изрѣзанные въ разныхъ направленіяхъ проточными рѣчками: Липовкой, Вытью, Прыжкомъ, съ безчисленными озерками, поросшими ситнякомъ и осокой—приволье дикихъ утокъ. Лѣтъ 50 тому назадъ эти луга, почти на половину заросшіе лозой, представляли картину первобытной природы: воды кишѣли рыбами и раками, заросли—птицей, въ непроходимыхъ дебряхъ водились волки, лисицы и зайцы. Въ нынѣшнихъ голыхъ сѣнокосныхъ пространствахъ не осталось ни образа, ни подобія прежняго приволья. Съ сѣверовостока луга окаймлялись чернѣющей полосой сосноваго лѣса, теперь уже совершенно истребленнаго, а въ половодье заливались водой, образуя огромный бассейнъ верстъ на десять въ ширину, безъ конца въ длину. Туда то меня всегда влекло неудержимо. Вода всегда производила на

---

[1]) Проѣздомъ черезъ Новгородокъ въ Таганрогъ, въ 1825 году, Александръ I, любуясь изъ за Десны на городъ, сказалъ: „да это въ миніатюрѣ Кіевъ!“

меня чарующее впечатлѣніе. Люблю я, за одно съ Аксаковымъ, мысленно переноситься

На свои родныя воды,
На просторъ степныхъ луговъ
И въ свои былые годы...

То, что Гарибальди сказалъ о морѣ, можно отнести къ моей любимицѣ Деснѣ: „если человѣкъ растетъ на берегу моря—онъ въ него влюбляется. Послѣ разлуки съ нимъ, онъ встрѣчаетъ его какъ любимаго человѣка".

Но мнѣ не нравится море съ его безбрежною далью. Не люблю я и широкихъ быстрыхъ рѣкъ: меня пугаетъ ихъ негостепріимная пучина. Но я не могу оторваться отъ маленькихъ рѣчекъ, поросшихъ очеретомъ и лопухомъ, съ ихъ тихими заводями и омуточками, съ наклонившимися къ водѣ кустами.

О, знакомая картина моего дѣтства! Высоко въ небѣ стоитъ солнце. Жаркій іюльскій воздухъ напоенъ ароматомъ луговыхъ травъ и цвѣтовъ. Въ зарослякъ подъ лозой конопится рыбалка съ своимъ длиннымъ сакомъ. Вверху, надъ водою, мелькая ослѣпительной бѣлизной своихъ крыльевъ, летаетъ голодная крячка и зорко слѣдитъ за играющей на поверхности рыбешкой, и вдругъ, съ быстротой пули, падаетъ внизъ—хватаетъ верховодку и опускается съ своей добычей въ ситнякъ... Вонъ и охотникъ, въ потѣ лица ползущій въ густой травѣ подъ утокъ, и летающая надъ нимъ съ жалобнымъ воплемъ чайка, и дерущій, что есть мочи, горло, скрытый въ камышахъ деркачъ...

И тутъ, пріютившись гдѣ нибудь подъ кустомъ, сидишь бывало съ удочкой, не сводя глазъ съ поплавка, а пестрые горбачи—окуни такъ и снуютъ стаями, ища убѣжища отъ палящихъ лучей солнца подъ широкими листьями лопуха.

Степное мѣсто безъ воды—для меня пустыня, охватывающая душу ужасающей тоской. Мнѣ всегда становится не по себѣ среди безводныхъ жаркихъ равнинъ. Любимый мною видъ: небольшіе пригорки, окаймленные лѣсомъ: внизу—зеркало пруда или рѣчки съ мельницей...

Ни въ одну весну, когда вскрывалась рѣка и спирался у пристани ледъ, я не пропускалъ случая полюбоваться съ Замка на плы-

вущія съ шумомъ и трескомъ льдины. „Въ шумѣ родной рѣки, сказалъ гдѣ то Лермонтовъ, есть что то схожее съ колыбельною пѣснію“. Никто не нарушалъ безмолвнаго созерцанія этой величественной картины пробудившейся отъ долгаго сна природы.

А въ дождливую и бурную осень забьешься бывало куда нибудь на чердакъ, на сѣновалъ или въ расщелину обрыва, закутаешься въ свой заячій тулупчикъ и просидишь такъ цѣлые часы, прислушиваясь къ сердитому свисту вѣтра и къ шуму крутящихся листьевъ.

Любовь къ природѣ, со всѣмъ ея безчисленнымъ населеніемъ—летающимъ, ползающимъ, прыгающимъ, жужжащимъ и поющимъ—сказалась во мнѣ въ самомъ раннемъ возрастѣ. Излюбленнымъ мѣстомъ нашихъ ребяческихъ экскурсій былъ Замокъ, съ его буграми и провальями. Преданье гласитъ, что подъ этой горой есть подземные ходы, гдѣ зарыто множество кладовъ. Находились и искатели оныхъ; но послѣ того, какъ одного изъ нихъ засыпало землей, никто болѣе не отваживался лѣзть въ подземелье. Мы часто бросали камни въ это страшное провалье, гдѣ, по общему убѣжденію моихъ сверстниковъ, жилъ змѣй о 20 головахъ. На Замкѣ я проводилъ большую часть лѣта, гоняясь за разноцвѣтными мотыльками, жучками, саранчой и другими проворными насѣкомыми. Изловивши ихъ порядочное количество, я обыкновенно выкапывалъ въ саду квадратный погребокъ, накрывалъ его сверху стекломъ и, заключивъ туда своихъ плѣнниковъ, по цѣлымъ часамъ наблюдалъ за ихъ движеніями, стараясь угадать, что они думаютъ и о чемъ между собой перешептываются, шурша своими крылышками. Меня сильно занимало такое насильственное смѣшеніе живыхъ созданій, у которыхъ отнята ихъ родная сфера и которыя всѣ, по моей прихоти, должны были дышать однимъ и тѣмъ же воздухомъ. Долго оставались мои узники въ этой темницѣ; я все ждалъ, что за недостаткомъ пищи, они начнутъ пожирать другъ друга, но, не дождавшись этого, давалъ имъ свободу.

То же самое зимой продѣлывалось съ птичками. Окнами наша комната выходила въ садъ. Устроивъ, съ помощію Ѳедора Красненькаго, ловушку изъ обруча, обтянутаго сѣткой, и привадивши снигирей, чечотокъ, овсянокъ и другихъ пернатыхъ, я ставилъ свой не-

хитрый аппаратъ, подпиралъ его палочкой, къ которой привязывался длинный снурокъ, проведенный въ комнату, и потомъ, сидя въ теплѣ, наблюдалъ черезъ окно за движеніями птичекъ, пока они не подойдутъ подъ сѣтку. Изловивъ ихъ такимъ образомъ порядочное количество, налюбовавшись ими досыта, при первой случившейся оттепели, я выпускалъ ихъ на волю. Мысль о лишеніи этихъ воздушныхъ странниковъ ничѣмъ незамѣнимой для нихъ свободы, какъ видно, не входила въ мою дѣтскую башку и превышала мои понятія.

Подъ конецъ Филиппова поста, съ великимъ нетерпѣніемъ ожидались нами рождественскіе праздники, обильные разными развлеченіями и лакомыми яствами. По вечерамъ обыкновенно собирались ближайшіе родственники то въ одномъ, то въ другомъ домѣ. Шли они въ гости цѣлыми семействами, со всѣми чадами и домочадцами. По старосвѣтскому обычаю всѣмъ гостямъ дѣти хозяина должны были „давать чоломъ“, т. е. цаловать руку, а иногда и говорить вирши. Довольные „звичайненькимъ хлопчикомъ“, гости гладили его по головкѣ и дарили ему на орѣхи,—кто грош, а кто и цѣлаго пятака. Затѣмъ, когда начиналось потчиваніе гостей, дѣти удаляемы были въ особое помѣщеніе, большею частію на кухню. Любимѣйшимъ препровожденіемъ времени у насъ были очередные разсказы про разные необычайныя событія изъ области суевѣрій народныхъ, которыми, какъ я имѣлъ случай замѣтить выше, заражены были не одни дѣти, но и взрослые. Каждый изъ насъ, наперерывъ одинъ передъ другимъ, спѣшилъ разсказать свое, и Боже мой, о чемъ тутъ не говорилось!

И какъ дядюшка Хома Темный, идучи пьяненькій по Нечаевой улицѣ, наступилъ на клубокъ, какъ этотъ клубокъ началъ самъ собою кататься и подпрыгивать, подбиваясь подъ ноги дядюшки, который отъ того нѣсколько разъ падалъ и разбилъ себѣ до крови лобъ, какъ этотъ клубокъ превратился наконецъ въ женщину-вѣдьму, при чемъ завязались жаркіе споры: была ли то Жучиха или Трясобородка — первѣйшія знаменитости города по части ночныхъ похожденій.

Какъ кожемяка Тарелка поймалъ вѣдьму, доившую у него на дворѣ корову. И какъ старый Правосудъ (который и самъ имѣлъ въ носу муху) схватилъ за переднія лапы бѣлую сучку, облаившую его сзади за шею съ цѣлію задушить его,—да принесши ее въ домъ,

отрубилъ ей переднія лапы, а на другой день весь городъ узналъ, что на Заручьѣ одна женщина оказалась безъ рукъ.

Какъ рыбалка Ховрычъ, отправившись на всю ночь съ сѣтью за Десну, познакомился съ водяными; одного изъ нихъ поподчивалъ табачкой, а вѣжливый чортяка поднесъ ему чарку горѣлки, отъ которой Ховрычъ проспалъ цѣлые сутки.

Ка́къ до купчихи Сорочихи летаетъ въ трубу огненный змѣй и носитъ ей червонцы... Ка́къ другой дядюшка Микита Гавриловичъ встрѣтилъ въ лѣсу пасѣчника-колдуна, который, пошептавши надъ яблокомъ, изъ краснаго превратилъ его въ черное, какъ уголь, а пошептавши вторично, изъ чернаго сдѣлалъ опять краснымъ. Какъ этотъ страшный человѣкъ, обиженный острымъ словцомъ, которое позволилъ себѣ сказать при этомъ старшій сынъ Никиты Гавриловича Максимъ, подарилъ сему юношѣ складной ножикъ, которымъ онъ, спустя два года, закололся въ припадкѣ меланхоліи.

Ка́къ и отчего разбогатѣлъ булочникъ Нечипоръ, ка́къ онъ ѣздилъ на мельницу для свиданія съ нечистыми, не ходилъ никогда въ церковь, не исповѣдывался и не причащался... и для чего онъ бросалъ подъ мельничное колесо надѣванную имъ на Пасху сорочку.

Ка́къ разбойникъ Гаркуша подъѣхалъ ночью къ богатому Зимаку, жившему на Кручѣ, и, сжаривъ его, какъ карася, на большой сковородѣ, въ ту же ночь повѣнчался съ его красавицей дочкой въ Покровской церкви, а потомъ, забравши въ приданое все имущество изжареннаго тестя, на разсвѣтѣ ускакалъ въ свой недоступный притонъ—въ лѣсъ, за Десну (лѣса же эти въ старину тянулись до самаго Брянска).

Изъ многаго множества выслушанныхъ мною въ дѣтствѣ сказокъ особенно врѣзалась мнѣ въ память одна: про вѣдьму, которая позавидовавъ на дорогіе перстни богатой покойницы, въ глухую полночь отправилась на кладбище, и принесши домой отрѣзанныя руки, принялась ихъ варить въ горшкѣ для того, чтобы снять съ пальцевъ золотыя кольца. Сказку эту съ особеннымъ искусствомъ умѣла разсказывать слѣпая Вася, весьма эффектно поя басомъ пѣсню, которую въ сказкѣ поетъ вставшая изъ могилы покойница, стоя подъ окномъ вѣдьминой хаты и смотря на ея каннибальскую работу:

И куры сплять, и гуси сплять,
Одна моя кума не спить:
Бѣлы руки въ горшкѣ варить
Золоты перстни изнимаеть.

Какъ страшенъ и какъ поэтиченъ былъ разсказъ про вѣдьму Жучиху, когда она въ ясную лунную ночь разгуливала по улицамъ спящаго города, распустивъ по плечамъ свои черныя патлы, въ бѣлой сорочкѣ, расхристанная, съ блѣднымъ лицомъ и сверкающими фосфорическимъ блескомъ глазами! Горе тому, съ кѣмъ она встрѣтится! Собаки, завидя ее, не лаютъ, а дрожа отъ страху, съ жалобнымъ воемъ спѣшатъ укрыться въ свои конуры. (За исключеніемъ, впрочемъ, „ярчуковъ“, щенковъ первенцевъ, не боявшихся вѣдьмъ). Рѣдкій смѣльчакъ отваживался пройти по городу ночью, кромѣ развѣ пьяныхъ, которымъ, по пословицѣ, и море по колѣна; за то имъ никогда не проходила даромъ такая безшабашная удаль; да одни они и разсказывали, въ назиданіе дѣтямъ, о случившемся съ ними. Самые обыкновенные предметы, на которые днемъ никто не обращаетъ вниманія, ночью, подъ вліяніемъ суевѣрнаго страха, принимаютъ особенный видъ: съ ними происходятъ такія метаморфозы, какихъ и Овидій не могъ придумать: встрѣтится ли бѣлая собака, кошка, свинья, лошадь—все это одна и та же вѣдьма, принимающая различные образы, чтобы сильнѣе отуманить и безъ того темный умъ невѣжды и сдѣлать ему какую нибудь пакость.

И до сихъ поръ (хотя не въ такой степени) подобная чертовщина господствуетъ надъ умами моихъ земляковъ. Иной молодецъ не вѣруетъ въ Бога, а слѣпо вѣритъ въ существованіе вѣдьмъ и колдуновъ. Днемъ ни Бога не боится, ни людей не стыдится, а ночью осмѣливается пройти улицу не иначе, какъ набравшись храбрости изъ зеленой скляницы.

Если вліяніе окружающей насъ среды бываетъ неизбѣжно въ возрастѣ зрѣломъ, когда въ человѣкѣ окончательно установятся и окрѣпнутъ твердые принципы, регулирующіе различныя функціи его дѣятельности, то въ дѣтскіе годы, когда воспріимчивость бываетъ сильнѣе, вліяніе это еще неизбѣжнѣе; тѣмъ не менѣе въ природѣ каждаго индивидуума есть что то такое, что не поддается вліянію среды даже въ этомъ возрастѣ.

„Каждый характеръ ассимилируетъ себѣ изъ окружающаго міра то, что ему сродно, и отбрасываетъ все... ему несродное: подобно растенію, вбирающему въ себя изъ земли и воздуха только тѣ элементы, которые питаютъ его, и не трогаетъ тѣхъ, которые ему негодны въ пищу“. Льюисъ.

Но обратимся снова къ рождественскимъ праздникамъ.

Пріемъ гостей не ограничивался обильными яствами и возліяніями въ честь Бахуса. Когда гости находились уже въ нѣкоторомъ подпитіи, въ собраніе врывалась толпа ряженыхъ со звѣздою или козою и гости терпѣливо выслушивали обычную пѣснь о томъ, какъ „волсви со звѣздою путешествуютъ“; смотрѣли осовѣлыми глазами и на самую звѣзду, быстро вертящуюся и освѣщенную сзади сальными огарками, подъ громогласное завываніе шевцовъ, кравцовъ и шаповаловъ. Хохотали до упаду не только малые, но и старые надъ козою, топавшею по полу огромными сапожищами, при чемъ пѣлась всегда одна и та же пѣсня: „Ой ты, коза, ой ты госпожа!“

Для вящей потѣхи гостей, однажды случилась презабавная исторія. Постучался кто то въ ставню.

— Кто тамъ?—Я.—Кто ты?—Климъ!—Чего тебѣ?

— Позвольте козу пустить!

Позволеніе дано. Въ комнату вошли всего двое; Климъ—нашъ сосѣдъ портной, да коза. По окончаніи „приставленія“ Климу поднесли водки и спросили шутливо: „може й коза твоя выпье чарку? Кто у тебя за козу?“

— А жонка, отвѣчаетъ невозмутимо Климъ.

И гости, подобно олимпійцамъ, смѣхъ несказанный воздвигли. А забавникъ на своемъ жаргонѣ продолжаетъ:

„Сядимъ собѣ съ жонкою удвохъ у хати. Добрые люди гарѣлку пьютъ, по улицамъ расхажуютъ, а мы, ради праздничка святого, сядимъ якъ у вострози. Отъ я й кажу: А ну, Кулыно, выворачуй кожухъ да ходѣмъ казу пускать! Взяли тай пашли. Вовка, якъ тамъ кажуть, ноги кормять. Ажъ ось, поздоровъ Боже хозяиновъ, и мы празничекъ вспомянемъ“.

Хотя въ подобныхъ зрѣлищахъ нѣтъ ничего эстетическаго, что бы могло сколько нибудь удовлетворить врожденному всѣмъ людямъ чувству изящнаго, но зрѣлища эти доставляли гостямъ

отмѣнное удовольствіе, значитъ, приходились имъ по вкусу, а римляне, у которыхъ, какъ извѣстно, въ театральныхъ зрѣлищахъ тоже было немного вкуса, какъ бы въ оправданіе своего безвкусія, твердили: de gustibus non est disputandum.

Но изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ дѣтствѣ представленій самое сильное впечатлѣніе произвелъ на меня вертепъ.

По свидѣтельству моего товарища по уѣздному училищу Аѳанасія Слищенка, вертепъ появился въ Новгородкѣ въ первый разъ въ концѣ прошлаго столѣтія подъ дирекціей воскресенскаго діакона Фотіева, который, купно съ братомъ своимъ пономаремъ и дворяниномъ Богуславскимъ, впервые ознакомили своихъ согражданъ съ этимъ необычайнымъ зрѣлищемъ.

Въ описываемое мною время вертепъ „пускалъ“ Аѳанасій Слищенко, совмѣстно съ Максимомъ Постарнакомъ. Это былъ шкапъ, вышиною аршина въ три, шириной—въ полтора и глубиной не болѣе полуаршина. Во внутренности его устраивалась сцена, составленная изъ двухъ ярусовъ, съ двумя балкончиками вверху. Сцена отдѣлялась отъ зрителей балясникомъ.

Съ наружной стороны шкапъ былъ выкрашенъ зеленою краской, а снутри оклеенъ обоями. Колонки и карнизъ были вызолочены сусальнымъ золотомъ.

Въ каждомъ ярусѣ сцены было по двое дверей, по одной съ каждой стороны, куда входили и откуда выходили дѣйствующія лица. Полъ сцены выложенъ былъ заячьимъ мѣхомъ, скрывавшимъ отъ зрителей продѣланные въ полу ходы для куколъ, приводимыхъ въ движеніе ловкою рукой фокусника Аѳанасія, сидѣвшаго за шкапомъ и наблюдавшаго за своей работой чрезъ маленькую дырочку, просверленную въ задней стѣнѣ вертепа.

Соорудилъ это диво столяръ Потапчукъ; онъ же дѣлалъ и деревянные чурбанчики, которые обшивалъ, по указанію антрепренеровъ, нашъ сосѣдъ Лукьянъ Ерченко.

Во время представленія гремѣла „троиста музыка:“ Бузука-отецъ на контрабасѣ; Бузука-сынъ—первая скрипка, а Трясобородъ—вторая. Вертепъ возили по городу на санчатахъ. Выбравъ домъ побогаче, актеры останавливались у воротъ, посылали къ домохозяину

герольда, который, войдя въ комнату, полную гостей, провозглашалъ во всеуслышаніе:

— Позвольте вертепъ пустить! И, получивъ соизволеніе хозяина, въ припрыжку возвращался съ радостною вѣстью о предстоящей поживѣ.

Вертепъ торжественно вносили въ свѣтлицу и ставили или въ проходныхъ дверяхъ между двумя комнатами, или въ углу свѣтлицы на двухъ стульяхъ, а пустое пространство за вертепомъ, гдѣ помѣщались пѣвцы и музыканты, завѣшивали ташей, такъ что зрители видѣли лишь то, что происходило на сценѣ.

Куклы хранились въ особомъ сундукѣ. За представленіе брали обыкновенно два рубля ассигнаціями, а съ богатыхъ хозяевъ и по карбованцу, что въ тѣ блаженныя времена составляло значительныя деньги.

Самое представленіе состояло изъ двухъ дѣйствій: первое было божественное и происходило въ нижнемъ ярусѣ, а второе, житейское въ верхнемъ. Въ антрактѣ между дѣйствіями, на балконѣ появлялись съ мечами и копьями свирѣпаго вида воины царя Ирода, избившіе виѳлеемскихъ младенцевъ.

Все, что слѣдовало за этими, по моему мнѣнію, необходимыми объясненіями касательно устройства вертепа, изложено въ приложеніи къ этой главѣ и записано со словъ главнаго воротилы театральныхъ зрѣлищъ Аѳанасія Филоновича Слищенка сыномъ его Александромъ въ 1874 году.

Приложеніе къ главѣ JJ.

ВЕРТЕПЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Іосифъ ведетъ осла, на которомъ возсѣдаетъ Богоматерь, съ младенцемъ на колѣнахъ.

Хоръ.

Дѣва днесь пресущественнаго рождаетъ и земля вертепъ неприступному приноситъ и пр.

Марія сходитъ съ осла и садится въ небольшую нишу, знаменующую пещеру, а Іосифъ остается посреди сцены, держа за поводъ осла.

Входятъ два .ангела съ ярко пылающими свѣчами.

Хоръ.

Слава во вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе и проч. затѣмъ:

Днесь Виѳлеемъ воспріемлетъ и проч.

(ангелы уходятъ).

Входятъ два пастуха; у одного въ рукахъ ягненокъ; благоговѣйно склонившись предъ святою Дѣвой, поютъ:

Хоръ.

Нова рада (радость) стала,
Яко въ небѣ хвала,
Надъ вертепомъ звѣзда ясна
Свѣту возсіяла.
Гдѣ Христосъ родился,
Отъ Дѣвы-Маріи воплотился,
Какъ человѣкъ передъ Богомъ,
Передъ нами явился.
Пастухи съ ягняткомъ
Передъ симъ дитяткомъ
На колѣняхъ упадаютъ,
Бога выхваляютъ.
Просимъ тебе, Царю,
Найвышнѣйшему хвалу,
Пошли лѣта всего свѣта
Сему господарю!

(пастухи уходятъ).

Входятъ съ дарами волхвы и покланяются до земли Новорожденному.

Хоръ.

Шедше тріе цари
Ко Христу со дары,
Иродъ ихъ пригласилъ,

Куда идутъ? испросилъ.
Отвѣщаша ему:
„Идемъ къ рожденному“.
—Идите, идите,
И мнѣ возвѣстите,
Да шедъ поклонюся,
Предъ царемъ явлюся,
Отдамъ честь обычну,
Цареви приличну—
Звѣзда идетъ чудно
Съ востокъ на полудне,
Надъ вертепомъ сіяетъ,
Царя-Христа являетъ.

Входитъ ангелъ и, обращаясь къ волхвамъ, говоритъ:

Ангелъ.

Куда идти мыслите? Не къ Ироду ли? Вы его не слушайте, онъ вамъ сказа лукаво, а вы идите направо! Мы ангелы небесные, посланные отъ Бога, вести ваше житейство до небеснаго чертога.

(ангелъ уходитъ).

Хоръ (речитативомъ).

Волсви возвратиша, у Ирода не быша;
Вспять возвратишася, не вотще трудишася.
Пришли въ свои страны, Христа славословятъ:
Спасаяй человѣки на вѣчные вѣки. (волхвы уходятъ).

Іосифу спящу, является ангелъ.

Ангелъ.

Іосифе! возстань отъ сна и бѣжи во Египетъ, ибо царь іудейскій ищетъ убить младенца (уходитъ).

Іосифъ пробуждается и, обращаясь къ св. Дѣвѣ, взываетъ: Маріе! возстань, бери отроча и поѣдемъ во Египетъ! (уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Входитъ Иродъ царь, сопровождаемый воинами.

Хоръ.

Се царь Иродъ идетъ,
За нимъ воинство грядетъ.

Возсѣвъ на тронъ, царь отдаетъ такое приказаніе:

Иродъ.

Вои мои, вои! Садитесь на кони и поѣзжайте во Египетъ, избивайте тамъ младенцевъ всѣхъ мужска пола отъ двухъ до трехъ лѣтъ!

Воины (свирѣпыми голосами).

Мечемъ терзаемъ, тѣло вбиваемъ (трижды) (уходятъ).
Спустя не долгое время, одинъ изъ нихъ возвращается.

Воинъ.

О царю нашъ! Исполненъ приказъ вашъ: всѣхъ младенцевъ мужеска пола избили. Одна Рахиль не даетъ дитя свое убити.

Царь Иродъ.

Поди, приведи ее сюда!

Воины (вводя рахиль).

Поди бабушка, къ царю, а не то списомъ сколю!

Рахиль (падая къ ногамъ ирода).

О царю, помилуй! Одного младенца имѣю и того убиваешь, кровь неповинную проливаешь!

Иродъ.

Воинъ, поведи ее казнить,
Чтобъ не смѣла царя дразнить!

Воинъ подымаетъ младенца на списъ, Рахиль съ визгомъ падаетъ безъ чувствъ.

Хоръ.

За что, за что пролилъ кровь неповинную?

Входитъ ангелъ и говоритъ, обращаясь къ Рахили:

Ангелъ.

Рахиль, Рахиль! возстань: отроча твое будетъ въ царствіи небесномъ, а Иродъ пропадетъ (уходитъ).

На сцену вбѣгаетъ, впрыпрыжку, вертлявый и шустрый бѣсенокъ и кричитъ пискливымъ голосомъ:

Бѣсенокъ.

Тьфу, тьфу! мой пане коханый! Я пришелъ тебѣ виршу сказати, тебѣ очи заплевати. Моя маты прыде—тоби голову зныме, мои браты прыбижять—тебе въ пекло потащять. Тьфу, тьфу, тьфу! (убѣгаетъ).

Иродъ.

Вои мои, вои! станьте передо мной, якъ листъ передъ травой, и не допускайте до мене смерти.

Воины подпираютъ плечами дверь, но она съ трескомъ отворяется и они падаютъ.

Входитъ смерть съ косою. Воины разбѣгаются, оставивъ на сценѣ одного Ирода.

Смерть.

Азъ есмь монахи́ня, всего свита Рахиня: подо мною всѣ страны и всѣ предѣлы. Полно тебѣ, Ироде, царствоваты, пора тебѣ, Ироде, вмираты!

Иродъ.

Увы, увы! какая стала истина! Я думалъ жить безконечно, но приспѣла и моя кончина. Однакъ, еще смерти оберегаться буду, покуда мое царство славно всему люду.

Смерть.

Азъ никогда съ такимъ развратомъ дружбы не видила и въ разговоры не входила. Приди, мой брате! Приди, мой любезный, и предай сего кровопивца отъ земли до самой бездны.

Иродъ.

Преклоняю главу подъ власть твою.

Смерть отсѣкаетъ ему косой голову и уходитъ.

Съ шумомъ и трескомъ на сцену врываются два чорта косматые, съ рогами, съ красными огненными глазами на выкатъ и волокутъ трупъ Ирода вонъ, приговаривая:

Черти.

Амицами, амицами (amice mi) зъ желѣзными рукавицами!

А изъ за кулисъ слышится: у у! какъ берутъ! у у! какъ гребутъ.

Входятъ дѣдъ и баба.

Дѣдъ (шамкая).

Отъ теперъ, бабусенько, година настала, якъ царя Ирода не стало: отъ теперенька мы съ тобой и потанцюемо.

Баба.

О прескурвый дидуга! Якъ прыде москаль, якъ дасть тоби щовчка, то будешъ знаты, якъ танцюваты.

Дѣдъ

О превража бабо! да нехай же-но зайграютъ!

Хоръ (подъ музыку).

Ой пидъ вишенькою,
Пидъ черешенькою
Стоявъ старый изъ старою,
Якъ изъ ягидкою.
И просылася,
И молылася:
Пустыжъ мене, старый диду,
На улыцю погулять.
Я й самъ не пійду,
И тебе не пущу и прич.

Входитъ москаль и прогоняетъ чету.

Москаль.

Прочь, прочь, старое лубье. Здѣсь не вамъ танцювать, а господамъ.

Входятъ—съ одной стороны кавалеръ во фракѣ, а съ другой дама въ робронѣ; называютъ другъ друга по имени-отчеству и танцуютъ. За ними входитъ другая пара, потомъ третья и т. д. до семи паръ.

Входитъ запорожецъ, съ большущимъ оселедцомъ (хохломъ), съ булавой и рекомендуется публикѣ.

Запорожецъ.

Здраствуйте, господа! вотъ и я пришолъ къ вамъ сюда. Имя мое—авловержитель, всѣхъ дѣйствій предсказатель и приказыватель. Грай, музыко, возъ рыбы дамъ!

Музыка играетъ, запорожецъ танцуетъ; затѣмъ начинаетъ звать жида:

Жиде, прескурвый сыну! несы горилки!

Жидъ вноситъ бочонокъ съ водкою; запорожецъ прикладывается къ бочонку и потомъ, отплевываясь, бьетъ жида булавой. Жидъ кричитъ: гвултъ! и падаетъ мертвъ. На крикъ его прибѣгаетъ жидовка; запорожецъ убиваетъ и ее; потомъ, уходя со сцены, говоритъ: тьфу, якъ навонялы!

Вбѣгаютъ черти и выволакиваютъ трупы.

Входятъ цыганъ и цыганка.

Цыганъ.

Чхавъ бурдочки! начхавъ бурдочки! Наша маты не вмирала! (поетъ):

За Татьяну симь кипъ давъ,
Бо Татьяну сподобавъ;
За Марусю пьятака,
Бо Маруся не така!

Цыганочка, коханочка! Гей сюды, моя жоночка!

Цыганка.

Чого жъ, чого, мой цыгане?

Цыганъ.

Ой дежъ ты була, моя чорнобрива?

Цыганка.

На базари була,
Пять кошиковъ продала,
Пять кипъ узяла.

Цыганъ.

А я теперо коней проминявъ, 25 рубливъ узявъ. Нехай же намъ заграютъ (танцуютъ).

Входитъ запорожецъ и прогоняетъ цыганъ.

Входитъ попъ:

Попъ.

Полно тебѣ, козаче, гуляты, пора тоби, козаче, свои грихи сказаты!

Запорожецъ.

Грихи? Що жъ, батюшка! жидивъ побивъ, цыганъ побивъ: исповидуюсь тоби душою и серцемъ.

Попъ.

Ничого! дай тилько мени три копы грошей—я за тебе уси грихи одмолю.

Запорожецъ.

Эге, да ты, бачу, батюшко, не сповидаешъ, а тилько зъ кишени гроши выймаешъ. (Бьетъ его булавой).

Вотъ тебѣ запорожская плата! Вотъ тебѣ запорожская плата!

(Попъ уходитъ).

Грай, музыко, возъ рыбы дамъ! (танцуетъ).

На сцену вползаютъ двѣ страшенныя гадюки. Запорожецъ отбивается отъ нихъ булавой, но онѣ жалятъ его и онъ падаетъ.

Входитъ баба-знахурка.

Знахурка.

А що, козаче, докозаковався, що въ штаняхъ и учкуръ порвався! Я баба-шопотуха, отъ Святого Духа, що въ кишени то—мени, що въ животи—то тоби! (трижды).

Запорожецъ медленно подымается.

Запорожецъ.

О дай же, Боже, моя бабусенько, тоби здоровья, що ты мене одъ смерти слобоныла! Я жъ тоби за сее дамъ запорожьскую плату: (Бьетъ ее булавой). Вотъ тебѣ запорожская плата! Вотъ тебѣ запорожская плата! (уходитъ).

Входитъ пышно разодѣтый гетманъ, въ сопровожденіи жида.

Хоръ.

Ой у пана, пана,
У пана Гетмана
Въ пятницу нерано.
Якъ поихавъ панъ Гетманъ
До жида на шабашъ:
„Здоровъ, здоровъ, жыде,
Прескурвый ты сыну
Ой сказалы про жыда,
Що въ жыда грошей богато“.

Жидъ.

Але жъ мій Гетмане! Дежъ вы чувалы, дежъ вы бачылы, щобъ у жыда да було грошей богато? Есть у мене еднисенька копіечка, та й та щербата, валяется у столовци.

Хоръ.

Ой ты мальчикъ маленькій!
Подай лучокъ тугенькій,
Пробьемъ, пробьемъ жида,
Прескурваго сына!

Вбѣгаетъ мальчикъ (козачокъ) и бьетъ жида.

Жидъ.

Ой вей миръ! За щожъ намъ, пане, битьця, лучше намъ помиритьця. Есть у мене гроши-червинцы, ще батькивски.

Хоръ.

Ой у пана, пана, у пана Гетьмана и проч.
А сказали про жида,
Що у жида кони хороши.

Жидъ.

Дежъ вы чувалы, дежъ ви видалы, щобъ у жида булы кони хороши. Есть у мене кони—слѣпые, хромые, кривые, для васъ негодные.

Хоръ.

Ой ты мальчикъ маленькій!
Подай лучокъ тугенькій,
Пробьемъ, пробьемъ жида и проч.

Жидъ.

Годи жъ намъ, пане, битьця, лучше помиритьця. Есть у мене кони хорошіе.

Хоръ.

Ой у пана, пана и проч.
А сказали про жида
Що у жида жинка хороша.

Жидъ.

Дежъ вы, пане, бачилы, дежъ вы чулы, щобъ у жида та була жинка хороша? Есть у мене жинка, слипая, поганая, та й та за печкой сыдыть, дурно хлиба исть.

Хоръ.

Ой ты мальчикъ маленькій и проч.

Жидъ.

За що жъ намъ, пане, биться, лучше мириться: есть у мене жинка Сурочка, ай gut! а дочка ще краща. „Сура, Сура! лизь зъ печи скоро! Лейзере, Лейзере кумере штубе!“

Входитъ жидовка съ дочкою. Гетманъ приказываетъ всѣмъ имъ танцовать.

Жидъ.

Ой пане, пане, сёгодни у насъ сабашъ.

Гетманъ.

Танцуйте, я приказываю (жиди танцуютъ). Поцѣлуйтесь! (жиды цалуются).

Жидъ (уходя).

Позалуйте, пане, до насъ на цай, на водку! (уходятъ).

Входитъ служивый.

Служивый.

Здраствуйте, господа! Вотъ вамъ служивый молодецъ: былъ бомбандиромъ—пушки качалъ, колеса мазалъ, заслужилъ себѣ чипъ господина прахвоста!

Входитъ жена служиваго.

Жена.

А вотъ и я тутъ—прахвостова жена, пани Хвеська! Не буду подати платыть!

Служивый.

А, здорово, здорово, моя Хвесечка! Давно жъ мы съ тобой не бачились (цалуются).

Музыка играетъ, прахвосты танцуютъ (уходятъ).

Входитъ пьяница Хома.

Хома.

Оце я, мосцѣпанове, Хома, що у мене на голови волосся нема; а бувъ одынъ космокъ, да й той у пылыповку коло грубы спёкъ. А штанивъ затымъ не маю, що добре горилку кусаю. А ще жъ на мене люде казалы, що я велыкый сердюкъ, а я по зимности сей зогнувся у крюкъ. Дайте жъ мени чарку горилкы?

Примѣчаніе: У Хомы во рту было перышко, проходившее черезъ всю его фигуру подъ сцену и незамѣтно сообщавшееся со

ртомъ машиниста-фокусника. Когда Хомѣ подносили водку, то онъ выпивалъ всю рюмку, а если, потѣхи ради, въ рюмку наливалась вода, то Хома выплевывалъ ее обратно на зрителей, что чрезвычайно забавляло дѣтей.

На сцену, по уходѣ Хомы, въѣзжаетъ верхомъ на козѣ Антонъ, а за нимъ идетъ жена, подгоняя козу.

Хоръ.

Антонъ козу веде,
Антонова коза не йде и пр.

Входитъ шинкарка.

Шинкарка.

А що визмешъ за козу?

Антонъ.

Чотыры карбованци.

Шинкарка.

Возьмы тры.

Сторговались наконецъ за три съ полтиной и пошли пить могорычъ, оставивши козу. Прибѣгаетъ волкъ и тащитъ козу, коза кричитъ мээ! Публика хохочетъ.

Возвращается Антонъ, а козы чортъ мае. Антонъ горько плачетъ:

Входитъ Савочка съ кошелькомъ, а за нимъ запорожецъ съ булавой, которой онъ подталкиваетъ его сзади, приговаривая. проси! проси!

Савочка.

Я Савелій, человѣкъ веселій, та ще къ тому и убогъ, а кто подаритъ, да спасетъ того Богъ! (Ему бросаютъ въ кошелекъ деньги, а онъ добавляетъ: На звонъ, на клепало, що вкынулы, то пропало! (уходитъ).

Входитъ генералъ, а за нимъ солдатъ.

Генералъ (къ солдату).

Поди скажи, пусть подаютъ пушку!

Солдаты вкачиваютъ на сцену пушку. Раздается выстрѣлъ.

Хоръ поетъ: многая лѣта e finita la comedia.

Иногда, послѣ представленія, изъ за кулисъ выходилъ самъ антрепренеръ и декламировалъ стихъ:

За горами, за долами.
Бонопартъ съ москвичами
Вздумалъ поиграть:
Онъ въ Москву къ нимъ притащился
И игрой своей хвалился—
Славный играчокъ!
„Нутко, русски игроки!
Давай играть въ дураки!“ и пр.

М. К. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Судъ и казнь Григорія Самойловича.[1]

Малороссійская старшина въ челобитной своей великимъ государямъ о низложеніи Ивана Самойловича съ гетманскаго уряда „за его къ великимъ государемъ измѣны, а къ нимъ, старшинѣ, и войску и ко всему народу малороссійскому за многія обиды, и тягости и разоренія“, между прочимъ, просила „дѣтей и совѣтниковъ гетмана отъ чиновъ, которые они у себя имѣли отставить“. Въ отвѣтъ на это челобитье въ царской грамотѣ на имя князя В. В. Голицына предписано ему какъ дѣтей гетмана, такъ и его ближайшихъ совѣтниковъ захватить и держать подъ карауломъ. Самъ гетманъ и сынъ его Яковъ были уже въ рукахъ Голицына; оставалось поймать другаго старшаго сына, Григорія, полковника черниговскаго, который въ это время съ своимъ и другими козацкими полками былъ въ Запорожьѣ. Вотъ какъ доносилъ Голицынъ въ Москву объ исполненіи порученнаго ему дѣла.

„Іюля въ 23 д. писалъ я въ Запороги къ товарищу моему, окольничему и воеводѣ Леонтью Романовичу Неплюеву, чтобъ онъ, по вашему, великихъ государей, указу, будучи на службѣ съ полкомъ въ Запорогахъ, сына гетманскаго, черниговскаго полковника Гришку, и переяславскаго полковника Леонтья Полуботка да Ѳедора Сулима изъ казацкихъ полковъ принялъ къ себѣ въ полкъ и держалъ ихъ у себя въ обозѣ за крѣпкимъ карауломъ, въ великомъ береженіи, чтобъ они не ушли и казаки ихъ не побили бъ; а того смотрѣлъ бы и берегъ накрѣпко, и

[1] Москов. Арх. М. Ю. Разрядный Пр., Сѣвскій ст., столбецъ № 8739.

всякими мѣры остерегалъ, чтобъ въ казацкихъ полкахъ и въ Низовомъ войскѣ замѣшанія какого и бунта не учинилось; а полки: черниговскій и переяславскій приказалъ вѣдать наказнымъ полковникамъ, кого тѣхъ полковъ старшина и казаки между себя выберутъ; и сказалъ всѣмъ полковникамъ и казакамъ городовымъ, и охочимъ компанейнымъ и сердюцкимъ пѣшимъ вашъ, великихъ государей, указъ, чтобъ они были съ нимъ, окольничимъ, на вашей, великихъ государей, службѣ въ Запорогахъ, а до вашего указа съ службы не ходили. А также объявить тѣхъ полковъ старшинѣ и казакамъ, что какія имъ были отъ бывшаго гетмана тягости, а именно, аренды, и тѣ тягости отставлены и новому гетману въ статьяхъ будутъ подкрѣплены, что имъ впредь не быть, и они бъ въ томъ были надежны. Да и отъ себя я писалъ листы на кошъ къ кошевому атаману, ко всему войску низовому и во всѣ бывшіе на Низу, объявляя имъ вашъ, великихъ государей, указъ объ отставкѣ гетмана Ивана Самойлова за его измѣны, обнадеживая ихъ вашей государской милостью и увѣщавая и укрѣпляя ихъ въ службѣ всякою вѣрностію и постоянствомъ. Августа въ 9 д. писалъ ко мнѣ окольничій Л. Р. Неплюевъ, что іюля въ 30 д. явились къ нему въ урочище у Никитина Рога бѣлогородецъ Иванъ Масловъ да полтавскаго полка товарищъ Леонтій Черняк и подали мою отписку; но Григорья Самойловича уже при немъ не было: прежде пріѣзда Маслова съ отпиской, Григорій Самойловичъ, узнавши о взятьѣ своего отца, со всѣми казацкими полками, сильно поссорившись съ нимъ, Неплюевымъ, и забунтовавъ, пошелъ по Кодацкой дорогѣ, а ему взять его было невозможно, потому что вѣдомости объ отставкѣ гетмана не было. Получивъ отписку, Неплюевъ послалъ Леонтья Черняка въ Запороги для объявленія объ отставкѣ гетмана въ низовомъ войскѣ кошевому атаману и всему войску, а войска запорожскаго къ городовымъ, компанейнымъ и сердюцкимъ полковникамъ и старшинѣ послалъ Ив. Маслова да путивльца Ивана Щекина, а велѣлъ имъ листы во всѣхъ полкахъ прочесть въ слухъ и раздать по полкамъ, а самимъ быть у Григорья Самойлова для его береженья неотлучно и того смотрѣть накрѣпко, чтобъ отъ него не уросло

какое дурно и въ войскѣ смятенія не было; да съ ними жъ писалъ къ полковникамъ и ко всему войску, чтобъ они бывшаго черниговскаго полковника, Григорья Самойловича, имѣли въ соблюденіи, чтобъ онъ не ушелъ и никто надъ нимъ никакого дурна не учинилъ. Самъ Неплюевъ, оставивши въ Запорогахъ генерала Григорія Ивановича Косагова, 31 іюля пошелъ вслѣдъ за Григорьемъ Самойловичемъ; того жъ числа на станъ къ нему, на рѣчку Каменку, пріѣхалъ Леонтій Чернякъ съ 224 запорожскими казаками, подъ начальствомъ Ѳедора Иваника, и доложилъ, что объ отставкѣ гетмана Ивана Самойловича кошевому атаману и всему низовому войску объявилъ и что все войско били челомъ и отставкѣ гетманской рады. Въ тотъ же день писалъ къ нему, Неплюеву, миргородскій полковникъ Данила Апостоленко, съ басанскимъ сотникомъ Карпомъ Тимоѳеевымъ, чтобъ онъ, окольничій, поспѣшалъ къ нимъ съ войскомъ; къ этому сотникъ Карпъ Тимоѳеевъ отъ себя добавилъ, что въ полкахъ у нихъ казаки имѣютъ рознь и начинается недоброе и если онъ, окольничій, къ нимъ не поспѣшитъ, и у нихъ де безъ смятенія не пройдетъ". Нѣсколько дней спустя, 3-го августа, Неплюевъ получилъ отъ Ив. Маслова, Щекина и компанейскаго полковника Ильи Новицкаго письмо, въ которомъ они сообщали, что въ козацкихъ городовыхъ полкахъ начались великіе бунты, что прилуцкаго полка козаки своего полковника Лазаря Горленка, да судью побили до смерти, и въ иныхъ полкахъ козаки побили многихъ знатныхъ людей, а потому онъ, Неплюевъ, шелъ бы къ нимъ наспѣхъ, а если за тяжестью обозовъ со всѣми полками поспѣшить нельзя, то послалъ бы ратныхъ людей, чтобы козацкіе бунты унять. Къ этому извѣстію податель отписки, эсаулъ компанейнаго Григорія Пашковскаго полка Тимоѳей Бережницкой, добавилъ, что де городовые казаки забунтовали и многихъ знатныхъ людей побили до смерти, а Лазаря Горленка да того жъ полка судью, бивъ, вкинули въ горячую печь и засыпали землею живыхъ, и во всѣхъ полкахъ у побитыхъ и у бѣглыхъ пожитки и лошадей разграбили и сердюковъ и компанейцевъ хотятъ побить же. Опасаясь нападенія козаковъ, компанейный полковникъ Илья Новицкій сталъ съ своимъ полкомъ отдѣльно

отъ козацкихъ полковъ, а сердюцкіе полковники, Гарасимъ Васильевъ да Степанъ Еверской, между козацкихъ полковъ окопались земляным валомъ; при нихъ держится и Григорій Самойловичъ, наградившій сердюковъ деньгами, съ нимъ же остались Ив. Масловъ и Ив. Щекинъ. Въ виду такого положенія, если онъ, Неплюевъ, къ нимъ въ полкъ не поспѣшитъ, то тѣ козаки ночью сердюковъ хотятъ взять приступомъ.

Не имѣя возможности идти со всѣмъ своимъ войскомъ, Неплюевъ отрядилъ къ лагерю козацкому сумскаго полковника Андрея Кондратьева съ его полкомъ, да ротмистровъ дворянскихъ, Никифора Дурова съ товарищи, пять человѣкъ, съ ихъ ротами, и приказалъ имъ говорить бунтовщикамъ отъ его имени, чтобъ они отъ бунта унялись, а если не уймутся, и имъ за то будетъ смертная казнь. Въ тотъ же день полковникъ Андрей Кондратьевъ писалъ къ Неплюеву: „пріѣхали де они къ казацкимъ полкамъ на рѣчку Суру и выѣхали де къ нему полковники компанейные, Илья Новицкій да Григорій Пашковскій, да Миргородскій Данила Апостоленко съ старшиною, которые не бунтовали, и сказали ему, Андрею: бунты де въ городовыхъ въ казацкихъ полкахъ учинились отъ прилуцкаго полка, казаки этого полка разграбили свою полковую церковь, въ которой въ тотъ день была совершена св. литургія, св. иконы подрали, церковные сосуды пограбили и изъ потира вылили на землю св. Дары, оставленные въ немъ въ запасъ для причащенія больныхъ, а самый потиръ унесли. Выслушавши эти рѣчи, неплюевскіе посланцы поѣхали по всѣмъ полкамъ, приглашая козаковъ къ порядку и угрожая за неповиновеніе смертною казнью. Въ заключеніе Кондратьевъ требовалъ, чтобы Неплюевъ немедленно шелъ съ своимъ войскомъ къ козацкимъ полкамъ, такъ какъ ходятъ слухи, что казаки въ ночь намѣрены учинить великое смятеніе

Получивши такія вѣсти, Неплюевъ, взявъ съ собою копейные и рейтарскіе полки, дворянскія роты и харьковскаго полковника съ полками да запорожскихъ козаковъ, съ большей поспѣшностью пошелъ къ козацкому обозу, къ рѣчкѣ Сурѣ, а пѣхотнымъ полкамъ и обозу подъ начальствомъ Давыда-Вильгельма

графа де Грагама, барона Деморфійскаго да дьяка Петра Исакова велѣлъ идти за собою. Неплюевъ пришелъ къ козацкому табору за три часа до вечера, сталъ близъ обоза и тотчасъ потребовалъ къ себѣ всѣхъ полковниковъ, старшину и изъ поспольства лучшихъ людей и, объявивъ имъ указъ объ отставкѣ гетмана, потребовалъ, чтобы бунтовщики-козаки были ему выданы, а что старшиною всѣхъ козацкихъ полковъ на время велѣно быть Леонтью Черняку. Козаки обѣщались исполнить требованія Неплюева и на другой же день, 4 августа, привели къ нему Григорья Самойловича, Леонтья Полуботка и Ѳедора Сулиму со всею ихъ рухлядью, при чемъ произошла значительная свалка. Неплюевъ отдалъ Григорія Самойловича подъ караулъ полковнику Константину Малѣеву да назначилъ быть въ приставахъ у него неотлучно Ив. Щекину, а войсковые знаки: бунчукъ, полковое знамя, прапоръ, боздуганъ—положилъ въ разрядный шатеръ; Леонтья Полуботка и Ѳедора Сулиму отдалъ подъ караулъ полковнику Тимоѳею Фандервидину; два сердюцкихъ полка, которые сидѣли въ осадѣ отъ городовыхъ козаковъ въ окопахъ, изъ нихъ вывелъ въ цѣлости и велѣлъ стоять близъ своего обоза. Въ тотъ же день Леонтій Чернякъ и полковники разныхъ полковъ прислали къ нему пятьдесятъ девять козаковъ, которые были уличены въ грабежѣ церкви, въ убійствѣ старшины и въ грабежѣ ихъ пожитковъ, а отобранные у нихъ грабежные животы возвратили потерпѣвшимъ. Когда Голицынъ получилъ донесеніе Неплюева, что козацкій бунтъ усмиренъ и Григорій Самойловичъ въ его рукахъ, онъ 10 августа писалъ ему, чтобы, соединясь съ войскомъ генерала Григорья Ивановича Косагова, со всѣми своими полками, переправясь черезъ Днѣпръ подъ Кодакомъ, шелъ этой стороною Днѣпра въ малороссійскіе города и сталъ подъ Лубнами до государева указа“ Все было исполнено по предписанію кн. Голицына. Изъ подъ Лубенъ, по государевой грамотѣ, Григорій Самойловичъ подъ сильнымъ конвоемъ былъ отправленъ въ Сѣвскъ, гдѣ подъ строгимъ карауломъ былъ помѣщенъ въ избѣ сѣвскаго жителя гостинной сотни Гапошки Медвѣдева, при чемъ строжайше было приказано стражѣ наблюдать, чтобы онъ рѣшительно не имѣлъ возможности сно-

ситься ни съ кѣмъ. Какъ ни строго казалось заключеніе, однако Григорій нашелъ случай повидаться съ нѣсколькими людьми; вотъ что пишетъ сѣвскій подъячій Михаилъ Жаденовъ кому то: „сентября, государь, въ 7 д. писалъ Леонтій Романовичъ (Неплюевъ) къ Семену Протасьевичу (Неплюеву—сѣвскому воеводѣ) и ко мнѣ, сиротѣ твоему, что плутъ де Гришка наказывалъ къ Миклошевскому словомъ гостинныя сотни съ сѣвскимъ жителемъ съ Гапошкою Медвѣдевымъ, чтобъ прислалъ къ нему денегъ, и намъ бы его, Гапошку, роспрося о томъ накрѣпко, вкинуть въ тюрьму. И онъ, Гришка, до моего сироты твоего пріѣзда поставленъ во дворѣ у него, Гапошки, въ особой избѣ, и какъ я, сирота твой, приволокся отъ тебя, милосердаго государя, и почалъ быть при немъ, и при моей бытности его, Гапошки, я, сирота твой, въ дому его и у него, Гришки, не видалъ и нынѣ онъ для торговаго своего промысла въ отъѣздѣ; развѣ онъ былъ до моего пріѣзда; и для сыску его, Гапошки, мы послали, а какъ приведенъ будетъ, и его о томъ распрося накрѣпко, вкинемъ въ тюрьму. А я бываю у него непрестанно и смотрю того накрѣпко, также и приставники начальные люди и подъячіе у него живутъ днемъ и ночьми неотступно. Ей, ей! государь милосердый, съ неусыпнымъ и прилежнымъ, неотступнымъ моимъ стараніемъ смотрю того повсечасно накрѣпко! при мнѣ ему, плуту, не только чтобъ съ кѣмъ говорить, и на сторону посмотрѣть трудно, развѣ какъ я отъ него отойду, только и безъ себя приставникамъ приказываю подъ жестокимъ страхомъ, чтобъ смотрѣли того неотступно накрѣпко, и въ ночахъ того за ними наглядаю накрѣпко“. Опасаясь выговора изъ Москвы, сѣвскій воевода самъ собою распорядился допросить Медвѣдева объ его свиданіи съ Григорьемъ Самойловичемъ. Въ роспросѣ Медвѣдевъ сказалъ: „за недѣлю де до Семена дня сбирался онъ ѣхать въ Глуховъ для продажи меду, который завезенъ былъ у него прежъ сего въ Глуховъ; и какъ де впрягъ лошадь и пришелъ изъ избы къ возу своему, и стародубецъ, который приставленъ къ Гришкѣ, Андрей Курдюмовъ, позвалъ его въ свѣтлицу къ Гришкѣ и въ свѣтлицѣ де Гришка говорилъ ему, чтобъ онъ поговорилъ Миклашевскому, чтобъ Миклашевскій прислалъ ему двое сапоговъ,

да денегъ рублей съ пять да бочку пива. И онъ де, Гапошка, будучи въ Глуховѣ, о присылкѣ къ Гришкѣ вышеписаннаго Миклашевскому говорилъ, и Миклашевскій де сказалъ: безъ гетманскаго вѣдома прислать ему того не мочно, а доложитъ де онъ о томъ гетману. А ѣздилъ де онъ, Гапошка, въ Глуховъ для продажи меду своего, а не по Гришкиной посылкѣ, и Миклашевскому говорилъ безъ всякія хитрости, съ простоумія".

Андрей Курдюмовъ въ роспросѣ сказалъ: „какъ де Гапошка сбирался въ Глуховъ, и Гришка де, увидѣвъ изъ избы въ окно, спрашивалъ у него, Андрея, куда ихъ хозяинъ Гапошка ѣдетъ? и Гришкинъ де челядникъ сказалъ ему, что ѣдетъ въ Глуховъ. И Гришка де ему, Андрею, говорилъ, чтобъ онъ Гапошку призвалъ къ нему въ избу, и онъ де Гапошку въ избу позвалъ; и Гришка де при немъ Гапошкѣ говорилъ, чтобъ онъ поговорилъ Миклашевскому, чтобъ онъ прислалъ ему двое сапоговъ, да денегъ пять рублей, да пива бочку. А больше де того ихъ никакихъ словъ не бывало; а призвалъ де онъ Гапошку къ нему, Гришкѣ, спроста, безъ всякія хитрости.

Розыскъ этотъ воевода при отпискѣ послалъ въ Москву, послѣ того, какъ оттуда было потребовано объясненіе этого свиданія Самойловича съ Медвѣдевымъ, и по указу великихъ государей „Гапошкѣ и Курдюмову велѣно учинить наказаніе, бить батоги, за то что они къ Гришкѣ приходили". Наказаніе было учинено.

Сентября 12-го сѣвскій воевода Семенъ Неплюевъ получилъ изъ Москвы грамоту, въ которой значилось: „вѣдомо намъ, великимъ государемъ, учинилось, что жилецъ Лазарь Шагаровъ да курскій подъячій Аѳонька Бочаровъ хотѣли въ Сѣвску видѣться съ Гришкою Самойловымъ, невѣдомо для чего. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ велѣлъ того жильца Лазаря Шагарова и подъячаго сыскать въ Сѣвскѣ въ приказную избу и распросить ихъ накрѣпко съ пристрастіемъ порознь, для чего они съ Гришкою Самойловымъ видѣться хотѣли, и кто имъ о томъ приказывалъ или тайно научалъ, или они видѣться съ нимъ хотѣли собою, не по приказу и не по наученью чьему; а, роспрося ихъ, велѣли держать въ Сѣвскѣ въ тюрьмѣ до нашего,

великихъ государей, указу". Въ отвѣтъ на эту грамоту сѣвскій воевода немедленно разыскалъ Шагарова, который въ роспросѣ сказалъ слѣдующее. „Въ прошломъ въ 195 г. (1687), по указу великихъ государей, былъ онъ на службѣ въ полку боярина и воеводы, князя Михаила Андреевича Голицына, съ товарищи, и въ томъ же году, въ августѣ мѣсяцѣ, а въ которомъ числѣ— того онъ не упомнитъ, кн. Голицынъ посылалъ его, да съ нимъ курской приказной избы подъячаго Аѳоньку Бочарова, изъ полка своего, изъ города Чугуева, въ малороссійскіе города, въ Батуринъ, провѣдать про новообраннаго гетмана, про Ивана Степановича Мазепу, и объ его гетманскомъ поведеніи, что у него въ Батуринѣ дѣлается, а объявливаться ему, гетману, онъ, кн. Голицынъ, имъ, Лазарю и Аѳонькѣ, не велѣлъ; да и въ иные малороссійскіе города для провѣдыванія всякихъ вѣдомостей, да въ Сѣвскъ для провѣдыванья про бывшаго гадяцкаго полковника, про Мишку Васильева, да про Гришку Самойловича, въ Сѣвску ль они, или изъ Сѣвска куда взяты. И они де въ Батуринѣ были августа въ 24 д. и явились тамъ стольнику и полковнику Петру Борисову, а сказали ему, что они присланы изъ полка боярина, кн. М. Голицына, для провѣдыванія про гетмана Ивана Ст. Мазепу. И онъ де, Борисовъ, объявилъ объ нихъ гетману, и гетманъ велѣлъ имъ придти къ себѣ. Когда они были у гетмана, онъ спрашивалъ ихъ о здоровьѣ кн. М. Голицына и велѣлъ ихъ отпустить изъ Батурина безъ задержанія, а также далъ проѣзжій листъ. Послѣ того они были для провѣдыванія всякихъ вѣдомостей въ малороссійскихъ городахъ: въ Конотопѣ, въ Королевцѣ, въ Глуховѣ, а изъ Глухова пріѣхали въ Сѣвскъ и, провѣдавъ про Михаила Васильева и про Гришку Самойлова, что они въ Сѣвскѣ, съ ними, съ Михайломъ и съ Гришкой, видѣться онъ, Лазарь, хотѣлъ собою, только бы ихъ посмотрѣть, а ничего съ ними не говорить. И того жъ августа въ 28 д. они, Лазарь и Аѳонька, изъ Сѣвска поѣхали въ полкъ къ боярину, кн. М. Голицыну, въ Чугуевъ, а сентября 16-го ратные люди полка кн. М. Голицына распущены по домамъ, и онъ пріѣхалъ въ Сѣвскъ домой, а Аѳонька Бочаровъ отпущенъ домой на двѣ недѣли".

По докладѣ распросныхъ рѣчей государямъ, состоялся приговоръ: „Великіе государи указали: въ Сѣвескъ къ окольничему и воеводамъ послать свою великихъ государей грамоту, велѣть за такія дѣла тому жильцу, Лазарю Шагарову, учинить наказанье, бить батоги, и написать его въ прежній чинъ, въ которомъ онъ былъ напередъ сего до жилецкаго чина, и въ Розрядѣ послать о томъ память, велѣть въ списку надъ именемъ его отмѣтить, что ему въ житьѣ не быть, а служить въ прежнемъ чину, въ которомъ онъ былъ до того чина; да и подъячему курскому учинить наказанье жъ, бить батоги, и о томъ послать ихъ, великихъ государей, грамоту въ Курескъ къ думному дворянину и воеводѣ, къ Абраму Ивановичу Хитрово".

Пока производились эти дѣла, шло своимъ чередомъ и дѣло о самомъ Григорьѣ Самойловичѣ. При разборѣ бумагъ бывшаго гетмана Ивана Самойловича, въ числѣ ихъ нашлись письма бывшаго гадяцкаго полковника Михаила Васильева, въ которыхъ были писаны разныя непристойныя слова про государей, каковыя будто бы Григорій Самойловичъ говорилъ полковнику М. Васильеву. Михаилъ Васильевъ былъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму и распрошенъ относительно компрометирующихъ его писемъ, при чемъ онъ подтвердилъ, что написанныя въ письмахъ непристойныя слова дѣйствительно были говорены Гр. Самойловичемъ, и что, кромѣ того, онъ и еще кой-что знаетъ про него. 30 сентября изъ Москвы окольничему Л. Неплюеву, бывшему тогда съ войскомъ подъ Путивлемъ, была послана государева грамота, въ которой предписывалось ему, по распущеніи состоящаго подъ его начальствомъ войска, произвести розыскъ по обвиненію Михаиломъ Васильевымъ Гр. Самойловича въ сказываніи непристойныхъ словъ, „а будетъ Гришка учнетъ запираться, и ему, Гришкѣ, съ Мишкомъ Васильевымъ дать очную ставку; а будетъ на очной ставкѣ Гришка учнетъ запираться, а Мишка его тѣми непристойными словами станетъ уличать, и его, Гришку, велѣть въ тѣхъ непристойныхъ словахъ распросить у пытки и пытать; а будетъ и съ пытки Гришка станетъ запираться и говорить, что на него тѣ непристойныя слова онъ, Мишка затѣялъ напрасно, и въ тѣхъ непристойныхъ словахъ велѣть и Мишку

пытать и разыскивать о томъ накрѣпко, чтобъ доискаться самыя правды". Неплюевъ пріѣхалъ въ Сѣвскъ въ началѣ октября и съ 11-го числа приступилъ къ допросу Мишки Васильева и Гр. Самойловича.

Въ роспросѣ Михаилъ Васильевъ на вопросъ: говорилъ ли ему Гр. Самойловичъ разныя непристойныя слова, отвѣчалъ: которое де дѣло окольничій и воевода Леонтій Романовичъ Неплюевъ ему объявилъ, и такія де непристойныя слова Гришка Самойловъ ему говорилъ. Да въ прошлыхъ де годахъ, а въ которомъ—того онъ не упомнитъ, писалъ онъ, Гришка, къ нему листъ съ человѣкомъ своимъ, съ Куцкевичемъ, а имени его не помнитъ, въ листу же почато тѣмъ: какъ инымъ, такъ и ему, Мишкѣ, онъ, Гришка, объявляетъ, что отецъ его, Ивашка, обѣщалъ ему черниговское полковничество многократно, и еще того не даетъ, которое онъ, Гришка, имѣетъ одержати сего времени, потому что онъ вѣдаетъ на отца своего Ивашку и брата Якушку такое дѣло, отъ котораго его отецъ и братъ не видятъ никуда; а о томъ дѣлѣ онъ, Гришка, человѣку своему, Куцкевичу, приказалъ, чтобъ объявилъ ему, Мишкѣ, словомъ, да и въ особомъ письмѣ о томъ же написалъ именно. И тотъ Гришкинъ человѣкъ, Куцкевичъ, придя къ нему, говорилъ: есть де у него отъ Гришки Самойлова къ нему листъ, а другой Ивашки Самойлова къ прикащику, къ Васькѣ Чайкевичу, который былъ у него на приказѣ въ его гадяцкомъ дворѣ, а велѣлъ де Гришка тѣ листы ему, Мишкѣ, и Васькѣ Чайкевичу отдать обще; и отдавъ тотъ Гришкинъ человѣкъ ему и Васькѣ Чайкевичу листы, тѣ непристойныя слова говорилъ же, и онъ де, Мишка, тому Гришкину человѣку говорить запретилъ. А въ поданномъ листѣ въ особомъ письмѣ осмотрѣлъ онъ тоже непристойное и затѣйное дѣло, написанное рукою Гришки; и онъ, Мишка, помня ихъ государское крестное цѣлованье, помысля съ тѣмъ прикащикомъ, Гришкина человѣка въ Гадячѣ, сковавъ, отдали за крѣпкій караулъ, и о томъ непристойномъ дѣлѣ къ Ивашкѣ Самойлову онъ писалъ и Гришкинъ листъ къ нему послалъ, и то къ нему, Ивашкѣ, назначилъ, дабы онъ толь великаго дѣла не потаилъ, вскорѣ донесъ, кому надлежитъ, къ Москвѣ, чтобы имъ всѣмъ за то плевело-

сѣятельное дѣло великаго грѣха и бѣды не было. А про то его Мишково объявленіе и что онъ писалъ къ Ивашкѣ Самойлову вѣдаетъ прежній бунчужный Костька Ивановъ, потому что онъ, Ивашка, то дѣло ему, Костькѣ, да сыну своему Семену разсудить вручилъ. И противъ де того его, Мишкина, письма, Ивашка Самойловъ велѣлъ ему прислать Гришкову цыдулу, а Куцкевича привезть скованнаго въ Батуринъ; и по его, Ивашкову, велѣнью, того Гришкина человѣка привезъ въ Батуринъ его, Ивашковъ, дворовый человѣкъ Апонасъ Дороѳеенко, а Гришковой де цыдулы онъ къ Ивашку не послалъ, убоясь того, чтобъ онъ, Ивашка, похотя то дѣло потаить, не велѣлъ его, Мишку, предать смерти, а къ нему, Ивашкѣ, отписалъ такъ, что ту цыдулу сжегъ. И того де Гришкина человѣка, Куцкевича, Ивашка Самойловъ распрашивалъ, и онъ сказалъ тоже; и къ нему, Мишкѣ, Иванъ Самойловъ приказалъ, будто тому человѣку учинено наказаніе и къ Москвѣ де о томъ писалъ. И онъ де, Гришка, зляся за то, нѣсколько разъ хотѣлъ убить до смерти и, прикрывая то свое воровство и неистовыя рѣчи, чтобъ на нихъ было не вынесено, въ конецъ его, Мишку, разорили и непрестанно приправливали къ смерти; и о томъ де Гришкиномъ воровствѣ и о непристойныхъ словахъ, не именуя дѣла, онъ, Мишка, глухо являлъ Василью Борковскому да Леонтью Полуботку такимъ образомъ, что онъ, Гришка, не токмо ихъ царскаго величества людей искореняетъ, но и государскаго имени безъ страха Божія касается. Да онъ же, Гришка, ѣдучи изъ Батурина въ Стародубъ, въ то время какъ Ивашковъ сынъ Самойлова Семенъ былъ боленъ, при Васильѣ Борковскомъ и при бывшемъ бунчужномъ Костькѣ Ивановѣ, ту же страшную, неистовую рѣчь всѣмъ имъ троимъ говорилъ вслухъ. А въ прошломъ де, въ 192 г., съ размѣны онъ, Мишка, писалъ къ Ивашку Самойлову письмо таково: будетъ онъ, Ивашка, похочетъ въ Крымъ послать, и онъ бы къ хану съ гостинцами послалъ, а въ гостинцахъ послалъ бы два кубка, да двѣ винтовки да пару пистолетовъ, хотя бы тѣ подарки взять съ полковниковъ, чтобъ при тѣхъ подаркахъ выпросить бѣглеца изъ малороссійскихъ городовъ, Самченка, который называется гетманомъ; а что де въ томъ письмѣ написано: „за то малое

мочно сдѣлать у хана великое", и то де слово „великое" написано про Самченка жъ, потому что Самченко Ивашкѣ Самойлову былъ надобенъ, для того въ томъ его, Мишковомъ, письмѣ за великое дѣло онъ и написанъ; а о разговорахъ съ беемъ и мурзами въ томъ письмѣ приписано, а онъ де съ беемъ и мурзами тайно ни о чемъ не говаривалъ и отъ Ивашки Самойлова говорить ему не наказано".

Къ этому распросу на вопросы, предложенные Неплюевымъ, Михаилъ Васильевъ прибавилъ отъ себя слѣдующее: „въ то де время, какъ Гришка Самойловъ ѣхалъ въ Стародубъ, онъ сказывалъ Василью Борковскому, да Костькѣ Иванову, да ему, Мишкѣ, такое же затѣйное, неистовое дѣло и на другое лице; да по смерти де Семеновой нашелъ онъ, Мишка, въ письмахъ его, Семеновыхъ, брата его Якушковой руки письмо, а въ томъ письмѣ при иныхъ дѣлахъ написано: объявляетъ ему, Семену, что братъ ихъ Гришка хвалится и хочетъ переѣхать въ крымскую сторону. Да онъ же Гришка, по взятьѣ у него, Мишки, полковничества, въ Батуринѣ, призвавъ его въ домъ свой, говорилъ наединѣ, будто то ему учинила Москва, а когда бы онъ, не смотря въ Москву, держался Украйны и его отца, то бы ему лучше было; а и нынѣ, если упованіе свое на Москву оставитъ, то де онъ у отца своего о немъ упроситъ. А онъ де, Гришка, будучи на Москвѣ, видѣлъ: править и держать московскаго государства некому и строенія ни отъ кого нѣтъ, самая де крѣпость нынѣ во всей Руси его, Гришкинъ, отецъ. Да онъ же де, Гришка, писалъ въ кіевскій Братскій монастырь къ ректору Ѳеодосію Гогуревичу въ письмѣ, чтобъ отъ него, Мишки, въ тотъ монастырь милостыни не принимали, для того что де въ немъ объявилась измѣна противъ Украйны и противъ отца, такая, что писывалъ къ Москвѣ, желая украинскіе и отца его порядки потерять и всѣ малороссійскіе города наклонить по образцу слободскихъ городовъ, за эту де измѣну будетъ ему смертная казнь непремѣнно; а то де письмо читалъ онъ, Мишка, у Ѳеодосія Гогуревича въ Батуринѣ. Да въ 194 г. сказывалъ ему, Мишкѣ, Леонтій Полуботокъ, что писалъ де къ нему Гришка Самойловъ своею рукою письмо, а въ томъ де письмѣ при иныхъ

дѣлахъ его жъ, Гришково, воровское, непристойное слово, касающееся чести великихъ государей со дерзновеніемъ, написано такъ: „ни ихъ государскіе грамоты и ничто иное, едино только его Гришкова отца милостивая воля крѣпчайше всего содержитъ“. Да въ 193 г., какъ былъ Ивашка Самойловъ въ Полтавѣ, да при немъ были сѣверскаго разряда городовые дворяне, и въ городѣ де Ромнахъ на полковничьемъ дворѣ говорилъ онъ ему, Мишкѣ: бѣда де его, Ивашкова, великая, что два, и нынѣ де для его искорененія держатъ на него Дорошенка, а тѣмъ де двумъ не только христіане, и басурмане дивятся. Приказывалъ де къ нему турской визирь, что де имъ при такомъ случаѣ никакого добра не будетъ“.

Въ заключеніе Михаилъ Васильевъ заявилъ, что письма, о которыхъ онъ говорилъ въ распросѣ,—одно присланное ему съ Куцкевичемъ, а другое Якова Самойловича, въ которомъ писано, что Григорій Самойловичъ хочетъ бѣжать въ Крымъ,—находятся у него въ домѣ, въ селѣ Михайловкѣ, у матери, и билъ челомъ, чтобы великіе государи указали за тѣми письмами послать, кого пристойно, а онъ съ тѣмъ посланнымъ пошлетъ къ матери своего малаго, который нынѣ при немъ, и отпишетъ, чтобъ мать, доставъ изъ упрятки тѣ письма, прислала къ нему въ Сѣвскъ. По челобитью его, октября 12-го по тѣ письма въ лебедянскій уѣздъ, въ село Михайловку, посланы сѣвскіе стрѣльцы, Демидка Прокофьевъ, Васька Мукосѣевъ, да съ ними малый Мишки Васильева, Стенька Петруновской; стрѣльцамъ было наказано ѣхать наспѣхъ и, взявъ письма, немедленно ѣхать назадъ.

На другой день былъ призванъ къ распросу и Григорій Самойловичъ; онъ долженъ былъ отвѣчать на каждый пунктъ обвиненія его Михаиломъ Васильевымъ, да, кромѣ того, былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: „какъ онъ, Гришка, побѣжалъ изъ Запорожья къ Кодаку, и въ тѣхъ числѣхъ съ Лазаркомъ Горленкомъ какой у него къ измѣнѣ былъ совѣтъ и умыслъ? и въ Крымъ къ хану онъ, Гришка, Лазарка хотѣлъ ли посылать, и въ которыхъ мѣстѣхъ у нихъ умышлено стоять и орды изъ Крыма къ себѣ на помочь дожидаться?“

Григорій Самойловичъ въ распросѣ говорилъ: „которые де непристойныя слова окольничей Л. Р. Неплюевъ ему объявилъ, и такія де слова онъ Мишкѣ говорилъ, только де тѣ слова говорилъ не своею затѣйкой, а слышелъ отъ братьевъ своихъ, первое отъ Семена въ то число, какъ онъ послѣ смятенія пріѣхалъ съ Москвы, а послѣ того, пріѣхавъ съ Москвы жъ, братъ его Якушка говорилъ ему тѣжъ непристойныя слова; а братья его, Семенъ да Якушка, тѣ непристойныя слова слышали на Москвѣ, а отъ кого именно—про то онъ отъ братьевъ своихъ не слыхалъ. А въ прошлыхъ годѣхъ, а въ которомъ—того онъ не упомнитъ, писалъ къ нему, Гришкѣ, изъ Гадяча Мишка Васильевъ въ его деревню Орловку, чтобъ онъ писалъ къ нему о вѣдомостяхъ, какія у отца его есть; да въ тѣхъ же числахъ нынѣшній гетманъ И. Ст. Мазепа писалъ къ нему изъ Глухова, что пріѣхалъ де въ Глуховъ стольникъ Семенъ Ерофеевичъ Алмазовъ для дѣлъ государственныхъ и отца его домовыхъ, и онъ де, Гришка, чая того, что онъ будетъ разыскивать про вранье брата его Якушки и щадя брата своего и отца, чтобъ за то не было на нихъ государской опалы, къ нему, Мишкѣ, при иныхъ дѣлахъ въ особомъ письмѣ о той неистовой рѣчи написалъ, а не отъ себя то затѣялъ, о чемъ де и выше сего сказалъ, слышалъ то отъ братьевъ своихъ. Да въ томъ же де письмѣ и то написалъ, что отцу его отъ тѣхъ ихъ словъ печаль, а имъ слѣпота; а иного де ничего въ той цыдулѣ не писано. А человѣку своему, Оськѣ Куцкевичу, о томъ словомъ къ нему, Мишкѣ, не приказывалъ, и онъ де, Мишка, и Васька Чайкевичъ того его человѣка за то не ковали, а скованъ де онъ былъ и къ отцу въ Батуринъ отправленъ за то, что безъ вѣдома отца своего онъ, Гришка, черезъ того человѣка купилъ себѣ въ Гадячѣ дворъ; и о томъ непристойномъ дѣлѣ къ отцу его, Ивашкѣ Самойлову, онъ, Мишка, писалъ листъ, а въ томъ де листу написалъ такъ: „еще онъ, Мишка, на него, Гришку, имѣлъ великаго дѣла цыдулу, только де онъ ту цыдулу сжегъ“, а именно дѣла, и чтобы отецъ его, кому надлежитъ, донесъ къ Москвѣ, чтобы имъ за то дѣло великаго грѣха и бѣды не было, того не писалъ, и каковъ листъ къ отцу его писалъ Мишка Васильевъ, про тотъ листъ вѣдаетъ

прежній бунчужный Костька Ивановъ, а того дѣла для разсужденія отецъ его Костькѣ Иванову да брату Семену не вручивалъ, а вручилъ де ему, Семену, да Костькѣ Иванову судити Мишку съ попомъ Денисьемъ въ иныхъ дѣлахъ. И человѣка де его, Оську Куцкевича, отецъ его безъ всякаго распроса отпустилъ къ нему; да отецъ же его къ Мишкѣ Васильеву того не приказывалъ, будто Куцкевичу учинено наказанье и къ Москвѣ о томъ писано, и онъ де, Гришка, зляся на него, Мишку, и для того, чтобъ тѣ непристойныя рѣчи на нихъ были не вынесены, его до смерти убить не хотѣлъ, и въ конецъ его не разорялъ и къ смерти не приправливалъ, и о тѣхъ неистовыхъ словахъ, не именуя дѣла, Василью Борковскому да Леонтью Полуботку такимъ образомъ, и будто не токмо ихъ царскаго величества людей онъ, Гришка, искореняетъ, но и государскому имени касается", Мишка Васильевъ говорилъ ли, того де онъ не вѣдаетъ; и изъ Батурина ѣдучи въ Стародубъ, въ то время, какъ братъ его, Гришковъ, былъ боленъ, при Васильѣ Борковскомъ, и при бывшемъ бунчужномъ Костькѣ Ивановѣ и при немъ, Мишкѣ, той рѣчи и о другомъ лицѣ онъ не говаривалъ и въ томъ де онъ шлется на нихъ, Василья и Костьку. Да въ 195 г., какъ онъ, Гришка, пошелъ изъ Запорожья къ Кодаку, и въ то де число бывшій прилуцкій полковникъ Лазарь Горленко прежде началъ ему говорить: имѣетъ онъ, Гришка, у себя войска съ потребу, а изъ тѣхъ де надежные компанейцы да сердюки, и онъ бы де съ тѣмъ войскомъ сталъ въ Кодакѣ, а изъ Кодака бъ писать боярину, князю Василью Васильевичу Голицыну, за что его отца взяли? а онъ де, Лазарь, поѣдетъ въ Запорожье и когда де надобна будетъ орда, то де и орда будетъ, а если де ненадобна будетъ орда, то де онъ приведетъ запорожцевъ, а къ нимъ де пристануть многіе; а какъ придетъ окольничій Л. Р. Неплюевъ съ полкомъ, и онъ бы сталъ въ особомъ мѣстѣ, а когда де ихъ станетъ зацѣплять, то бы съ нимъ биться, а запасы бы на ихъ казацкое войско имать изъ государевыхъ запасовъ, что подъ Кодакомъ. И полковники де и старшина всѣ ему на томъ приговаривали крѣпко, и онъ де къ той ихъ мысли не пристадъ и, помня къ великимъ государемъ свое крестное цѣлованье, въ томъ

ихъ намѣреніи имъ запретилъ, и ни къ какому измѣнному дѣлу въ то число и никогда никакой мысли у него не было".

Противъ извѣта Михаила Васильева Григорій Самойловичъ возразилъ слѣдующее: „По смерти де брата его, Семена, онъ, Мишка, въ его, Семеновыхъ, письмахъ Якушковой руки письмо нашелъ ли, и въ томъ Якушковомъ письмѣ, будто онъ, Гришка, хвалится и хочетъ переѣхать въ крымскую сторону, написано ль,— того онъ не вѣдаетъ; а онъ де въ крымскую сторону и никуда отъѣзжать не мыслилъ. А хотя бы де братъ его съ глупости, или по какой злобѣ на него и писалъ, чтобъ тому письму было не повѣрено; а по взятьѣ де у Мишки полковничества, онъ, Гришка, его къ себѣ въ домъ наединѣ не призывалъ и что „то ему учинила Москва, и когда бы онъ, Мишка, не смотрѣлъ въ Москву, а держался Украйны и его отца, то бы ему лучше было, и если упованіе свое на Москву оставитъ, то де онъ у отца своего о немъ упроситъ",—такихъ де словъ онъ Мишкѣ не говаривалъ; и будто, будучи на Москвѣ, видѣлъ онъ, „что править и держать московскаго государства некому и строенья ни отъ кого нѣтъ, а самая де крѣпость нынѣ во всей Руси его отецъ"—того онъ ему, Мишкѣ, не сказывалъ; и въ кіевскій де Братскій монастырь къ ректору, къ о. Ѳеодосію Гогуревичу, „чтобъ у Мишки милостыни не принимали, для того что отъ него противъ Украйны и отца его объявилась измѣна, такая, что посылывалъ онъ къ Москвѣ, желая украинскіе и отца его порядки потерять и всѣ малороссійскіе города наклонить по образцу слободскихъ городовъ, за каковую измѣну будетъ ему смертная казнь непремѣнно"—такого письма онъ не писывалъ и такого письма онъ въ Батуринѣ у Гогуревича не читалъ, потому что такого письма не было, а говорилъ де онъ, Гришка, Ѳеодосію Гогуревичу въ Батуринѣ словомъ не такъ, какъ Мишка его поклепалъ, выговаривая за то, что въ Братскомъ монастырѣ его, Мишкову, личину по подобію гетманскому напечатали съ крестами и съ булавою, и они бы де такъ впредь его личину не печатали, а и ему де, Мишкѣ, за то безъ бѣды не пробудетъ, что онъ свою личину печатаетъ по гетманскому. Въ 194 г. (1686) онъ, Гришка, писалъ письмо къ Леонтью Полуботку

своею рукою, а въ письмѣ тѣхъ словъ, что „ни государскія грамоты и ничто иное, едина только отца его милостивая воля крѣпчайше всего содержитъ“—не писано, то де рѣчь прибавочная.

Вслѣдствіе разницы въ показаніяхъ Григорія Самойловича и Михаила Васильева, имъ дана была въ спорныхъ статьяхъ очная ставка. На очной ставкѣ Михаилъ Васильевъ говорилъ то же, что и въ распросѣ; „а въ тѣхъ де спорныхъ статьяхъ онъ, Гришка, запирается, отбывая своей вины. А что де онъ, Мишка, отъ Ивашки Самойлова слышалъ въ Ромнахъ, и про то онъ, Гришка, вѣдалъ ли, того онъ не знаетъ, потому что говорилъ ему про то отецъ его, Ивашка; да что въ листу брата его Якушки написано, что онъ, Гришка, хотѣлъ бѣжать въ Крымъ къ хану, и про то де вѣдаетъ братъ его Якушка подлинно, а онъ де, Мишка, уличаетъ Гришку тѣмъ письмомъ, брата его рукою“.

Григорій Самойловичъ въ свою очередь заявилъ на очной ставкѣ, что „въ чемъ онъ великимъ государемъ принесъ свою вину, про то все сказалъ въ распросѣ, а которыя статьи оспариваетъ, и тѣмъ всѣмъ Мишка его клеплетъ напрасно; а онъ де того не говаривалъ и не писывалъ, и братъ его, Якушка, на него что писалъ ли, и отецъ его Мишкѣ въ Ромнахъ про что сказывалъ ли, про то онъ ничего не вѣдаетъ. А которыя статьи онъ спорилъ въ распросѣ, тѣ всѣ онъ споритъ и теперь на очной ставкѣ“.

Тогда Михаилъ Васильевъ билъ челомъ, чтобъ великіе государи указали Григорья Самойловича пытать, потому что онъ во многихъ статьяхъ винился, а на пыткѣ де и про тѣ дѣла, въ которыхъ запирался, скажетъ подлинно. Григорій же Самойловичъ, выслушавъ оговоръ Михаила Васильева, также билъ челомъ, чтобы великіе государи пытать его не указали, а велѣли бъ розыскать тѣми людьми, на которыхъ у нихъ была ссылка; да и подлинныхъ де писемъ онъ, Мишка, на очной ставкѣ не положилъ, а на очной ставкѣ тѣ письма положить было ему довелось и тѣми письмами свидѣтельствовать. А въ которыхъ статьяхъ онъ, Гришка, винился и спорилъ въ распросѣ, о тѣхъ статьяхъ твердитъ то же и инако де говорить не будетъ. Миха-

илъ Васильевъ отвѣчалъ ему, что какъ только письма будутъ привезены, онъ немедленно представитъ ему ихъ въ улику.

Посланные въ с. Михайловку за письмами сѣвскіе стрѣльцы, Демидъ Прокофьевъ и Василій Мукосѣевъ пріѣхали въ Сѣвскъ 16 сентября и, явясь въ разрядную избу, подали окольничему Л. Р. Неплюеву деревянный ставъ, съ прибитою двумя гвоздями къ ставу крышкою, перевязанный нитью и запечатанный сургучемъ. По осмотру въ немъ оказалось сорокъ три листа бѣлорусскаго письма о домовыхъ и козацкихъ дѣлахъ Михаила Васильева. Въ тѣхъ же письмахъ найдено письмишко сжено и рѣзано, подклеено другою бумагою, „а въ немъ написано неистово и плевелосѣятельно полчетверты строки“; по оговору Михаила Васильева то письмишко руки Григорья Самойловича. Кромѣ того въ числѣ „листовъ“ были: листъ Ив. Самойловича, писанный къ Михаилу Васильеву, „съ клятвою на сына своего, Григорія“; листъ Якова Самойловича; листъ Ивана Самойловича, писанный къ Михаилу Васильеву, въ которомъ желаетъ добра размѣнному бею; три листа Григорія Самойловича къ Михаилу Васильеву.

Въ листахъ было написано слѣдующее: 1) Въ листу Ивана Самойлова къ Михаилу Васильеву, между прочимъ, сказано, что „онъ его проклятаго сына человѣка его непристойныя и погибельныя рѣчи у себя держитъ напрасно и такъ обмышляетъ, что межъ ими еще имѣетъ быть нѣкакая тайна; а что де написано, будто имъ не видно туда и чтобъ ему и до вѣку такъ далъ Богъ, каково было и есть, и онъ бы, Мишка, его и въ послѣднихъ дѣлахъ не скрылъ. То онъ, Мишка, вѣдаетъ и самъ, что Богъ совѣты злые разоряетъ. А человѣка его, Куцкевича, прислати бъ къ нему, Ивашкѣ, съ человѣкомъ его, съ Апонаскомъ; а плевелосѣятельныхъ такихъ словъ межъ людьми чтобъ онъ, Мишка, не разсѣвалъ, и чтобъ онъ отписалъ ему: Куцкевичъ такія слова отъ кого слышалъ“? 2) Въ Якушковомъ листу къ брату его, Семену, написано: „отецъ ихъ, Ивашка, брата его, Гришку, бранилъ съ плачемъ и клялъ страшно и говорилъ, чтобы отъ него шелъ куда хочетъ, понеже де всегда хвалится идти къ крымскому хану, и онъ бы шелъ, а онъ де, Ивашка, посмотритъ,

какъ будетъ жить". 3) Въ Ивашковомъ же листу къ Михаилу Васильеву написано: „вѣдомо де ему учинилось, что запорожцы хотятъ размѣннаго бея въ то число, какъ онъ поворотится съ казною въ Крымъ, перенявъ въ дорогѣ, казну отнять, и онъ вѣдаетъ, что своевольствомъ могутъ то учинити за побудкою ляцкою; и онъ бы де, Мишка, бея предостерегъ и чтобы онъ, бей, по его Михайлову совѣту послалъ отъ себя въ Казикермень наскоро, для того чтобы къ нему изъ Казыкерменя татаръ и янычаръ конныхъ навстрѣчу послано было наскоро". 4) Въ письмѣ Григорія Самойловича къ Михаилу Васильеву писано: „вѣдомо онъ ему, Мишкѣ, чинитъ, что отецъ его, Ивашка, на него, Гришку, сердитъ, невѣдомо за что, и за то де Богъ отмщеніе ему да воздастъ! Знатно де, за гнѣдую сердится лошадь, которую онъ, Ивашка, велѣлъ его, Гришкову, человѣку привести къ себѣ, и для той лошади присылалъ къ нему бунчужнаго; и онъ де ему отказалъ и говорилъ, что до того никто не дожилъ, чтобы на его лошади кому ѣздить при немъ. И за то де отецъ его на него и пущее положилъ сердце, и чтобъ отцу его то сердце съ болѣстью въ животѣ своемъ держать. Да еще онъ, Гришка, о двухъ дѣлахъ молитъ Бога: либо бы его предалъ смерти, или бы проклятое его Ивашково гетманство скороталося, а онъ бы де въ людяхъ лучше дослужился". 5) Въ его же письмѣ къ Михаилу Васильеву написано: „писалъ де онъ, Мишка, къ его, Гришкову, отцу, чтобъ навесть на него гнѣвъ, и то де онъ писалъ на свою бѣду и безголовье; и то бы онъ вѣдалъ, что онъ терпѣть такъ, какъ братъ его Сенька, не будетъ и за свое безчестье станетъ, а если онъ, Гришка, то забудетъ, чтобъ ему не встати на судъ Божій". 6) Въ листу Григорья Самойловича къ Михаилу жъ Васильеву написано: „самъ бы Богъ его, Гришку, скаралъ за тяжкую сердечную клятву, если онъ не отдастъ ему за свое безчестье; а на томъ онъ, Гришка, отца своего проситъ: если онъ надъ нимъ, Михаиломъ, указа не учинитъ, то онъ, оставя жену и дѣтей, для его, недобраго сына, съ Украйны выступитъ".

По прочтеніи обвиняемому и обвинителю приведенныхъ писемъ, Неплюевъ, „чтобы доискаться самыя правды", сдѣлалъ

распоряженіе о пыткѣ того и другаго, ссылаясь въ своемъ постановленіи на государеву грамоту. Но пытка тому и другому не была особенно жестока: Григорій Самойловичъ висѣлъ на встряскѣ съ полчаса, былъ дважды тянутъ и дано было ему пятнадцать ударовъ кнутомъ; Мишка Васильевъ тоже висѣлъ на встряскѣ и получилъ двѣнадцать ударовъ.

Будучи пытанъ, Григорій Самойловичъ говорилъ: „въ которыхъ статьяхъ въ первомъ распросѣ и на очной ставкѣ винился, въ томъ во всемъ и въ неистовыхъ словахъ и нынѣ винится жъ; а которыя де непристойныя слова онъ Мишкѣ говорилъ и писалъ, и тѣ слова онъ слышалъ отъ братьевъ своихъ, Якова и Семена, а отъ кого они слышали такія слова, того братья ему не говорили. И Василью Борковскому, да бывшему бунчужному Костькѣ Иванову да ему, Михаилу Васильеву, ѣдучи въ Стародубъ, онъ тѣхъ непристойныхъ словъ не говоривалъ, да въ тожъ число такихъ же словъ и о другомъ лицѣ, имъ не сказывалъ. А что де онъ, Гришка, въ распросѣ говорилъ на Лазаря Горленка съ товарищи въ измѣнѣ, и къ той измѣнѣ и къ воровству къ начинанію былъ первый онъ, Лазарка, а его де желанія къ той измѣнѣ не было“. Когда ему показывали письмо и листы, Григорій Самойловичъ сказалъ: „то де письмо его руки, а писано въ немъ то, что онъ слышалъ отъ брата своего Якушки; а листы—одинъ руки его отца, другой—за его жъ рукою, третій—брата его Якова руки, да три листа его, Григорьевы, въ томъ числѣ два—его руки, а у третьяго въ концѣ приписано его рукою. Для чего его отецъ и братъ Яковъ такіе листы писали, про то не знаетъ, а онъ въ своихъ листахъ про отца своего и про Михайла Васильева писалъ съ сердца, а убить его, Михаила, не хотѣлъ. А что въ его листу написано, что онъ хочетъ выступить съ Украйны, и то де написалъ съ дерзости, а о побѣгѣ куда нибудь умысла у него не было“.

Михаилъ Васильевъ съ пытки говорилъ: „что де онъ въ распросѣ и на очной ставкѣ на Григорія Самойлова говорилъ, то самая правда. А Василью Борковскому, да Костькѣ Иванову и ему, ѣдучи въ Стародубъ, онъ, Гришка, говорилъ, и въ то жъ число имъ же и о другомъ лицѣ такія же слова сказывалъ.

А что за Иваномъ Самойловымъ и за сыномъ его Григорьемъ какія дѣла вѣдалъ, о томъ въ распросѣ его писана самая правда", а о разговорахъ съ размѣннымъ беемъ и мурзами, и къ хану о подаркахъ съ пытки говорилъ то же, что и въ роспросѣ."

По окончаніи слѣдствія, по приказу окольничаго Л. Р. Неплюева, Григорій Самойловичъ и Михаилъ Васильевъ были отданы за приставовъ подъ караулъ, скованы, въ прежнія мѣста, а приставамъ и караульщикамъ было приказано накрѣпко, чтобы они держали ихъ въ соблюденіи твердомъ и караулы денные и ночные были у нихъ крѣпкіе, да и сами бъ пристава были на дворахъ безотлучно.

Все розыскное дѣло: распросныя и пыточныя рѣчи Григорья Самойловича и Михаила Васильева, письмо Григорьевой руки къ М. Васильеву и шесть листовъ бѣлорусскаго письма, 17 октября 1687 г. было отослано Неплюевымъ съ сѣвскимъ подъячимъ Титомъ Русиновымъ въ государственный посольскій приказъ къ князю В. В. Голицыну, съ товарищами; отсюда дѣло было перепесено въ боярскую думу и здѣсь, по выслушаніи доклада, состоялся слѣдующій приговоръ: „196 (1687 г.) октября въ 24 д. Великіе государи, цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, и великая государыня, благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всеа великія, и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы, слушавъ сего розыску въ комнатѣ, съ комнатными бояры, указали и бояре приговорили: Гришку Самойлова за его воровскія, затѣйныя и непристойныя слова, о которыхъ его воровскихъ словахъ и о письмѣ его руки, въ которомъ онъ тѣ непристойныя и воровскія, затѣйныя свои слова говорилъ и написалъ, имъ, великимъ государемъ, извѣстно и у розыску въ томъ онъ, Гришка, винился, и то его Гришкино воровское вышепомянутое письмо поднесено имъ, великимъ государемъ, того жъ числа и оставлено въ хоромѣхъ; тако жъ за его измѣну, какъ онъ, будучи въ Запорогахъ, хотѣлъ и умышлялъ имъ, великимъ государемъ, измѣнить, въ чемъ на него писалъ въ большой полкъ къ ближнему боярину, и оберегателю и дворовому воеводѣ, ко князю Василью Васильевичу Голицыну, съ товарищи изъ Запороговъ

товарищъ его, окольничій и воевода, Леонтій Романовичъ Неплюевъ, съ товарищи, и что изъ Запороговъ онъ Гришка, забунтовавъ, ушелъ съ ратными людьми своевольствомъ своимъ къ Кодаку, безъ великихъ государей указу, и у того розыску въ томъ онъ, Гришка, винился жъ, а сказалъ, что наговаривалъ де его и приводилъ къ той измѣнѣ бывшій прилуцкій полковникъ Лазарка Горленокъ, а онъ будто къ тому воровству и къ измѣнѣ приставать не хотѣлъ, и потому по всему знатно, что и онъ, Гришка, мыслилъ о томъ съ нимъ, Лазаркомъ, обще, а если бъ его умыслу въ томъ не было, и онъ бы изъ Запороговъ прибѣжалъ самъ, извѣстясь о томъ, или бъ отписалъ въ полки къ ближнему боярину, и оберегателю и большаго полку къ дворовому воеводѣ, ко князю Василью Васильевичу съ товарищи, или бъ сказалъ о томъ въ Запорогахъ окольничему и воеводѣ Леонтью Романовичу съ товарищи,—*казнить смертью*. А женѣ его дать свободу и жить ей въ малороссійскихъ городѣхъ, въ которыхъ пристойно, по гетманскому разсмотрѣнію, и дать ей на прожитокъ изъ его, Гришковыхъ, пожитковъ двѣсти рублевъ денегъ, да изъ платья ея камчатыя, и атласныя, и суконныя теплыя бѣльи и лисьи и холодныя платна, кромѣ золотныхъ, и бархатныхъ, собольихъ и холодныхъ платенъ; а бѣлое всякое платье, также и Гришкино платье, которое есть на немъ нынѣ въ Сѣвску, отдать всей ей. А Мишку Васильева пожаловали великіе государи, смертью его казнить не велѣли, а указали съ женою его и съ дѣтьми, отдавъ ему всѣ пожитки его, и хлѣбъ, прислать его къ Москвѣ съ провожатыми: а что ему пожитковъ его всякихъ будетъ отдано и тому всему прислать роспись. А село его Михайловку съ деревнями и со всѣми людьми, и съ крестьяны, и съ мельницами, и съ землями, и съ хуторы, и съ пасѣки и съ сады указали великіе государи отписать къ сумскому полку и написать того села и деревень жителей и мастеровыхъ людей, также и дворовыхъ его людей, буде которые съ нимъ ѣхать къ Москвѣ не похотятъ, въ казаки и дать имъ сотника добра, и быть сотнѣ михайловской, и вѣдать ихъ службою и расправою сумскимъ полковникомъ, и учинить въ томъ селѣ Михайловкѣ острогъ съ крѣпостьми; а съ мельницъ, и съ пасѣкъ медъ, и съ садовъ яблоки

и иной овощъ сбирать и въ прудахъ рыбу ловить на себя, великихъ государей. И къ тому бъ ко всему приставили они, полковники, цѣловальниковъ добрыхъ, и для того послать въ Михайловку изъ Сѣвска дьяка Михаила Жаденова. А Ивана Самойлова указали великіе государи сослать изъ Кукарки въ Сибирь въ Тоболескъ, а сына его, Якушка, и съ женою его въ Енисейскъ и держать ихъ въ тѣхъ городѣхъ за крѣпкимъ карауломъ и давать своего, великихъ государей, жалованья кормъ по прежнему; а отъ Кукарки до Тобольска велѣть съ ними послать въ приставѣхъ казанцевъ двухъ человѣкъ дворянъ добрыхъ и провожатыхъ служилыхъ людей, сколько человѣкъ пристойно. А Григорья Бахметева, принявъ у него Ивана и Якушку, велѣть отпустить къ Москвѣ. А въ Тобольскѣ, принявъ Ивана и Якушка, отпустить тѣхъ казанцевъ и съ служилыми людьми въ Казань, и послать Якушка изъ Тобольска за крѣпкимъ карауломъ въ Енисейскъ. И указали великіе государи о томъ свои, великихъ государей, грамоты въ Сѣвскъ, и въ Казань, и къ Григорью Бахметеву и къ гетману для вѣдома, а въ Сибирскій приказъ о пріемѣ память послать. Думной дьякъ Емельянъ Украинцовъ".

Государева грамота о казни Григорья Самойловича и о присылкѣ въ Москву Михаила Васильева послана въ Сѣвскъ воеводѣ Л. Р. Неплюеву 31 октября 1687 г. съ сѣвскимъ подъячимъ, а въ отвѣтъ въ Москвѣ была получена отписка Неплюева, въ которой онъ писалъ: „...и по вашему, великихъ государей, указу Гришкѣ Самойлову у казни его воровскія, затѣйныя и непристойныя слова и измѣна сказана и казненъ смертью, отсѣчена голова, ноября въ 11 числѣ нынѣшняго 196 г. (1687), а у казни былъ солдатскаго строя полковникъ Тимоѳей Фандервидинъ". На отпискѣ сдѣлана помѣта: „196 г. ноября въ 21 д. Великимъ государемъ и великой государынѣ, благовѣрной царевнѣ извѣстно. Взять къ отпуску". Этими словами—взять къ отпуску—и закончилось для Москвы существованіе въ свое время опаснаго для нея козака Григорья Самойловича.

А. Востоковъ.

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.

Вся наша жизнь объята культурными переживаніями, остатками древняго міросозерцанія и древней морали. Много ихъ въ понятіяхъ, нравахъ, языкѣ и бытѣ современнаго интеллигентнаго общества, и еще болѣе въ нравахъ и понятіяхъ простаго народа. Широкій потокъ цивилизаціи новаго времени, повсемѣстное господство скептицизма и критики не могли еще очистить народную жизнь отъ остатковъ древней грубости нравовъ и темныхъ повѣрій старины. Культурныя переживанія упорно держатся въ семьѣ и въ обществѣ, проникаютъ въ искусство и литературу. Что можетъ быть, напримѣръ, невѣжественнѣе и грубѣе вѣры въ колдовство, въ порчу и гоненія на мнимыхъ представителей демонической силы—вѣдьмъ, однако, такая вѣра и гонительство, какъ темныя культурныя переживанія, проявляются и въ Россіи, и въ западной Европѣ среди простаго народа. Въ 1875 году Нипольдъ издалъ сочиненіе, любопытное уже по заглавію: „Die gegenwärtige Widerbelebung des Hexenglaubens“, а въ сущности дѣло состоитъ не въ оживаніи, а въ переживаніи понятій и нравовъ темной старины. Не все то хорошо, что ново, и среди культурныхъ пережитковъ, большею частью дѣйствительно мрачныхъ и грубыхъ, встрѣчаются весьма цѣнные съ точки зрѣнія прогресса и морали. „Въ историческомъ прошломъ народовъ, замѣчаетъ г. Кулишеръ, было много добрыхъ злаковъ, до того добрыхъ, что въ нѣсколько измѣненной формѣ они являются идеаломъ лучшаго будущаго. Многія изъ тѣхъ бытовыхъ формъ и нравственныхъ понятій, которыя исчезли уже изъ жизни болѣе культурныхъ народовъ, погибли не потому, что онѣ не соотвѣтствовали высшему критерію добра, не потому, что онѣ не удовлетворяли интересамъ и потребностямъ большинства лицъ,

жившихъ въ этихъ формахъ, а потому, что онѣ не выдержали борьбы съ иными бытовыми формами, съ которыми имъ пришлось столкнуться" (Очерки сравн. этногр. 7).

Въ народной жизни культурныя переживанія стоятъ въ настоящее время независимо одно отъ другаго, какъ разнородные и разновременные обломки старины. Въ предлагаемыхъ вниманію статьяхъ я не буду подгонять культурныя переживанія подъ извѣстныя рубрики, миѳологическую, историко-литературную, сравнительно-этнографическую, или дѣлить ихъ по внѣшнему формальному сходству обрядности или значенія. Всякому культурному переживанію отводится самостоятельное мѣсто и посвящается особое изслѣдованіе. При такой постановкѣ дѣла выигриваютъ изслѣдователь и читатель. Изслѣдователь не стѣсненъ матеріаломъ, разсматриваетъ то, что ему болѣе нравится и болѣе извѣстно, и всегда можетъ остановиться, на любомъ мѣстѣ своего труда, читатель имѣетъ въ такомъ случаѣ передъ собою рядъ статей разнообразнаго содержанія, по возможности законченныхъ, и можетъ дѣлать изъ нихъ выборъ по своимъ личнымъ научнымъ наклонностямъ и привычкамъ.

Принимая во вниманіе спеціальный характеръ „Кіевской Старины", я и въ слѣдующихъ моихъ этюдахъ о folk-lare на первое мѣсто ставлю южно-русскій этнографическій матеріалъ; но при объясненіи его считаю необходимымъ обращаться къ бытовой археологіи арійскихъ народовъ и въ частности къ сравнительно-историческимъ изслѣдованіямъ обрядовъ, повѣрій и сказаній славянскихъ народовъ.

1.

Олень въ произведеніяхъ народной словесности и искусства.

Пѣсенный мотивъ о турѣ-оленѣ.—Двойственное значеніе тура-оленя.—Олень въ міросозерцаніи и символикѣ языческихъ народовъ.—Символическій олень христіанскаго искусства и литературы.—Пути распространенія мотива объ оленѣ.—Современное пѣсенное значеніе тура-оленя.

Въ колядкахъ и свадебныхъ пѣсняхъ встрѣчается темный образъ чудовищнаго звѣря тура-оленя. Такъ, въ галицкихъ колядкахъ:

Ой шумыть, шумыть геть дубровонька,
Зійшла жь ся и къ ней вся громадонька:
Чого жъ ты шумишь, гей, дубровонька,
Ой тожь я знаю, чого я шумю,
Бо въ мене е чудное звѣрють,
Чудное звѣрють сиве оленють;
Въ того оленя семьдесятъ рогивъ.... (*Голов.* IV, 18).

—

(Газдыня) дывыться, дывыться въ чистое поле,
Ой высмотрѣла дивное звѣрье,
Дивное звѣрье, тура-оленя;
На головцѣ жъ му та девять рожкивъ... (*Голов.* II, 48).

—

Шуми, не шуми чомъ дубровонько,
Ой якъ же менѣ, гей, не шумиты,
По мене ходитъ дивное звѣря,
Дивное звѣря девятороге,
А на десятимъ святый тарильчикъ,
На тимъ тарильци золотый стильчикъ,
На тимъ стильчику панночка сидитъ... (*Голов.* IV, 612).

—

..... Дивное звѣря тура-оленя
Що на головки девять рижечкивъ,
А на десятимъ теремъ збудованъ,
А въ тимъ тереми гречна панночка... (*Гол.* II, 84).

—

Ходитъ по мени всякая звирька,
Всякая звирька, сивый оленю,
На кимъ оленю симдевять рогивъ,
А тій десятый самый золотый,
А въ кимъ золотимъ свитлечко горыть,
А въ кимъ свитлочку панночка сидить (*Kolberg* Pokucie I. 108).

Этотъ мотивъ встрѣчается съ нѣкоторыми измѣненіями въ великорусскихъ пѣсняхъ. Молодецъ собирается застрѣлить „мать сѣру ланью съ ланятами,“ но она направляетъ его на турка. Въ другой пѣснѣ, болѣе близкой къ малорусскимъ колядкамъ.

Во тѣхъ ли лугахъ все шелкова трава,
По той по травушкѣ ходитъ олень,
Ходитъ олень золотые рога.

Молодецъ женихъ (пѣсня свадебная) хочетъ застрѣлить бѣлаго оленя, но послѣдній сказалъ:

Не бей меня, Иванъ господинъ,
Нѣ въ кое время я самъ пригожусь:
Станешь жениться на свадьбу приду
Золотыми рогами весь дворъ освѣчу,
Всѣхъ я твоихъ гостей взвеселю. (*Потебня*, Коляд[illegible]21).

Пѣсенный мотивъ объ оленѣ золотые рога встрѣчается у сербовъ и болгаръ, при чемъ обнаруживается большое сходство сербскихъ пѣсень съ пѣснями малорусскими объ оленѣ. Въ лазарской пѣснѣ въ честь неженатаго парня, записанной въ Старой Сербіи:

Јелен пливат по море,
Златни му се рогови,
На рогови пиргови (т. е. башни),
На пиргови тронови,
На тронови млад јунак (*Ястребовъ*, Об. и пѣс. тур серб., 110).

Въ другой пѣснѣ олень также плыветъ по морю; на рогахъ у него башня; на башнѣ взголовье; на немъ дѣвица нижетъ бисеръ (Потебня, Колядки, 339).

Въ болгарской величальной пѣснѣ молодецъ сынъ хозяина

Ни намери дрибна лова,
Най намери сур-илена,
Сур-илена злътурога.

Молодецъ замахиваетъ копьемъ, и олень, какъ и въ великорусскихъ пѣсняхъ, обращается къ охотнику съ рѣчью (*Потебня*, Колядки, 330). Болгарскихъ пѣсенъ объ охотникѣ и оленѣ записано нѣсколько (ib. 330—339).

Такимъ образомъ, малорусскій пѣсенный мотивъ объ оленѣ золотые рога есть мотивъ обще-славянскій. Значительное сходство славянскихъ пѣсень съ этимъ мотивомъ даетъ поводъ къ предположенію о вліяніи пѣсенности одного славянскаго народа на пѣснотворчество другаго народа, близкаго по мѣстежительству и умонастроенію.

Туръ-олень является весьма любопытнымъ и сложнымъ историческимъ явленіемъ. Темнота его поэтическаго образа проистекаетъ отъ того, что въ немъ слиты въ одно два совершенно различныхъ предмета, во первыхъ предметъ изъ міра зоологическаго bos primi-

genius—туръ, и во вторыхъ предметъ историко-литературный и историко-художественный символическій олень.

Я уже имѣлъ случай говорить о значеніи тура въ народной словесности (въ „Кіев. Стар.," потомъ отдѣльной брошюрой) и здѣсь повторю только общій выводъ, что туръ существовалъ въ Россіи, преимущественно южной, съ древнѣйшихъ временъ до шестнадцатаго столѣтія включительно и, какъ животное крупное и сильное, надолго сохранился въ народной памяти и вошелъ въ народные обряды, поговорки и пѣсни[1]), но при этомъ возможно, что онъ вошелъ въ малорусскую поэзію подъ вліяніемъ непонятнаго болгарскаго пѣсеннаго сур-оленя.

Въ исторіи развитія поэтическихъ, литературныхъ и художественныхъ образовъ оленя можно намѣтить два періода—древнѣйшій, религіозно-миѳическій и новый христіанскій. Символическій олень возникъ изъ религіозно-миѳическихъ представленій объ оленѣ древнихъ классическихъ народовъ и получилъ блестящее развитіе въ искусствѣ и словесности христіанскихъ народовъ, какъ западныхъ католическаго вѣроисповѣданія, такъ и восточныхъ, вѣроисповѣданія православнаго. Разными путями символическій олень проникъ въ старинную русскую литературу и въ малорусскую народную словесность, преимущественно въ колядки, въ которыхъ церковно—историческое содержаніе гораздо болѣе значительно, чѣмъ принято думать, такъ что многіе мотивы, напримѣръ, міровое дерево, райскія пташки и др., ближайшимъ источникомъ имѣютъ не религіозно-миѳическія представленія отдаленной древности, а религіозныя повѣствовательныя и апокрифическія сказанія христіанской эпохи.

Въ міросозерцаніи и символикѣ древнихъ народовъ олень занимаетъ видное мѣсто, какъ образъ солнечнаго божества, какъ символъ свѣта и жизни. У египтянъ олень служилъ знакомъ для обозначенія солнечнаго года. У грековъ олень былъ посвященъ Аполлону. Кромѣ того, это было любимое животное Геркулеса. По весьма распространенному въ древности мнѣнію, олень пожиралъ змѣй.

---

[1]) Въ дополненіе къ моей ст. о Турѣ см. сочиненіе *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго* „Къ вопросу о быкѣ въ религ. представленіяхъ древн. Востока 1885 г. и соч. *Wankel'я* Der Bronzestier aus der Byciskala—Höhle 1877 г.

Повѣрье это, отвергаемое положительной наукой, прочно держалось въ средніе вѣка и въ новое время. Для предохраненія отъ укушенія змѣинаго носятъ оленій зубъ. Согласно съ своимъ значеніемъ солнечнаго животнаго, олень, какъ всѣ греческіе боги и герои солнечнаго происхожденія, обнаруживаетъ любовь къ музыкѣ. Аристотель раздѣляетъ народное повѣрье, что оленя можно очаровать и поймать звуками музыки. Въ европейскихъ могилахъ каменнаго вѣка и болѣе позднихъ меровингской эпохи и въ могилахъ англо-саксонскихъ находятъ оленьи рога, при чемъ усматриваютъ въ нихъ символъ безсмертія души. Символическое значеніе оленя отчетливо обнаруживается, между прочимъ, въ одномъ скульптурномъ изображеніи на гробницѣ: дитя лежитъ на оленьей шкурѣ и держитъ въ рукахъ оленя или ягненка, а подъ нимъ ползетъ ехидна. Здѣсь змѣя означаетъ смерть, а оленья шкура и ягненокъ вескресенье и побѣду жизни надъ смертью. (*Palus Cassel*, Aus Literatur und Symbolik. 1884, 281).

Солнечнымъ значеніемъ оленя обусловлено повѣрье въ продолжительность его жизни. Существовало повѣрье, что олень можетъ жить сотни лѣтъ. Согласно съ нимъ, нѣкоторые ѣли оленье мясо съ цѣлью долго прожить (ib. 282)

Религіозныя представленія оленя существовали въ южной Россіи въ древнее время, что подтверждается археологическими изслѣдованіями профес. В. Б. Антоновича о скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра въ подольской губерніи. Такъ, на одной скалѣ высѣчена слѣдующая группа: съ одной стороны стоитъ дерево безъ листьевъ, раздѣляющееся на 4 вѣтви; на одной изъ вѣтвей, горизонтальной, сидитъ пѣтухъ; подъ деревомъ стоитъ на колѣнахъ человѣческая фигура, изображенная въ профиль и нѣсколько напоминающая своими контурами каменныя бабы; фигура эта держитъ въ рукахъ чашу, совершая какъ-будто либацію. Сзади за человѣческою фигурою стоитъ фигура оленя съ вѣтвистыми рогами; послѣдняя при томъ поставлена, повидимому, какъ изображеніе не живаго, а монументальнаго оленя, ибо ноги ея опираются на умышленно выкованный подъ ними пьедесталъ. Между рогами оленя и пѣтухомъ находится квадратъ, въ видѣ рамки, но произведенный не рельефомъ, а выдолбленный въ скалѣ, что наводитъ на мысль, что ква-

дратъ этотъ высѣченъ не одновременно съ остальными фигурами, а, вѣроятно въ гораздо болѣе позднее время. (*Труды* Одес. Арх. Съѣзда I, 39).

Скальный рельефъ съ оленемъ по содержанію своему имѣетъ очень близкое отношеніе и къ языческимъ религіознымъ вѣрованіямъ и обрядамъ, и къ христіанской символикѣ. В. Б. Антоновичъ высказываетъ предположеніе, что изображенная на скалѣ группа представляетъ сцену изъ славянскаго предшествовавшаго христіанству религіознаго культа О древности происхожденія барельефа свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что гранитная скала, на которой онъ изсѣченъ, вывѣтрилась послѣ изсѣченія равномѣрно и на поверхности ея образовались глубокія продольныя борозды, которыя пересѣкаютъ равно гладкую поверхность скалы и высѣченныя на ней фигуры. Въ ближайшихъ окрестностяхъ пещеры найдено много кремневыхъ осколковъ и въ томъ числѣ нѣсколько экземпляровъ совершенно явственныхъ отбивныхъ кремневыхъ орудій (ib. 100).

Все содержаніе скальнаго рельефа можно объяснить вполнѣ удовлетворительно фактами христіанской символики и литературы, главнымъ образомъ данными житія св. Евстафія Плакиды, о чемъ ниже, и только точное хронологическое опредѣленіе рельефа, если только оно возможно, могло бы рѣшить вопросъ въ ту или другую сторону.

Въ священномъ писаніи олень служитъ символомъ разныхъ нравственныхъ понятій (см. Псалтырь, пс. XXVIII, 9, и Пѣснь пѣсней, II, 17). Первые христіане изображали оленя на гробницахъ, преимущественно какъ символъ Спасителя, иногда какъ символъ апостоловъ или святыхъ Олень служилъ также символомъ души, въ томъ смыслѣ, что душа боится грѣха и готова съ быстротой бѣжать отъ него. На западѣ символическій олень встрѣчается на древнихъ мозаикахъ, гробницахъ, иконописныхъ изображеніяхъ и чаще всего въ баптистеріяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ присутствіе оленя обусловлено словами 41 псалма: „имже образомъ желаетъ олень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ тебѣ, Боже!“

Въ исторіи символики, живописи и словесности особенно важное значеніе имѣетъ символическое представленіе Христа въ видѣ

оленя, отдѣльно или въ сочетаніи съ крестомъ. На сводахъ катакомбы св. Марцелины и Петра и на древней трибунѣ латеранскаго храма находится изображеніе двухъ оленей и креста между ними. (*Martigny* Diction. d' antiq. chrét. 136).

Символическій олень съ распятіемъ между рогами получилъ широкое распространеніе въ западныхъ и восточныхъ религіозныхъ легендахъ. Въ житіяхъ латинскихъ святыхъ Губерта, Евстерія, Германа Окирскаго и Норберта и въ древнемъ греческомъ житіи Евстафія Плакиды встрѣчается символическій олень. Губертъ съ такой яростью предавался охотѣ, что совершенно забылъ о спасеніи своей души Но, по милосердію Божію, онъ встрѣтился однажды съ оленемъ, который несъ на головѣ чашу съ св. дарами. Сіяніе, распространявшееся отъ головы оленя, было до такой степени ослѣпительно, что охотничьи собаки испугались и отказались на всю жизнь отъ травли оленей. Губертъ, понявъ, что его увлеченіе охотой непріятно Господу, ушелъ въ пустыню и сталъ впослѣдствіи учить людей смиренію и кротости и пользовать ихъ отъ болѣзней цѣлебными травами (*Туссенель*, Нравы животныхъ, 135). Эта легендарная подробность воспроизводится въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ европейскихъ преданіяхъ. Разсказываютъ, напримѣръ, что Іоахимъ II, курфирстъ бранденбургскій, незадолго до своей смерти увидѣлъ разъ во снѣ оленя съ блестящимъ золотымъ распятіемъ между рогами. Олень этотъ оказался предвѣстникомъ смерти курфирста. (*Ждановъ*. Къ литер. ист. былев. поэзіи, 80). Подобнаго рода народное преданіе литературно обработано Флоберомъ въ Легендѣ о св. Юліанѣ Милостивомъ.

Олень встрѣчается въ византійскихъ житіяхъ святыхъ и въ миніатюрахъ. Такъ, въ греческой рукописи париж. нац. библ., содержащей избранныя рѣчи Григорія Богослова, съ хронологической помѣткой 1262 г., находится, между прочимъ, слѣдующая миніатюра поэтическаго характера. Къ рѣчи „на Новое Воскресеніе“ въ прелестномъ фронтисписѣ, наполненномъ арабесками и внутри осьми-угольнаго поля, образованнаго оригинальнымъ плетеніемъ вѣтвей, виньетка изображаетъ молодаго пастуха съ кошелкою на плечѣ, среди оленей, славословящаго Бога. Въ небѣ Христосъ по грудь. Буква рядомъ изображаетъ пастуха, доящаго лань (*Кон-*

даковъ, Исторія византійск. искусства, 203. Снимокъ съ миніатюры см въ Приложеніи, на табл. XIII, 3).

Что символическій олень проникъ глубоко въ греческую словесность и искусство, видно изъ того, что онъ отразился на греческихъ народныхъ пѣсняхъ. Такъ, по одному варіанту пѣсни о Дигенисѣ, смерть этого выдающагося средневѣковаго греческаго богатыря произошла въ наказаніе за то, что онъ убилъ вѣщаго оленя съ распятіемъ среди роговъ, звѣздой во лбу и образомъ Богородицы среди лопатокъ. (*Жданова*, Къ литер. ист., 80). Въ другой греческой пѣснѣ о Дигенисѣ олень обращается уже въ мѣстнаго духа на высокомъ гребнѣ горы, съ крестомъ на рогахъ, съ мѣсяцемъ на заднихъ ногахъ. Онъ содрогается, и содрогаются горы и поля; ударомъ ноги онъ выбиваетъ деревья къ корнемъ, (*Дестунисъ*, въ Сборн. Ак. Наукъ XXXIV, I, 30).

Возвращаясь къ малорусскимъ пѣсеннымъ мотивамъ съ оленемъ золотые рога и сходнымъ съ ними пѣсеннымъ образомъ другихъ славянскихъ народовъ, мы попробуемъ хотя приблизительно и гадательно опредѣлить путь въ распространеніи ихъ и въ частности попытаемся разъяснить вопросъ, какимъ путемъ проникли эти мотивы въ южнорусскую народную поэзію.

Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что символическій олень возникъ и развился на древней классической почвѣ. Таинственный образъ оленя нашелъ большое распространеніе въ Греціи; здѣсь онъ проникъ въ иконопись, миніатюру и народныя пѣсни, и отсюда уже, т. е изъ Греціи, перешелъ въ славянскія страны путемъ литературной и устной передачи. По справедливому замѣчанію Леграна: „plusieurs chronographes byzantins nous apprennent, que les chansons populaires grecques des cette époque (т. е. средневѣковыя, напр., пѣсни о Дигенисѣ) étaient très repandues dans les pays slaves.“ Въ частности извѣстно, что сказанія о Дигенисѣ, гдѣ встрѣчается и олень, издавна были извѣстны на Руси и сдѣлались отчасти достояніемъ русской народной поэзіи (подробности см. у *Жданова*, Къ литер. ист. 77, 233—239; *Дестуниса*, въ Сборн. Акад. Наукъ XXXIV, I, 29—32).

По всей вѣроятности, символическій олень первоначально проникъ въ Болгарію, можетъ быть въ IX или X вѣкѣ, цвѣтущіе

вѣка болгарской письменности. Въ это время были переведены съ греческаго на болгарскій книги священнаго Писанія, книги богослужебныя, многія отеческія творенія, разныя статьи философскаго и психологическаго содержанія. Во главѣ литературнаго движенія стоялъ самъ царь „книголюбецъ“ Симеонъ, а вокругъ него группировались переводчики и писатели. Въ это время обнаружились здѣсь и попытки самостоятельной литературной дѣятельности, при чемъ на развитіе болгарской письменности и поэзіи оказали сильное вліяніе богумилы. Вообще, болгарская литература X вѣка, по словамъ И. В. Ягича, была уже на столько богата, что могла сравниться съ современными литературами греческой и латинской и рѣшительно превосходила всѣ современныя европейскія литературы.

Изъ Болгаріи символическій олень легко могъ проникнуть въ Сербію и южную Русь, при чемъ обычный въ болгарской народной поэзіи эпитетъ сур (сур-иленъ, сура-ламя) въ однѣхъ украинскихъ пѣсняхъ сохранился (сив. олепютъ, сивый олень) въ другихъ пѣсняхъ обратился въ названіе извѣстнаго животнаго тура, и потомъ уже наросли бытовыя подробности объ охотѣ на тура и его внѣшнемъ видѣ. Трудно сказать, какимъ путемъ и когда балканскій сур-илен переселился въ русскую народную словесность, можетъ быть черезъ Румынію, которая въ старое время служила переходнымъ мостомъ для разныхъ бытовыхъ и литературныхъ вліяній, славянскихъ и романскихъ. Въ румынскихъ колядкахъ, между прочимъ, встрѣчается мотивъ объ охотѣ на ланъ (*Веселовскій*, Сборн. Акад. Наукъ XXXII. 256). Число 9 встрѣчается въ греческихъ былинахъ о Дигенисѣ (посѣялъ 9 мѣрокъ зерна: см. *Дестуниса*, стр. 15): оттого, м. б., и девять роговъ у оленя.

Великорусскіе пѣсенные мотивы объ оленѣ могли непосредственно произойти изъ письменности, или они взяты изъ вторыхъ или третьихъ рукъ и затѣмъ удержались и распространялись подъ вліяніями книжными, житій святыхъ, подлинниковъ и иконописныхъ изображеній, которыя заимствовали оленя изъ первоисточника, греческой духовной литературы. Въ старинной московской письменности символическій олень игралъ видную роль. Онъ вошелъ въ изображенія страшнаго суда. Такъ, въ одномъ подлинникѣ XVIII вѣка на иконѣ Страшнаго суда полагается, между прочимъ, Христосъ

въ кругу въ образѣ оленя объ одномъ рогѣ (*Буслаевъ*, Истор. очерки, II, 134).

Въ старинной литературѣ выдается житіе св. Евстафія Плакиды по подробному описанію символическаго оленя. Плакида, „стратилатъ при Троянѣ царѣ," любилъ охоту. Однажды онъ погнался за большимъ и красивымъ олешемъ. Олень соскочилъ на высокій камень и остановился. Надъ рогами его показался крестъ, испускавшій свѣтъ сильнѣе солнца, а посреди роговъ образъ святаго тѣла Христова:" О Плакидо, что мя гонеши? сказалъ олень. Се тебе ради пришелъ есмь на животнѣмъ семъ явитися тебѣ. Азъ есмь Іисусъ Христосъ... Си слыша стратилатъ пристрашенъ бѣ, спаде съ коня (*Великія Минеи-Четьи* I 1284 и 1287). Это описаніе символическаго оленя объясняетъ происхожденіе подножія оленя на днѣстровскомъ скальномъ рельефѣ, если допустить мысль о христіанскомъ его происхожденіи, объясняетъ также многія пѣсенные мотивы съ олешемъ, напримѣръ, слова оленя, что онъ пригодится молодцу на свадьбѣ, въ великорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ, въ особенности рельефно объясняетъ происхожденіе жалобъ оленя (что мя гонеши) въ великорусскихъ пѣсняхъ.

Пѣсни съ туромъ-оленемъ золотые рога получили характеръ и значеніе величальныхъ пѣсень, и образъ тура оленя въ настоящее время прилагается преимущественно къ жениху. Въ великорусскихъ пѣсняхъ лань указываетъ охотнику невѣсту; въ малорусскихъ олень обѣщаетъ нарубку прійти къ нему на свадьбу; въ одной сербской пѣснѣ олень перебрасываетъ дѣвицу черезъ рѣку, что по смыслу пѣсни имѣетъ отношеніе къ замужеству. Вообще, въ сербскихъ пѣсняхъ — женихъ, лань (кошута) — невѣста; или женихъ и его братья охотники, олень — невѣста. (*Потебня*, Колядки 319—328).

2.

Принесеніе въ церковъ хлѣба и мяса.

Языческое кормленіе боговъ. — Двоевѣріе. — Историческія свидѣтельства о принесеніи въ церковъ пищи и питья.

До принятія христіанства славяне имѣли вещественныя изображенія религіозно-миѳическихъ представленій, олицетворявшія стихійныя силы и явленія природы въ формѣ истукановъ или идоловъ,

которымъ приносили въ жертву мясо, хлѣбныя печенія и напитки. Въ покормъ богамъ шло все, что употреблялъ въ пищу человѣкъ. По свидѣтельству Константина Багрянороднаго и Льва Діакона руссы приносили въ жертву живыхъ птицъ. Въ Словѣ Христолюбца говорится о „моленіи короваевъ," о закланіи куръ „бѣсамъ" (т. е. идоламъ), о предложеніи имъ молока, масла, яицъ и „всего потребнаго"

Обычаи языческаго жертвоприношенія оставили глубокіе слѣды въ народной жизни. Принявъ христіанство, допускающее только символическую жертву Богу, въ видѣ свѣчъ и ладана, восточные славяне въ частности южно-руссы, долгое время сохраняли матеріальный взглядъ на молитву и церковное освященіе въ большіе праздники съѣдобныхъ предметовъ. Въ великорусскихъ областныхъ говорахъ слово моленіе до сихъ поръ удержало характеръ кормленія домоваго или языческаго жертвоприношенія. Въ старинной южнорусской письменности находится нѣсколько любопытныхъ указаній на обычай приносить въ церковь на освященіе пищу и питье. Въ поученіи пр. Ѳеодосія печерскаго къ народу противъ пьянства половины одинадцатаго вѣка находится уже порицаніе обычая „благословлять кутью во оставленіе грѣховъ." Никакимъ приношеніемъ, говоритъ Ѳеодосій, не очищаются грѣхи, кромѣ приношенія тѣла и крови Господней. Далѣе Ѳеодосій порицаетъ обычай приносить въ олтарь, кромѣ просфоръ, ладона и свѣчъ, пищу и питье (*Макарій*, Ист. рус. церкви, II).

Такое же документальное указаніе на существованіе въ западной и южной Россіи обычая приносить въ церковь пищу и питье находится въ письмѣ супральскаго архимандрита Сергія Кимбара къ кіевскому митрополиту Макарію II около 1536 года. Указывая на разныя нестроенія въ церковной жизни тогдашняго западно-русскаго общества, Кимбаръ замѣчаетъ, что „и мяса, и хлѣбы и церквахъ посвящаютъ и внутрь святого алтаря нѣціи и мясо и сыры и хлѣбы и овощіе всякое, и медовину, и оловину вносятъ и животная скоть во освященные храмы нѣкогда пущають; а то крѣпко въ святыхъ правилахъ отречено и запрещено не токмо у святый олтарь таковая, но и въ церковь никако не вносити, а ни животныхъ скотинъ упущати; въ святый же алтарь кромѣ вина

служебнаго и масла древяннаго и тиміяна инѣхъ не повелѣно вносити подъ клятвою, а по тутошнему обычаю въ томъ не радятъ а ни того знаютъ, а ни хотятъ знати" (*Архивъ* юго-зап. Россіи, ч. I, т. VII, 13).

Прошло 50 съ небольшимъ лѣтъ, и въ 1589 г. константинопольскій патріархъ Іеремія обратился съ окружной грамотой къ литовско русскому духовенству и мірянамъ объ уничтоженіи обычаевъ приносить въ церковь мяса и пироги для освященія въ праздники Рождества Христова и св. Пасхи. Патріархъ находитъ неправильнымъ, что малороссіяне на другой день праздника Рождества Христова празднуютъ пологъ Богородицы и приносятъ въ церковь „семидаліонъ, муку печену". Южно-русское духовенство въ соборномъ посланіи 1590 г., согласно съ грамотой патріарха, осудило обычаи приносить въ церковь пироги и освящать хлѣбъ и мясо. (*Акты* Запад. Рос. IV § 22).

Нѣчто подобное встрѣчается и нынѣ въ крестьянскомъ быту. Такъ, въ обширной корреспонденціи изъ Зміева (Харьк. губ.) о мѣстныхъ церковныхъ дѣлахъ, напечатанной въ № 2580 Южнаго Края отъ 3 іюля 1888 года, между прочимъ, говорится, что „въ Зміевѣ многіе изъ крестьянъ вмѣстѣ съ пасхой и другими съѣстными припасами, освящаемыми для разговѣнья, освящаютъ еще и другіе совершенно не подходящіе предметы, напримѣръ: макъ, перецъ, ладанъ, брусокъ точильный, иголки и проч. Каждый предметъ имѣетъ какое нибудь суевѣрное назначеніе: макъ, вѣроятно, какъ символъ плодородія, дается домашнимъ птицамъ и другимъ животнымъ, назначаемымъ на расплодъ; перецъ дается людямъ и птенцамъ индѣйки для предупрежденія болѣзней, ладанъ употребляется для подкуриванія, а брусокъ для придавливанія больнаго вымени коровы и, по мнѣнію хозяекъ, спасаетъ корову отъ порчи ея вѣдьмами, о похожденіяхъ которыхъ, какъ извѣстно, вездѣ разсказываются самыя фантастическія исторіи. Иголки служатъ для лѣченія „куриной слѣпоты": больной долженъ стараться смотрѣть вдаль сквозь игольное ушко, а потомъ закинуть иголку"...

3.

Ворожба надъ тучами.

Власть земли.—Молитвы о дождѣ.—Идея личнаго господства надъ тучами.—Важное значеніе ворожбы надъ тучами въ глазахъ земледѣльческихъ народовъ.—Легальная ворожба.—Отрицательное къ ней отношеніе подъ вліяніемъ христіанства.

Идея о власти земли въ жизни и міровоззрѣніи народа, развитая въ сочиненіяхъ Г. И. Успенскаго, имѣетъ широкое примѣненіе къ объясненію многихъ народныхъ обычаевъ и повѣрій. Находясь въ большой зависимости отъ земли, соразмѣряя свое благосостояніе со степенью хлѣбнаго урожая, земледѣльческій народъ внимательно слѣдитъ за всѣми явленіями природы и въ древности старался подчинить ихъ себѣ путемъ заговора, молитвы, ворожбы, разнаго рода таинственными къ нимъ обращеніями и символическими дѣйствіями. Въ особенности важное значеніе въ жизни земледѣльческаго народа имѣетъ своевременный весенній и лѣтній дождь, сказочный жемчугъ, перлы, живая вода, вдохновляющій мудрый напитокъ, источникъ здоровья и силы. Въ малорусскихъ колядкахъ дождь прославляется за то, что весной отъ него хорошо идетъ хлѣбъ. „Якъ я перейду три рази на ярь мисяця мая или ярца, возрадуются жита, пшеницы и вси ярыци". Въ другой прекрасной колядкѣ Богъ говоритъ:

Якъ я спущу дрибного дожджу,
Зрадуется ми весь мирный свитокъ,
Весь мирный свитокъ, жито пшеныця,
Жито, пшеныця, всяка сѣвбыця (*Голов. II*, 4).

Въ одномъ колядочномъ варіантѣ присоединено, какъ заключительный аккордъ, размышленіе:

Нитъ, якъ надъ тебе, велыкій нашъ Боже!
Ты кажешъ мисяцю: «свиты всему свиту!»
Ты кажешъ сонейку: «свиты всему свиту!»
Ты кажешь дождженку: «мочы суху землю!» (*Потебня*, Колядки, 186).

Въ дѣтскихъ обращеніяхъ къ дождю и въ настоящее время еще слышится отзвукъ древней молитвы и жертвоприношенія: „Дощику, дощику! зварю тоби борщику въ новенькому горщику поставлю на дуба, лини якъ зъ луба—цебромъ, видромъ, дійничкою надъ нашою пшеничкою" (*Номисъ*, Приказки 334).

Въ сербскихъ пѣсняхъ, связанныхъ съ вожденіемъ додолы:

Нана дода Бога моли,
Да удари росна киша,
Да покисну сви орачи,
И по кучи пословачи...
Сви орачи и копачи

Маркъ Аврелій въ сочиненіи „Наблюденія надъ самимъ собою“ сообщаетъ молитву древнихъ Аѳинянъ: „дожди, дожди, милый Зевсъ, на поля и нивы аѳинянъ“ (*Grimm*, Klein. Schrift. II, 449).

Во время засухи или продолжительныхъ дождей выступалъ наружу цѣлый рядъ таинственныхъ заговоровъ и дѣйствій, хранимыхъ и производимыхъ особыми лицами, жрецами, колдунами, знахарками. Въ классическую магію входило много формулъ и жертвоприношеній для укрощенія бурь. Коринѳъ содержалъ укротителей вѣтровъ, а Эмпедоклъ дѣлалъ чудеса въ этой области. Въ Меѳанѣ въ Арголидѣ для отвращенія палящаго юго-западнаго вѣтра отъ цвѣтущихъ виноградниковъ приносили въ жертву бѣлаго пѣтуха, разрѣзаннаго на двѣ равныя части, а въ Клеонахъ охраненіе полей община поручала градовымъ сторожамъ (*Буше-Леклеркъ*, Изъ ист. культ. I, 166) Діонъ говоритъ, что римляне однажды побѣдили квадовъ благодаря тому, что находившійся въ свитѣ римскаго императора египетскій магикъ Арнуфъ низвелъ съ неба сильный дождь. По другому сообщенію Діона римскій полководецъ Гета, когда войско римское страдало отъ жажды въ мавританской пустынѣ, ворожбой добылъ много воды (*Grimm*, Kl. Schrift. II 440—442).

Въ настоящее время ворожба надъ тучами встрѣчается у многихъ народовъ, дикихъ, варварскихъ и даже цивилизованныхъ. Африканскія племена минкопіи и нимики, чтобы отогнать бурю, пускаютъ въ нее отравленныя стрѣлы (*Леббокъ*, Нач цив., 165). Обыкновенно дѣло обходися заклинаніями. Подробное описаніе обрядности заклинанія дождя у бечуановъ находится у *Ливингстона* (Путеш. по Афр. 149—151), съ приложеніемъ рисунка. Производитель дождя у дикихъ народовъ пользуется уваженіемъ; но если заклинанія долгое время не оправдывается дождемъ, то надъ колдуномъ смѣются и даже убиваютъ его.

Ворожба надъ тучами встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ славянскаго міра, преимущественно у балканскихъ славянъ, а повѣрье въ возможность такой ворожбы весьма распространено въ южной

Россіи среди малороссовъ. Въ Болгаріи и Сербіи во время засухи водятъ по улицамъ додолу, или перерugу-дѣвушку, украшенную зелеными вѣтвями, при чемъ толпа поетъ пѣсню: „О перуго рудоле! пусть упадетъ роса, пусть идетъ дождь, чтобы пшеница, маисъ и пшено родились богато“ и пр. (*Слав. Ежег.* 1877. 151; *Караведовъ.* Памятн. I, 180). Повидимому, додола служитъ воспоминаніемъ о древнѣйшемъ человѣческомъ жертвоприношеніи водѣ во время засухи, на что указываетъ то обстоятельство, что додолу поливаютъ водой, а въ Шумлѣ бросаютъ въ воду одѣтую въ зелень куклу, при полномъ собраніи всѣхъ жителей деревни.

Въ примитивной формѣ ворожба надъ тучами сохранилась у турецкихъ сербовъ, въ Призрѣнѣ, Ипекѣ, Моравѣ и Дибрѣ. Описаніе ея можетъ служить объясненіемъ того, что было нѣкогда на югѣ Россіи, среди южноруссовъ, и о чемъ у послѣднихъ сохранились теперь лишь воспоминанія. Въ Старой Сербіи охраненіе вспаханныхъ и засѣянныхъ нивъ отъ бури, ненастья, града и сильныхъ урагановъ берутъ на себя бабы. Какъ только замѣтятъ, что ураганъ не минуемъ, бабы выносятъ во дворъ столъ, кладутъ на него три ложки и пестъ. Какъ только начнетъ падать дождь, баба съ ситомъ выходитъ во дворъ, машетъ имъ преусердно и кричитъ, что есть мочи: „Мара, Стойка! Гей, Марія, гей. Магдалина! выходите на встрѣчу облаку и сверните его туда, гдѣ и пѣсенъ не поютъ, не плачутъ, гдѣ и пѣтухи не поютъ, т. е. въ горы, гдѣ никого нѣтъ—уа, уа!“ Если случится, что тучу пронесетъ надъ селомъ, не причинивъ вреда нивамъ, то баба та съ сознаніемъ своего достоинства принимаетъ благодарность всѣхъ своихъ односельчанъ. Женщины, занимающіяся ворожбой надъ тучами, на томъ свѣтѣ не допущены къ женщинамъ, умершимъ естественною смертью. По селамъ Моравы и Коссова поля въ случаѣ появленія тучи съ градомъ женщины выходятъ изъ воротъ дома съ ситомъ, ковригой хлѣба, яицомъ, машутъ этими вещами по направленію къ тучѣ и поютъ.

Сирна средо, бијела субото,
Бела субото, градова сестро!
У наше поле је ли си пао?
Коса пуштија, поле покрија

Овде немаш места, где да паднеш,
Но иди тамо у пусту гору,
У дубоку воду, гди људа нема,
Гди петао не поје,

Гди кокоше не кваче, Гди овце не блеји—и!—и!
Гди волове не мичи, (*Ястребовъ*, Обыч. тур. серб. 175).

Съ этой пѣснью-заговоромъ весьма сходны многіе малорусскіе заговоры, напр, отъ перелоговъ: „идыть соби на мха, на сухіи очерета, и на болота, и на ниціи (?) лозы, де пивни не спивають, и пивнячій голосъ не заходитъ“ (*Ефименко*, Малор. закл. 21), „на мха, болота, на крутыи берега, на жовтыи пески: тамъ кури не спивали, гуси не кричали, собаки не брехали, вѣтеръ не віе, и христіанскій голосъ не заходитъ“ (ib. 22)

Извѣстно, какъ сильно распространено въ Малороссіи вѣрованіе въ существованіе вѣдьмъ. Нѣтъ села, гдѣ не было бы одной или нѣсколькихъ вѣдьмъ. Во всякой хатѣ побаиваются козней вѣдьмы. Что бы ни случилось въ крестьянской семьѣ, такъ или иначе виновной является вѣдьма. Ее бранятъ за глаза, ненавидятъ, клянутъ, и къ ней же обращаются съ просьбой о помощи въ самыхъ разнообразныхъ житейскихъ случаяхъ. Изъ всѣхъ народныхъ суевѣрій, вѣдовство одно изъ самыхъ вредныхъ, такъ какъ оно отклоняетъ вниманіе народа отъ наблюденія надъ дѣйствительными бытовыми причинами нестроеній и неудачъ, постоянно подсказываетъ ему одинъ и тотъ же выводъ, пошлый и грубый притупляетъ умственную пытливость народа.

Злодѣяніе малорусскихъ вѣдьмъ многочисленны и разнообразны; но я не буду надъ ними здѣсь останавливаться, тѣмъ болѣе что на страницахъ „Кіевской Старины“ о вѣдьмахъ довольно подробно уже говорилось въ статьѣ П. С. Ефименка „Судъ надъ вѣдьмами“ (1883 г.) и въ статьѣ г. Селецкаго „Колдовство въ юго-западной Россіи“ (1886 г.). Остановимся только на заклинаніи тучъ вѣдьмами.

Документальныя указанія о ворожбѣ надъ тучами въ Малороссіи идутъ съ начала семнадцатаго вѣка. Въ „Номоканонѣ сирѣчь Законоправильникѣ“, изданномъ Захаріей Копыстенскимъ въ Кіевѣ въ 1624 г., находится указаніе, что иные гордились тѣмъ, будто повелѣваютъ облаками и укрощаютъ бури (*Огоновскій*, Ист. литер. русской I 145) Канцлеръ Радзивилъ, описывая въ своихъ мемуарахъ страшную бурю, бывшую 5 мая 1643 г, думаетъ, что ее произвели вѣдьмы (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. III 449). Въ 1709 г. подвергнута была въ Подоліи пыткѣ дворянка Яворская, по обви-

ненію въ задержаніи дождя (*Антоновичъ*, въ Трудахъ Э. С. эксп. I, 347). Въ 1711 г. на Волыни такое обвиненіе было взведено на нѣсколькихъ женщинъ (*Ефименко*, Кіевская Старина, 1883 г., III, 384) Въ настоящее время также думаютъ, что дождя не бываетъ оттого, что вѣдьмы снимаютъ росу и прячутъ ее въ погребѣ въ горшокъ (*Чубин.*, Труды I, 20). Вѣдьмы скрадываютъ съ неба дождь и росу, унося ихъ въ завязанныхъ кринкахъ или мѣшкахъ. и потомъ прячутъ ихъ въ своихъ хатахъ и коморахъ. Въ старые годы похитила вѣдьма дождь, и во все лѣто не упало его ни единой капли. Разъ она ушла въ поле, а дома оставила наймичку и строго приказала ей не дотрогиваться до горшка, что стоялъ подъ покутемъ. Мучимая любопытствомъ, наймичка развязала горшокъ и и услышала оттуда невѣдомый голосъ: „вотъ будетъ дождь! вотъ будетъ дождь!“ Испуганная наймичка выскочила въ сѣни, а дождь уже льется—словно изъ ведра. Скоро прибѣжала хозяйка, бросилась къ горшку, накрыла его и дождь пересталъ. Послѣ того вѣдьма принялась бранить наймичку: „еслибъ еще немного остался горшокъ непокрытымъ, сказала она, то затопило бы всю деревню!“ Вообще о вѣдьмахъ разсказываютъ, что онѣ вызываютъ ненастье, погружая въ воду горшки и взбалтывая ее; онѣ варятъ въ своихъ котлахъ и горшкахъ непогоду (*Аѳанас.* III, 443). Послѣдняя черта встрѣчается въ повѣрьяхъ африканскихъ негровъ. Мофатъ разсказываетъ, что у бечуанъ заклинатель дождя, указывая начальникамъ на свою жену, которая вытрясала молочный мѣшокъ, чтобы добыть изъ него нѣсколько масла, сказалъ: „Вы видите, что жена моя сбиваетъ дождь, какъ масло“. Это указаніе совершенно удовлетворило начальниковъ, и вѣсть, что дождь можно сбивать, какъ масло, всюду быстро распространилась (*Ливингст.*, 151). Норманны вѣрили, что колдуны продаютъ морякамъ вѣтеръ въ кожаныхъ мѣшкахъ (*Аѳанас.*, III, 445). Вообще, историко-культурныя параллели малорусскихъ повѣрій о ворожбѣ надъ тучами встрѣчаются у разныхъ народовъ.

Повѣрья о ворожбѣ надъ тучами въ сходныхъ или даже тожественныхъ формахъ повторяются въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи. Такъ, въ воронежской губ. говорятъ, что вѣдьма, желая произвести засуху, прогоняетъ дождевыя тучи своимъ передникомъ (*Воронеж. Бес.*, *193*). Въ городѣ Ровно, подобно тому, простой народъ вѣ-

ритъ, что бездождіе происходитъ отъ того, что вѣдьмы отворачиваютъ хмару обратно. Въ литинскомъ уѣздѣ крестьяне вѣрятъ, что вѣдьмакъ разгоняетъ тучи (Чуб. I, 205). Въ херсонской губерніи въ с. Пересадовкѣ недавно имѣлъ мѣсто слѣдующій любопытный случай: продолжительное бездождіе крестьяне „приписали колдовству и обвиняли въ этомъ трехъ бабъ-колдуній. Ихъ призвали въ сельское управленіе и строго наказали имъ, чтобы 17-го іюня былъ дождь; пока же для вящшаго воздѣйствія, ихъ немедленно выкупали въ рѣкѣ. Наступаетъ однакожъ 17-е іюня, а дождя все таки нѣтъ. Бабъ опять притащили въ волостное управленіе.

— Почему дождя нѣтъ? Сегодня семнадцатое число!—пригрозилъ имъ староста. Вы заколдовали дождь?

— Мы его заколдовали. Да еще не такъ съ вами поступить слѣдовало бы за то, что вы насъ выкупали... Не будетъ вамъ дождя за это!

Тутъ вся деревня со слезами на глазахъ обступила „повелительницъ дождя“ и начала упрашивать ихъ смиловаться надъ ними, пощадить ихъ и отпустить дождь на волю.

— Нѣтъ, не пустимъ!—упорствовали бабы.—Да и нельзя уже и помочь: мы дождь продали на Аѳонскую гору... - Толпа пришла въ ярость, начали угрожать колдуньямъ „прописать Аѳонъ“. Бабы струсили и указали мѣсто, гдѣ спрятана настоящая сила колдовства. Староста съ понятыми пошелъ въ избу одной изъ колдуній и тамъ въ печной трубѣ нашелъ замазанными 2 напильника и одинъ замокъ“ (*Харьк. Вѣд.*, 1885, № 185).

Въ Великороссіи издавна существовало вѣрованіе въ ворожбу надъ тучами. Въ древнихъ памятникахъ, Домостроѣ, судебныхъ актахъ, встрѣчаются чародѣи облако-прогонники и облако-хранительники. Они повелѣвали дождемъ и ведромъ и черезъ то самое могли насылать урожай или неурожай. Въ XVI вѣкѣ разсказывали, что во время осады Казани, въ 1552 г., татарскіе колдуны и колдуньи, стоя на стѣнахъ города, махали одеждами на русское войско и насылали вѣтеръ и дождь (*Костомаровъ*, Очеркъ жизни великор. нар., въ Совр. 537). Какъ ни сильно въ Малороссіи вѣрованіе въ чародѣйство, въ частности въ ворожбу надъ тучами, оно, однако, имѣетъ здѣсь такой темный характеръ въ глазахъ народа, настолько

лишено нравственнаго значенія, что должно исчезнуть передъ первыми лучами серьезнаго духовнаго просвѣщенія. Общее развитіе нравственныхъ понятій народа отняло у ворожбы надъ тучами въ Малороссіи ту нравственную опору, то общественное одобреніе, какое находимъ въ Старой Сербіи. Здѣсь заклинательницы тучъ пользуются уваженіемъ и дѣйствуютъ вполнѣ какъ древнія жрицы; въ южной Россіи къ нимъ относятся враждебно и преслѣдуютъ ихъ. Въ Малороссіи женщина, за рѣдкими исключеніями, устранилась отъ ворожбы надъ тучами, и вѣдьма облако-прогонница является особымъ исключительнымъ существомъ, при чемъ даже способы и средства ворожбы, которыми охотно пользуется сербская ворожка, возбуждаютъ въ малорусской женщинѣ чувство страха. Такъ, въ Старой Сербіи женщина торжественно машетъ на тучу ситомъ или хлѣбомъ, а въ Малороссіи женщины для отвращенія бури выбрасываютъ изъ хатъ на дворъ кочергу, лопату и помело, думая угодить разъяренной вѣдьмѣ (*Чуб.* I. 25).

4.

Испытаніе вѣдьмъ водой.

Историческія свидѣтельства объ испытаніи вѣдьмъ водой въ южной Руси.—Историко-культурныя параллели.—Значенія бросанія женщинъ въ воду, въ смыслѣ жертвоприношенія, очищенія, испытанія и казни.

Серапіонъ, еп. владимірскій, въ обличительномъ словѣ по поводу народнаго самосуда надъ вѣдьмами, сообщаетъ слѣдующій случай: нѣсколько женщинъ было обвинено въ томъ, что изъ-за нихъ нѣтъ урожая и стоитъ дурная погода; рѣшили ихъ сжечь и для испытанія того, которыя изъ подозрѣваемыхъ виновны, женщинъ бросали въ воду (прудъ или рѣку), и если которая тонула, то признавалась невиноватой, а оставшаяся поверхъ воды виновной и достойной наказанія. Не обнаруживая принципіальнаго противодѣйствія избіенію вѣдьмъ, Серапіонъ желаетъ обставить его законными границами (*Пятуховъ*, Серап. Влад. 63—67).

Архимандритъ печерскій Серапіонъ получилъ санъ владимірскаго епископа въ 1274 г., а въ слѣдующемъ 1275 г. онъ скон-

чался. Его поученія составлены, должно быть, подъ вліяніемъ наблюденій надъ южнорусской народной жизнью и произнесены, можетъ быть, на сѣверѣ, а нѣкоторыя поученія, можетъ быть, и на югѣ, въ Кіевѣ, напримѣръ, четвертое поученіе, гдѣ рѣчь идетъ о самосудѣ надъ вѣдьмами, относительно времени произнесенія котораго ничего даже предположительнаго нельзя сказать. Серапіонъ слишкомъ короткое время пробылъ на сѣверѣ, слишкомъ мало ознакомился съ жизнью владимірской Руси, чтобы считать его сочиненія для нея характерными или исключительно для нея составленными.

Въ галицкомъ рукописномъ житіи в. кн. Владиміра, по рукописи XVIII в., находится слѣдующее сообщеніе: „Въ старину и теперь безрозумніи въ нѣкоторыхъ сторонахъ чинять подъ-часъ знаменитаго праздника Воскресенія Христова: забравшися молоди обоего пола и взявши человѣка вкидаютъ въ воду (въ колодецъ или въ озеро), и трафляется за сторожнемъ тихъ боговъ, т. е. бѣсовъ, ижъ вкинены въ воду албо о древо, албо о камень разбіются, а въ иншихъ зась сторонахъ не вкидаютъ въ воду, але только поливаютъ водою, що однакъ тому жъ бѣсу офѣру чинятъ (*Маякъ*, 1843, XI. Матер. 47). Въ этомъ указаніи не упоминаются вѣдьмы, не обозначены точно мѣстности нахожденія обычая, и самое указаніе одинаково можетъ относится къ Сербіи, Болгаріи и Украинѣ, гдѣ существовалъ такой обычай, имѣвшій значеніе очищенія посредствомъ воды.

Въ украинскихъ судебныхъ актахъ XVIII ст. находятся прямыя указанія на плаваніе вѣдьмъ. Такъ, въ 1709 г. дворяне и крестьяне подвергли купанію дворянку Яворскую по подозрѣнію въ чародѣйствѣ. Ее раздѣли до нага, связали особеннымъ образомъ, установленнымъ для подобнаго рода испытаній (большой палецъ правой руки привязали къ большому пальцу лѣвой ноги и тоже сдѣлали на-крестъ), затѣмъ между связанными членами продѣли веревку и принялись опускать Яворскую на блокахъ въ рѣку и подымать ее вверхъ. Такъ какъ она при этомъ тонула, то признана была невинною (*Антоновичъ*, въ „Трудахъ“ I, 347). Это описаніе пытки представляетъ, между прочимъ, тотъ интересъ, что повторяется въ повѣсти Г. Ѳ. Квитки „Конотопская вѣдьма“, при чемъ Квитка руководствовался не архивнымъ документомъ, изданнымъ

лишь недавно, а разсказами стариковъ и личнымъ изученіемъ современной ему народной жизни. Извѣстно, что Квитка собиралъ преданія, пѣсни, обряды и обычаи архаическаго свойства, изучалъ народную жизнь, и результаты своихъ наблюденій вводилъ въ свои повѣсти. „Якъ же намъ, пане Рыгоровычу, за ныхъ (т. е. вѣдьмъ) узятысь, щобъ воны вернулы дощи и щобъ намъ не наробылы описля́ якои напасти?“ спросилъ панъ сотникъ конотопскій у своего писаря и получилъ отъ послѣдняго совѣтъ подвергнуть ихъ испытанію водой. „Аще кая суть видьма, сказалъ писарь, та непогрязнетъ на дно ричное, аще и камень жерновный на выи ей прычеплютъ“. Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе приготовленій и самаго производства пытки семи бабъ, подозрѣваемыхъ въ чародѣйствѣ, съ слѣдующими, характерными въ историко-бытовомъ отношеніи, деталями: „Посередъ ставу убыто чотыри пали товстенькыхъ, а у гори позвъязано верёвка́ми, та впьять, якось то хытро та мудро переплу́товано; та у кажній пали у гори дирка продовбана и туды веревка просунута. А по ставку издять люде у човнахъ; а воны не рыбалки, бо въ ныхъ на човнахъ не сети и не въятери, а те жъ верёвкы... Калавурны стереглы ны́зку видёмъ и придывлялысь пильно, щобъ котра зъ ныхъ, перекынувшысь або сорокою, або свынею, та не дала бъ дёру“... Испытаніе происходитъ въ присутствіи обывателей и мѣстнаго начальства, вечеромъ передъ заходомъ солнца. Подозрѣваемую женщину тащутъ къ пруду, кладутъ на лодку, отвозятъ къ палямъ, подвязываютъ ее къ веревкамъ, поднимаютъ вверхъ и затѣмъ опускаютъ внизъ въ воду (*Квитка*, Малор. пов. I, 197—214).

Въ луцкомъ уѣздѣ разсказываютъ, что въ одномъ мѣстѣ долго не было дождя; мѣстный помѣщикъ велѣлъ собрать всѣхъ женщинъ и класть ихъ спиной въ воду, придерживая веревкой; которая изъ нихъ будетъ тонуть, ту вытаскивать, а которая будетъ плавать по поверхности—ту бить, потому что она вѣдьма. Одна изъ женщинъ оказалась такою; когда ее начали бить, то полился такой дождь, что люди едва живы дошли домой (*Чуб.* I, 26). Припомнимъ здѣсь, что и въ „Конотопской вѣдьмѣ“ Квитки Явдоху Зубыху, оказавшуюся вѣдьмой, „хлопци отчесали терновыми“.

Гуцулы топили вѣдьмъ въ 1827 году (*Авап.*, III, 511).

Въ угорской Руси во время засухи заставляютъ женщинъ купаться и въ случаѣ сопротивленія насильно бросаютъ ихъ въ воду, чтобы обнаружить колдунью, по милости которой продолжается бѣдствіе (*Де-Волланъ*, Угро-рус. пѣс. 25).

Бросаніе подозрѣваемыхъ женщинъ въ воду иногда замѣняли въ Малороссіи болѣе легкимъ способомъ испытанія: заставляли ихъ носить воду изъ рѣки или пруда черезъ поля и поливать ею фигуру, или крестъ, выставляемый обыкновенно близъ села или на раздорожьѣ. Которая изъ женщинъ выносила это испытаніе, та избавлялась отъ подозрѣній въ чародѣйствѣ (*Антоновичъ*, I, 347).

Водой обливаютъ или въ воду бросаютъ даже трупъ женщины, которую считали вѣдьмой. Такъ, въ брацлавскомъ уѣздѣ подольской губерніи повѣсилась женщина, слывшая въ селѣ за вѣдьму. Чтобы сдѣлать ее, уже послѣ смерти, безвредной для людей, трупъ за волосы выволокли за село на раздорожье и бросили въ яму, нарочно для этого наполненную водою. Этимъ лишили вѣдьму возможности насылать на село засуху (*Ефим.*, въ К. Стар. 83 г. XI, 377).

Эти мрачныя картины невѣжества и суевѣрія повторяются у многихъ другихъ народовъ, варварскихъ и цивилизованныхъ, были въ древности, встрѣчаются и теперь въ разныхъ странахъ Азіи и Европы. Ограничимся краткими историко-культурными параллелями:

Въ сѣверной Африкѣ, въ принадлежащей Франціи Константинѣ существуетъ обыкновеніе купать во время засухи одного или нѣсколькихъ человѣкъ (мужчинъ марабутовъ), бросая ихъ въ рѣку (*Grimm*, Klein. Schrift. II, 449).

Объ испытаніи невинности посредствомъ воды говорится въ древней индусской книгѣ законовъ Ману (*Тэйлоръ*, Антропологія, 420). Арабскій путешественникъ XIV вѣка Ибнъ-Батута говоритъ, что въ Индіи въ г. Дели на судъ привели вѣдьму и обвиняли ее въ томъ, что она сглазила ребенка. По приговору судьи, она была брошена въ рѣку Джумну; но такъ какъ она плавала наверху воды, то была, по приговору судьи, сожжена, и народъ раздѣлилъ между собой ея пепелъ въ увѣренности, что кто запасся таковымъ, тотъ избавился на цѣлый годъ отъ нападенія вѣдьмъ (*Novos*, Zudukr. II, 83).

На существованіе водянаго испытанія у иранцевъ есть указаніе и въ Авестѣ. Испытаніе это состояло въ погруженіи обвиняемаго въ глубокую воду (*Дилленъ*, Дуализмъ въ Авестѣ, 205).

Въ древнемъ нѣмецкомъ обычномъ правѣ и въ законодательствѣ встрѣчается испытаніе водой, mit kaltem wasser. Обвиняемаго въ томъ или другомъ преступленіи обвязывали веревкой и бросали въ воду, при чемъ виновнымъ признавался, если плавалъ на верху воды. Людовикъ Благочестивый воспретилъ въ 829 г. „examen aquae frigidae"; но испытаніе водой очень долго жило въ нѣмецкой жизни и въ нѣмецкихъ законодательствахъ. Въ XVI и въ XVII ст. оно широко примѣнялось въ многочисленныхъ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ, при чемъ виновной признавалась та женщина, которая выдерживала „hexenbad", не тонула. Въ одномъ старинномъ нѣмецкомъ актѣ описывается самый процессъ испытанія: soll man ime sein hend binden zu hauf und sol ime ein heinen knebel zwischen sinen beinen und armen durch stossen und soll ine werfen in ein meiesche boden van drien funder wassers fellet er zu grunde-so ist er schuldig, schwebt er empor-so ist er unschuldig (*Grimm*, D. Rechtsalt., 923—929). Реймскій архіепископъ Гинкмаръ († 882) писалъ въ защиту употребленія способа испытанія холодной водой; но въ его же сочиненіи говорится, что нѣкоторые отвергали „испытаніе посредствомъ холодной и горячей воды и посредствомъ раскаленнаго желѣза, какъ изобрѣтенія человѣческой мысли, въ которыхъ очень часто преступнымъ образомъ ложь занимаетъ мѣсто правды, и потому на эти испытанія не слѣдуетъ полагаться" (*Пыпухов*. Серап. Влад. 86). Это одно изъ древнѣйшихъ проявленій того благотворнаго скептицизма, который впослѣдствіи, въ XVI—XVIII вѣкахъ, оказалъ великія услуги европейскому просвѣщенію и гуманизму. Въ Германіи испытаніе вѣдьмъ водой прекратилось съ прекращеніемъ судебныхъ процессовъ о колдовствѣ, въ XVII ст., подъ благотворнымъ вліяніемъ развитія образованности, въ частности, подъ вліяніемъ направленныхъ противъ вѣрованія въ колдовство сочиненій Венера, Лооса, Шпе, Беккера и Томазіуса (см. мою брошюру объ ист. колд. въ запад. Европѣ, стр. 25—34).

Въ англійскомъ правѣ испытаніе водой до начала XIII ст. представляло легальное средство испытанія лицъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ или грабежѣ (*Тэйлоръ*, Антроп. 429; *Спенсеръ*, Опис. соціологія, 40).

Въ чешскихъ законахъ XIV в. находятся указанія на испытаніе водой по обвиненію въ грабежѣ. Истецъ долженъ былъ идти

въ глубь рѣки, а отвѣтчикъ слѣдовать за нимъ на разстояніи трехъ шаговъ; если истецъ тонулъ, отвѣтчикъ объявлялся оправданнымъ, а если отвѣтчикъ подвергался опасности утонуть, то этотъ послѣдній терялъ жизнь и имущество; если же оба счастливо достигали берега, то отвѣтчикъ освобождался отъ иска (*Аѳанас.*, Поэт. воззр. II, 198). Это испытаніе могло возникнуть подъ вліяніемъ нѣмецкихъ обычаевъ.

Испытаніе вѣдьмъ водой было въ употребленіи у черногорцевъ и герцеговинцевъ до послѣдняго времени: во время повальныхъ болѣзней бросаютъ женщинъ въ воду, и которая тонетъ, ту быстро вытягиваютъ канатомъ изъ воды и отпускаютъ домой, а которая барахтается поверхъ воды, та признается за вѣдьму. Въ Герцеговинѣ, Бокѣ-Которской и Черногоріи власти запрещаютъ этотъ обычай, но, говорятъ, онъ повторяется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тайно (*Ефим.*, 387).

У австрійскихъ южныхъ славянъ во время повальныхъ болѣзней народъ хваталъ старую женщину, заподозрѣнную въ чародѣйствѣ, и бросалъ ее въ воду: если она начинала тонуть, ее спасали; въ противномъ случаѣ, вынувши ее изъ воды, бросали въ огонь. Въ сербскомъ княжествѣ это дѣлали при Карагеоргіевичѣ (*Березинъ*, въ „Знаніи“ 1877, IV, 57).

Что касается до происхожденія обычая испытывать вѣдьмъ водой, то тутъ имѣетъ приложеніе теорія самозарожденія, обусловленнаго извѣстнымъ, вообще низкимъ положеніемъ культуры народа. Заимствованіе могло быть въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ. Такъ, отъ нѣмцевъ кое что изъ внѣшней формальной обрядности могло перейти къ чехамъ и, можетъ быть, къ малороссамъ.

Купаніе вѣдьмъ имѣло разное значеніе,—испытанія, очищенія, казни и въ нѣкоторыхъ случаяхъ жертвоприношенія. Самое крупное и наиболѣе обычное значеніе состоитъ въ томъ, что вода, какъ чистая стихія, указываетъ на темное чародѣйство и не принимаетъ вѣдьмъ. Понятіе объ очистительномъ значеніи воды чрезвычайно распространено у всѣхъ арійскихъ народовъ, особенно у иранцевъ, и намъ прійдется еще говорить о немъ при разсмотрѣніи размывокъ, обмывокъ и нѣкоторыхъ другихъ народныхъ обрядовъ. Въ древности были обычны жертвоприношенія водѣ во время засухи,

даже человѣческія. О существованіи у славянъ человѣческихъ жертвъ говорятъ Гельмольдъ, Титмаръ, Адамъ Бременскій, древній русскій лѣтописецъ, митроп. Иларіонъ (въ Словѣ о Законѣ и Благодати: „уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга“). Въ Болгаріи нынѣ во время засухи бросаютъ въ рѣку куклу, что является воспоминаніемъ о древнемъ человѣческомъ жертвоприношеніи.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бѣлая Панна.[1]

(ИЗЪ ДѢТСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ НЕУДАВШАГОСЯ ПОЭТА).

Посвящается Софьѣ Григорьевнѣ Рубинштейнъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Скитаясь по роднымъ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда прошло мое дѣтство, мнѣ удалось разъ набрести въ глухой деревушкѣ, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ перепроданной чуть ли не въ двадцатыя руки, настоящій владѣлецъ которой, мой пріятель, неизмѣнно проживалъ въ столицѣ,—на цѣлую кучу мелко исписанной нервнымъ почеркомъ бумаги. Я нашелъ ее въ глухомъ углу пыльнаго чердака стараго, полуразвалившагося, совсѣмъ покинутаго барскаго дома, въ которомъ жили теперь только филины, совы, да крысы. Отъ нечего дѣлать да и по нѣкоторой страсти къ исписанной бумагѣ, въ особенности старой, пыльной,—ей Богу, у меня есть такая страсть,—я сталъ рыться въ этой безпорядочной кучѣ, уже сильно изъѣденной крысами. Съ самаго же начала мнѣ пришлось убѣдиться, что я счастливо напалъ на рукописи какого то неизвѣстнаго писателя, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ «неудавшійся поэтъ» и это, само собою, увеличило мою рьяность. Нашелъ я тамъ полуобглоданные обрывки стиховъ, поэмъ, легендъ, разсказовъ въ прозѣ, замѣтокъ, набросковъ и т. д.,—и всѣ они были подписаны этимъ страннымъ, не то ироническимъ, не то отдававшимъ какою то грустью псевдонимомъ. Къ сожалѣнію, крысы не

[1]) Въ западной, такъ называемой „карпатской", части нашей Подоліи издавна живетъ легенда о „Бѣлой Паннѣ", своимъ появленіемъ де предвѣщающей людямъ грядущія бѣды. Предъ голодомъ, моромъ, войной и другими общими бѣдами, гласитъ легенда,—она является людямъ въ дикихъ зарослях глухой лѣсной чащи блѣдная, съ печальнымъ взоромъ, съ крупными каплями слезъ на прекрасномъ лицѣ, вся въ бѣломъ, отчего де люди и прозвали ее „бѣлой панной". — *Прим. издателя*

пощадили ничего, обглодали, оборвали почти все... Тутъ былъ съѣденъ конецъ, тамъ обглодано начало,—здѣсь недоставало середины. Только кое какъ, съ большими усиліями удалось мнѣ собрать въ этой кучѣ изъ разбросанныхъ, изиятыхъ и отчасти тоже обглоданныхъ листковъ цѣльную, какъ будто законченную вещь, которую, внимательно перечитавъ, я и рѣшаюсь издать теперь подъ тѣмъ же заглавіемъ, какое неизвѣстный авторъ выставилъ самъ на обложкѣ. Какъ увидитъ читатель, въ предлагаемомъ разсказѣ дѣло идетъ о дняхъ давно минувшихъ, безвозвратно канувшихъ въ Лету,—что, конечно, не для всѣхъ интересно,—но любящіе вспоминать былое,—старину,—на меня, вѣрно, не посѣтуютъ. Крысы, однако, и тутъ полакомились не мало: такъ напр, онѣ съѣли всю начальную страницу первой главы, отчего я, нежелающій ничего добавлять отъ себя, выпускаю ее въ свѣтъ безъ частнаго заглавія, какое она несомнѣнно имѣла, судя по остальнымъ главамъ. Большая часть многоточій въ остальныхъ главахъ тоже должна быть отнесена на долю этихъ своеобразныхъ любителей литературы.

ГЛАВА I.

. . . . . .

... И такъ, я провелъ свое дѣтство въ этомъ чудномъ, благодатномъ уголкѣ, упершемся грудью въ австрійскую границу, а съ боковъ опоясанномъ быстрымъ Днѣстромъ и величаво-спокойнымъ, зеркальнымъ Бугомъ... Двѣ могучія рѣки какъ будто сдавили его, сжали,—отчего онъ и сморщился весь, какъ морщинами, высокими кряжами скалистыхъ холмовъ, перерѣзанными вдоль и поперегъ глубокими долинами, точно сморщенное, изрытое лицо столѣтняго дѣда. Надъ нимъ разстилалось голубое, безмятежно-ясное небо, сверкавшее такой яркой лазурью, какъ риза Богоматери на картинахъ древнихъ мастеровъ, и дышавшее,—такъ казалось мнѣ, ребенку,—такими лаской и миромъ, точно кругомъ не было ни грѣха, ни злобы, ни печали. Высокіе холмы сплошь были покрыты тогда вѣковымъ дубовымъ лѣсомъ, таинственнымъ въ ведро и грозно сердитымъ въ бурю, а въ глубокихъ долинахъ ютились тихія деревни съ ихъ бѣлыми хатами и зелеными садочками, гдѣ отъ

зари до зари трещали соловьи, да широкими нивами, надъ которыми весною высоко, высоко кружился, заливаясь, жаворонокъ, а лѣтомъ сверкали острые серпы и косы. Зимою, когда улетали соловьи и снѣгъ одѣвалъ бѣлой пеленою и холмы и долины,—въ обнаженномъ лѣсу гудѣлъ и плакалъ вѣтеръ, кой гдѣ подвывалъ ему и волкъ,—но въ такихъ деревняхъ ярко сверкали огни веселыхъ „вечерницъ“ и голосистыя дивчата распѣвали за прялками свои чудныя, дѣдовскія пѣсни, сказочники разсказывали самыя страшныя сказки, а старые дѣды вспоминали то, что было когда то на свѣтѣ.

Эта яркая лазурь неба, грозные, лѣсистые холмы и тихія, роскошныя долины,—этотъ воздухъ, мягкій и нѣжный, соловьи, пѣсни, эти чудныя ночи, полныя нѣги и золотыхъ звѣздъ, переминающихся съ темнаго неба съ своими отраженіями въ заснувшихъ озерахъ,—все это вмѣстѣ, проникнутое лаской и граціозной, немного мечтательной поэзіей,—всецѣло и своеобразно отразилось и на людяхъ. Природа, какъ искусная рука на канвѣ, вышила тамъ на душѣ человѣка свои особенные узоры, дала ему особыя представленія, особые характеръ и взгляды. Тамъ создавались свои миѳы, слагались свои пѣсни, свои думы,—тамъ царила своя легенда... Когда я былъ ребенкомъ,—тамъ, въ тѣнистыхъ рощахъ, на могучихъ вѣтвяхъ развѣсистыхъ дубовъ, качались лѣсныя дѣвы, въ озерахъ и рѣчкахъ играли русалки, луна грустно рыдала о людяхъ росою, а слѣпые кобзари пѣли людямъ баллады и дѣянья предковъ...

Конечно,—и тамъ теперь уже не то, что было... Могучая, безстрастная рука времени покорила и этотъ божій уголокъ земли, чтобы нивеллировать по новому. Нѣмецъ вырубилъ рощи и сплавилъ ихъ въ Кенигсбергъ и Данцигъ, распугавъ нѣжныхъ лѣсныхъ дѣвъ, надъ которыми такъ весело хохочетъ современный, невѣрующій писарь. Русалки задохлись отъ дыма высокихъ, стройныхъ заводскихъ трубъ, точно маяки торчащихъ у воды, и вѣритъ въ нихъ еще только глупая, темная деревен-

щина,—во что она не вѣритъ!? Золотыя, какъ море шумѣвшія нѣкогда, пшеничныя нивы смѣнились безконечными, безмолвными, зелеными, какъ зеленый коверъ, плантаціями свекловицы, изъ которой умные люди, отлично знающіе, что роса не лунныя слезы, выжимаютъ въ коническія формы бѣлый, кристаллическій сахаръ... Слѣпой кобзаръ сидитъ гдѣ нибудь за безпаспортность, а красивые палацы полуфеодальныхъ магнатовъ, гдѣ нѣкогда въ вихрѣ постоянныхъ, шумныхъ баловъ кружились прелестныя пани и панны, превратились въ угрюмые, тупо молчащіе амбары новыхъ, трезвыхъ владѣльцевъ — крѣпко хранящіе до болѣе высокихъ цѣнъ пшеницу и картофель. Пѣсни, чудныя нѣжныя пѣсни!?—и пѣснямъ другимъ научили фабрики и солдаты!... Да, многое измѣнилось... Многое прошло... И слава Богу, что измѣнилось, что прошло оно, если людямъ дѣйствительно живется лучше на свѣтѣ... А лучше ли,—пусть они ужъ рѣшаютъ сами!...

Я думаю тоже, что лучше... Но иногда... иногда,—когда я услышу эти новыя залихватскія, бравыя пѣсни, услышу веселый раскатистый хохотъ разудалаго, невѣрующаго въ лѣсныхъ дѣвъ и русалокъ трезваго писаря, увижу кобзаря безъ его кобзы, увижу козака—земледѣльца полунагимъ за свекловичнымъ прессомъ и вспомню при этомъ прошлое,—мнѣ вдругъ станетъ такъ жутко, такъ невыразимо жаль чего то, точно безвозвратно канувшаго съ этимъ прошлымъ,—что сердце сожмется невыразимо мучительной спазмой...

Больныя нервы?!—о, я это отлично знаю!...

Больные нервы были у меня еще съ дѣтства и, какъ говорилъ дѣдъ, перешли ко мнѣ отъ покойной матери, его единственной и страстно любимой дочери. Круглый сирота, я жилъ подъ теплымъ крыломъ добраго, сѣдаго, какъ лунь, ворчуна дѣда въ его крошечной, но прелестной Пустынькѣ, точно птичье гнѣздышко ютившейся среди скалъ и горныхъ отроговъ съ ея немногими бѣлыми хатами и густыми садами. И что за чудный,

очаровательный уголокъ на божьей землѣ была, въ самомъ дѣлѣ, эта Пустынька! Даже чубатый, почти слѣпой уже отъ дряхлости „сѣчевикъ“ Панасъ, долеживавшій свой страшно долгій вѣкъ на печи у дѣда,—такъ много видавшій, знавшій всего такъ много, что разсказамъ его, казалось, и конца никогда не будетъ, — даже онъ говорилъ, что краше нашей Пустыньки „нема мисця на цимъ свити,—хоть весь изойди!“ И, ей Богу же,—онъ былъ правъ, добрый, дряхлый Панасъ, давнымъ давно покоющійся за оградой деревенской церкви рядомъ съ своимъ другомъ-паномъ—моимъ добрымъ дѣдомъ! И я много видѣлъ впослѣдствіи, о, очень, очень много,—и пальму, и угрюмыя, высокія горы, и южное море, бураны мрачнаго сѣвера и его фантастическое, чарующее сіянье,—а вотъ же и меня теперь все тянетъ къ Пустынькѣ!...

Всего было вдоволь кругомъ нашего земнаго рая, чтобы сдѣлать изъ него волшебную, дивную картинку... Были высокіе, островерхіе холмы, переходившіе дальше, на „австрійской сторонѣ“ почти въ горы, отливавшія фіолетовыми тѣнями и какъ то мягко и нѣжно тонувшія въ туманной синевѣ, сливаясь съ темной дымкой далекаго горизонта. И глубокія, тихія долины, по которымъ ползли отъ холмовъ черныя, густыя тѣни. И грозныя скалы, обвитыя зеленымъ плющемъ, повиликой и дикимъ хмѣлемъ, и темныя ущелья, куда не забирался ни одинъ лучъ солнца,—гдѣ гнѣздилась только ночная сова, да ютилась хищная выдра. Былъ и дремучій вѣковой лѣсъ, тянувшійся Богъ вѣсть куда и откуда—вѣчно что то шептавшій, темный, густой, пугавшій воображенье своимъ угрюмымъ, таинственнымъ видомъ. Было и гладкое, прозрачное, какъ небо голубое озеро, въ которомъ плавали, ныряя, и небесныя тучки, и звѣзды, которое золотили порой слѣпящее блескомъ солнце и матово-золотая луна... Чего—чего только не было?!

А тихою, молчаливою ночью, когда весь пейзажъ этотъ, тонувшій въ глубокой мглѣ, кой гдѣ озаренной блѣднымъ лун-

нымъ и звѣзднымъ свѣтомъ, отчего мгла становилась какъ бы еще гуще,—принималъ фантастическій характеръ какого то заколдованнаго мѣста, когда разыгравшееся воображеніе охотно вѣрило и въ русалокъ, игравшихъ съ лунными лучами, и въ лѣсныхъ дѣвъ, качавшихся на вѣтвяхъ вѣковаго лѣса,—со всѣхъ уголковъ земли неслись дружно, въ перебой соловьиныя трели...

Мудрено ли было при этомъ въ конецъ развинтиться нервамъ, когда больными передала мнѣ ихъ мать, когда я росъ совсѣмъ одинъ, безъ сверстниковъ, въ обществѣ дряхлыхъ стариковъ, баюкавшихъ меня самыми чудными сказками, а мои дѣтскія думы и грезы дѣлили такимъ образомъ только молчаливыя портреты предковъ, рубившихся когда то на славу за Украину, темный, угрюмый лѣсъ да эти чудныя, полныя невыразимой нѣги ночи!?

Съ дѣтства былъ я уже болѣзненно нервный, сосредоточенный, замкнутый мальчикъ...

ГЛАВА II.

Дѣдъ съ его саблей и кубкомъ.

Право, я не зналъ въ жизни человѣка болѣе угрюмаго, сердитаго и грознаго на видъ и въ то же время такого добродушнаго, какъ мой старый, ворчливый дѣдъ. Сухой, высокій, широкій въ плечахъ, съ подбритой по древнему—святому для него—козацкому обычаю головой, съ длинными сѣдыми усами, спускавшимися далеко на грудь и хмуро сдвинутыми густыми бровями,—онъ имѣлъ дѣйствительно грозный, воинственный видъ, которому позавидовалъ бы самый отчаянный рыцарь древней Сѣчи. Стариннаго покроя бекеша, которую онъ вѣчно носилъ по тому же завѣту, ненавидя и отрицая всѣ требованія моды, какъ и все, что не носило въ себѣ „козацкаго духа,“—вполнѣ гармонируя съ этимъ видомъ, еще усиливала, казалось,

общее грозное впечатлѣніе. А когда дѣдъ принимался, по выраженію легкомысленно безстрашной кухарки Горпыны,—„грымать“ и, покручивая длинный усъ и страшно поводя густыми, нависшими бровями, покашливать да величественно поднимать руку, разсказывая въ несчетный разъ, какъ достались его „роду“ эти святая-святыхъ нашего дома: сабля Дорошенка и кубокъ Палія,—робкій человѣкъ чего добраго почувствовалъ бы себя не особенно ловко. Да,—когда дѣло доходило до завѣтныхъ сабли и кубка, и клинокъ при этомъ вынимался изъ богатыхъ ноженъ и сверкалъ въ могучей рукѣ дѣда золотымъ чеканомъ,—становилось не до шутокъ!... Робкій рѣзникъ Янкель, привозившій намъ говядину, неизмѣнно блѣднѣлъ въ такихъ случаяхъ и, покручивая головой и какъ то особенно смѣшно цокая губами, вѣчно твердилъ одно и то же:—„ой вай!“—Да, дѣдъ былъ дѣйствительно страшенъ тогда!

Но стоило только заглянуть въ его глаза, въ эти полинявшіе, но все еще сверкавшіе жизнью глаза, чтобы всѣ грозныя впечатлѣнія разлетѣлись прахомъ. Эти сѣро-голубые глаза свѣтились такой лаской, глядѣли такъ любовно, мягко и какъ то дѣтски наивно, что всѣ страхи моментально исчезали, а уста сами собою раздвигались въ хорошую, добрую улыбку. Становилось какъ то особенно легко и радостно на душѣ отъ ихъ взгляда, сводившаго къ нолю весь дѣдовъ величественный пафосъ, и дѣлалось вполнѣ понятнымъ безстрашное легкомысліе Горпыны, ворчавшей, когда дѣдъ, вмѣсто того, чтобы заказывать обѣдъ или ужинъ, увлекался своими разсказами.

— Ой, лышенько жъ мини съ тою шаблюкою, та чаркою, просты Господи!—легкомысленно ворчала нетерпѣливая Горпына.

— Згынь! Пропади зъ твоимы обидамы!—„грымалъ“ въ отвѣтъ раздосадованный и обиженный такой непочтительностью къ „святынѣ“ дѣдъ.—Прыстала, якъ та пьявка! Геть!... Но безстрашная баба не сдавалась... Она закладывала руки за фартукъ, высокомѣрно измѣряла воинственную фигуру избѣгавшаго

ея взгляда дѣда и, слегка повысивъ тонъ, пускала въ ходъ свой послѣдній, непреоборимый аргументъ.

— Такъ!—восклицала она съ убійственной ироніей и подавляющей силой,—такъ! Ну, а що жъ буде исты воно?!..

„Воно“ былъ, конечно, я,—общій пестунъ и любимецъ, и этотъ ехидный, тонко разсчитанный вопросъ сразу мѣнялъ положеніе. Имъ рѣшалось дѣло,—одолѣвала Горпына и дѣдъ немедленно сдавался. Одно представленіе, что это „воно“ можетъ остаться безъ обѣда или, вообще, испытать какое либо лишеніе, моментально убивало дѣдову воинственность, все его увлеченіе и далеко отодвигало назадъ остальное. Да проститъ мнѣ его праведная душа эти святотатственныя мысли,—но, ей Богу, мнѣ кажется, что это „воно“ значило для него больше даже сабли славнаго гетмана, даже кубка Палія!..

Я отлично схватилъ это давно своимъ наблюдательнымъ, пронырливымъ дѣтскимъ умомъ и потому, какъ только дѣдъ начиналъ „грымать“ на меня за какой нибудь проступокъ,—старался только заглянуть въ его добрые, ласковые глаза, чтобы прочесть въ нихъ любовь и всепрощеніе... Да, только они свѣтились въ этихъ старыхъ глазахъ,—и можетъ быть потому то дѣдъ такъ не любилъ поднимать своихъ рѣсницъ, а все глядѣлъ внизъ и ворчалъ... Такъ онъ дѣйствительно, хоть съ виду, могъ сойдти за грознаго козака-рубаку!..

Самъ глубоко любящій, онъ и меня, ребенка, училъ тому же, насаждая въ моемъ еще открытомъ настежь сердечкѣ тѣ сѣмена, которыхъ никогда почти не вырываютъ оттуда ни годы, ни самыя сильныя бури жизни. Онъ училъ меня любить и родное небо, и родную землю, свой народъ, его языкъ, обычаи и пѣсни. Онъ училъ меня уважать и любить свое прошлое, которое принимало такой поэтическій колоритъ въ фантастическихъ сказкахъ и легендахъ стараго Панаса, а въ разсказахъ самого дѣда звучало величественной эпопеей глубокаго самоотверженія, страстнаго патріотизма и почти невѣроятныхъ бранныхъ подви-

говъ. Эти разсказы его велись біографически, предъ каждымъ изъ портретовъ нашихъ предковъ, наполнявшихъ собою одну изъ комнатъ дома,—всѣхъ этихъ чубатыхъ и грозныхъ пановъ полковниковъ, сотниковъ, хорунжихъ, глядѣвшихъ на меня неподвижно суровымъ взглядомъ изъ своихъ рамокъ, пока дѣдъ грознымъ голосомъ передавалъ ихъ подвиги, заклиная крошечнаго потомка не ударить въ свою очередь лицомъ въ грязь и ничѣмъ не омрачить ихъ нетлѣнной славы.

— Гляди жъ, внуку,—страшно поводя бровями и усами, грозно „грымалъ“ дѣдъ,—гляди, никогда не плачь, какъ баба, и самого чорта не бойся!..

— Не буду, не буду, дѣдусю!—страстно отвѣчалъ я, лихорадочно ловя его рѣчи и загораясь браннымъ волненьемъ,—ей Богу жъ, никогда не буду ни плакать какъ баба, ни трусить!...

— Не будешь!?...

— Не буду, дѣдусю!...

И дѣдъ, довольный, ласкалъ мою кудрявую головку, вѣря дѣтскому слову. Старикъ становился необычайно счастливъ, что его разсказы будятъ, казалось, въ потомкѣ воинственность героевъ предковъ... И не знай я, что дѣдъ быстрыми шагами уходитъ со двора, какъ только увидитъ, что Горпына несетъ рѣзать жалобно клокчущаго пѣтуха,—эти разсказы его, чего добраго, въ самомъ дѣлѣ отразились бы во мнѣ самымъ яростнымъ шовинизмомъ!

Очень можетъ быть, что таковою же точно, какъ и дѣдова воинственность, была въ сущности и его прословутая ненависть къ „ляхамъ, згубившимъ Украйну“. Очень можетъ быть потому, что вообще у меня какъ то не вяжется представленіе о старикѣ съ какою бы то ни было „ненавистью“. Но въ ней я не сомнѣвался,—я воспринималъ ее съ дѣтства безъ всякихъ сомнѣній и колебаній, воспринималъ, какъ завѣтъ... Дѣло въ томъ, что тутъ у меня совсѣмъ не было прецедентовъ для сомнѣній... Ею дышало, казалось, все вокругъ меня,—о ней говорили и сѣче-

викъ Панасъ, и кухарка Горпына, и эти молчаливые грозные портреты предковъ, и священные сабля и кубокъ... Ее поддерживало и презрительное, свысока отношеніе всемогущей тогда, гордой шляхты къ намъ русскимъ, и наше общее, народное сознаніе, что шляхта исконный врагъ народа, его религіи, его языка и обычая, что она враждебный пришлецъ въ нашей милой Украйнѣ. Ненависть народа была далеко не одной ненавистью крѣпостнаго къ своему пану: ненавидя пановъ поляковъ, народъ тепло относился и даже болѣе чѣмъ тепло къ дѣду, тоже пану. Но дѣдъ говорилъ его языкомъ, молился въ его церкви, любилъ и ненавидѣлъ то, что и онъ, и никогда не забывалъ въ крѣпостномъ *человѣка*...

Въ нашей семьѣ эта общая, традиціонная вражда, обнимавшая всѣхъ, а не кого нибудь одного, сильно обострялась еще, конечно, и совершенно частной враждой къ сосѣду графу, исконной, родовой враждой, основанной на старомъ земельномъ спорѣ. Во время своеволія шляхты предки графа какъ то отхватили себѣ наши земли и съ тѣхъ поръ потомки той и другой стороны вели нескончаемый процессъ между собою по всѣмъ судамъ и инстанціямъ. Этотъ процессъ, высосавшій все богатство нашего рода до того, что въ распоряженіе дѣда досталась уже одна крошечная Пустынька, досасывалъ теперь и этотъ скромный остатокъ... Но что бы ни было, какъ бы круто ни приходилось,—старый дѣдъ не оставлялъ этой тяжбы,—хотя я глубоко убѣжденъ, что лично ему ничего, кромѣ его Пустыньки, не было нужно, что эта тяжба тяготила, мучила его. Тяжба была для него дѣломъ чести рода, старинным, святымъ завѣтомъ, и смотря на нее, какъ на крестъ, возложенный на его плечи и завѣщанный ему всѣми предками, портреты которыхъ наполняли собою весь домъ, и этой саблей, и этимъ кубкомъ,—онъ, не задумываясь, несъ на алтарь „рода“ свое мягкое, доброе „я“. Прекращеніе тяжбы онъ считалъ бы прямой измѣной,—она была для него дѣломъ культа.

— Видишь, вонъ, эту долину?—спрашивалъ меня чуть не ежедневно дѣдъ, стоя у окна и грозно дымя трубкой,—видишь?

— Вижу!..

— И лѣсъ видишь?

— И лѣсъ!..

— И холмы, вонъ, тѣ,—вправо?

— И холмы вижу, дѣдъ.

Трубка сильно дымится, брови сурово сдвигаются, длинные усы грозно шевелятся...

— Все наше было! Все! Еще за гетмана, когда прадѣдъ полковникъ здорово побилъ ляховъ, упокой его Господи! да вонъ тѣ бисовы ляхы отняли...

Я злобно смотрю на графскій замокъ и глаза мои горятъ страстной враждою...

— Погоди,—снова наше будетъ!—все также грозно ободряетъ меня дѣдъ, и только чуть слышный вздохъ вырывается диссонансомъ изъ его мощной груди,—наше дѣло правое!.. Уже изъ Палаты, слышно, въ Сенатъ отсылаютъ...

Объ этой готовящейся отсылкѣ дѣла въ Сенатъ я слышалъ еще съ тѣхъ поръ, какъ мое дѣтское ухо впервые стало сознательно раздѣлять звуки человѣческой рѣчи... Тѣмъ не менѣе я, какъ и дѣдъ, глубоко вѣрилъ въ наше торжество и побѣду, самъ не зная, зачѣмъ мнѣ эти земли и что я съ ними буду дѣлать, и страстно ненавидѣлъ и самаго графа, и его величественный замокъ.

ГЛАВА III.

Мои битвы и моя слабость.

А этотъ замокъ, это „разбойничье ляшское гнѣздо“ гордо высился на холмѣ и вѣчно смотрѣлъ внизъ на нашу Пустыньку всѣми своими темными окнами съ какимъ то, казалось, холод-

нымъ, недоступнымъ презрѣньемъ... Надъ густымъ паркомъ-лѣсомъ, плотно облегавшимъ склоны холма,—точно изъ самыхъ верхушекъ вѣковыхъ дубовъ и вязовъ,—гордо взлетали къ синему небу дерзкія башни и зубчатыя стѣны и темный, угрюмый лѣсъ, какъ вѣрный рабъ, лобызалъ ихъ подошвы и преданно кивалъ имъ головами. Въ дѣтскомъ воображеньи эти стѣны и башни, громадныя, темныя окна и легкіе балконы оживали и, казалось, тоже раздѣляли чувства своихъ могучихъ владѣльцевъ... Высокія, угрюмыя башни дышали угрозой, легкіе балконы какъ бы презрительно улыбались, темныя окна сулили бѣды,—за ними чуялся враждебный сговоръ... Мы, страстный, нервный мальчикъ и угрюмый, холодный камень молча враждовали другъ съ другомъ, въ глубокой, затаенной ненависти отлично, казалось, понимая одинъ другаго. Я ненавидѣлъ пылко, страстно,—замокъ же какъ то холодно, величаво, какъ то презрительно, точно снисходя, ненавидѣлъ и это еще больше усиливало мою страстность. Я, казалось, чуялъ, ощущалъ всю глубину его ненависти и въ то время, какъ моя то повышалась, то понижалась въ своей страстности, колеблясь отъ настроенія, отъ дневныхъ впечатлѣній,—его оставалась неизмѣнной, какъ вчера, какъ сегодня, какъ за недѣлю, всегда ровной, всегда одной и той же. Камень не зналъ колебаній! Иногда, впрочемъ, въ тихіе, лѣтніе вечера, когда розовые лучи заката горѣли огнемъ въ темныхъ стеклахъ, пестрили мраморъ и колонны и все окрестъ дышало какой то скрытой, тихой грустью,—самъ не знаю почему,—мнѣ казалось, что дышетъ ею и угрюмый замокъ... Мнѣ казалось тогда, что онъ тоже глядитъ грустно и печально, что ему тоже точно жаль чего то... Чего?—Богъ его знаетъ,—но и мнѣ вдругъ становилось грустно и, сливаясь съ нимъ въ новомъ чувствѣ, я на мигъ забывалъ свою ненависть... На мигъ!—потому что черствый, холодный замокъ, точно устыдившись и мстя за проблескъ невольнаго чувства, быстро, съ уходомъ солнца одѣвшись темною дымкой, становился еще угрюмѣе и еще грознѣе глядѣлъ на

меня своими горѣвшими, какъ у хищнаго волка, окнами — глазами...

Въ раннемъ дѣтствѣ, когда воображеніе настоятельно стремится все одухотворять, во все мертвое вкладывать живой, знакомый образъ, замокъ казался мнѣ, помню, чудовищемъ, тѣмъ сказочнымъ гигантомъ-змѣемъ, что въ сказкахъ Панаса вѣчно похищалъ молодыхъ королевенъ. Его угловыя башни раздвигались въ широкія крылья, его темныя окна становились очами, его колонны глядѣли какъ страшные зубы, а грозные зубцы превращались въ колючія иглы щетины... И какъ сказочный рыцарь собирался я воевать съ чудовищемъ-замкомъ, какъ онъ же страстно, полный трепетнаго страха выслѣживалъ ночью куда ходятъ русалки за „мертвой водою“, безъ которой,—такъ гласили сказки,—невозможна побѣда.

Бывало, давно уже спитъ вся Пустынька, и старый Панасъ пересталъ давно сопѣть на печи своей люлькой, и дѣдъ храпитъ за разложеннымъ пасьянсомъ, а я все еще сижу въ густой травѣ и дышу чудною почью и своими дѣтскими грезами... Зеленые склоны холмовъ блестятъ отъ луннаго свѣта какъ матовый бархатъ и только дремучій лѣсъ выглядитъ еще темнѣе, совсѣмъ чернымъ, да страшно зіяютъ непроницаемымъ мракомъ ущелья, куда не добраться лунному свѣту... Гладкое озеро, закрытое сбоку холмомъ, совсѣмъ застыло и отливаетъ во мракѣ какимъ то темнымъ, какъ сильно вороненая сталь, блескомъ, выдѣляясь изъ черной рамы густаго, неподвижнаго камыша, окутаннаго непроницаемою мглою... Подъ ракитами, сильно пригнувшимися къ водѣ, также темно, какъ и въ камышахъ... Пастухи или чумаки разложили гдѣ то далеко на берегу яркій костеръ и пламя его падаетъ багровымъ пятномъ въ темную воду и дрожитъ на ней, то широко разбѣгаясь, то снова сбѣгаясь въ небольшое пятно, какъ живое,—а высоко, высоко надъ нимъ, на горѣ точно свѣтитъ облитая луннымъ свѣтомъ проѣзжая дорога и кажется совсѣмъ бѣлой. Вотъ,—вотъ,—кто нибудь

покажется на ней, задвижется, проѣдетъ... Но нѣтъ,—это только такъ кажется и напрасно стучитъ мое сердце въ тревожномъ ожиданіи!... Все спитъ, все безмолвно! Только вода лѣниво журчитъ, сбѣгая съ заснувшаго колеса и въ щели ветхой плотины, и еще глубже, еще таинственнѣе кажется царящая тишина отъ этого монотоннаго, тихаго журчанья... Мнѣ становится какъ то жутко и страшно... Горпына клянется, что тамъ, подъ мельницей, прячутся нехрещеныя дѣти и бродитъ страшный „упыръ", высматривая свою жертву... Сердце начинаетъ колотиться, въ вискахъ стучитъ... Я хочу шума, крика, свиста,—чего бы то ни было, лишь бы оно напоминало собою живое, но самъ боюсь шевельнуться,—къ тому-жъ я задыхаюсь!.. Весь оцѣпенѣвшій отъ страха, точно сквозь сонъ слышу я, какъ что то вдругъ свиснуло въ рощѣ, затрещало, разсыпалось звонкою дробью, и прихожу въ себя, когда уже вся даль, и сама глубокая тьма ночи кажется, трепещутъ и разносятъ кругомъ соловьиное пѣніе... И я слышу, какъ ожившее сердце мое говоритъ совсѣмъ явственно:—спасибо тебѣ Божія пташка!

Успокоенный, я начинаю глядѣть вверхъ на яркія звѣзды... Тихо, медленно, безъ шума плывутъ онѣ надо мною цѣлыми группами, пестря темное небо самыми прихотливыми узорами, и вижу, какъ глубокая ночь, точно стараясь погасить ихъ, дышетъ на нихъ снизу своимъ мракомъ,—отчего онѣ то вспыхиваютъ, то гаснутъ, мерцая... Млечный путь,—эта свѣтлая тропа святыхъ ангеловъ,—ярко выдѣляется на общемъ темномъ фонѣ, рѣзко дѣля небесный куполъ, чтобы въ страшный судный день и грѣшники и праведники знали, гдѣ стать имъ одесную и ошую Божьяго Престола... Совсѣмъ незамѣтно движется золотой „Возъ", на которомъ праведныя души добираются до Рая, и я жадно всматриваюсь въ темную синеву, чтобы разглядѣть ихъ во что бы то ни стало... Но какъ ни гляжу я,—мнѣ ихъ не видно, потому что глаза мои грѣшны... Чтобы ихъ видѣть, нужно много поститься, нужно выстроить келью въ глухомъ дремучемъ лѣсу

и долго жить въ ней праведнымъ схимникомъ... Ужъ не уйдти ли и мнѣ въ лѣсъ,—не построить ли келью и не зажить ли схимникомъ? Хищные волки лизали бы мой слѣдъ и я понималъ бы говоръ всякой птицы... Я понималъ бы, что шепчетъ лѣсная трава, о чемъ шумятъ, качаясь, столѣтніе дубы!... Нѣтъ!—Я боюсь лѣса!—стучитъ мое сердце... Къ тому же... дѣдъ... Панасъ... Горпына!... Да и замокъ... моя война съ замкомъ!?...

Я вспоминаю о немъ и жадно выслѣживаю во мракѣ его темные, чуть видные силуэты... Освѣщенныя окна глядятъ совсѣмъ какъ очи и я еще больше вѣрю, что это страшный змѣй, а не камень... Я вспоминаю, зачѣмъ я здѣсь, чего мнѣ нужно, и вновь дѣлается мнѣ жутко... Русалки не любятъ, говоритъ Горпина, живаго человѣческаго духа,—зорко слѣдятъ, чтобы никто не подглядѣлъ ихъ „мертваго источника“, и часто уносятъ смѣльчаковъ къ себѣ на холодное, вѣчно влажное дно... И все больше и больше охватываетъ меня страхъ и все сильнѣе колотится въ груди моей сердце...

— Не трусь!—точно слышу я грозный шепотъ дѣда и какъ то замираю, слабѣя отъ неимовѣрныхъ усилій...

Но вотъ, наконецъ, луна всплыла выше и блеснула въ зеркальной глади застывшаго озера... Золотыя ленты невидимо протянулись въ воздухѣ и отразились въ водяной глубинѣ цѣлыми снопами и золотою рябью. Весь облитый свѣтомъ, выплылъ изъ густаго мрака темный камышъ и стоитъ надъ водою, точно тая въ себѣ что то, и ясно выдѣляются ракиты, бросая отъ себя густыя тѣни... Это роковой часъ... Часъ, когда разбуженныя луннымъ свѣтомъ, выходятъ играть русалки... Я хочу закрыть глаза, но что то невидимое толкаетъ меня смотрѣть и смотрѣть и я гляжу, не отрывая взора... Вонъ, что то двинулось... что то шелохнулось... Русалка,—она!.. Даже рука бѣлая мелькнула на водѣ!.. Нѣтъ!—это закачалась бѣлая водяная лилія, тронутая всплеснувшей съ просонокъ рыбой,—это камышемъ зашуршала, пробираясь, хищная выдра... И досадно мнѣ,

и какъ то легко становится на душѣ, что это не русалка... Неужели же въ самомъ дѣлѣ все это только брехня, эти Панасовы сказки, какъ говоритъ мнѣ часто дѣдъ!?...

Когда я сталъ старше, замокъ, конечно, пересталъ быть чудовищнымъ змѣемъ... Но въ немъ, въ его угрюмыхъ стѣнахъ концентрировалось для меня, казалось, все зло, что я когда либо видѣлъ, о которомъ я могъ слышать,—все то враждебное, несправедливое, злое, что должно было по общему понятію обнимать собою собирательное имя—ляхи... Тамъ, только тамъ, казалось,—гнѣздилось то, съ чѣмъ рубились когда то предки, что вело ихъ на плаху, что не любилъ весь народъ, что обижало нашъ „родъ“, съ чѣмъ враждовалъ дѣдъ, что грозило въ будущемъ и мнѣ бѣдой... И по мѣрѣ того, какъ я росъ,—слѣпая, безсознательная дѣтская ненависть, перенятая отъ старшихъ, переходила, казалось, въ глубокую вражду, похожую на злобу и потому какъ будто болѣе сознательную. Не замокъ я уже ненавидѣлъ, не его темныя стѣны,—нѣтъ!—я ненавидѣлъ то, что въ немъ жило, что, казалось, крылось или должно было крыться въ его стѣнахъ... Темный камень не смотрѣлъ уже на меня, не грозилъ,—онъ подавлялъ меня холоднымъ презрѣніемъ, оскорблялъ скрытой ироніей, возмущалъ тщеславнымъ сознаніемъ гордой силы, съ которой кичливо взлеталъ къ синему небу, высоко, высоко царя надъ всѣми...

И я ненавидѣлъ все, что въ немъ крылось, всѣхъ. кто тамъ жилъ, любилъ или ненавидѣлъ въ свою очередь,—всѣхъ, кого я даже и не зналъ никогда... Все это были только „враги“ и будь они прелестны какъ свѣтлые ангелы,—они могли быть для меня, казалось, только врагами, только ненавистными „людьми изъ замка“. Въ этихъ трехъ словахъ крылось все,—они сами собой опредѣляли отношенія.... И въ тихія ночи, когда замокъ ярко горѣлъ праздничными огнями, когда легкія воздушныя волны доносили до моего уха чудные звуки замковой музыки, подъ которые весело кружились прелестныя пани и панны,—я жарко

молилъ у Бога мощь и силу Самсона!.. Легче выдры, казалось, подкрался бы я къ ликующему замку... Полный мощнаго гнѣва, поднялся бы я по мраморнымъ ступенямъ и, какъ великій слѣпецъ столбы Дагонова храма, схватилъ бы гордыя колонны руками... Мигъ,—и все рухнетъ, все ликующее погибнетъ въ стонахъ и мукахъ, простирая руки!... Но тутъ исчезаетъ вдругъ злоба,—сердце сжимается болью, мнѣ становится жаль, невыразимо жаль, и безсильныя уже руки сами собою оставляютъ колонны... Я не могу... я прощаю все... все!.... Такова почему-то былъ финалъ всѣхъ моихъ нападеній на замокъ. Даже когда я воображалъ себя вольнымъ козакомъ, когда по моей молитвѣ вскрывались высокія могилы и мнѣ на помощь выходили оттуда чубатые козаки въ красныхъ жупанахъ, когда всѣ предки слетались ко мнѣ изъ портретной и при блескѣ сверкавшихъ на лунѣ копій и сабель съ гордо поднятыми бунчуками мы шли на замокъ непреоборимой ратью,—даже и тогда! Блестящій клинокъ гетманской сабли безсильно падалъ въ моей рукѣ, потому что я видѣлъ поблѣднѣвшія лица и слёзы, я слышалъ стоны... Вдругъ изчезала злоба, потухало мщенье, сердце сжималось, мнѣ становилось жаль... Я нехотѣлъ уже ни битвы, ни мщенья, ни славы... я все... все прощалъ!... Можетъ быть потому то и смотрѣлъ на меня такъ угрюмо съ своего портрета непреклонный сподвижникъ Гонты!.. Можетъ быть своей жалостливостью я омрачалъ нетлѣнную славу предковъ?!

— У тебя опять будетъ лихорадка!—говоритъ бывало дѣдъ, когда я вернусь наконецъ домой послѣ подобныхъ боевъ и разбужу его своимъ приходомъ.—Гляди,—опять блестятъ у тебя глаза и горятъ щеки... Не нужно бы тебѣ, хлопче, такъ долго сидѣть на дворѣ ночью!...

Я молчалъ... я былъ скрытный мальчикъ, и дѣдъ никогда не зналъ, отчего у мечтательнаго мальчика горѣли щеки и естѣли глаза.

— Горпыно,—иди но уложы его!...

Входила, зѣвая, Горпына и укладывала меня въ постельку... Она любовно ласкала мои волосы и разсказывала сказки, подъ которыя я такъ привыкъ было засыпать. Я несказанно удивилъ ее разъ, перебивъ ея сказку.

— Горпыно,—лихорадочно спросилъ я ее шепотомъ, весь волнуясь и дрожа въ жгучемъ нетерпѣньи,—ты могла бы своего врага зарѣзать?

— Зарѣзать?!

И Горпына, вѣчно призывавшая на головы своихъ враговъ самыя страшныя муки и болѣзни, въ ужасѣ всплеснула руками...

— Зарѣзать!? Да развѣ вы не слышали, панычку, что попъ читаетъ въ церкви?! Зарѣзать!.. Господи!.. И пришло жъ тобѣ на умъ такое, да еще и на ночь... Спаси тебя Пречистая ..

Она долго крестила меня и шептала молитву, пока я не заснулъ съ облегченнымъ сердцемъ.

ГЛАВА IV.

Плѣнъ.

Обитателей замка я почти никогда и не видѣлъ... Я зналъ что графъ вдовецъ, что у него есть почти взрослые сынъ и дочь и еще другой сынъ, младшій,—немного старше меня,—но видѣть ихъ мнѣ приходилось крайне рѣдко и то мелькомъ, случайно,—когда въ рѣдкіе выѣзды въ ближайшее мѣстечко ихъ пышная карета встрѣчалась съ нашей скромной бричкой. Дѣдъ тоже никогда ни съ кѣмъ изъ замка не встрѣчался, избѣгалъ всякихъ сношеній и о томъ, что происходило тамъ, мы узнавали только отъ рѣзника Янкеля, вмѣстѣ съ провизіей привозившаго еженедѣльно цѣлый коробъ новостей... Газетъ тогда нигдѣ не было и словоохотливый Янкель съ честью замѣнялъ ихъ собою для всѣхъ скучавшихъ въ своихъ усадьбахъ окрестныхъ помѣщиковъ. Онъ прекрасно зналъ все, что дѣлалось въ

усадьбахъ,—обо всѣхъ предпріятіяхъ,—о рожденіяхъ, смертяхъ, даже намѣченныхъ бракахъ,—обо всемъ, что происходило въ губерніи, даже о томъ, что дѣлалось за границей... Исчезни вдругъ Янкель, и всѣ помѣщики навѣрное очутились бы въ томъ же положеніи, какъ и мы теперь, еслибы у насъ вдругъ исчезли газеты и журналы...

— Ну, что,—не слышно чего нибудь о войнѣ?!... спрашивалъ его часто дѣдъ.

— Вой-нѣ!? Боронн Богъ! А вотъ губернаторъ новый ѣдетъ!—говоритъ Янкель или сообщаетъ о предполагаемой свадьбѣ въ уѣздѣ.

Я и теперь еще помню длинные пейсы и вытертую мѣховую шапку этого добраго, крайне болтливаго жида... Привязавъ къ плетню свою разбитую, тощую клячу, кое какъ запряженную веревочками въ двухколесную тележку, онъ взваливалъ на плечи свой „товаръ“ и, еще издали улыбаясь и кивая головой, входилъ прямо въ домъ, гдѣ всегда былъ желаннымъ гостемъ... Сейчасъ же бывало начинался торгъ съ невѣроятной божбою, ужаснѣйшими клятвами, увѣреніями въ готовности провалиться или даже „ослѣпнуть“ и все это пересыпалось новостями... Сначала, помню, я долго искренно боялся за бѣднягу, когда его уличали, несмотря на самыя страстныя клятвы въ готовности немедленно лопнуть для доказательства своей мнимой правоты, пока дѣдъ не успокоилъ меня увѣреніемъ, что Богъ терпитъ ложь купцовъ, потому что они купцы, никогда не прощая ее другому. Это успокоило мои сомнѣнія, и мой страхъ за Янкеля, который самъ, кажется, былъ глубоко убѣжденъ въ истинѣ такого положенія и, въ концѣ уличенный, всегда оправдывался, улыбаясь, извѣстной поговоркой: „не обманешь,—не продашь!“

— Наше дѣло купеческое, говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ, на своемъ курьезномъ жаргонѣ, пожимая плечами и улыбаясь,—на то мы купцы!... намъ нельзя безъ этого!... Сами знаете!...

Этотъ Янкель и служилъ единственнымъ звеномъ, связы-

вавшимъ нашу изолированную, замкнутую жизнь съ кипучей, шумной жизнью гордаго замка...

Но давно, давно, когда меня еще не было на свѣтѣ, когда графъ только что вступилъ во владѣніе наслѣдствомъ, онъ неожиданно самъ пріѣхалъ въ своей каретѣ къ дѣду и предложилъ ему мировую.. Графъ добровольно уступалъ часть земли и предлагалъ еще какую то сумму денегъ, но дѣдъ обидѣлся и разсердился... Онъ не могъ уступить ни клочка, ни пяди изъ того, что съ такими жертвами изъ рода въ родъ отстаивали его предки, не омрачивъ своей чести, не оскорбивъ своего родоваго культа, а отъ какихъ бы то ни было денегъ на отрѣзъ отказался... Деньги!? Родовой споръ и деньги! Нѣтъ, я слышалъ, будто дѣдъ тогда же предложилъ молодому графу покончить дѣло не деньгами, точно они были торгаши, а рыцарски, саблей на спорной межѣ... Графъ уклонился и споръ снова закипѣлъ по всѣмъ судебнымъ инстанціямъ...

Я помню только одинъ случай непосредственнаго сношенія дѣда съ замкомъ да и то какой то странный, загадочный, носившій не то характеръ шутки, не то охотничьей пикировки... Послѣ одной изъ охотъ графъ прислалъ дѣду зайца, велѣвъ сказать, что посылаетъ его потому, что заяцъ убитъ имъ случайно въ дѣдовскихъ владѣніяхъ. Была ли это любезность, шутка, право не знаю, но дѣдъ сейчасъ же увидѣлъ въ этомъ, кажется, вызовъ и, нахмурившись, велѣлъ сказать графу, что не замедлитъ отблагодарить его... Страстный охотникъ, онъ немедленно вскинулъ ружье на плечо, спустилъ всѣхъ своихъ гончихъ и вернулся только глубокою ночью.

— Гдѣ ты былъ, дѣдъ?—спросилъ я его, помню, проснувшись.

— Гдѣ я былъ?—переспросилъ дѣдъ, наклоняясь ко мнѣ и гладя мою головку,—я убилъ во владѣньяхъ графа волка и послалъ ему за его зайца.

И дѣдъ самодовольно и гордо улыбнулся.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на нашу отчужденность, нашу замкнутость,—я попалъ разъ въ самый замокъ... Но попалъ въ качествѣ плѣнника на судъ самого графа.

По страсти бродяжить, въ одно прекрасное лѣтнее утро, я какъ то совсѣмъ незамѣтно для себя очутился далеко за предѣлами нашей Пустыньки, въ незнакомомъ мѣстѣ на берегу узенькаго, прозрачнаго ручья, голубаго, какъ стоявшее надъ нимъ голубое небо. Густой кустарникъ скрывалъ эту водяную ленту отъ палящихъ лучей солнца и она тихо журчала, струясь свѣтлой влагой по чистому песчаному дну и голышамъ, дыша заманчивой прохладой... Мнѣ понравилось это мѣсто, я напился изъ ручья и, набравъ голышей, задумалъ строить плотину... Увлеченный своей работой, я и не замѣтилъ, какъ кто то подошелъ сзади и съ любопытствомъ слѣдилъ за каждымъ моимъ движеньемъ.

— Ты строишь мостъ?

Я обернулся, встревоженный и удивленный незнакомымъ голосомъ, присутствіемъ нежданнаго свидѣтеля. Въ двухъ шагахъ стоялъ свѣтлорусый мальчикъ, красиво одѣтый, ростомъ выше меня и улыбался мнѣ привѣтливой улыбкой... Всегда росшій одиноко, внѣ дѣтскаго общества,—я совсѣмъ растерялся и сконфузился.

— Ты строишъ мостъ?—Да?—спрашивалъ красивый незнакомецъ, все также улыбаясь и указывая рукою на мою работу.—Да?

— Да!— глухо и угрюмо отвѣтилъ я.

— О! какъ это хорошо! Дай, я помогу тебѣ и мы выстроимъ отличный мостъ.—Хочешь?

— Хорошо!—колеблясь выговорилъ я, все еще оглядывая фигуру мальчика изподлобья и растерянно теребя полы своей куртки.

Тотъ бросилъ хлыстъ, который держалъ въ рукѣ, набралъ голышей и бросилъ ихъ въ воду у моей кучи.

— Вотъ такъ будетъ отлично, мы выстроимъ чудный мостъ, говорилъ онъ совершенно свободно и развязно, притаптывая голыши ногою... -А ты кто такой, мальчикъ?

— Я изъ Пустыньки...

— Изъ Пустыньки!?

Развязный мальчикъ остановился въ удивленьи и вытаращилъ на меня глаза.

— Изъ Пустыньки!? Ты можетъ быть внукъ этого злаго старика, который процессуется съ нами? наивно спросилъ мальчикъ и лицо его потемнѣло.

Но и мое потемнѣло,—его слова рѣзнули и меня ножомъ по сердцу... Предо мною стоялъ „врагъ изъ замка“ и осмѣлился поносить дѣда!

— Да, я внукъ его,—обиженно и гордо отвѣтилъ я,—но ты не смѣешь называть такъ дѣда!...

— Не смѣю?!—Его всѣ такъ называютъ... Онъ завзятый хлопъ и хлопской вѣры... Говорятъ, онъ сумасшедшій колдунъ!—насмѣшливо улыбался мальчикъ.

Я задрожалъ, голова у меня начала мутиться... Такой дерзости я не ожидалъ,—ее впервые слышали мои уши.

— Врешь, поганый ляхъ! перебилъ я его, задыхаясь и чувствуя какъ отъ обиды у меня подступаютъ къ горлу слезы.

— Что ты сказалъ?! выпрямился гордо мальчикъ, презрительно щуря глаза и побагровѣвъ отъ злобы.—Что ты смѣлъ сказать, подлый хлопъ?...

— Я сказалъ, что ты поганый ляхъ и что вы всѣ сами злые и колдуны...

— Ты смѣлъ это сказать мнѣ? Да ты знаешь, кто я? Я сынъ графа... Я позову людей и они отстегаютъ тебя нагайками, песья кровь!...

— А мой дѣдъ перерубитъ васъ всѣхъ ляховъ на мелкіе кусочки...

— Твой дѣдъ!? презрительно захохоталъ тотъ. Твой глупый дѣдъ—хлопъ и его тоже отстегаютъ...

— Дѣда!!?—я сдѣлалъ шагъ впередъ и протянулъ руку,— Дѣда?! ляшское отродье?!

— Да, твоего дѣда и тебя.. Вотъ такъ!—и схвативъ свой хлыстъ онъ быстро стеганулъ меня по лицу.

Острая боль удесятерила мое негодованіе, а можетъ быть и силы... Какъ дикая рысь, прыгнулъ я на врага, вырвалъ хлыстъ и повалилъ его на землю... Мы сцѣпились, какъ двѣ разъяренныя кошки, и терзали другъ друга, барахтаясь на землѣ, пуская въ ходъ кулаки, зубы и ногти... Я дрался молча, тяжело сопя, стиснувъ зубы, отуманенный злобой, сквозь которую какъ то смутно просвѣчивало сознаніе исполняемаго будто бы долга, завѣщаннаго и предками и дѣдомъ, еще больше подзадоривавшее меня,—мой противникъ оралъ во все горло... Я былъ сильнѣе, ловче и черезъ минуту онъ уже почти не сопротивлялся... Онъ только кричалъ и задыхался, весь изцарапанный, искусанный, съ избитымъ въ кровь лицомъ...

— Вотъ тебѣ за дѣда... вотъ, вотъ, вотъ! говорилъ я, задыхаясь отъ злобы и тузя его немилосердно.

Но къ нему на помощь прибѣжалъ гувернеръ, съ которымъ онъ гулялъ, и силою, кляня и ругаясь, вырвалъ у меня мою жертву... Платье мое было измято, кой-гдѣ исцарапано лицо, я еле еле переводилъ духъ, но я торжествовалъ побѣду и гордо утиралъ носъ рукою... Мой противникъ громко плакалъ, его платье было въ клочьяхъ...

— Ты кто такой чертенокъ!? трясъ меня злобно гувернеръ.

— Я изъ Пустыньки! отвѣтилъ я съ достоинствомъ и гордо, смотря ему прямо въ глаза.

— А... такъ вотъ кто ты!.. Какъ же ты смѣлъ драться съ графомъ да еще и на его землѣ!...

— Это наша земля, неправда! Ляхи ее украли у насъ, но дѣдъ отниметъ!... грозилъ я съ необычайнымъ апломбомъ, упоенный побѣдой.

Гувернеръ захохоталъ.

— Ну, ладно, бѣсенокъ, а пока что, пойдемъ-ка къ графу въ замокъ... Онъ васъ разберетъ...

— Я не пойду къ ляхамъ!

— Не пойдешь къ ляхамъ, завзятый чертенокъ?! А вотъ увидимъ! и онъ схватилъ меня за руку.

— Не смѣй меня трогать! Дѣдъ тебя изрубитъ! кричалъ я, но ничто не помогало... Я кричалъ, упирался, билъ ногами, кусалъ его руки, а онъ все тащилъ меня и тащилъ... Тщетно звалъ я дѣда, никто не являлся мнѣ на помощь и по мраморнымъ ступенямъ замка я взошелъ не всемогущимъ королевичемъ, не грознымъ гайдамакомъ, а беззащитнымъ плѣнникомъ.

— Подожди здѣсь, чертенокъ, ишь какъ искусалъ мою руку! чтобъ тебѣ!..—сказалъ гувернеръ и заперъ меня въ комнатѣ.

До сихъ поръ я не боялся... Я не думалъ, не имѣлъ времени думать, что мнѣ могутъ сдѣлать зло и несправедливо наказать... Я весь былъ поглощенъ обидой, что меня тащутъ къ себѣ ляхи, что меня, такъ страстно и побѣдоносно воевавшаго всегда съ замкомъ, влекутъ теперь такъ позорно и никто не является мнѣ на помощь... Но оставшись одинъ, я сразу почувствовалъ приливъ глубокаго страха и сердце мое сжалось... Обида вмѣстѣ со страхомъ быстро пришибли меня, хотя злоба все таки клокотала. Стѣны были крѣпки, окна высоко, дѣдъ такъ далеко, да къ тому же онъ и не зналъ, что дѣлается съ его внукомъ!.. Въ окно я увидѣлъ внизу нашу Пустыньку всю, какъ на ладони, и слезы хлынули у меня градомъ... Что ждетъ меня?.. Раскаленная жаровня, какъ гетмана Остряницу? Плаха, костеръ или голодная смерть въ подземельи, какъ многихъ героевъ Сѣчи когда то? Господи,—хоть ты не оставь меня!... Слезы лились у меня градомъ,—я жарко молился,—я зналъ, что такъ дѣлали козаки предъ смертью...

Вдругъ щелкнулъ замокъ, я какъ то быстро вспомнилъ тутъ слова дѣда: не бойся и чорта, не трусь!—и почувствовалъ, что непремѣнно струшу...

— Иди сюда, хлопче!..

Въ дверяхъ стоялъ нахмурившись графъ и глядѣлъ на меня, сдвинувъ сердито брови. Сзади стоялъ гувернеръ.

Я не двинулся,—я точно приросъ къ мѣсту.

— Иди же сюда!..

— Я не пойду!—отвѣчалъ я сквозь зубы, заглушая готовыя вырваться наружу рыданья.

— Я докладывалъ вашей свѣтлости, что это чертенокъ,—онъ искусалъ мою руку!—вмѣшался сзади гувернеръ, но графъ точно не обратилъ на его слова вниманья.

— Почему?—продолжалъ графъ.—Ты боишься меня?!

— Да!—отвѣтилъ я глухо.

— Отчего же ты меня боишься?... Ты чувствуешь себя виноватымъ?...

— Нѣтъ,—я не чувствую...

— Такъ отчего же?..

Я молчалъ.

— А?—Отчего же ты не скажешь?..

— Оттого что ляхи жгли нашихъ, и мучили, и голодомъ морили!.. вылилось у меня какъ то невольно,—оттого... оттого... что!—но тутъ мнѣ помѣшали слезы.

— Вотъ отчего!—улыбнулся вдругъ графъ... Вотъ, что тебя пугаетъ! Ха, ха, ха! Правда,—это было,—но давно было,—хлопче,—за то и отъ вашихъ доставалось ляхамъ не меньше, если не больше... Но тебѣ про это и знать бы не слѣдовало!... Теперь ляхи не жгутъ и не рѣжутъ!.. Иди, не бойся!

Тонъ графа меня успокоилъ. Я подошелъ и вытеръ слезы, а онъ упорно и долго посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Ужъ не думалъ ли ты,—началъ онъ снова,—что я буду жечь или мучить ребенка?!—улыбнулся онъ.

— Я думалъ...

— Жаль же, хлопче, что ты такого дурнаго мнѣнія о ляхахъ,—ну, да не твоя въ томъ вина!—добавилъ онъ, слегка

вздохнувъ.—Скажи мнѣ, за что ты такъ отдѣлалъ моего сына?.. Что онъ тебѣ сдѣлалъ?

Мнѣ вдругъ стало стыдно.

— Ну, что же?...

— Я строилъ мостъ,—началъ я, покраснѣвъ какъ піонъ, но прямо смотря въ пронизывающіе глаза графа,—и онъ тоже захотѣлъ... Но онъ сказалъ, что мой дѣдъ сумасшедшій колдунъ и злой... И сказалъ, что я хлопъ и дѣдъ хлопъ и вѣра наша хлопская, и что онъ прикажетъ отстегать насъ нагайками... И онъ хлестнулъ меня хлыстомъ первый...

— Такъ ли?—нахмурился графъ,—позовите Ася!...

— Повтори при немъ,—сказалъ онъ, и когда я повторилъ слово въ слово при сконфуженномъ сынѣ, графъ сердито обратился къ нему:

— Правда это?

— Да!—отвѣтилъ тотъ,—я слышалъ, что такъ зовутъ его дѣда и сказалъ. А хлестнулъ я его потому,—оправдывался онъ растерянно,—потому, что онъ началъ ругаться...

— Ну, въ такомъ случаѣ ты получилъ должное!.. Прикажите запречь экипажъ и отвезите мальчика,—указалъ графъ гувернеру на меня,—къ его дѣду... Вина всего этого падаетъ всецѣло на васъ, сударь,—вы воспитатель... Я не хочу, чтобы мой сынъ былъ грубымъ нахаломъ!..

— Но я... но я!.. ваша свѣтлость,—началъ оправдываться гувернеръ.

— Съ вами мы поговоримъ еще послѣ!—перебилъ его сердито графъ и обратился снова ко мнѣ.

— Ну, поѣзжай, мальчикъ, домой, кланяйся своему дѣду да помни, что не все ляхи дѣлаютъ только зло да несправедливость!.. Я не винію тебя, что ты побилъ моего сына, когда тотъ безпричинно оскорбилъ тебя,—но все таки дамъ тебѣ хорошій совѣтъ: побольше любить и поменьше ненавидѣть!..

Я ѣхалъ домой съ торжествомъ, но признаюсь это торжество мое сильно было смущено послѣдними словами графа и вообще всѣмъ его обращеніемъ. Самъ не понимая почему,—я чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, мнѣ точно стало вдругъ чего то стыдно.—Неужели графъ и добръ, и справедливъ, несмотря на все?.. смутно шевелилось во мнѣ гдѣ то глубоко, глубоко, какъ я ни гналъ отъ себя этотъ еретическій, казалось, вопросъ. И послѣдующее поведеніе дѣда, когда я разсказалъ ему все, далеко не успокоило мои сомнѣнія. Дѣдъ съ большимъ интересомъ слушалъ мою повѣсть и долго былъ, казалось, на моей сторонѣ... Пока я передавалъ мою ссору,—онъ негодовалъ вмѣстѣ со мною... Его глаза метнули искры, когда я сказалъ, что меня стегнули хлыстомъ... Онъ съ гордостью, весь красный отъ удовольствія, слушалъ, какъ я храбро побѣдилъ врага и смѣло отвѣчалъ гувернеру... На глазахъ у него сверкнули слезы и поблѣднѣло лицо, когда я передалъ свои ощущенія въ запертой комнатѣ,—онъ задрожалъ даже и сталъ ласкать мою голову... Но когда я разсказалъ подробно сцену съ графомъ и передалъ его послѣднія слова,—дѣдъ вдругъ остановился, грозно сдвинулъ брови и затѣмъ сердито зашагалъ по комнатѣ.

— Повтори!—сказалъ онъ, наконецъ, останавливаясь и не поднимая глазъ.

Я повторилъ и дѣдъ зашагалъ еще сердитѣе, кусая усъ,—что бывало съ нимъ въ рѣдкія минуты... Наконецъ онъ остановился.

— Вотъ что!—съ досадой сказалъ онъ сердитымъ голосомъ,—если ты еще будешь бѣгать на чужую землю и драться тамъ съ мальчиками,—я не буду пускать тебя изъ дома!.. Помни это!..

Такимъ я еще не видѣлъ дѣда и такихъ словъ я отъ него не слыхалъ. Все это было для меня болѣе чѣмъ неожиданно и надолго поселило въ моемъ сердцѣ тревогу...

Г. А. Мачтетъ.

(*Окончаніе будетъ*).

РУССКІЯ КОЛОНІИ ВЪ ДОБРУДЖѢ.[1)]

(ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Сколько намъ извѣстно, самый фактъ существованіядовольно многочисленнаго украинскаго населенія на устьяхъ Дуная и въ Добруджѣ до настоящаго времени знакомъ, кажется, не всѣмъ, не исключая даже и большинства записныхъ, такъ сказать, изслѣдователей украинскаго народа. По всей вѣроятности, мы не особенно ошибемся, если выскажемъ предположеніе, что о добруджскихъ украинцахъ знаютъ гораздо больше наши новороссійскіе селяне, чѣмъ россійскіе вообще и даже украинскіе въ частности историки и этнографы. Все то, что сколько-нибудь извѣстно по слухамъ или по книгамъ о русскихъ въ Добруджѣ, касается почти исключительно великорусской эмиграціи—старообрядцевъ, безпоповцевъ, молоканъ и проч.;—о южно-русскомъ же населеніи Добруджи не говорится нигдѣ ни слова. Его даже какъ будто не замѣтилъ и Кельсіевъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Тульчѣ и оставившій свои замѣтки о добруджско-русской эми-

[1)] Настоящая статья доставлена намъ при слѣдующемъ письмѣ профессора В. Б. Антоновича:

„Многоуважаемый Александръ Степановичъ! Мой пріятель, одинъ изъ профессоровъ бухарештскаго университета, сообщилъ мнѣ, по моей просьбѣ, портфель рукописныхъ замѣтокъ, относящихся къ Добруджѣ, съ правомъ пользоваться ими для печати; въ числѣ рукописей я нашелъ очеркъ колонизаціи Добруджи на французскомъ языкѣ, составленный членомъ Географическаго Румынскаго общества г. Lou pouleskou; изъ этой статьи я извлекъ все то, что относилось къ русской колонизаціи въ Добруджѣ, опустивъ румынъ, грековъ etc. Прилагая вамъ эту работу въ переводѣ съ прибавленіемъ кое какихъ справокъ и замѣчаній, честь имѣю просить

граціи въ извѣстной книгѣ „Пережитое и передуманное“. (Спб. 1868). Въ этихъ, поверхностныхъ во всѣхъ, впрочемъ, отношеніяхъ, замѣткахъ онъ почти ни однимъ словомъ не вспоминаетъ ни о существованіи нѣкогда въ Добруджѣ запорожцевъ, ни о нынѣшнихъ украинскихъ колонистахъ въ ней. Затѣмъ, если не считать нѣсколькихъ коротенькихъ замѣтокъ, преимущественно въ „Кіевской Старинѣ“, и вышедшей въ прошломъ году брошюры Г. Бахталовскаго „О посадѣ Вилковѣ“, только сосѣднемъ съ Добруджей, то оказывается, что объ украинскихъ поселеніяхъ за Дунаемъ въ русской литературѣ ничего нѣтъ, равно какъ нѣтъ ничего и о самой Добруджѣ и вообще объ устьяхъ Дуная. Нужно замѣтить, впрочемъ, что несмотря на довольно большое вниманіе, которое обратили на себя эти мѣстности въ зап. Европѣ со времени возникновенія такъ назыв. восточнаго вопроса,—вниманіе это ограничивалось почти исключительно только военными интересами, а вслѣдствіе этого и въ европейской литературѣ почти до самаго послѣдняго времени было весьма немного сколько нибудь обстоятельныхъ описаній этой страны. Недостатокъ этотъ, впрочемъ, теперь восполнился трудами нѣмцевъ и преимущественно австрійцевъ. Карлъ Петерсъ, авторъ лучшаго географо-геологическаго сочиненія о Добруджѣ [1]), говоритъ прямо, что „Австрія должна занимать *первое* мѣсто въ работахъ по изученію этой страны“, и это вытекаетъ, по его мнѣнію, „изъ самой природы вещей: австрійскій геологъ, зоологъ или ботаникъ, путешествующій по нижнему Дунаю, не стоитъ на чужой почвѣ; съ небольшими (?) отличіями онъ находитъ на нижнемъ Дунаѣ тѣ же типы геологическихъ напластованій, тѣхъ же животныхъ и растенія, какъ

васъ покорно, въ случаѣ, если вы найдете ее годною для печати, помѣстить въ вашемъ журналѣ. Не желая приписывать себѣ чужаго труда, прошу васъ покорно оставить подпись лица, котораго перу принадлежитъ первоначальный трудъ.

Примите и пр.

В. Антоновичъ.

1888 г.
Іюля 20 дня.

[1]) *Karl Peters.* Grundlinien zur Geographie und Soologie der Dobrudscha (Denkschriften der k. k. Academie der Wissenschaften, mathematisch-naturwissenschaftliche Klasse. XXVII B. Wien. 1867).

и въ венгерско-сербской долинѣ, начинающейся отъ воротъ Вѣны“ (стр. 86). Само собой разумѣется, что нѣмецкій авторъ не ограничивается только этими учеными соображеніями и черезъ нѣсколько страницъ прямо заявляетъ, что изученіе этихъ странъ важно именно потому, что онѣ представляютъ собой „мѣста для аванпостовъ германскаго Drang nach Osten“...

Относительно украинскихъ колоній за Дунаемъ работа Петерса имѣетъ, впрочемъ, только очень второстепенное значеніе, такъ какъ она, главнымъ образомъ, посвящена географическому и геологическому описанію Добруджи. Заключающіяся въ ней статистическія и этнографическія свѣдѣнія о нашихъ землякахъ въ Добруджѣ кратки, да не совсѣмъ уже и новы, весь же интересъ этого сочиненія заключается для насъ въ нѣсколькихъ тоже краткихъ, но важныхъ для нашей цѣли, историческихъ замѣчаніяхъ о передвиженіи украинскихъ колоній въ странѣ. Изъ другихъ же работъ, отчасти цитируемыхъ и у Петерса, для насъ можетъ имѣть извѣстный интересъ развѣ еще сочиненіе г. Висковича, австрійскаго консула прежде въ Тульчѣ, а въ настоящее время въ Сулинѣ [1]), очень симпатичнаго и добросовѣстнаго изслѣдователя, очевидно, весьма серьезно относящагося къ своей дѣятельности. Въ работѣ Lejean'a „Ethnographie de la Turquie d'Europe“ [2]) интересна только довольно старательно составленная этнографическая карта Балканскаго полуострова (европейской Турціи), само же изслѣдованіе отличается относительно русскаго населенія чрезвычайной краткостью. Затѣмъ и въ европейской литературѣ о нашихъ землякахъ въ Добруджѣ и на устьяхъ Дуная мы не находимъ почти ровно ничего.

Между тѣмъ исторія и современная жизнь украинскихъ колоній за Дунаемъ должна бы быть, по крайней мѣрѣ для насъ, предметомъ гораздо большаго вниманія и интереса. Эмиграція изъ южной Россіи за Дунай, какъ дѣло временъ сравнительно недавнихъ, представляетъ собою явленіе, довольно близкое

[1]) *Viscovich.* Zur Statistik der Dobrudscha. Zeitschrift „Austria“. Wien 1863. 15 Jahrg. 5. 698, 715, 737, 755.

[2]) Petermann's Mittheilungen. 1861. Ergänzungsheft

къ различнымъ вопросамъ современной жизни нашего отечества и при томъ явленіе, еще исторически далеко не закончившееся, продолжающее существовать и въ настоящее время, хотя, конечно, подъ вліяніемъ нѣсколько иныхъ условій и стимуловъ, чѣмъ тѣ, при которыхъ оно начиналось. Исторія небольшой части народа, ушедшей вслѣдствіе извѣстныхъ условій внутренней жизни края и живущей уже болѣе столѣтія внѣ этихъ условій, въ положеніи при томъ, весьма благопріятствующемъ совершенно самостоятельному развитію, не можетъ не быть для насъ интересной, а во многомъ даже, можетъ быть, и довольно поучительной. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, мы рѣшаемся предложить читателямъ въ настоящей статьѣ небольшое количество фактовъ, касающихся украинской эмиграціи за Дунай, главнымъ образомъ начиная съ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, и существующихъ тамъ въ настоящее время украинскихъ поселеній. Главнымъ источникомъ этой статьи будутъ личныя наблюденія и разсказы очевидцевъ и участниковъ самой эмиграціи, записанныя во время путешествій по Добруджѣ и дельтѣ Дуная.

I.

Колонизаціонныя движенія украинскаго племени.—Переселеніе запорожцевъ на устья Дуная.—Задунайская Сѣчь.—Райя.—Возвращеніе запорожцевъ въ Россію въ 1828 г.—Побѣги азовскихъ козаковъ обратно за Дунай.—Бѣгство украинскихъ крестьянъ въ Новороссію и Бессарабію.—Положеніе ихъ тамъ.—Эмиграція изъ Новороссіи и Бессарабіи за Дунай.—Переправа черезъ границу.—Перевозчики.—Пріемъ въ Турціи.—Разселеніе по Добруджѣ и начало колоній.—Жизнь въ новой странѣ.—„Велика виходка“, или обратное движеніе въ Россію послѣ крымской войны.

Несмотря на общераспространенное мнѣніе о неподвижности и домосѣдствѣ южнорусскаго населенія, историческіе факты показываютъ намъ, что населенію этому всегда были присущи большія колонизаторскія стремленія. Достаточно сравнить этнографическую карту древней южной Руси по лѣтописи Нестора съ современнымъ намъ разселеніемъ южноруссовъ, чтобы видѣть, что поселенія ихъ не заходившія во время Нестора даже по теченію такой по преимуществу украинской рѣки, какъ Днѣпръ,

дальше впаденія въ него Роси,—дошли теперь до самаго Чернаго моря и какъ въ другую сторону, поселенія эти, самымъ восточнымъ пунктомъ которыхъ въ то время былъ Переяславъ, представляютъ теперь въ этомъ направленіи сплошную массу, переходящую уже черезъ Донъ и доходящую даже до подножій Кавказа. При этомъ необходимо напомнить, что въ этотъ промежутокъ времени, т. е. уже на глазахъ исторіи, русское племя было *три* раза оттираемо отъ Чернаго моря: первый разъ, въ VIII—IX вѣкахъ, жившіе возлѣ устьевъ Дуная угличи и тиверцы были вытѣснены оттуда печенѣгами,—второй разъ—въ XV ст. турки разорили литовско-русскія поселенія на мѣстахъ нынѣшнихъ Аккермана и Очакова—и, наконецъ, въ третій разъ—въ XVII ст. почти вся правобережная козацкая Украина, т. е. кіевское и брацлавское воеводства, была совершенно опустошена, какъ это видно по договорамъ, состоявшимся между Турціей, Польшей и Московскимъ государствомъ. Но, начиная уже съ этого столь недавняго времени, южноруссы успѣли вновь колонизировать обширныя страны этихъ двухъ воеводствъ, затѣмъ всю Новороссію и отчасти донскія и даже кубанскія и терскія степи. Это стремленіе украинцевъ на югъ обусловливалось, разумѣется, прежде всего географическими особенностями страны и преимущественно теченіемъ рѣкъ Прута, Днѣстра, Буга, Днѣпра и Донца. Изъ этихъ рѣкъ Прутъ, начинающійся въ русской части Галиціи и текущій въ область нижняго Дуная, былъ однимъ изъ первыхъ путей, по которымъ съ незапамятныхъ временъ двигались южноруссы по направленію къ югу, въ дунайскую долину. Есть указанія, что уже въ XII столѣтіи на нижнемъ Дунаѣ и у устья Прута находились города, населенные галицко-русскими выходцами: Берладь, Текуча и Малый Галичъ, т. е. нынѣшній Галацъ (Instructiunea Publica за 1860 г., № 1). Ипатская лѣтопись подъ 1159 годомъ упоминаетъ „городы подунайскіе“, принадлежавшіе галицкому княжеству, галицкіе корабли „кубарѣ,“ торговавшіе на устьи Дуная, которое занято было „рыболовами Галичьскими“ (Ипатская лѣтоп. стр. 341.) Слово о полку Игоревѣ говоритъ намъ, что Ярославъ Осмомыслъ Галицкій „заступаетъ путь Дунаеви“. Затѣмъ Берладь, въ дотатарское же время,

былъ убѣжищемъ бѣглецовъ изъ Галиціи и, наконецъ, до сихъ поръ карпатскіе гуцулы спускаются по Пруту плотами и идутъ на заработки въ Молдавію, Бессарабію и Новороссію. Впрочемъ, съ другой стороны, дельта Дуная была доступна для южноруссовъ и съ моря. Украинскимъ козакамъ и въ особенности запорожцамъ были прекрасно извѣстны эти страны, и они направлялись туда или сухимъ путемъ мимо Аккермана, или на своихъ „чайкахъ“ моремъ черезъ дунайскія гирла. Достаточно будетъ для примѣра вспомнить извѣстную думу объ Алексѣѣ Поповичѣ о бурѣ на Черномъ морѣ, чтобы видѣть, до какой степени была извѣстна запорожцамъ географія дунайской дельты. Вотъ почему нисколько не удивительно, что когда запорожскому братству пришелъ конецъ на Днѣпрѣ въ 1775 г., то у запорожцевъ явилась идея о переселеніи своей Сѣчи въ дельту другой великой рѣки того же черноморскаго бассейна, хотя и начинающейся внѣ славянскихъ предѣловъ. А съ другой стороны нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что вслѣдъ затѣмъ и населеніе даже и внутреннихъ южно-русскихъ областей въ своихъ стремленіяхъ къ отысканію вольныхъ земель и личной свободы также обратило свои взоры и на дунайскую дельту.

Запорожская колонизація устьевъ Дуная и Добруджи уже разсмотрѣна въ статьѣ, напечатанной въ „Кіевск. Стар.“ 1883 года и затѣмъ вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ [1]). Здѣсь же мы намѣрены познакомить читателя съ слѣдовавшей за ней, позднѣйшею, вполнѣ мирной, крестьянско-земледѣльческой колонизаціей, которая развилась главнымъ образомъ въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, затѣмъ нѣсколько ослабѣла съ уничтоженіемъ въ Россіи крѣпостнаго права и въ послѣднее время явно усиливается опять. Такъ какъ запорожская колонизація служила началомъ и опорою этой позднѣйшей земледѣльческой колонизаціи, составляющей предметъ нашей статьи, то мы позволимъ себѣ въ общихъ чертахъ напомнить сначала читателю судьбу бывшей задунайской Сѣчи.

---

[1]) *Ѳ. Кондратовичъ.* Задунайская Сѣчь по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ. Кіевъ 1883. (Въ журн. „Кіевск. Стар.“ 1883 г., янв., февр. и апрѣль).

Послѣ окончательнаго разоренія Сѣчи на Днѣпрѣ въ 1775 году, небольшая часть запорожцевъ перешла, какъ извѣстно, въ турецкіе предѣлы и, получивши разрѣшеніе Порты, въ количествѣ около 5000 челов. переселилась на дельту Дуная. Мѣстность эта была уже въ то время занята перешедшими туда еще раньше съ Кубани (а на Кубань пришедшими съ Дона подъ предводительствомъ Игната Некрасова) великорусскими козаками, извѣстными подъ именемъ некрасовцевъ или Игнать-козаковъ. Это обстоятельство было, по всей вѣроятности, причиною того, что запорожцы сразу не могли прочно утвердиться на устьяхъ Дуная и по прошествіи около 10 лѣтъ, т. е. въ 1785 году, по приглашенію австрійскаго правительства, всѣ или, только частью, передвинулись вверхъ по Дунаю на Военную Границу, гдѣ и поселились въ Банатѣ на берегахъ Тиссы и въ бачскомъ комитатѣ около города Zenta. По прошествіи, впрочемъ, очень короткаго времени запорожцы вышли оттуда и основали свой кошъ въ Сейменахъ, селѣ, находящемся также на Дунаѣ, но уже опять въ предѣлахъ Турціи между Гирсовой и Силистріей. Находясь тамъ, они принимали участіе въ войнѣ 1809 г., состоя въ гарнизонѣ крѣп. Рущука, въ мирное же время занимались, какъ и прежде, рыболовствомъ, спускаясь съ этой цѣлью къ устьямъ Дуная, гдѣ они имѣли свои рыболовные заводы. При этомъ, разумѣется, у нихъ происходили постоянныя столкновенія съ некрасовцами, окончившіяся, наконецъ, правильнымъ походомъ запорожцевъ противъ некрасовцевъ, полнымъ разбитіемъ послѣднихъ, взятіемъ запорожцами ихъ укрѣпленнаго пункта—Дунавца и переселеніемъ туда въ 1814 г. запорожскаго коша изъ Сеймень. Основанная такимъ образомъ въ Дунавцѣ Сѣчь немедленно же сдѣлалась центральнымъ пунктомъ прочихъ запорожскихъ поселковъ, разбросанныхъ по всей дельтѣ и отчасти Добруджѣ. Оттуда запорожцы принимали участіе въ походѣ турецкихъ войскъ противъ сербовъ въ 1817 г. и затѣмъ противъ грековъ въ 1821 г. Наконецъ, въ 1828 г., въ началѣ происходившей тогда войны Турціи съ Россіей, тогдашній кошевой О. Гладкій съ небольшимъ количествомъ оставшихся съ нимъ козаковъ переправился въ Измаилъ и возвратился въ подданство Россіи. Послѣ этого заду-

найская Сѣчь была уничтожена, перешедшіе же съ Гладкимъ козаки были по окончаніи войны отправлены къ Азовскому морю, гдѣ изъ нихъ было сформировано азовское козачье войско.

Между тѣмъ, въ теченіи всего этого времени, т. е. по крайней мѣрѣ всей первой четверти нынѣшняго столѣтія, южная часть Новороссіи и особенно Бессарабія, присоединенная къ Россіи по бухарештскому мирному договору 11 іюля 1812 г., представляли собой мѣстности очень удаленныя отъ государственныхъ центровъ, а вслѣдствіе этого совершенно еще дезорганизованныя въ административномъ отношеніи и бывшія въ состояніи служить достаточно еще надежнымъ пріютомъ для бѣглецовъ. Сюда то и направлялись бѣжавшіе главнымъ образомъ отъ недавно введенныхъ крѣпостнаго права и рекрутчины новороссійскіе крестьяне и здѣсь отчасти селились на свободныхъ еще земляхъ и заводили земледѣльческіе хутора, отчасти же занимались рыболовствомъ и охотой на пустынныхъ и до сихъ поръ еще лиманахъ Дуная. Положеніе этихъ колонистовъ въ Бессарабіи въ то время въ весьма значительной степени облегчалось и обезпечивалось существованіемъ запорожской Сѣчи за Дунаемъ. Люди, особенно сильно преслѣдуемые, люди, искавшіе болѣе привольной и свободной жизни, наконецъ, люди болѣе молодые и предпріимчивые, а кромѣ того не вполнѣ забывшіе козацкія традиціи недавно разореннаго коша на Днѣпрѣ,—во всякое время могли сравнительно безпрепятственно переправиться черезъ Дунай и очутиться въ Сѣчи, гдѣ они могли имѣть и вполнѣ уже безопасный пріютъ, и свободныя рыбныя ловли, и, наконецъ, широкое удовлетвореніе своимъ военно-авантюристическимъ наклонностямъ. Задунайскіе сѣчевики, какъ видно изъ приведенныхъ разсказовъ Коломійца, не только охотно принимали къ себѣ каждаго сколько нибудь способнаго „козакувать“ бѣглеца, но организовали дѣло побѣговъ систематически, отправляя нарочитыхъ эмиссаровъ для вербовки охотниковъ поступить въ составъ Сѣчи. Эти эмиссары—„вожаи“—обходили почти всю Украину и, собравши въ разныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ небольшой отрядъ бѣглецовъ, приводили ихъ на Сѣчь, пользуясь, разумѣется, по пути и помощью и укрывательствомъ со стороны такого же бѣг-

лаго населенія Бессарабіи. Но кромѣ такихъ эмигрантовъ, составлявшихъ постоянные кадры задунайской Сѣчи, на Дунавецъ шло много и другихъ людей, очень часто семейныхъ или женившихся уже въ бѣгахъ, привлекавшихся туда то привольемъ мѣстъ, то родственными связями, то, наконецъ, и свободными землями. Такимъ образомъ и вокругъ дунавецкой Сѣчи образовалась мало по малу такъ назыв. „Райя“ [1]), т. е. такое же семейное и большею частью земледѣльческое населеніе, какое въ свое время группировалось вокругъ днѣпровской Сѣчи, ея гардовъ, паланокъ и зимовниковъ. Такими семейно-земледѣльческими поселками Райи въ Добруджѣ были: Райя на Дунавцѣ, Муругиль, Кара-Орманъ, а потомъ Прославъ, Пирлица, отчасти Старая Тульча и др. мѣста.

Такимъ образомъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія мы видимъ довольно многочисленную уже колонизацію въ Бессарабіи и кромѣ того запорожскія поселенія въ Добруджѣ и на устьяхъ Дуная. Очень скоро послѣ перенесенія Сѣчи на Дунавецъ начали образовываться и упомянутыя нами выше украинскія земледѣльческія колоніи. Въ то время, когда запорожцы вели хозяйство исключительно рыболовное и охотничье, семейное населеніе Райи занималось главнымъ образомъ земледѣліемъ на территоріи, отведенной запорожцамъ турецкимъ правительствомъ. Земли было настолько достаточно, что не было надобности въ какомъ нибудь регулированіи пользованія ею: „де хто хотивъ—тамъ и пахавъ“ и при этомъ значительное количество земли все таки оставалось, и запорожскій кошъ отдавалъ ее въ аренду трансильванскимъ пастухамъ—моканамъ и болгарамъ, занимавшимся скотоводствомъ. При такихъ чрезвычайно благопріятныхъ условіяхъ какъ благосостояніе, такъ и вообще успѣхи украинской колонизаціи на запорожскихъ земляхъ въ Добруджѣ должны были развиваться чрезвычайно быстро, и дѣйствительно, почти че-

[1]) Райей у Турокъ вообще называлось христіанское населеніе деревень, находившееся въ извѣстныхъ вассальныхъ отношеніяхъ къ спагіямъ, игравшимъ прежде въ Турціи роль феодальнаго дворянства. Понятно, что запорожская райя носила только это имя, безъ всякаго подчиненія кому бы то ни было въ указанномъ нами смыслѣ, а была подчинена только административно кошевому Сѣчи.

резъ четверть столѣтія мы видимъ земледѣльческія колоніи Добруджи на столько укрѣпившимися, что онѣ начинаютъ уже вмѣшиваться въ политическую жизнь Сѣчи и въ концѣ концовъ успѣваютъ провесть своего кандидата (О. Гладкаго) на должность кошеваго. Тѣмъ не менѣе постоянная неувѣренность за свою дальнѣйшую судьбу, находившуюся въ очень тѣсной зависимости отъ непрочнаго политическаго положенія Сѣчи между Россіей и Турціей, все таки давала себя знать очень чувствительно и въ концѣ концовъ располагала добруджскихъ колонистовъ къ возвращенію въ Россію, тѣмъ болѣе, что Гладкому постоянно дѣлались, повидимому, очень выгодныя въ этомъ смыслѣ предложенія со стороны русскаго правительства. Въ концѣ концовъ—взяло ли верхъ это направленіе, расходившееся очень рѣзко съ настроеніемъ самихъ запорожцевъ, или просто пришлось подчиниться послѣдствіямъ переворота, произведеннаго Гладкимъ,—но съ переходомъ Гладкаго на сторону Россіи добруджскія колоніи значительно опустѣли. Съ самаго начала, т. е. непосредственно за сдачей Гладкаго, бѣгство украинскихъ колонистовъ изъ Добруджи обусловливалось прежде всего страхомъ мести со стороны турокъ и грабежа со стороны прочаго полудикаго населенія страны, состоявшаго изъ моканъ (пастуховъ-трансильванцевъ), румынъ, болгаръ и т. п., которые дѣйствительно на другой же день послѣ выхода Гладкаго накинулись на оставшуюся беззащитной райю и чуть было ее всю не вырѣзали, если бы ее не спасло заступничество одного священника румына. Затѣмъ обратной эмиграціи добруджскихъ колонистовъ больше всего содѣйствовали тѣ льготы, которыя были обѣщаны всѣмъ „забитымъ душамъ“ со стороны русскаго правительства, разрѣшившаго принимать въ дунайскіе, а потомъ азовскіе козаки всевозможныхъ бродягъ съ обезпеченіемъ имъ полной амнистіи за прежнія преступленія и съ надѣломъ земли на рѣкѣ Кальчикѣ. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ обстоятельствъ украинскія колоніи въ Добруджѣ очень быстро начали пустѣть, нѣкоторая часть земледѣльческаго населенія ихъ отодвинулась дальше въ глубь Добруджи, по направленію къ Тульчѣ, большая же часть ушла, оставивши послѣ себя разрозненную кучку запорожцевъ,

потерявшихъ прежнюю свою организацію и продолжавшихъ „рыбалить“ въ одиночку до окончательнаго своего исчезновенія.

Однако такое положеніе дѣлъ могло длиться не болѣе 2—3 лѣтъ, такъ какъ ожиданія возвратившихся изъ Добруджи эмигрантовъ въ сущности не вполнѣ оправдались, а съ другой стороны, не только не прекратились, а напротивъ, въ высшей степени усилились тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ люди бѣжали изъ своего отечества за Дунай. Въ видѣ примѣра и для характеристики бѣгства изъ азовскаго козачьяго войска, мы приведемъ отрывокъ изъ записаннаго разсказа одного изъ бѣжавшихъ—давняго жителя Тульчи, но до сихъ поръ еще бодраго и красиваго старика Корнія Билаго: „Ушелъ я отъ пана (разсказывалъ онъ) молодымъ еще хлопцемъ... Я панскій былъ—изъ Херсонщины... ушелъ въ Бессарабію... А тогда какъ разъ (1829—1830 г.г.) пріѣзжалъ отъ Гладкаго людей набирать въ азовскіе козаки панъ Рачковскій—онъ полякъ былъ. Воротникъ на немъ красивый, и здѣсь—на рукавахъ (обшлагахъ) тоже красное... Собралъ онъ людей возлѣ корчмы да и говоритъ: „кто, говоритъ, хочетъ подъ Бѣлаго Царя?“ Кто то обозвался, что пойдетъ,—вотъ онъ его и поставилъ въ сторону, а потомъ другихъ спрашиваетъ: „кто идетъ—въ одну сторону, кто не хочетъ—въ другую... Такъ вотъ и мы пошли—молодые еще хлопцы были!... А какъ пришли туда, да какъ увидѣли, что тамъ дѣлается,—такъ подумали да и опять сюда поутекали!... А тамъ же, спрашиваете, что?!... Что и говорить! извѣстно что... въ москали (солдаты) повернули... ну, такъ мы и ушли, опять таки въ Бессарабію... А тогда какъ разъ переборка была: генералъ Василевскій былъ надъ дунайскими козаками... ну, и перебирали всѣхъ—кто панскій былъ, такъ къ панамъ отсылали, головы брили на половину, а кто старый человѣкъ, то и полъ бороды брили. Много тогда народу сюда (т. е. въ Добруджу) ушло... А я уже тогда женатый былъ; такъ забралъ жену и дѣтей да сюда и ушелъ!... „Тутъ оце усе, що руснаки живуть то усе забигли души!“—прибавилъ онъ въ заключеніе. Что касается упоминаемаго въ этомъ разсказѣ генерала Василевскаго, то объ этой, во многихъ отношеніяхъ памятной для Бессарабіи, личности мы будемъ имѣть еще случай

упомянуть нѣсколько разъ, пока же обращаемъ вниманіе читателя на то, что Корній Билый вышелъ изъ Новороссіи, основался сначала въ Бессарабіи и оттуда уже принужденъ былъ уйти за границу Россіи, въ Турцію, приблизительно около 1830—31 г. Кромѣ поступленія въ качествѣ бѣглаго въ азовское козачье войско и обратнаго бѣгства оттуда, судьба Корнія Билаго интересна для насъ въ томъ отношеніи, что она представляетъ собой типическій примѣръ общей судьбы громаднаго большинства украинскихъ колонистовъ Добруджи, въ указанное нами время, т. е. въ то именно время, съ котораго начались преслѣдованія бродягъ въ Новороссіи и особенно въ Бессарабіи и рядомъ съ этимъ, разумѣется, бѣгство оттуда людей цѣлыми тысячами ежегодно за Дунай. Какъ упоминаемыя нами преслѣдованія, такъ и оживленная эмиграція въ Добруджу, начавшись съ этого времени, продолжались, какъ мы увидимъ сейчасъ, непрерывно вплоть почти до самой крымской войны.

Присоединенныя въ 1812 г. къ Россіи Бессарабія и часть Молдавіи оставались до 1818 г. вполнѣ почти на прежнихъ основаніяхъ, т. е. безъ всякаго почти вмѣшательства русской администраціи во внутреннюю жизнь этихъ странъ. Съ 1818 г. такое отношеніе русскаго правительства къ новоприсоединенному краю начинаетъ нѣсколько измѣняться съ введеніемъ новаго устава для управленія областью и производствомъ первой въ Бессарабіи народной переписи. Въ силу этого новаго устава Бессарабіи была предоставлена, впрочемъ на первыхъ только порахъ, довольно значительная доля мѣстнаго самоуправленія. Такъ назыв. верховный совѣтъ, составленный изъ мѣстныхъ дворянъ, подъ предсѣдательствомъ облеченнаго широкими полномочіями намѣстника, сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ все управленіе края. Вся администрація Бессарабіи въ это время была выборною отъ мѣстнаго дворянства и широко пользовалась своими старинными обычаями и правами, съ употребленіемъ даже не только въ школѣ, но и въ администраціи румынскаго языка. Трудно, разумѣется, сказать, до какой степени могла быть полезна и выгодна для всей массы населенія эта введенная тогда система управленія краемъ посредствомъ мѣстнаго

привилегированнаго сословія, система бывшая въ употребленіи во многихъ завоеванныхъ странахъ,—но мы видимъ, что такого рода самоуправленіе было скоро найдено несоотвѣтствующимъ общей государственной системѣ. Уже въ 1823 г. назначенный новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и намѣстникомъ Бессарабіи князь Воронцовъ обратилъ вниманіе на возможность улучшенія верховнаго совѣта и на „упроченіе въ немъ правосудія и подчиненности, а въ странѣ порядка и спокойствія". Впослѣдствіи, а именно въ 1859 г., въ губернаторскихъ отчетахъ говорится уже о неудовлетворительности „областнаго совѣта", замѣнившаго собою по иниціативѣ кн. Воронцова прежній „верховный совѣтъ", и о несостоятельности коллегіальнаго устройства областнаго управленія. Впрочемъ, почти до 1829—30 гг. населеніе Бессарабіи пользовалось, повидимому, все таки сравнительнымъ благополучіемъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи личной безопасности нѣсколько тяжело чувствовались только втеченіе этого времени нѣкоторыя аграрныя перемѣны. Въ 1823—28 гг. происходило приведеніе въ извѣстность и заселеніе нѣмцами и болгарами Буджака, опустѣвшаго вслѣдствіе происходившаго отчасти передъ этимъ (въ 1817—18 гг.), отчасти одновременно, бѣгства изъ страны молдаванъ и части болгаръ (до 3000 семей), возвратившихся снова въ турецкіе предѣлы [1]). Оставшіяся послѣ этого бѣгства свободныя буджацкія земли, кромѣ надѣла вышеупомянутымъ колонистамъ, были пожалованы въ собственность разнымъ русскимъ сановникамъ, молдавскимъ боярамъ, перешедшимъ въ подданство имперіи, и вообще „разнымъ заслуженнымъ лицамъ", земли же, оставшіяся послѣ ногайцевъ, были зачислены въ казну въ видѣ государственныхъ имуществъ. Затѣмъ съ 1830 и слѣдующихъ гг. положеніе преимущественно украинскихъ колонистовъ Бессарабіи начинаетъ чрезвычайно чувствительно измѣняться къ худшему даже и въ смыслѣ только личной безопасности. Небольшое сравнительно количество райи, ушедшей изъ

[1]) *А. Защукъ.* Бессарабская область. Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами Генеральнаго Штаба. Т. II, стр. 2.

Добруджи въ 1828 г., направилось почти цѣликомъ къ Азовскому морю, а въ числѣ переселившихся въ это время въ Бессарабію изъ Турціи людей мы находимъ только 1042 души некрасовцевъ (вѣроятно, липованъ) и около 3000 семействъ болгаръ, объ украинскихъ же колонистахъ и о возвращеніи ихъ въ это время изъ Добруджи, въ источникахъ вовсе не упоминается. Но за то, наоборотъ, мы видимъ, начиная преимущественно съ этого времени (къ которому относится и приведенный нами разсказъ Корнія Билого) систематическое и непрерывное, какъ мы сказали, до самой крымской войны переселеніе украинскихъ колонистовъ изъ Бессарабіи къ Добруджу. Это именно и есть то переселеніе, которое положило основаніе позднѣйшей (послѣ запорожцевъ) украинской колонизаціи въ Добруджѣ, колонизаціи, продолжавшейся около 30 лѣтъ сряду, прервавшейся, какъ мы увидимъ далѣе, послѣ освобожденія крестьянъ и начинающей опять возобновляться въ настоящее время.

Въ январьской и февральской книжкахъ журнала „Устои" 1882 г. была помѣщена статья подъ заглавіемъ „Записки южнорусскаго крестьянина". Этотъ необыкновенно простой, почти эпическій по своей непосредственности, разсказъ мы рекомендуемъ нашему читателю, какъ самую лучшую иллюстрацію, какую возможно, по нашему мнѣнію, сдѣлать для характеристики положенія тогдашняго бѣглаго и по преимуществу украинскаго населенія Бессарабіи, изъ котораго, какъ мы только что видѣли, составился главный контингентъ добруджскихъ украинскихъ колоній. Тѣ немногіе разсказы, которые записаны въ Тульчѣ и будутъ приведены въ дальнѣйшемъ изложеніи, представятъ только детальныя подтвержденія общей картины, рисуемой „Записками южно-русскаго крестьянина". Не менѣе детальныя и, такъ сказать, документально-цифровыя подтвержденія и разъясненія этой картины находимъ мы также въ мало извѣстныхъ, впрочемъ, русской публикѣ „Матеріалахъ для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи". Къ этимъ даннымъ прежде всего мы и обратимся, такъ какъ они лучше всего могутъ служить для составленія понятія о характерѣ и причинахъ описываемой нами эмиграціи изъ Украины, о происхожденіи и судьбѣ тѣхъ

скитальцевъ, которые, хотя и бѣдствовали въ Новороссіи и Бессарабіи, все таки въ теченіи почти 30 лѣтъ уходили туда и спасаясь отъ преслѣдованій, находили себѣ, наконецъ, пріютъ въ Добруджѣ. „Матеріалы", о которыхъ мы говоримъ, начинаются, какъ извѣстно, только съ 1836 г. Въ этомъ году оффиціальнымъ отчетомъ департамента полиціи исполнительной Бессарабія признается однимъ изъ главныхъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствуютъ разбои, и при этомъ говорится именно о бродягахъ, скрывающихся за Дунаемъ; кромѣ того, въ отчетахъ обращается особое вниманіе на количество бродягъ въ черниговской губерніи. Въ слѣдующемъ 1837 г. по всему югу Россіи происходило настоящее крестьянское движеніе, выражавшееся побѣгами въ Анапу; движеніе это было въ значительной степени вызвано распоряженіями самого правительства, разрѣшившаго въ 1832 г. „для успѣшнаго населенія сѣверо-восточныхъ береговъ Чернаго моря, водворять въ томъ краѣ бродягъ, приходящихъ туда безъ надлежащихъ видовъ". Приписанные въ Анапѣ люди, получивши такимъ образомъ законное гражданство, брали паспорты на заработки и возвращались обратно на Украину „для подговора тамошнихъ крестьянъ, желавшихъ приписки за Кубанью освободиться изъ крѣпостнаго состоянія". Между крестьянами начали возникать побѣги и безпорядки, „угрожавшіе разореніемъ многимъ помѣщичьимъ имѣніямъ", вслѣдствіе чего правительство приняло рѣшительныя мѣры—командировало особаго флигель-адъютанта, учредило на границахъ Черноморья и Земли войска донскаго особые пикеты, подвергало наказанію всѣхъ пойманныхъ подстрекателей къ побѣгамъ и т. д. Для большаго поощренія военныхъ командъ, составлявшихъ пикеты, была установлена особая денежная премія за поимку бродягъ и безпаспортныхъ. Въ 1839 г. правительство опять принимаетъ „особенныя къ пресѣченію бродяжничества мѣры" въ бессарабской области, такъ какъ было констатировано, что побѣги туда бываютъ довольно часто, особенно изъ губерній херсонской и подольской и что нашедшіе себѣ въ помянутой области надежный пріютъ бѣглые являются иногда лично въ мѣста прежняго своего жительства для подговора другихъ къ

побѣгамъ. Въ виду этого сдѣлано было распоряженіе о наказаніи такихъ лицъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ они будутъ пойманы, и объ отдачѣ ихъ потомъ въ солдаты, въ арестантскіе роты или ссылкѣ въ Сибирь. Въ бессарабской же области были учреждены спеціальныя коммиссіи для открытія бродягъ, зашедшихъ туда *въ послѣднее время*. Въ 1840 г. между крестьянами опять распространяются „нелѣпые толки“ о послѣдовавшемъ будто бы разрѣшеніи переселяться въ бессарабскую область съ правомъ свободы отъ помѣщичьяго владѣнія. Въ самой же Бессарабіи, „благодаря мѣрамъ, принятымъ въ прошломъ году“, побѣги значительно уменьшились, но за то обнаруживается масса побѣговъ въ Галицію, преимущественно изъ смежныхъ съ нею подольской и волынской губерній, при чемъ опять таки бѣжавшіе являются въ мѣста прежняго жительства и подговариваютъ народъ къ бѣгству въ Австрію. Въ слѣдующемъ году открываются опять массовые побѣги крестьянъ могилевской, харьковской, екатеринославской, кіевской и подольской губ.,—„обманутыхъ молвою о состоявшемся будто бы манифестѣ, коимъ дарована свобода и обѣщаны земли тѣмъ, кои прибудутъ въ Новороссійскій край, Бессарабію или Молдавію крѣпостнымъ людямъ“. При этомъ само правительство уже констатируетъ фактъ, что кромѣ ложныхъ слуховъ, въ екатеринославской напр. губ., причиной бѣгства крестьянъ было „стѣсненное положеніе и отягощеніе крестьянъ нѣкоторыми владѣльцами, изъ которыхъ одинъ былъ даже преданъ суду“. Тѣмъ не менѣе въ виду всего этого учреждаются особыя слѣдственныя коммиссіи и мин. внутр. дѣлъ проектируетъ усилить надзоръ за бродягами, посредствомъ *клейменія* попавшихся изъ нихъ. Мѣра эта была осуществлена въ 1845—46 гг. распоряженіемъ министерства о наложеніи пойманнымъ бродягамъ знака на правой рукѣ съ буквою Б (бродяга или бѣглый), натирая оный для неизгладимости составомъ изъ индиго и туши“. Операція эта должна была производиться черезъ одного изъ состоящихъ при врачебной управѣ фельдшеровъ, въ присутствіи чиновника полиціи, уѣздн. стряпчаго и врача (стр. 141). По наложеніи такого знака, бродягъ очень часто, кромѣ наказанія шпицрутенами, отдавали въ военную

службу, арестантскія роты или ссылали въ Сибирь на поселеніе. Упоминая о томъ, что всѣ эти мѣры уже введены въ дѣйствіе, отчетъ прибавляетъ, что „можно смѣло надѣяться на значительное вслѣдствіе этого уменьшеніе бродяжничества вообще". Однако, несмотря на то, что введенныя министерствомъ мѣры прилагались неуклонно (какъ видно изъ того, напр., что, по словамъ отчета, за послѣднюю только половину 1846 г. было подвергнуто клейменію 939 человѣкъ) надеждамъ министерства не суждено было осуществиться, и не дальше, какъ въ слѣдующемъ же году возникаютъ опять побѣги крѣпостныхъ крестьянъ цѣлыми массами и опять таки преимущественно изъ южныхъ губерній, гдѣ народъ не успѣлъ еще свыкнуться съ крѣпостнымъ правомъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для удержанія бѣжавшихъ потребовались войска; въ одномъ г. Себежѣ (витебской губ.) подвергнуто было тѣлесному наказанію около 4000 чел.; изъ курской губ. бѣжало до 1500 чел. и былъ остановленъ побѣгъ въ 46 помѣщичьихъ имѣніяхъ, заключавшихъ до 20,000 душъ. При усмиреніи и задержаніи воинской командой бѣжавшіе отняли ружья у солдатъ и перевязали бывшихъ при этомъ полицейскихъ чиновниковъ, но въ концѣ концовъ, разумѣется, были усмирены и наказаны. Затѣмъ въ 1849 г. во всей имперіи, кромѣ Сибири и Кавказа, было поймано 24,967 чел. бродягъ, большая часть которыхъ была изъ западныхъ и южныхъ губерній: изъ виленской, напр., 1049, изъ волынской 1190, кіевской—1858, херсонской и г. Одессы—2348 и т. д. Такое же точно положеніе дѣлъ тянулось и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, и еще въ 1854 г. вызвало опять новыя исключительныя мѣры въ херсонской губ. и бессарабской области. На этотъ разъ мѣры эти отличаются особенной энергіей и по отношенію не къ однимъ только бродягамъ: было предписано, чтобы *всѣ* безпаспортные были представлены въ полицейскія учрежденія къ извѣстному сроку „съ предвареніемъ, что виновные въ неисполненіи сего будутъ преданы военному суду". Бродягъ, не помнящихъ родства и изъявившихъ желаніе поступить въ военную службу, предписано было отдавать въ рекруты безъ судебнаго опредѣленія, на основаніи особыхъ повелѣній. Въ

концѣ этого года и въ слѣдующемъ 1855 г. въ юго-западномъ краѣ произошли опять довольно большія крестьянскія волненія, поводомъ, къ которымъ было непониманіе крестьянами точнаго смысла воззванія Св. Синода по случаю образованія государственнаго ополченія и явившіеся вслѣдствіе того ложные толки о томъ, что поступившіе на время въ службу крестьяне получаютъ вольность вмѣстѣ съ своими семействами. Волненія эти произошли главнымъ образомъ въ кіевской губ., гдѣ въ „памяти народной, по выраженію отчета, живетъ еще козачество". Въ воронежской губ. по поводу подобныхъ же волненій было объявлено, что „всѣ тѣ изъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые самовольно отлучатся изъ своихъ селеній для изъявленія желанія поступить въ военную службу или явятся съ несправедливыми жалобами на обремененіе ихъ будто бы тяжкими работами со стороны помѣщиковъ, будутъ тотчасъ преданы военному суду и наказаны по всей строгости законовъ, въ особенности зачинщики безпорядковъ". Крымская война, а затѣмъ наступленіе новаго царствованія съ послѣдовавшимъ вскорѣ затѣмъ освобожденіемъ крестьянъ прекратили до извѣстной степени крестьянскія волненія, а слѣдовательно и побѣги, по крайней мѣрѣ, въ Бессарабію и на устья Дуная, откуда послѣ указанныхъ событій, а особенно послѣ освобожденія крестьянъ началась обратная эмиграція въ обширныхъ размѣрахъ, извѣстная въ Добруджѣ подъ именемъ „великой выходной". Это обратное движеніе въ Россію длилось, впрочемъ, не особенно долго и хотя ему до извѣстной степени много способствовало водвореніе въ Добруджѣ крымскихъ татаръ и черкесовъ съ Кавказа, но тѣмъ не менѣе черезъ нѣсколько лѣтъ уже оно смѣняется опять эмиграціей изъ Россіи, усиливающейся постепенно до настоящаго времени.

Такимъ образомъ мы имѣемъ теперь довольно яркую, составленную на основаніи оффиціальныхъ источниковъ, картину того положенія дѣлъ въ Украинѣ и Новороссіи, которое доставляло кадры для колонизаціи Бессарабіи и Добруджи въ теченіи всей первой половины нынѣшняго столѣтія. Обращаясь затѣмъ спеціально къ Новороссіи и Бессарабіи и припоминая сказанное уже по этому поводу, мы видимъ, что до 1828—30 гг. положе-

ніе бѣглецовъ въ этихъ мѣстностяхъ было еще довольно удобнымъ, особенно въ виду существованія за Дунаемъ запорожской Сѣчи и украинскихъ земледѣльческихъ колоній при ней. Съ указываемаго же нами времени обстоятельства по отношенію къ бѣглымъ значительно мѣняются. Льготы, дарованныя бѣглецамъ послѣ сдачи Гладкаго и необходимыя для организаціи азовскаго козачьяго войска, а также усть-дунайскихъ козачьихъ войсковыхъ поселеній, были довольно скоро ограничены. Вообще военные порядки и режимъ того времени, отъ которыхъ жившіе въ Турціи эмигранты успѣли было уже отвыкнуть, не могли особенно нравиться возвратившимся переселенцамъ. „Тогда какъ они вышли съ Гладкимъ, разсказывалъ старикъ *Марко Чмеленко*— или по просту *Марко Глухый*,—много народа въ Россію ушло, да только опять назадъ возвратилось. Пошли, да солдатчиной какъ запахло, такъ они и вернулись... Гдѣ ужъ тамъ... извѣстное дѣло въ тѣ времена... бывало—и шапки не станетъ, передъ всѣми сбрасывая, все снимай да снимай!... А у турка—нѣтъ, не то... Вотъ, право, хоть перекреститься,—въ конакъ (присутственныя мѣста) придешь, вездѣ, все въ шапкѣ—не надо было сбрасывать“!... Между тѣмъ уже въ 1832 г. значительная часть украинскихъ колоній въ Бессарабіи была присоединена къ военному вѣдомству и превращена въ военныя поселенія съ переименованіемъ въ станицы. Съ принятіемъ этихъ мѣръ легализація прежнихъ переселенцевъ начала прекращаться, преслѣдованія же новыхъ, бѣжавшихъ въ это время изъ Россіи начали дѣлаться все болѣе и болѣе строгими. Въ особенности же преслѣдованія эти усилились и приняли систематическій характеръ съ вступленіемъ въ должность бессарабскаго гражд. губернатора генералъ-маіора Ѳедорова въ 1834 г., съ распространеніемъ его власти въ 1836 г. на измаильское градоначальство и съ назначеніемъ въ томъ же году начальникомъ новороссійскаго козачьяго войска полковника Василевскаго. Для характеристики дѣятельности этихъ двухъ лицъ, память о которыхъ, какъ увидитъ читатель далѣе, жива еще и до сихъ поръ за Дунаемъ, достаточно будетъ сказать, что съ 1837 по 1843 годъ было поймано и выслано изъ Бессарабіи 35,000 бродягъ, всего же, какъ видно

изъ собственноручныхъ замѣтокъ Ѳедорова, во все время его управленія областью было выслано изъ Бессарабіи безпаспортныхъ бродягъ болѣе 48,000. „А сколько укрылось!?“—прибавляетъ къ этой цифрѣ г. Защукъ, авторъ „Описанія Бессарабской области“, изъ котораго мы беремъ эти цифры. Затѣмъ съ 1847 по 1851 годъ поймано и отправлено по принадлежности бродягъ 17,655 чел. и дезертировъ 1,107, всего—19,562. Кромѣ того въ Измаилѣ открыто бродягъ, которымъ предоставлено право оставаться на мѣстѣ, 15,400 чел. [1]). Но „число преступниковъ и арестантовъ, преданныхъ въ руки правосудія, говоритъ г. Защукъ, не можетъ служить средствомъ достаточнымъ для узнанія преступленій истинно совершенныхъ, подобно тому, какъ и число рыбъ, пойманныхъ неводомъ, не означаетъ числа рыбъ, плавающихъ въ рѣкѣ“. Замѣчаніе это, по крайней мѣрѣ относительно бѣглыхъ, оказывается вполнѣ вѣрнымъ, такъ какъ, несмотря на все указанное нами громадное количество пойманныхъ бродягъ, число ихъ все таки не переставало постоянно увеличиваться. „По статистическимъ выводамъ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ,—въ Бессарабію прибываетъ (писано въ концѣ пятидесятыхъ годовъ) болѣе 20,000 безпаспортныхъ въ годъ... Въ посадахъ г. Аккермана довольно долгое время по цѣлымъ годамъ не числилось вовсе умершихъ, такъ какъ всѣ умиравшіе оффиціально продолжали существовать въ видѣ разныхъ бродягъ, принимавшихъ ихъ имена. Ни поимки въ огромномъ количествѣ, ни упомянутыя уже выше наказанія (а мы вѣдь говорили только о наказаніяхъ, налагавшихся правительственною властью, кромѣ которой была вѣдь еще и власть помѣщичья, лично въ большей степени заинтересованная), ни угрозы даже военнымъ судомъ,—ничто не могло остановить движенія, которое было вызываемо постояннымъ давленіемъ крѣпостнаго права. „Южная Бессарабія, говоритъ г. Защукъ,—все таки продолжала служить притономъ бѣглыхъ крѣпостныхъ изъ Малороссіи, западныхъ и внутреннихъ (раскольники) губерній Россіи. Достигши благополучно южной Бессарабіи, бѣглецъ могъ сво-

[1]) Защукъ. Бессарабская область. I. 150, 157.

бодно вздохнуть, заняться ремесломъ по своему усмотрѣнію, а прежде всего приписаться въ мѣщане на мѣсто какого нибудь умершаго. Общества же, состоявшія сами изъ людей, бѣжавшихъ отъ крѣпостнаго состоянія, рѣдко отказывали кому нибудь въ этомъ одолженіи". Но тѣмъ не менѣе положеніе бѣглецовъ въ Бессарабіи было все таки тяжело. Далеко не всѣ изъ нихъ находили такой радушный пріемъ и пріютъ, о какомъ говоритъ г. Защукъ,—и для насъ въ этомъ отношеніи несравненно болѣе объективный и непосредственный источникъ представляютъ уже упомянутыя нами „Зап. южно-русскаго крестьянина". Какъ видно изъ этого замѣчательнаго разсказа и изъ нѣкоторыхъ записанныхъ въ Добруджѣ воспоминаній, съ которыми читатель познакомится ниже, бѣглецы въ огромномъ большинствѣ случаевъ не находили себѣ пристанища до тѣхъ поръ, пока не попадали къ какому нибудь жадному хозяину или помѣщику, жившему въ ладахъ съ полиціей, или умѣвшему ловко отъ нея прятаться, и желавшему воспользоваться даровымъ трудомъ бродяги, боявшагося поимки и готоваго переносить какую угодно эксплоатацію. Одни изъ бѣглецовъ жили просто у хозяевъ въ качествѣ безплатныхъ рабочихъ за одинъ только пріютъ и кой какую пищу, другихъ помѣщики приписывали въ число своихъ крѣпостныхъ, очень часто даже помимо воли и безъ вѣдома самихъ приписываемыхъ, третьи скитались изъ одного мѣста въ другое, пока или не попадали въ руки полиціи, или не успѣвали какъ нибудь заработать денегъ на приписку, которая тоже не дешево обходилась. Счастливѣйшими изъ всѣхъ ихъ, наконецъ, были тѣ, кому удавалось, несмотря на всѣ опасности, перебраться черезъ Дунай и уйти въ гостепріимную Турцію. Вотъ изъ этихъ то послѣднихъ и образовались тѣ украинскія поселенія за Дунаемъ, въ которыхъ намъ пришлось побывать и съ которыми мы желаемъ познакомить читателей въ настоящей статьѣ.

Первымъ сигналомъ къ болѣе или менѣе сильному движенію бѣглецовъ изъ Бессарабіи за Дунай, въ Добруджу было то разочарованіе, которое пришлось испытать людямъ, воспользовавшимся амнистіей, обѣщанной записывавшимся въ азовскіе ко-

заки. Примѣръ такого разочарованія и бѣгства вслѣдствіе этого за Дунай мы видѣли въ приведенныхъ уже нами разсказахъ Корнія Билого и Марка Чмеленка. Затѣмъ не меньшее разочарованіе досталось и на долю тѣхъ, которые оставались въ Бессарабіи въ качествѣ легализированныхъ уже поселенцевъ. Не говоря уже о приписк‍ѣ цѣлыхъ селеній въ составъ козачьихъ станицъ и введеніе военныхъ порядковъ, въ каждой почти такой поселенной семьѣ прибавлялись годъ отъ году новые члены, убѣгавшіе къ своимъ родственникамъ и, понятно, незначившіеся уже въ записяхъ начальства и дѣлавшіеся такимъ образомъ своего рода дамокловымъ мечемъ, грозившимъ погибелью цѣлой семьѣ. Наконецъ, обыкновенныя притѣсненія исправниковъ, „угнетеніе, корыстолюбіе и несправедливость которыхъ“— говоритъ г. Защукъ со словъ г. Сомова (правителя канцеляріи бессарабскаго губернатора, составившаго особую записку о положеніи Бессарабіи) „доводили крестьянъ до того, что совершались частые побѣги казенныхъ поселянъ въ Турцію“, прибавляя въ заключеніе: „значитъ, что хорошо было имъ жить въ Бессарабской области“. Постоянно откупаться или прятаться отъ полиціи становилось въ концѣ концовъ невозможнымъ, а между тѣмъ „переборки“, т. е. провѣрки населенія по спискамъ и паспортамъ дѣлались все чаще и строже. Первою изъ такихъ провѣрокъ, давшею огромный сравнительно контингентъ переселенцевъ, была знаменитая „переборка“, устроенная полковникомъ Василевскимъ въ 1836 году, т. е. тотчасъ же по вступленіи его въ должность. Оффиціальныхъ и литературныхъ свѣдѣній объ этой „переборкѣ“ мы не встрѣтили ни въ одномъ изъ пересмотрѣнныхъ нами источниковъ, но объ ней, равно какъ и объ имени устроившаго ее администратора, упоминалось уже въ разсказѣ Корнія Билого. Вотъ что еще разсказываетъ объ этой „переборкѣ“ катырлезскій старикъ Игнатъ, ушедшій въ свое время изъ васильковскаго уѣзда кіев. губ. „одъ пана“ и переселившійся въ 1836 г. за Дунай: „ну, ужъ и переборка была при Василевскомъ... всѣхъ, всѣхъ перебирали... спрашивали, кто отъ какого пана ушелъ? Тѣмъ, кто еще „до розмиру“ (т. е. до войны 1828 г.) былъ, такъ тѣмъ

большіе ярлыки давали—живи себѣ, значитъ... а тѣмъ, которые недавно ушли—коротенькіе... Когда потомъ вдругъ слухъ,—что въ острогъ берутъ... Спрашиваемъ, гдѣ Грицько, а Грицько уже въ острогѣ... говорятъ, что назадъ къ пану отошлютъ... глядимъ—и тотъ уже въ острогѣ, и тотъ... Вотъ те и на!... Эге, говоримъ, такъ если же такъ, такъ матери жъ его чортъ!... Давай скорѣй лодокъ искать, да сюда!... Много тогда народу сюда ушло, развѣ, можетъ быть, какого сотаго поймали... а то всѣ люди ушли"... Другой разсказъ объ этомъ событіи, записанный со словъ тоже очевидца и участника въ бѣгствѣ, упомянутаго уже разъ 76-лѣтняго старика Марка Чмеленка, даетъ намъ между прочимъ понятіе и о тѣхъ неопредѣленныхъ слухахъ на счетъ освобожденія крестьянъ отъ помѣщиковъ по царскому указу, пріурочиваемому къ тому или другому случаю, которые въ значительной степени содѣйствовали и даже служили стимуломъ къ побѣгамъ. Марко Чмеленко, или Марко Глухій изъ верхнеднѣпровскаго у. екатериносл. губ., внукъ запорожца Якова Чмеля, ушелъ отъ пана еще молодымъ хлопцемъ, по причинамъ, о которыхъ онъ выразился очень неопредѣленно: „такъ пишовъ соби, що тамъ казать... багато говорить, да ничого слухать!"...— „Было насъ пятеро—разсказываетъ онъ дальше—мы и пошли. Былъ я молодъ еще тогда, нанимался въ матросы, по морю ходилъ, потомъ поселились мы въ Киліѣ, я и женился. Когда въ 36 году насталъ генералъ Василевскій... онъ надъ мангинскими козаками [1]) за генерала былъ... ну, какъ начали тогда переборку, ревизію—значитъ, дѣлать, такъ очень много народу сюда поуходило за Дунай. Въ Бессарабіи тогда очень людей много было — все отъ пановъ уходили... все отъ пановъ... много ихъ было вездѣ и въ Киліѣ, и въ Рени, и въ Измаилѣ, вездѣ... Такъ вотъ, какъ начали переборку дѣлать,—кто панскій—сейчасъ брали и отсылали къ пану... Указъ, видите ли, не такой былъ: указъ былъ отъ Бѣлаго Царя, чтобы тѣхъ только брать, кто ушелъ изъ солдатъ, а панскихъ чтобъ не трогали, однако этотъ указъ

[1]) *Мангинскими*, или правильнѣе *акманитскими* козаками называли обыкновенно усть-дунайскіе козачьи полки, учрежденные въ 1807 г. и затѣмъ перенме-

отобрали отъ людей. Только въ одномъ Аккерманѣ указа не отдали—копію дали, а указъ у себя припрятали—такъ тамъ вотъ и не брали людей. Вотъ и меня тогда взяли... Писарь и говорилъ мнѣ: „уходи, говоритъ—вы люди молодые, жаль мнѣ васъ!"—Ну, да я не послушалъ. А потомъ таки опять ушелъ—да уже за Дунай—сюда вотъ. И жену и дѣтей забралъ—двое было. Сначала нанимался, за плугомъ ходилъ, а потомъ въ мельникахъ былъ, въ мирошникахъ, значитъ, по нашему—по простому... съ половины мололъ, а потомъ съ третьей мѣрки, если на хозяйскихъ харчахъ. А тамъ—что то года два помололъ, да и бросилъ, рыбалить началъ... „китцями" рыбу ловилъ, можетъ быть, лѣтъ двадцать, а вотъ теперь только, можетъ быть года три, какъ пересталъ—опять въ мельники"... Объ Аккерманѣ, не выдавшемъ царскаго указа, а потому оставшемся неприкосновеннымъ, въ этомъ разсказѣ упоминается не безъ извѣстнаго основанія. Читатель, вѣроятно, помнитъ указанный уже нами раньше фактъ приписки въ посадахъ г. Аккермана бѣглыхъ людей на мѣсто умершихъ. Это обстоятельство, само по себѣ, повидимому, достаточно ясное и понятное, дало тѣмъ не менѣе поводъ къ подтвержденію вѣры въ легенду, о которой разсказываетъ Марко. Наконецъ, мы приведемъ еще одинъ разсказъ о „переборкѣ" 1836 г., записанный отъ тульчанской старухи Маріи Михайлихи, интересный въ томъ отношеніи, что въ немъ есть указанія на зависимость эмиграціи въ Добруджу не только отъ преслѣдованій, какимъ подвергались бѣглые, но также и отъ извѣстныхъ экономическихъ условій, созданныхъ причисленіемъ переселенческихъ деревень къ военнымъ поселеніямъ, зачисленіемъ свободныхъ прежде земель въ Бессарабіи въ государственныя имущества и другими измѣненіями экономическаго быта населенія. „Отецъ мой Савва—разсказывала она намъ—былъ панскій, откуда то изъ подъ Кіева... ушелъ онъ еще молодымъ въ Бессарабію, лѣтъ 16—17 было, пристalъ онъ гдѣ то въ сло-

---

нованные въ новороссійское козачье войско. Названіе это происходитъ отъ деревни *Акманитъ*, основанной запорожцами, вернувшимися въ подданство Россіи въ 1807 г.

бодѣ къ хозяину, годъ или два тамъ былъ—ему ничего не давали за эту работу, только кормили да отъ начальства прятали: было—прослышатъ только, что начальство ѣдетъ—сейчасъ его въ канаву или въ стогъ сѣна—сиди тамъ, пока становой проѣдетъ. А ни жалованья, ничего не давали. Вотъ видитъ онъ, что такъ плохо, нашелъ разъ на дорогѣ мѣшечекъ съ сухарями, взялъ его да и пошелъ дальше въ Бессарабію. Тамъ уже и жилъ и женился. Жили мы возлѣ Измаила въ Кугурицѣ, въ Матроскѣ жили, въ Броскѣ (Броска—слобода возлѣ Измаила). Ну, а какъ при Василевскомъ людей провѣряли—мнѣ тогда лѣтъ 7 было, можетъ быть, десять. Сначала еще хорошо было жить, а потомъ, какъ землю размежевали—бѣда настала. То было, вотъ какъ здѣсь когда то, гдѣ хочешь, тамъ и ори; а какъ размежевали землю—какую къ Измаилу, какую къ Матроскѣ, тогда ужъ пришлось и аренду платить. Когда мы были въ Кугурицѣ—то уже аренду платили. Ну, и жить стало труднѣе (сутужнійше)—наѣдетъ, бывало, засѣдатель, сейчасъ ярлыки требуетъ. На всѣхъ—и на старыхъ, и на дѣтей—на всѣхъ ярлыки были, а если на кого нѣтъ ярлыка, говорятъ „бродяга", въ острогъ, закуютъ въ кандалы, и отправляютъ куда то въ Россію. А у насъ какъ разъ въ то время мужа моего братъ былъ—ужъ прятались мы, бывало, съ нимъ, дрожимъ, бывало, всѣ трясемся, пока не проѣдетъ засѣдатель. Подати большія пошли, недоимки, за все плати да плати... такъ вотъ и говоритъ мой мужъ разъ: „нужно, говоритъ, въ Туречину уходить, за Дунай!... Ну, и ушли!"...

Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ все сводилось къ тому, чтобы „втикать за Дунай". Ни личная безопасность, ни экономическое положеніе не могли считаться обезпеченными для переселенцевъ въ Бессарабію, а въ перспективѣ кромѣ наказаній могла предстоять и невольная солдатчина, о которой поется въ одной изъ украин. рекрутскихъ пѣсенъ:

Бодай же ти мене, мати, въ купели зальляла,
Якъ ти мене молодого въ війско згодувала!

или въ другой пѣснѣ, относящейся къ концу прошлаго столѣтія.

Втикай, сыну, въ Волощину—
Не можна тутъ буты:
Пописали комисари
Всихъ насъ у некруты.

—

Пописали, пописали,
Палети роздали,
Та щобъ нашихъ некрутикивъ
Въ середу забрали.

—

Въ середу забрали,
Въ четверъ повъязали,
А въ пъятницю дуже рано
Въ Каменець оддали.

—

Ой Каменець, славный городъ—
Покопани шанци,
Ой тамъ лежять поховани
Наши новобранци.

—

Ой пане нашъ, пане князю,
Ой маешъ ти грошы—
Чомъ не идешъ до царици,
Да ій не просишъ?!

— Шкода хлопци, шкода хлопци,
Да за васъ просити—
Пописали дрибни листы,
Щобъ васъ привозити.

—

Ой пане нашъ, пане князю,
Ой маешъ ты волю:
Не давай насъ, бидныхъ сиротъ,
Въ такую неволю.

—

Которыи богатыи
Себе викупляють:
Наймитами, сиротами
Повки наповняють.

—

Ой у лиси край розмаю
Зацвили оришки—
Туди гнали некрутикивъ
До Хотина пишки.

—

Летить орелъ черезъ море—
Ой дай море пити
Ой такъ тяжко некрутикамъ
Въ тимъ війську служити.

—

Лучче бъ тоби, мати,
Малимъ поховати,
Нижъ у тыи нещастныи
Некрути оддати.

Если же не солдатчина, то пойманному бѣглецу угрожало еще худшее—возвращеніе къ прежнему помѣщику или приписка къ

новому,—во всякомъ случаѣ „панщина“, въ виду которой даже въ любовной пѣснѣ „дивчина“ говоритъ:

Ой оддайте мене за волошина, Бо дивчина молода—не поганая.
Бо дивчина молода ще й хорошая. Ой оддайте мене да за турчина,
Ой оддайте мене за татарина, Щобъ мени паншина недокучила (Ibid).

И бессарабскіе переселенцы уходили въ Волощину, до турчина—за Дунай. Но не такъ то легко было и уходить. По всей границѣ, шедшей тогда отъ Прута, мимо Рени, по лѣвому берегу Дуная и затѣмъ Георгіевскаго гирла, до самаго моря, были разставлены козачьи пикеты отъ дунайскихъ козачьихъ полковъ, спеціально командировавшихся въ 1835—36 г.г. по очереди на дунайскіе острова „для очищенія ихъ отъ укрывавшихся тамъ разнаго сброда людей“ и „для преслѣдованія и поимки бродягъ“ (Защукъ I. 36). Какъ ни была близка по своему происхожденію и традиціямъ эта кордонная стража къ преслѣдуемымъ ею бродягамъ, однако она отправляла свою службу съ достаточнымъ усердіемъ, примѣръ котораго мы можемъ видѣть хоть бы изъ того, что даже въ 1857 г., въ теченіи только 8 мѣсяцевъ три сотни козаковъ представили 1753 чел. пойманныхъ ими бродягъ. Надзоръ за границей былъ въ высшей степени строгимъ и наказанія за самовольный переходъ границы были тяжелы въ особенности по отношенію къ перевозчикамъ и прочимъ лицамъ, такъ или иначе способствовавшимъ побѣгамъ. Тѣмъ не менѣе перевозчики всегда находились и изъ-за корыстныхъ ли разсчетовъ, изъ сочувствія ли къ бѣглецамъ, или, наконецъ, просто изъ своего рода молодечества, переправляли бѣглыхъ, несмотря на самыя страшныя преслѣдованія. „Тутъ кордонъ былъ—разсказывала намъ далѣе та же Марья Михайлиха—какъ разъ до етого Дуная, противъ самой Тульчи... страхъ какъ смотрѣли, чтобы люди не переѣзжали. Перевозчики были съ этой стороны—рыбалки больше—они вотъ и перевозили... А на той сторонѣ ужъ у нихъ свои люди были—одни другимъ знаки давали: огонь, бывало, рубитъ, что ли—вотъ они подъѣдутъ, людей заберутъ на лодки да и повезутъ... только и страшно же было!“... По разсказамъ тульчанскаго старожила-молокана Ив. Ив. Ѳедорова, въ сороковыхъ годахъ между такими перевозчиками особенно

славился нѣкій *Юда Васильичъ*—бѣглый донской урядникъ, жившій въ Тульчѣ и занимавшійся этого рода контрабандным промысломъ, какъ кажется, больше изъ разсчета. Онъ имѣлъ на русской сторонѣ Дуная своихъ людей, которые обыкновенно и подготовляли переправу: сговорившись съ желавшими бѣжать, они прятали ихъ въ камышахъ, затѣмъ высматривали время, когда можно было болѣе или менѣе безопасно подъѣхать, и давали Юдѣ Васильичу условный сигналъ. „Выйдетъ на берегъ Дуная въ извѣстное мѣсто, прикроется чуйкой и вырубитъ огнивомъ искры столько разъ, сколько условлено“ -- съ другой же стороны должны были отвѣчать, напр., соотвѣтственнымъ количествомъ ударовъ палкой о камень, или вообще обо что ниб. твердое. Сигналы эти приходилось довольно часто мѣнять, такъ какъ сторожевые козаки замѣчали или другимъ образомъ узнавали объ этихъ хитростяхъ, и искусно подражая имъ, заманивали иногда перевозчиковъ на свой берегъ и тамъ ловили ихъ. Юда Васильичъ бралъ съ перевозимыхъ иногда рублей по 25 и больше, если оказывалось возможнымъ. Лѣтомъ перевозка совершалась чаще всего черезъ пунктъ, лежащій немного къ сѣверу отъ Тульчи, пониже так. наз. Верхнихъ Чаталъ, т. е. перваго развѣтвленія Дуная на гирла; зимою же бѣглыхъ перевозили по льду прямо черезъ Дунай, противъ самой Тульчи. Другой перевозчикъ *Романъ*, изъ бѣглыхъ старообрядцевъ, также пользовался въ свое время большою извѣстностью въ качествѣ чрезвычайно смѣлаго и рѣшительнаго человѣка, предпріимчивость котораго доходила иногда до безумнаго бравурства. Такъ, онъ однажды со своими людьми, высадившись на русскій берегъ, поймалъ кордоннаго козака, отнялъ у него оружіе, втащилъ бѣднягу въ лодку и высадилъ обратно какъ разъ противъ сторожеваго поста. Во время своихъ контрабандистскихъ похожденій онъ отличался рѣшительностью, переходившей часто границы всякой гуманности, хотя, можетъ быть, и оправдываемой отчасти обстоятельствами, при которыхъ приходилось дѣйствовать, не имѣя при томъ времени для размышленій. Разсказываютъ, что однажды въ опасный моментъ, когда грудныя дѣти своимъ крикомъ могли выдать нѣсколько переправлявшихся въ лодкѣ семействъ, онъ бро-

силъ двухъ младенцевъ въ Дунай. Окончить свою карьеру ему пришлось самымъ печальнымъ образомъ. Во время одной изъ своихъ экскурсій онъ былъ пойманъ, наконецъ, козаками, проведенъ нѣсколько разъ сквозь строй въ Измаилѣ и затѣмъ былъ сосланъ въ Сибирь, откуда уже не вернулся, несмотря на обѣщаніе, данное кому то видѣвшему его на арестантскихъ работахъ въ Одессѣ. Вообще русскія власти, разсчитывавшіе прекратить бѣгство изъ Бессарабіи карательными мѣрами, поступали съ пойманными перевозчиками очень строго „и чего уже это начальство съ этими перевозчиками не дѣлало — разсказывала намъ Михайлиха — и разстрѣливали ихъ, и сквозь строй гоняли,—а все перевозили... съ имуществомъ, совсѣмъ“..... Насколько опасна была и какими обстоятельствами сопровождалась очень часто, такая перевозка, — мы можемъ судить изъ дальнѣйшаго разсказа той же Михайлихи о томъ, какъ была перевезена ея семья: „Насъ, когда перевозили—говорила она — такъ мы перенесли сначала все потихоньку, по ночамъ, въ плавни (плавучіе камыши), а потомъ, когда все было готово, ночью подъѣхали лодки, положили въ лодки все и сами мы сѣли... проплывемъ немного (а имъ пришлось плыть отъ самаго Измаила), а потомъ мужчины вылѣзаютъ въ воду и тащатъ лодку по мелководью на себѣ, перетащатъ до глубокой воды, а потомъ опять ѣдемъ... а услышатъ, что козакъ идетъ по берегу—сейчасъ мы и притаимся всѣ, чтобъ не услышалъ какъ нибудь... такъ тихо нужно было ѣхать, чтобъ и камышемъ не зашелестѣть... Дѣти съ нами были—такъ одного ребенка чуть въ Дунай не бросили: кричитъ, да кричитъ... Что же, говорятъ, за одного маленькаго да всѣмъ пропадать—пусть уже лучше оно одно... такъ старикъ одинъ былъ, взялъ онъ то дитя, въ одѣяло завернулъ совсѣмъ, да сверху еще тулупомъ прикрылъ, чтобъ не слыхать было крика... А ужъ какъ выѣхали на чистый Дунай, тогда раскрыли это дитя, а оно уже и не дышетъ... полили водою, ожило понемногу, въ себя пришло... Котелокъ батько далъ тѣмъ перевозчикамъ, да муки мѣшокъ, да еще деньгами что то... не знаю! А какъ пріѣхали въ Тульчу—сейчасъ *всѣхъ* насъ въ конакъ отвели, переписали

сколько большихъ, сколько малыхъ,—всѣхъ, и пустили... Турокъ хорошо принималъ, спасибо ему!"...

Дѣйствительно, судя по всѣмъ разсказамъ, турки принимали бѣглецовъ довольно охотно и оказывали имъ почти всегда не только нѣкоторую помощь на первыхъ порахъ, но въ случаѣ надобности, и покровительство противъ преслѣдованій, если съ русской стороны требовали выдачи бѣжавшихъ. Въ одномъ изъ разсказовъ Игната изъ Василькова мы имѣемъ случай такого преслѣдованія, возбужденнаго русскими властями относительно нѣсколькихъ военныхъ дезертировъ. „Теперь уже не такъ,— разсказываетъ онъ—а прежде много уходило. Вотъ здѣсь, какъ разъ противъ Тульчи, сторожка стояла... москали по всему берегу были, а все было чуть ли не каждый день уходятъ. Разъ, помню, смотримъ, ходятъ по базару москали въ солдатскихъ шинеляхъ въ чемъ были, въ томъ и пришли... Ну, увидѣли ихъ турки, привели въ конакъ...—Что жъ, говорятъ, такъ и такъ— ушли! Разсказываютъ, какая имъ тамъ бѣда въ Россіи была: „и ѣсть не даютъ, и бьютъ"... Турокъ выслушалъ: Э, гайда,— говоритъ—живите себѣ, только чтобъ шкоды не было!" Офицеръ изъ Измаила пріѣзжалъ тѣхъ солдатъ требовать—такъ гдѣ тамъ!.. не дали!.. Турокъ говоритъ: „не знаю... можетъ быть и есть гдѣ нибудь... а я не знаю! ищите, говоритъ, если хотите... а только нѣтъ здѣсь никого вашего!"... Понятно, что такое отношеніе турокъ къ бѣглецамъ не могло съ своей стороны не содѣйствовать безпрестаннымъ побѣгамъ черезъ границу. Еще болѣе содѣйствовало этому то, что турецкое правительство поступало такимъ образомъ не только вслѣдствіе личнаго добродушія своихъ представителей въ Добруджѣ (о которомъ свидѣтельствуютъ рѣшительно всѣ), но и изъ политическаго разсчета, заключавшагося въ желаніи возможно скорѣе заселить эту почти совершенно еще пустынную въ то время страну. Прямое указаніе на это мы увидимъ далѣе въ словахъ одного изъ турецкихъ начальниковъ, по поводу постройки украинскими переселенцами своей церкви, изъ которыхъ видно, что турки, отличавшіеся часто, вопреки общепринятому о нихъ мнѣнію, пол-

нѣйшею вѣротерпимостью, охотно дѣлали даже значительныя съ ихъ точки зрѣнія уступки въ виду успѣха колонизаціи.

Изъ только что приведенныхъ разсказовъ видно между прочимъ, что въ эпоху позднѣйшихъ и вполнѣ уже земледѣльческихъ переселеній въ Добруджу главнымъ пунктомъ, куда направлялись новоприбывшіе бѣглецы, была уже Тульча. Прежніе переселенцы, отправлявшіеся въ Туреччину до 30-хъ годовъ, т. е. еще во время существованія за Дунаемъ Сѣчи, стремились понятно къ Дунавцу, какъ къ центру политическому и экономическому, подъ защитой котораго могли селиться не только люди, поступавшіе въ „товарищество“ и занимавшіеся рыболовствомъ, а и земледѣльцы, получавшіе возможность пользоваться сѣчевыми землями. Съ уничтоженіемъ Сѣчи Дунавецъ потерялъ, разумѣется, всякое значеніе въ этомъ смыслѣ, бывшія же прежде запорожскими земли по своимъ размѣрамъ не могли уже удовлетворять довольно многочисленную эмиграцію. Вслѣдствіе этого оставшееся послѣ уничтоженія Сѣчи земледѣльческое украинское населеніе Добруджи, а равно и первые переселенцы послѣ войны 1828 г. начали группироваться сначала возлѣ Муругиля, а затѣмъ мало по малу отодвигаться вдоль Георіевскаго гирла къ западу, осаживаясь главнымъ образомъ въ существовавшихъ и прежде козацкихъ поселкахъ—Махмудіэ, Пирлицѣ, Прославѣ и, наконецъ, въ Тульчѣ. Мѣстности же по южному Бешъ-тепé и вокругъ лимана Разина были заняты моканами и болгарами, отчасти липованами, которые послѣ исчезновенія Сѣчи почувствовали себя опять на свободѣ и начали подвигаться къ мѣстамъ своего прежняго жительства. Такимъ образомъ позднѣйшимъ переселенцамъ изъ Украины приходилось направляться по преимуществу къ Тульчѣ, которая, какъ административный центръ и ближайшая къ Бессарабіи заграничная пристань на Дунаѣ, скоро сдѣлалась главнымъ пунктомъ украинской эмиграціи и не потеряла этого значенія даже и до настоящаго времени. Какъ увидимъ далѣе, Тульча и теперь представляетъ собою самую многочисленную и центральную колонію украинцевъ во всей странѣ. Основаніе Тульчи относится къ концу прошлаго столѣтія; кѣмъ она была основана—это, какъ кажется, съ точностью неизвѣстно:

одни думаютъ, что основателями ея были турки, другіе—что болгары, нѣкоторые думаютъ, что она была основана запорожцами и получила свое названіе отъ украинскаго глагола *тулитись*, т. е. прижиматься, находить себѣ убѣжище, пріютъ; румыны же претендуютъ, съ своей стороны, на эту честь и производятъ названіе этого города отъ лат. *duleis*. Какъ бы то ни было, но извѣстно, что въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія или въ началѣ нынѣшняго Тульча представляла собой небольшой городокъ съ крѣпостью, находившійся къ с.-з. отъ нынѣшняго своего положенія, приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь карантинъ для скота и гдѣ сохранились еще остатки прежней крѣпости, съ находящимся вблизи нихъ полуразрушившимся памятникомъ надъ русскими солдатами, убитыми, кажется, въ 1828 г. при осадѣ и взятіи города. Затѣмъ, если не ошибаемся, послѣ турецкой войны 1828 г. Тульча была уже перенесена на нынѣшнее свое мѣсто и одними изъ первыхъ ея поселенцевъ на новомъ мѣстѣ оказываются уже украинскіе эмигранты, вырубившіе и выкорчевавшіе вѣковые лѣса, покрывавшіе холмы, окружающіе городъ. Однако количество украинскаго населенія было все таки сначала не особенно велико. Одинъ изъ тульчанскихъ старожиловъ, прибывшій въ Тульчу въ началѣ 30-хъ годовъ, разсказываетъ, что въ это время онъ засталъ въ городѣ не больше 6—7 малорусскихъ семействъ и 2—3 великорусскихъ—православныхъ, бѣжавшихъ отъ помѣщиковъ. Но затѣмъ эмиграція пошла очень быстро, и Тульча не только населилась сама въ нѣсколько лѣтъ украинцами, или, какъ зовутъ ихъ въ Добруджѣ, *руснаками*, но и стала пунктомъ, откуда они разселялись по прочимъ мѣстамъ страны. Для исторіи этихъ первыхъ поселеній мы имѣемъ довольно характерный разсказъ бывшаго катырлезскаго шинкаря Сидора, указывающій между прочимъ на образъ жизни и занятія первыхъ переселенцевъ, которые не могли сразу приступить къ земледѣлію, а должны были сначала заняться расчисткой почвы подъ поля. „Ушелъ я отъ пана—разсказываетъ Сидоръ—17 лѣтъ... ходилъ съ чумаками, такъ дорогу уже зналъ. Пришли мы къ Дунаю, а тутъ въ Вилковѣ были ужъ такіе, что перевозили... Здѣсь же въ Тульчѣ человѣкъ у

меня знакомый былъ—я къ нему и пришелъ... здѣсь вотъ онъ жилъ... а тамъ вотъ, гдѣ церковь теперь—все лѣса были. Они въ Телицѣ корчевали лѣсъ, а дерево обстругивали и „бентомъ“ (т. е. по канализированной горной рѣченкѣ) сплавляли въ Исакчу. Вотъ взялъ этотъ человѣкъ и меня лѣсъ корчевать съ собою, далъ какую то желѣзную штуку да и говоритъ: „вотъ такъ работай и такъ!“ Взялся я... онъ мнѣ по два лева (40 сант.) въ день платилъ. Поработалъ я такъ нѣсколько дней, а потомъ и бросилъ. Онъ спрашиваетъ, почему? а я и говорю: я никого не убилъ, не зарѣзалъ въ Россіи—такъ и не хочу... Если бъ я, говорю, человѣка убилъ, что ли, ну, работалъ бы такъ, да грѣхъ свой искупилъ (спокутувавъ), а такъ зачѣмъ же?“ Ну, и бросилъ. Пошелъ въ Тростяникъ, да началъ самъ лѣсъ рубить и въ брусья обтесывать... Они тамъ себѣ все ровненькое дерево выбираютъ, да тоненькое, а я всякое, сплошь рубилъ... хоть и кривое—по шнуру обтешешь, такъ и ровное будетъ. Такъ вотъ, надѣлалъ я брусьевъ, отвезъ въ Исакчу, продалъ; а у меня еще рублей триста денегъ было—изъ Россіи принесъ... Такъ вотъ я такъ и началъ себѣ помаленьку“... Такъ происходила расчистка полей около Тульчи, въ Телицѣ, и до сихъ поръ еще лежащей среди горъ, покрытыхъ лѣсомъ; затѣмъ въ другихъ мѣстахъ и между прочимъ еще въ началѣ 50 годовъ въ Чиликѣ, гдѣ вся эта трудная работа была произведена, какъ мы увидимъ далѣе, руками украинскихъ монахинь. Вмѣстѣ съ этимъ происходило и дальнѣйшее разселеніе украинскихъ эмигрантовъ по направленію на востокъ, явились поселенія въ Кишлѣ, Сомовой, Паркишѣ, Исакчѣ, Телицѣ, Тростяникѣ, а затѣмъ въ Майданкѣ, Цифиркѣ, Таицѣ, Цыганкѣ, Дунджѣ, Чукровой, еще дальше возлѣ Мачина и до Сеймень, гдѣ оставались еще поселенія со времени пребыванія тамъ запорожцевъ. Съ западной же стороны, возлѣ моря и на дельтѣ Дуная остались заселенными украинцами: Катырлезъ, Кара-Орманъ, отчасти Сулина, Старая Килія и поселки на о—вѣ Лети. Такимъ образомъ, украинскія поселенія растянулись, начиная отъ моря, по дельтѣ и по теченію Дуная вверхъ почти до самой Силистріи, не занимая, впрочемъ,

нигдѣ вполнѣ сплошнаго пространства и представляя собой только острова среди самаго разноплеменнаго населенія,

Все сказанное выше относится главнымъ образомъ къ переселенцамъ осѣдлымъ, семейнымъ и занимавшимся земледѣліемъ. Но, кромѣ того, Добруджа всегда была наполнена цѣлой массой безсемейнаго, бродячаго люда, пришедшаго изъ Украины и изъ другихъ мѣстъ, не принеся съ собой ничего, кромѣ подчасъ буйной головы да здоровыхъ рукъ, и искавшаго заработка то при чужихъ хозяйствахъ на земледѣльческой работѣ, то по рыболовнымъ заводамъ у своихъ же земляковъ или у грековъ и липованъ. Эта „сиромашня“ да доживавшіе вѣкъ остатки старыхъ запорожцевъ представляли собой крайне непостоянный бродячій элементъ украинской эмиграціи, никогда не имѣвшій постояннаго мѣста жительства и кочевавшій по рыбачьимъ поселкамъ, рыболовнымъ заводамъ и плавнямъ дунайской дельты. О жизни оставшихся послѣ 1828 г. запорожцевъ сообщено уже нѣсколько фактовъ въ статьѣ „Задунайская Сѣчь“. Они продолжали жить главнымъ образомъ рыболовствомъ или сидя (весьма немногіе) на своихъ собственныхъ ерикахъ и заводахъ, или ловили рыбу на чужихъ заводахъ съ полу-пая и занимались по прежнему охотой, тѣмъ болѣе, что всякаго рода звѣрей и дичи было тогда еще легендарное изобиліе. „Сиромашня“ же, ушедшая въ Добруджу, какъ поется въ народной пѣснѣ:

Выдно степы полтавськія, выдно горы задунайськыи.
Ой давно я поглядаю на курини сиромансьыи...

не имѣла не только своихъ куреней, но не могла вести и такого сравнительно самостоятельнаго образа жизни, какъ старые рыбалки и охотники, бывшіе запорожцы. Сиромахамъ приходилось, какъ мы сказали, наниматься или, въ лучшемъ случаѣ, работать съ пая на рыболовномъ заводѣ. Въ извѣстные сезоны въ Тульчу, гдѣ обыкновенно заключаются и теперь всѣ сдѣлки между хозяевами рыболовныхъ заводовъ и „матульняками“, т. е. неводными рабочими, такой „сиромашни“ собиралось столько, что она обращала на себя всеобщее вниманіе. „Было какъ поприходятъ сюда въ Тульчу—разсказываетъ объ нихъ Остапъ Данчукъ,—точно войско какое нибудь... Да и народъ же былъ добрый... войдутъ,

бывало, въ хату колядовать, такъ черезъ нихъ ничего и невидно—только потолокъ и видишь—такіе высокіе... Оттака парубота була"!...

Такимъ образомъ разселялась и пристраивалась украинская эмиграція за Дунаемъ, втеченіе почти 30 лѣтъ, послѣ возвращенія запорожцевъ въ Россію. Въ дальнѣйшемъ ходѣ нашихъ очерковъ читатель увидитъ, что жилось и живется нашимъ землякамъ въ Добруджѣ сравнительно очень и очень недурно, но стремленіе къ „волѣ" все таки не пересиливало въ концѣ концовъ привязанности къ своей родной странѣ. И большіе размѣры личной свободы, и сравнительно хорошія экономическія условія жизни—все это не могло побороть въ украинскихъ бѣглецахъ тоски по родинѣ, не могло заглушить жгучаго чувства любви къ своей землѣ. Въ особенности, повидимому, не совсѣмъ весело жилось въ свободной Туреччинѣ безсемейной „паруботѣ", „сиромашнѣ", не имѣвшей ничего кромѣ рукъ да „воли". Семейные или сдѣлавшіеся семейными на чужбинѣ все таки имѣли хоть тотъ теплый уголокъ, который такъ дорогъ всякому, а особенно нашему украинцу,—у „сиромахъ" же и этого не было:

Сыдыть, сыдыть сиромаха,
Думае, гадае—
Самъ зостався на чужыни,
Родыны не мае...
Нема роду, ни родыны,
Ни щастьтя, ни доли—
Самъ зостався на чужыни,
Якъ былына въ поли.
Ой на тую былыночку
Стыха витеръ вie—
Тожъ то тяжко безъ дружыны,
Ажъ серденько мліе... и т. д.

(Зап. отъ О. Данчука, въ Тульчѣ).

или какъ говорится въ другой пѣснѣ:

Ой безщасная та волокыта,
Та журба жъ мене зъила:
Ой що найменша у степу пташка,
Та й та мене была...
А за що жъ вона мене была?
Що я сыротына. —
А за що жъ вона мене лае?
Що роду немае!...
Есть у мене родыночка,
Та далеко одъ мене,
Ой чую жъ я черезъ люде
Цурается мене.
Нехай соби цурается,
Якъ же соби знае,
Прыйде той часъ и годына,
Що й мене згадае.

Ой перебреду тую быструю ричку,
Половыну ставу;
Ой я жъ тую быструю ричку
Очеретомъ перетычу
Докы жъ свою та родыночку
Та на цей бикъ переклычу.

(Зап. отъ Сидора Телиги, въ Тульчѣ).

И бѣдному сиромахѣ дѣйствительно удавалось „переклыкать свою родыночку“ на турецкую сторону Дуная, но гораздо чаще это не удавалось и приходилось одному „якъ билыночци въ поли“ тянуть свою „безщасную волокыту“ вдали отъ родныхъ людей и родной земли, постоянно объ ней вспоминая и на нее оглядываясь:

Ой тамъ за Дунаемъ молодець гуляе,
Молодець гуляе, на той бикъ гукае,
На той бикъ гукае: „подай перевозу—
Подай перевозу, я й перевезуся,
На свою Вкраину хочъ разъ подывлюся....

Въ этомъ, по всей вѣроятности, слѣдуетъ отчасти искать объясненія того, что эта сиромашня была первымъ элементомъ, начавшимъ обратное передвиженіе изъ Туреччины въ Россію, какъ только обстоятельства сдѣлали такое передвиженіе возможнымъ. Само собой разумѣется, что, кромѣ этого, отсутствіе какихъ бы то не было прочныхъ связей со страной, отсутствіе всякой собственности и семьи дѣлали это передвиженіе для нихъ гораздо болѣе легкимъ сравнительно съ людьми семейными, но все таки привязанность къ родинѣ должна была быть у нихъ сильнѣе и сильнѣе должна была чувствоваться оторванность отъ края, гдѣ оставалась семья и все дорогое для нихъ. Какъ только повѣяло болѣе свободнымъ воздухомъ въ Россіи, въ началѣ прошлаго царствованія, какъ только почуялась близость свободы для крестьянъ и, вслѣдствіе конвенціи съ турецкимъ правительствомъ послѣ крымской войны, было рѣшено переселеніе крымскихъ татаръ и черкесовъ въ Добруджу съ тѣмъ, что желающимъ возвратиться оттуда русскимъ будутъ отведены земли въ Крыму и на Кубани,—сейчасъ же встрепенулось все украинское населеніе Добруджи и началось то большое обратное движеніе въ Россію—„велика ви-

ходка," которое и до сихъ поръ еще составляетъ одну изъ главныхъ эръ въ задунайской Украинѣ. Первою, какъ мы сказали, бросилась въ отечество „сиромашня." Она рѣшилась на этотъ шагъ еще до крымской войны—„се ще передъ севастопольскымъ розмиромъ було..." разсказываетъ Остапъ Данчукъ. Самой главной причиной этой быстрой рѣшимости было, вѣроятно, распоряженіе правительства о пріемѣ въ солдаты всѣхъ бѣглыхъ и непомнящихъ родства, что, разумѣется, избавляло ихъ отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности за прошлое; но еще болѣе, вѣроятно, прибавили рѣшимости тѣ слухи, которые были распространены тогда въ крестьянствѣ о возможности вступленіемъ въ ополченіе избавиться отъ крѣпостной зависимости. Слухи эти, ходившіе особенно въ южной Россіи и вызвавшіе, какъ мы упоминали уже, крупные безпорядки, потребовавшіе для подавленія ихъ военной силы, не могли не достигнуть Добруджи и не дать повода сиромахамъ начать „выходку." Кромѣ этого и ожидавшееся занятіе Добруджи русскими войсками тоже могло имѣть свое вліяніе на это движеніе. „Тысяча восемьсотъ душъ за одно лѣто вышло—продолжаетъ Данчукъ свой разсказъ,—а сколько они лодокъ загнали съ собой въ Катырлезѣ!... Извѣстное дѣло, на заводѣ были, такъ на хозяйскихъ лодкахъ и уѣхали, прямо въ Керчь. Воды съ вечера въ бочонки набрали, харчей приготовили... а на другой день проснулись хозяева, смотрятъ, а они уже плывутъ.—Куда вы, хлопци, вернитесь!... А они только шапками махаютъ... такъ и уѣхали—и не слышно было потомъ про нихъ..." Передвиженіе же семейныхъ, осѣдлыхъ людей послѣдовало уже только вслѣдъ за заключеніемъ мира, начиная съ 1857 г. и достигло своего апогея въ 1861—62 гг., вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ. Насколько было многочисленно это переселеніе—видно изъ того, что, благодаря ему, опустѣли цѣлыя села, какъ напр. Жежина, Цыганка, Таица и др., въ которыхъ теперь осталось только по нѣсколько семействъ[1]). Населеніе же другихъ селъ значительно

[1]) ... Wurden Taiza und Zufirca ehedem schöne russische Dörfer, durch übereilte Auswanderung ganz entvölkert und neuerlich von stark gemischten Elementen wieder eingenommen. (Peters. p. 132).

уменьшилось. Но во всякомъ случаѣ, значительное большинство колонистовъ все таки предпочло оставаться на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что доходившія отъ вышедшихъ раньше извѣстія не всегда были благопріятны, а многіе изъ переселившихся вернулись даже обратно. „А вы жъ чомъ не пишлы у ту выходку?“— спрашивали мы у старика Сидора изъ Катырлеза.—„Ге... чомъ...?! отвѣчалъ онъ: „то ото жь и тоди було пытаються, чомъ ты у Россію не йдешъ?—то я й кажу: а хочте, кажу, отъ подывитьця: оттамъ иззаду написано, чого я не йду—мени панъ мій якъ давъ добре ризокъ, то й доси слидъ знать!... Ну, а теперъ, хочъ не бьють,—та знаете, якъ то кажуть: хочъ не бье и не лае, та ничого и не дае... польска прыказка е така!“

Немного времени ушло отъ „великои выходнои“ и вызвавшихъ ее обстоятельствъ, а уже опять послышались старыя пѣсни и опять изъ Украины потянулись за Дунай старыя птицы. Но объ этой эмиграціи въ Добруджу мы будемъ говоритъ далѣе.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СЕЛЬСКІЯ НЕДОРАЗУМѢНІЯ.

З. А. ПЕТКЕВИЧА [1]).

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

— Отдай лыко! Зачѣмъ укралъ?

— То мое! не виддамъ!

— Твое? Ахъ ты... Развѣ это твой лѣсъ? Не знаешь развѣ, что панскій?

— Завжде такъ було!

— Зачѣмъ же ты крадешь, если знаешь, что „завжде такъ було?“

— Ни, не тее! Я жъ кажу, якъ той казавъ, що такъ и батькы паши робылы...

— Что? воровали?

— На лапти соби бралы.

— Ахъ, ты воръ этакій! Бога ты не боишься! Знаешь, чѣмъ это пахнетъ?

— А Богъ його святый знае...

— Отдай, говорятъ тебѣ! хуже будетъ... А топоръ! куда дѣвалъ топоръ?

— Не дамъ сокиры, не дамъ лыка! Рижте мене, быйте, пане!

Такіе возгласы раздавались въ чащѣ молодаго липняка, поросшаго у подножія высокихъ грабовъ, ясеней и кленовъ.

[1]) Газета „Głos“ 1888 г., №№ 40—45.

Былъ май. Теплый весенній дождикъ съ громомъ и молніею только что окропилъ лѣсъ. Ясное, голубое небо казалось еще чище и глубже обыкновеннаго, а бѣлыя, легкія облачка тихо плыли по вѣтру и таяли въ вышинѣ. Заходящее солнце разсѣвало по лѣсу влажные, золотистые лучи, отъ которыхъ блистала свѣжая зелень деревьевъ. Крупныя капли висѣли на каждомъ листѣ; деревья, казалось, становились выше, все росло въ глазахъ. Въ густой чащѣ наперерывъ другъ передъ другомъ заливались соловьи, иволги вторили имъ радостнымъ свистомъ, помахивая желтыми хвостиками, какъ бы подражая голосу кошки, которой придавили лапу. Какая-то птичка, укрывшись на самой вершинѣ дерева, твердила безъ умолку свое мѣрное „тихъ-тяхъ, тяхъ-тихъ.“ А въ лѣсу длился пока споръ между старшимъ лѣсничимъ Тенжулькевичемъ и крестьяниномъ Илькомъ Тетерою изъ Кобылева. Присутствіе лѣсничаго въ лѣсу было нежелательнымъ въ эту пору, а привлекъ его сюда инстинктъ охотника: вальдшнепы водились во множествѣ въ урочищѣ „Княжемъ“ на обильныхъ кормомъ трясинахъ. Среди чернаго лѣса тихо клубился паръ надъ свѣже-выжженными полянами, густо усѣянными полумертвыми улитками. Вороны, собираясь на ночлегъ, хлопали въ воздухѣ своими упругими крыльями, утки перекликались въ камышахъ, а „очеретянки“ издавали рѣзкіе звуки. Туда то и направлялся Тунжулькевичъ съ объѣздчикомъ Артемомъ Стёбою, и здѣсь имъ попался въ молодомъ липнякѣ Илько Тетеря. Виновный былъ одѣтъ въ рубаху изъ грубаго холста *на выпускъ*, подпоясанную красною крайкою, и такіе же шаровары; обутъ онъ былъ въ лапти. Пеньковая ткань, прикрывавшая его тѣло, напитанная дождевою водою, сдѣлалась еще плотнѣе и темнѣе обыкновеннаго. Онъ стоялъ передъ Тенжулькевичемъ съ мокрою шапкою „валёнкою“ на всклокоченныхъ волосахъ, съ вьющеюся, безобразноспутанною бородою. На лицѣ его выражалось упрямство. Онъ держалъ подъ мышкою толстый пукъ молодыхъ липовыхъ по-

бѣговъ, а правую руку съ топоромъ пряталъ за спину. Передъ нимъ, выпрямившись во весь ростъ, стоялъ лѣсничій въ охотничьей куркѣ и высокихъ ботфортахъ, выше колѣна.

— Отдай лыко, говорятъ тебѣ, и топоръ!

— Быйте мене—не дамъ!

Глаза Тенжулькевича засверкали, словно готовые выскочить изъ орбитъ. Крестьянинъ отчаянно защищался, но нѣсколько ударовъ въ грудь и затылокъ доказали ему, что съ нимъ не шутятъ. Онъ продолжалъ кричать: „быйте мене, рижте!“ но когда посыпались удары. завопилъ:

— Що жъ то, пане! розбій?...

— Гей! Артемъ! А иди-ка сюда! Гопъ, гопъ!...

Сильный и громкій окрикъ лѣсничаго гулко пронесся по лѣсу и вскорѣ послышалось въ отвѣтъ хриплое, пискливое „гопъ-гопъ“ Артема Стёбы, затѣмъ затрещало въ кустахъ и вскорѣ показался объѣздчикъ въ лаптяхъ, съ барсучьей сумкой и ружьемъ за плечами.

— Бери, Артемъ, эти лыка и топоръ!

Илько Тетеря, держа въ одной рукѣ шапку, другою почесываясь въ затылкѣ, кланялся и просилъ, лукаво поглядывая на побѣдителя.

— Не берить, паночку, сокиры! То жъ моя худоба... Чымъ же я маю рубаты лучыну на майданъ? [1]) Паночку, соколыку мій! Да якъ бы жъ я колы, де нибудь що якъ... а то-жъ я нигде, николы ничого такого... дакъ за що жъ на мене така напасть?

— Прочь! Не тронь чужаго! Я васъ научу за прошлогоднее, за Цѣцковщину!... Чья это собака лаетъ? Это твоя, Артемъ? Смотри! тамъ еще кто то крадетъ!

Глаза Тетери съ тревогою обратились въ сторону липняка, гдѣ за минуту передъ тѣмъ работали ножи и топоры. Тамъ

[1]) Въ смоляномъ производствѣ на Полѣсьи лучиною называется лѣсной матеріалъ, заготовленный для перегонки смолы изъ нижней части ствола и верхней части корней сосны. Майданомъ называется печь, въ которой гонятъ смолу изъ лучины.

вокругъ старшихъ побѣговъ еще недавно дружною семьею тѣснились молодыя однолѣтнія липки; теперь на ихъ мѣстѣ бѣлѣли только осиротѣлые пеньки съ выступавшими на нихъ каплями соку, который не могъ больше подыматься вверхъ по стволу. Теперь тамъ царили страхъ и тревога; ивовая свирѣль, наигрывавшая за минуту передъ тѣмъ, умолкла. Въ чащѣ шла борьба.

— Здыймай свиту! Трясця твоій матери, тай батькови! Чы довго ще стоятымешъ, якъ дурень?... И нижъ давай! Куды ты, сучій сыну? Зкыдай свыту!—я тоби!...

— Не дамъ! Ай! ой! рятуй, батьку соколе!... Бьютъ!

— Я тобі, злодюго, очкуръ перерву й безъ сорочкы пущу!

— Ей, Артемъ, довольно тамъ! Не бей ихъ.

Илько плелся еще нѣсколько десятковъ шаговъ вслѣдъ за лѣсничимъ въ надеждѣ, что тотъ смилуется надъ нимъ, но напрасно обнажалъ онъ свои льняные волосы и повторялъ по нѣсколько разъ: „якъ бы я колы, що, де небудь...“ его ожидала или уплата штрафа деньгами, или отработокъ. Онъ повернулъ домой. Надъ головою его подымались два свода: одинъ зеленый, изъ древесной листвы, другой синій, просвѣчивавшій сквозь него, какъ сквозь рѣшето. По зарумянившимся облакамъ Илько опредѣлилъ время и прибавилъ шагу. Въ мысляхъ его было столько же загадочнаго и невѣдомаго, сколько и въ окружавшей его лѣсной чащѣ въ ночное время. Только когда молодые побѣги скрипѣли подъ ножемъ и топоромъ, онъ чувствовалъ, что беретъ то, что *самъ Богъ* насадилъ для пользованія „ихъ брата.“ Это убѣжденіе не раздѣляли полѣсовщики и съ нѣкотораго времени (съ тѣхъ поръ, какъ настала воля) постоянно твердятъ людямъ, будто они, мужики, должны помнить, кому теперь отдалъ Богъ эти непроглядныя пущи съ шумящими дубровами и прогалинами, съ ольхами и березами, подъ которыми такъ обильно растутъ грибы вмѣстѣ съ красною, сочною клюквою. Чтобъ ихъ все „кодло“ перевелось.

даромъ что полѣсовщики тѣже мужики. Выросли они здѣсь также точно, какъ и всѣ прочіе, ходятъ въ лаптяхъ и ѣдятъ тотъ же картофель съ кислыми огурцами, а стали всѣмъ костью поперекъ горла. Передъ паномъ виляютъ хвостомъ, какъ собаки, не спустятъ даже и ребенку и каждому стараются вогнать душу въ самыя пятки.—„А, бодай вы заповитрылы! Хоче насъ навчыты за Цецковщину. Ще напюхаесся дыму и въ „Княжому," и въ „Слѣпечищу," и въ „Безпалый Ольшыни," и въ „Дидовимъ Острови"—напюхаесся, вражый ляше! Таке наше право, якъ давнише. Або то наша худобына не потребуе липшого корму? Тай грыбы липше ростытымуть. Ой, ой! „Не було насъ—бувъ лисъ, якъ той мовлявъ, не буде насъ—зостанеться лисъ." Чѣмъ то пахне? пытався. А вже-жъ одробкамы, панщыною, бодай ихъ *хындря!*—Отъ вже й „Княже" мынувъ, а ще чорный лисъ. На „Безпалу Ольшыну" не можна йты—здыбають, псякость... „Пафъ! пафъ! Бачъ, сучи сыны! вже и туды прыйшлы... Гладко бъйе. Певно трапывъ качора. Цыть! А, то Янко Деркачъ. Завжды такъ тоби гарно заграйе въ дуду, що по лиси ажъ луна йде. А се вже й Дидовый Островъ. Чы жъ хочъ пожа маю прынаймній пры соби? Нарижмо соби теперъ лычка... Тьфу! Изгынь, пропады, проклята гадюко! Ото налякала—зъ кущивъ та просто до ногы".

Вотъ уже и „Безпала Ольшына." Тамъ чаще всего пасется кобылевское стадо. Нѣсколько въ сторонѣ находится *стойло*, гдѣ измученный полуденнымъ зноемъ скотъ отдыхаетъ, пережовывая жвачку; мягкій, специфическій запахъ еще издали указываетъ, гдѣ находится это мѣсто. Теперь тамъ пахнетъ свѣжестью и зеленью. Къ шелесту деревьевъ примѣшивается глухой топотъ многочисленнаго стада, лакомящагося молодою травою. Тетеря подошелъ къ пастуху; это былъ старикъ съ жидкою бородою съ просѣдью, въ длинной, истрепанной снизу свитѣ; онъ плелъ лапти и время отъ времени щелкалъ *погую*. На дальнемъ болотѣ хоромъ перекликались журавли, а комары

тучами налетали и на людей, и на скотъ; жалили молча, безъ звука; нѣмые, упорные слѣпни лѣзли въ глаза. Это самые страшные мучители скота. На „выжарахъ“ красуются желтыя коронки молочая. Отягченное вымя живо напоминаетъ коровамъ, мелкимъ и неказистымъ, ихъ телятъ, привязанныхъ у яслей по „оборамъ;“ жалобно мычатъ за ними матери, но привлеченныя вкусными цвѣтами, жадно рвутъ ихъ про запасъ для ночной жвачки.

— Якъ ся маешъ, Ильку? А дежъ твое лыко? Наризавъ бувъ чымало, а взявъ дулю!

— Ой диду, диду! Якъ бы знаття! Геть чысто облупылы! и сокиру взялы, и все... Отъ диждалы часу! Чы колы такъ бувало?

— Кепсько, Ильку! а ще гирше буде...

— Крый насъ, Боже!... Чи не йшлы тутъ хлопци, диду?

— А булы ту. Твій Петрукъ-ниврокy! Якъ загравъ на мою дуду, взявъ въ мене ножа, тай побралысь вси въ трёхъ до „Слепечища.“ Може десь вже недалеко бавляться, бо малы тилько лыка наризаты.

Илько нѣсколько разъ огласилъ лѣсъ своимъ: гопъ-гопъ! и направился домой. Путь лежалъ мимо стойла; это была часть поляны, нѣкогда поросшей травою, теперь же покрытой толстымъ слоемъ навоза и представлявшей топкое болото послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія громадскаго скота. Видъ этого болота хорошо былъ понятенъ крестьянину и возбуждалъ въ немъ зависть. Сколько здѣсь удобренія! Хорошо было бы пріѣхать когда нибудь съ лошадью и набрать нѣсколько полныхъ возовъ. Въ его *оборѣ* такъ мало всегда бываетъ перегною—всего вѣдь пять штукъ скота; едва наберется пластъ въ палецъ толщины, а ужь пора свозить на поле. А поле безплодное, чистый песокъ—много ли пользы въ горсти навозу? Слѣдовало бы пріѣхать когда нибудь... и не далеко.

„Слепечище“—смѣшанный лѣсъ; тамъ и дубъ, и береза, попадается и осина, а чаще всего сосна; внизу у подножія

ихъ роскошными кустами разрослись калина, *проскурына* и *крушына*. По мѣрѣ приближенія къ Кобылеву лѣсъ все больше и больше переходитъ въ боръ. У ногъ высокихъ, тонкихъ сосенъ робко поглядываетъ на ихъ верхушки одуряющій *дягель*, тощій дрокъ, да темный вересковъ съ жесткими листьями крѣпко сросся корнями съ приземистою черникою, любимымъ кормомъ тетеревей. За то дальше растутъ одни папоротники; пучки сморщенныхъ, перистыхъ листьевъ, на тонкихъ стебляхъ простираются надъ землею, какъ крылья птицы, раскрытыя для полета словно желая преградить проходъ каждому. Недавній пожаръ истребилъ весь лѣсной коверъ на нѣсколько десятковъ десятинъ, обуглилъ молодыя деревья и лизнулъ огненными языками стволы старыхъ на нѣсколько сажень въ вышину. Теперь на сухой, потрескавшейся землѣ торчали бѣдныя сосенки почернѣлыя, безъ листьевъ; рядомъ гордыя сосны, тоже съ обожженною корою, уходили въ небо и шумѣли вершинами, словно переговариваясь между собою, а на нихъ неутомимый дроздъ тянулъ свою грустную, безконечную пѣсню. Изъ подъ пепла прежней травы пробивалась молодая, ярко зеленая и необыкновенно густая; при видѣ ея у крестьянина загорѣлись глаза и въ рукахъ почувствовался зудъ.

— Отъ, якъ-бы коса, думалъ онъ, була бъ телятамъ добра харчъ!... Дурный Тенжулькевичъ! За що жъ тутъ гниватысь та грозытысь? Пожежа въ лиси—то добро. Де тильки пройде, усе одродыть. Хиба слипый недобачае: пущу вычыстыть зъ *повалу*, зъ *хрусту* усякого, зъ прегыдкои осокы, гадъ гыне, а худоба мае чымъ жывытысь. А до того й грыбы ростуть, якъ скаженни. Отъ хочъ бы й теперъ, бачъ, земля скризь понапухала, мовъ кротовыння; хутко й повылазять, може и черезъ ничъ, бо писля дощу. А може де нибудь вже и йе лысычкы, або сыроижкы? А такъ—йе! Назбираю соби трохы, то стара наварыть губъяку... Такы дурный, справди, той Тенжулькевичъ изъ своею грозьбою.

Недальновидный крестьянинъ, думая только о выгодахъ, какія могли произойти отъ пожара, совсѣмъ выпустилъ изъ виду вредныя его стороны; онъ забылъ, что вмѣстѣ съ змѣями гибла и дичь: яйца тетерокъ, вальдшнеповъ и утокъ или лопались отъ огня, или же высыхали на огромномъ пространствѣ молодыхъ, самосѣянныхъ зарослей... Тутъ было о чемъ задуматься лѣсничему. Что то еще скажетъ помѣщикъ, какъ отнесется къ этому, если его собаки перестанутъ спугивать дичь и пропадетъ охота?...

Чѣмъ ближе къ селу, тѣмъ чаще встрѣчаются пасѣки, принадлежащія различнымъ хозяевамъ. Вонъ на той тонкой, кудрявой соснѣ, съ двумя вороньими гнѣздами на вершинѣ, два улья между вѣтвей, прикрытые одною крышкою—это Купріяна Гончара. На стволѣ этой сосны, сажени на четыре надъ землею устроенъ „*подкуръ*“, преграда для лакомки медвѣдя; это помостъ изъ тонкихъ досокъ, утвержденный на четырехъ поперечныхъ, перекрещивающихся между собою и прикрѣпленныхъ къ дереву; снизу помостъ набитъ острыми коликами. Это надежная защита противъ лѣснаго лакомки. Взобравшись сюда и встрѣтивъ грозящій ему колючій потолокъ, онъ непремѣнно долженъ воротиться; дѣйствительно, слѣды когтей на корѣ дерева нерѣдко свидѣтельствуютъ о побѣдѣ надъ нимъ этой выдумки крестьянина. Дальше, на той „*росохатой*“ соснѣ прижался, какъ дитя къ матери, старый улей Илька. Далъ онъ роевъ безъ счета, а меду безъ мѣры и подъ нимъ, подобно прочимъ, покровительственно простирается подгнивающій *подкуръ*. Илько замѣтилъ двѣ борти, блиставшія новымъ, бѣлымъ еще подкуромъ—имъ овладѣло безпокойство.—Купріянъ Гончаръ очень предусмотрителенъ; должно быть тутъ побывалъ медвѣдь. Такъ! кора исцарапана... Нужно будетъ позаботиться о новомъ подкурѣ и для своего улья.

Лѣсъ рѣдѣлъ, показалась песчаная полянка со слѣдами старыхъ бороздъ. Гдѣ то на дальнемъ деревѣ печально про-

щался дроздъ съ послѣдними лучами солнца, зарумянившими изорванныя вѣтромъ облака. Чуялась близость деревни. Дѣтскій крикъ и плачъ, ревъ скота, лай собакъ—все указывало на близость людскаго поселенія. Еще двѣ полянки, да березовая роща—а тамъ пойдутъ уже и хаты, позади же останется господскій лѣсъ, а съ нимъ все: и дубровы, и пасѣки, и грибы, и лыко, и ненавистные объѣздчики на его сторожѣ. Только небо все то же какъ надъ лѣсомъ, такъ и надъ селомъ—глубокое, темное и спокойное.

II.

Въ Кобылевѣ всего восемьдесятъ хатъ, выстроенныхъ въ рядъ въ одну длинную, узкую улицу, идущую прямо и затѣмъ вдругъ сворачивающую въ сторону, какъ бы испугавшуюся излишней правильности въ своемъ направленіи. Почти каждая хата носитъ на себѣ отпечатокъ нужды. Низенькія, кое какъ покрытыя тощею дранью, словно предназначенною для потѣхи сильнымъ порывамъ вѣтра, сколоченныя изъ „кругляковъ“, переложенныхъ мхомъ, немазанныя, вѣчно окруженныя лужами, выглядываютъ онѣ на улицу небольшими окошечками, съ тусклыми стеклами, вывѣтрившимися отъ долговременной службы. Только надъ немногими хатами возвышается на крышѣ настоящая дымовая труба, обмазанная глиною, а не просто сплетенная изъ ивовыхъ прутьевъ: это отличіе указываетъ на жилище „богатыря“. По примѣру окрестныхъ селъ эти хаты выстроены въ стилѣ домиковъ нѣмецкихъ колонистовъ. Стѣны ихъ значительно выше, сложены изъ теса, крыша плотно обшита шелевками, окна вчетверо больше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ, даже у дверей вмѣсто обычныхъ деревянныхъ засововъ, легко отодвигаемыхъ свинымъ рыломъ, блестятъ желѣзные засовы. Тамъ обыкновенно живутъ богачи, мѣстные кулаки. Надъ дверьми у

каждой хаты красуется табличка съ изображеніемъ какой нибудь изъ огнегасительныхъ принадлежностей; тутъ ведро, тамъ бочка, дальше топоры, багры, кое гдѣ пожарная труба. Въ случаѣ пожара, каждый домохозяинъ обязанъ явиться съ тѣмъ орудіемъ, какое изображено надъ его дверью. На долю Илька Тетери приходилась бочка, вѣчно пустая и разсохшаяся, которую не наполняли даже и проливные дожди.

На западѣ загоралась вечерняя заря, надъ водою затихалъ плескъ вальковъ, смѣшивавшійся съ монотонными *веснянками* дивчатъ, оканчивавшихъ работы въ огородахъ. Село оживлялось съ окончаніемъ дневныхъ работъ въ полѣ. На улицѣ съ разныхъ концевъ сходились одновременно и люди, и овцы, и скотъ, за которымъ выступалъ громадскій пастухъ, похлопывая *пугою*. Его мокрые полотняные шаровары болтались, какъ мѣшки, надъ самыми лаптями; свита, слишкомъ длинная, была подобрана за поясъ—такъ шелъ онъ съ *кошелемъ* и связкою лаптей за спиною. На лицѣ его виднѣлись кровавые слѣды убитыхъ комаровъ. Вслѣдъ за стадомъ налетѣли изъ лѣсу цѣлыми тучами комары, мошки, оводы, жаля немилосердно, обременённыхъ молокомъ коровъ, съ трудомъ отмахивающихся отъ нихъ жидкими своими хвостами. Въ дворахъ со скрипомъ открывались ворота и хозяйки выбѣгали встрѣчать своихъ кормилицъ.

— Телюхъ, телюхъ, телюхъ!—ласково привѣтствуютъ онѣ, но замѣтивъ, что коровы теряютъ молоко, набрасываются съ выговорами на пастуха.

— Ей, диду, диду! Чомъ такъ пизно прыгнавъ худобу? Колы старый, не здужаешъ, то й не берысь!

— Не здужаешъ, не здужаешъ!—ворчалъ пастухъ, поворачивая за уголъ, гдѣ жили бобыли. Тымъ що далій загнавъ нынька. Старый... А самы молоденьки? Атъ! бабськи выгадки! аби ганьбыты...

Вспомнилось ему, сколько сосновыхъ *„шурокъ“* нарубилъ онъ прошлою осенью для *майдана;* стало быть онъ еще въ си-

лахъ, хоть уже и голова облысѣла, и стукнулъ ему шестой десятокъ.

Съ поля возвращались пахари; усталые, съ разгорѣвшимися лицами, босые и въ рубашкахъ на выпускъ они шли медленно вслѣдъ за волами, тащившими плуги.

— Цобъ, цобъ! ацабе! покрикивали на нихъ крестьяне.

Двадцатилѣтній парубокъ остановился съ плугомъ у одной изъ первыхъ отъ *царины* хатъ съ вербою въ огородѣ и съ изображеніемъ бочки надъ окномъ.

— Цобъ, цобъ, сывый! Прр!... Добры-вечиръ, дядьку!

— Добры-вечиръ! А що жъ, Сидоре, дооравъ?

— Ни, не здужавъ, дядьку!

— Чому? Скилько жъ тамъ?

— Та моргивъ зо три буде. Не можна було бильше — картоплю сіялы.

— А якъ тамъ жыто на полянци, Сидоре?

— Ничого соби, дядьку. Бачылы бжолы? Чи не выдеръ часомъ чыихъ ведмидь?

— На твоій сосни кору подрянано.

— Трясця жъ його матеры!... На якій?

— А що зъ новымъ подкуромъ. Треба й на своій зробыты нови *палатки*... Але, отъ бида, треба першъ выкупыты сокиру.

— Або що?

— Забралы, матери ихъ бисъ!

— Оува!... Кепсько! И *луцки* побралы, дядьку?

— А вже жъ!

— Хто жъ то такъ?

— Да вже жъ нихто, якъ той Стёба зъ Тенжулькевичомъ. Я жъ думавъ, що принамній хочъ хлопцямъ пощастыть. Та, де тамъ! и лыко побралы, и ножи, й свытки—усе раптомъ. Не помылувалы й твого хлопця, Куперьяне; а Нестиръ Каликста то й въ потылыцю диставъ.

— Кса, кса, карый!.. Ой, знущаються надъ нами, знущаються!

Илько отдыхалъ на *прызьбѣ*, покуривая трубку и выпуская густые клубы дыма, какъ вдругъ до слуха его долетѣлъ серебристый звукъ колокольчика. Онъ началъ тревожно прислушиваться. Такъ ѣздятъ исправникъ и становой. Сердце его мучительно сжалось. Можетъ быть снова потянутъ въ какое нибудь присутствіе по дѣлу пана съ „нашимъ братомъ“. Колокольчикъ затихъ.

— Гей, Омелько! окликнулъ Илько парубка, шедшаго съ майдана домой, перемѣнить грязное бѣлье. А хто тамъ затрымався биля корчмы?

— Ни, дядьку, то не биля корчмы. То становый прыихавъ до волости.

— Не знаешъ чого?

— А Богъ його святый знайе. Кажуть, ниби за для пожежи.

— За для якои пожежи?

— А що то була въ мыстечку.

— Ага! а я думавъ, що то за для... Що жъ тамъ на майдани? Позвозылы вже смолу на берегъ?

— Позвозылы, дядьку.

— Хто жъ то?

— Рижны люде... изъ Заболоття де яки, зъ Настилля...

— Гады, трясця ихъ матери!...

— Якъ же тамъ, дядьку, мій батько? Чи добре пасе?

— А вже жъ, ничего!... Тилько сылы не мае—не здолае. Позавчора старостыного бычка забувъ въ лиси. Добре, що розумна худобына й сама прыбигла. А якъ бы, бороны Боже, вовкъ зарызавъ? Але, отъ що найперше, що хтятъ не пустыты худобы въ лисъ на пашу.

— Чувъ и я. Бувъ позавчора лиснычій на майданы, побачывъ, що *смолякивъ* и до петривки не выстарчыть,—лышенько! а якъ зобачывъ при „механику“ кобылевскихъ, та рашовскихъ, та избиньскихъ—якъ закрычыть: „Визьму я ихъ въ добри щыпци,

задавлю гадывъ! Скоту не пущу, опалу не дамъ! Злагидніють тоди, руки лызатымуть.

— А ляхъ, матери його бисъ! злобно вскричалъ Илько.

— На добра ничъ вамъ, дядьку!

— На добра ничъ, сынку!

Надъ головою его послышался стукъ въ окошко; тамъ въ избѣ его *стара* суетилась около печи съ „полонымомъ“ въ рукахъ.

— Ильку, а Ильку! йды вечеряты!

Крестьянинъ вошелъ боковою калиткою во дворъ, тѣсный, какъ и вся его усадьба, выстроенная на скудномъ надѣлѣ: вотъ рядомъ хата сосѣда, а тутъ же сейчасъ и хлѣвы, и гумно. Онъ тронулъ деревянную задвижку и скрылся въ темныхъ сѣняхъ. Тамъ дышало и двигалось что то живое. Куры ворочались на насѣсти подъ крышею, вытряхивая изъ перьевъ докучливыхъ насѣкомыхъ. Въ углу раздавалось младенческое хрюканье поросятъ, въ то время какъ ихъ мать еле еле переводила духъ, придавленная своимъ многочисленнымъ потомствомъ. Тоже самое встрѣчалъ онъ ежедневно, возвращаясь домой, и въ хатѣ своей онъ нашелъ ту же обычную обстановку: старыя стѣны, обмазанныя глиною, низкій, закоптѣлый потолокъ, съ свѣшивающимся по серединѣ хаты *лучникомъ*, загаженный полъ, плотно убитый глиною, влажный подъ лавкою отъ перемыванья кухонной посуды и поросшій блѣдно-зелеными стебельками забытаго отъ зимы картофеля, овса, или проса. Вѣчный запахъ каши, лыка, овчины.

— Мамо—йисты! тянулъ маленькій Дмытро.

— А рожна! отрѣзала раздраженная мать. До ижи проворный, а до роботы кійемъ не поженешъ!

— Исты, мамо!

— Цыть, смаркачу! не ты старшый! не отрываясь отъ работы у печи, прикрикнула на него мать.

Сало громко трещало на сковородѣ. Возлѣ *припечка* Оксана толкла въ ступѣ гречневую крупу на слѣдующій день; когда

она нажимала одинъ конецъ поршня, другой подымался и затѣмъ съ глухимъ шелестомъ опускался въ отверстіе.

— Оксано, годи! съ сердцемъ крикнула на нее мать, ото безглузда: була бъ товкла до судного дня, якъ бы не знныты. И що ты соби думаешъ? Яка зъ тебе господыня?

— Колы жъ бо крупы ще цилы...

— А що жъ то ты въ перше въ мене робышъ? Не знаешъ, що треба пересіяты на решето? Тилько за царыну знаешъ бигаты, до Омелька! въ бобыли захотилось? Бигай, бигай! Нагуляешъ дытыну, колы заманулось! Правдыва титка... И та такъ само робыла, а теперъ що? Перша роспутыця на циле село... Або жъ я не знаю? Чоловикъ сыдивъ у холодній, а та шельма, тымъ часомъ, впустыла на ничъ поссесорчука...

Илько и Сидоръ, наклонившись надъ мискою кислаго молока, молча хлебали деревянными ложками. Гдѣ то въ углу трещалъ сверчокъ, да сонные цыплята въ лукошкѣ пищали подъ крыльями у насѣдки. Красноватый, мерцающій свѣтъ углей въ печи расходился по хатѣ, а сквозь небольшія стекла проникалъ снопъ блѣдныхъ лучей мѣсяца. Мухи притихли на образахъ. Опорожнивши миску, Илько отяжелѣвшимъ голосомъ прервалъ потокъ словъ жены:

— А то що тоби? Чого прычепылась до дивчыны? Дывысь! Розквохталась мовъ та квочка!

— Знаю, знаю! заторохтѣла та ему въ отвѣтъ. Хочешъ бороныты сестру. А знаешъ же ты, що та твоя сестра...

— Но, годи, годи, стара! Знаю: сяка така!... Ото роспустыла языка! Давай краще исты!

— Мамо, исты! не отставалъ Дмитро, сидя въ темномъ углу на лежанкѣ.

— На, подавысь!

Подавая сковороду съ саломъ къ „кулешу“, женщина зацѣпилась головою о лучникъ.

— А щобъ ты зказылось! завопила она, хватаясь за очипокъ, ото господари въ мене! доси не выймуть лучныка. Чи жъ то способъ?

Ильиха была сварливая баба, потому что вѣчно хворала, постоянно мучили ее то „гостець“, то „печинки“, а всего хуже донимали повседневная нужда и заботы. Изъ веселой когда то дѣвушки она стала—воплощенная злость; брюзжаніе у ней вошло въ привычку и сдѣлалось насущною потребностью. Тощая дворняга съ впалыми боками, долго глядѣвшая на ужинавшихъ въ нѣмомъ ожиданіи, печально отошла въ уголъ и тамъ, опершись передними лапами объ лавку, принялась лакать сыворотку, стекавшую изъ „климковъ“ съ творогомъ въ лоханку.

— А я нещасна! А геть!

Собака съ визгомъ выскочила на улицу и вскорѣ голосъ ея слился съ хоромъ товарищей; она лаяла мѣрно, съ паузами, глядя на луну и звѣзды.

— И сила! и сидыть соби! Щожъ то, я маю розчыняты хлибъ? Чуешъ, Оксано? Чого се ты така сонна?

— Дыво! Або ще не напрацювалася за день?

— А якже, напрацювалась!

— А тожъ... И картоплю садыла, й шмаття прала... Тфу! воды нема! Дмытро, бижы швыдче по воду! чуешъ?

Мальчикъ спалъ уже на лежанкѣ, уткнувшись босыми ногами въ миску; ему снились сопилки, ягоды, одинокія груши на межахъ и разбѣжавшіяся въ безпорядкѣ свиньи. Онъ тревожно бросался во снѣ, отталкивалъ что то. Оксана схватила ведра, вскинула на плечо коромысло и выбѣжала изъ хаты какъ бы изъ тюрьмы. Село погружалось въ дремоту, огни въ хатахъ гасли, только майское небо съ капризными обрывками свѣтлыхъ облаковъ, да мѣсяцъ, запутавшійся между ними,—одни бодрствовали надъ сонною землею. Влажные луга покрывались клубами бѣлаго тумана, а подъ его покровомъ трещали въ травѣ кузнечики и хоры лягушекъ надъ водою оглашали окрестности

своимъ кваканьемъ. Въ воздухѣ дрожали упругія крылья летучихъ мышей, пахло березою. Сквозь туманъ свѣтился огонь пастуховъ, ночевавшихъ подъ лѣсомъ. По росистой травѣ пробѣгалъ разбитый звукъ жестяныхъ колокольчиковъ, болтавшихся на шеѣ у стреноженныхъ, тяжело подпрыгивавшихъ лошадей. Оксана шла съ коромысломъ, пустыя ведра болтались у ней за спиною, а она радовалась тому, что здѣсь подъ звѣзднымъ сводомъ такой просторъ и спокойствіе, тогда какъ въ хатѣ и *сволоки* какъ будто грозятъ обрушиться на голову, и стѣны давятъ ее. Она остановилась у колодца. Шестъ съ пустымъ ведромъ медленно опускался въ темную глубь и тянулъ за собою рычагъ скрипящаго журавля. Около *царины* стояла группа дѣвушекъ; они то тихо затягивали *веснянку,* то смѣялись, то слушали, какъ Омелько, сидя на плетнѣ, игралъ на сопилкѣ „левониху“. Оксана поглядѣла на нихъ съ завистью и начала опускать другое ведро, но сколько ни дергала, шестъ не подавался. Подняла глаза кверху—журавль стоитъ ровный и острый, но въ мигъ, какъ бы внезапно развязанный, быстро со скрипомъ опустился, ведро плеснуло въ водѣ, дрогнулъ шестъ и что то тяжелое упало на землю. Бывшія подлѣ дѣвушки захохотали. Оксана обернулась—съ земли вставалъ Омелько.

— Тю, дурный! Перервавъ клоччя. Якъ же я теперъ вытягну видро?

— Я тоби вытягну! вскрикнулъ Омелько, сативъ ее въ охапку и стращая колодцемъ; она сорвала у него съ головы „валёнку“.

— Омелько, пусты! Омелько! вкыну шапку въ воду!

Но тотъ не выпускалъ; Оксана болтала босыми ногами по воздуху, попадая иногда ему и въ животъ.

— Оттакъ винъ завжды пустуйе! кричали ей подруги.

— Памъятаешъ, Оксано, що винъ торикъ выгадувавъ на майдани?

— Але, ба!

— Може хочете, то й заразъ вамъ те саме розкажу?

— Цыть бо! сорому ты не маешъ!

Другіе парни гнали съ пастбища скотъ, поздно взятый отъ работы.

— Эй, дивчата! чы не хоче тамъ яка до насъ, на солому?

— Оксано! иды зъ нымы!—смѣялись дѣвушки.

— Або вона здурила? мае вже свого...

Но Оксана ничего не слышала—она шепталась съ Омелькомъ.

— И сёгодни тежъ въ хати?

— Ни, сёгодни въ комори...

— Сама една тамъ спышъ?

— Сама.

— А Сыдиръ?

— Винъ пидъ повиткою спыть.

— А Дмытро?

— Въ хати... Петро въ лиси пры коняхъ ночуе...

— То якъ же буде?

— А якъ побачышъ, що вже нема свитла въ хати, то значыть можна... Розчыню тисто, да й пиду въ комору... На добра ничъ, дивчата!

Она подняла коромысло на плечи и поспѣшно пошла вдоль улицы легкими шагами, въ короткомъ „андеракѣ“, обрисовывавшемъ ея стройную фигуру, съ развѣвающимся угломъ платка на затылкѣ. Она еще разъ обернулась.

— Завтра, дивчата, раненько у лисъ, по грыбы!

— А вжежъ!

Снова Оксана въ неволѣ. Послѣ свѣжаго, вечерняго воздуха еще ощутительнѣе и тяжелѣе духота въ этой избѣ, вмѣстѣ и столовой, и спальной цѣлаго семейства, гдѣ нѣтъ возможности различить смѣшанныхъ испареній горшковъ и человѣческаго тѣла. Родители уже спали. Входя, Оксана услышала, какъ что то мелкое торопливо разбѣжалось по хатѣ—вѣроятно мыши. Какой то острый, непріятный запахъ ударилъ ей въ носъ; она поставила ведра на полъ и бросила нѣсколько сосновыхъ лучи-

нокъ на тлѣющія угли. Просовывая голову въ печь, чтобы раздуть огонь, она почувствовала на лицѣ прикосновеніе какихъ то влажныхъ и смрадныхъ тряпокъ; это отцовскія *онучи* и лапти сушились въ духу. Пламя вспыхнуло. На стѣнахъ и на потолкѣ засновали пруссаки и черные тараканы, разбѣгаясь по щелямъ, второпяхъ сбивали другъ друга съ ногъ и падали. Раскрыла *дижу*—и тамъ полно прусовъ; одни живились остатками заплесневѣлаго тѣста, другіе, уже сытые, сидѣли на *копыстку*. Струя горячей воды прекратила ихъ существованіе раньше, чѣмъ они успѣли двинуться съ мѣста. Размѣшивая опару, Оксана нѣсколько разъ поглядывала на тапчанъ, гдѣ спалъ отецъ. Его загорѣлая грудь тяжело подымалась вмѣстѣ съ животомъ, стянутымъ *очкуромъ*; онъ то кашлялъ, то почесывался во снѣ, то вдругъ кричалъ: „не дамъ! бійте мене, рижте!“ Мать стонала. У дѣвушки стучало въ головѣ, захватывало духъ отъ волненья; сейчасъ она прикроетъ *дижу* кружкомъ, поставитъ на печь, сама пойдетъ въ комору, а черезъ минуту Омелько увидитъ, что въ окошечкѣ темно, и придетъ къ ней. Они снова пробудутъ вмѣстѣ до утра—счастливые, какъ и въ прошедшую субботу.

III.

— Оце взувъ лапти, то чомъ не йдешъ?

— Куды?

— До ловчого мавъ иты по сокиру.

— Мовчы краще, бабо, колы ничого не знаешъ! Ловчого нема въ дома—не вернувся зъ лису.

— Бидна жъ моя головонька! Туды жъ дивчата пишлы!..

— То що жъ?

— Якъ то що?... Нибы не знаешъ, що пишлы по грыбы безъ квытивъ?

— Га! якъ удасться имъ—то добре, а не вдасться—поберуть коробкы... Звычайно... Одроблять на фольварку.

— Не шкода жъ тоби твоеи дочкы? А ну жъ зъ неи й анде-ракъ здиймуть, и свытку, якъ торикъ зъ Нечыпоровой?

— Що жъ я зроблю?

— Якъ то що? Згодься зъ паномъ! Досыть вже того упору, такъ не далеко заидешъ. Воны все зроблять, що схочуть. Имъ и въ повити поможуть, и въ губерніи—скризь. А нашому брату що? Теперъ ниде не знайдешъ правды...

— Правду кажешъ, бабо, нема теперъ въ свити правды для нашого брата...

— То на що жъ обстаешъ пры своему разомъ зъ иншымы? Хочъ подымайся, хочъ ни, а выще носа не чхнешъ!

— Громада—велыкый чоловикъ!—торжественно отвѣчалъ Илько женѣ; та въ нетерпѣніи еще громче плескала ладонями, выдѣлывая хлѣбы. Въ хатѣ слышенъ былъ запахъ пригорѣлыхъ дубовыхъ листьевъ и сосновой метлы, обычный при печеніи хлѣба. Илько былъ возмущенъ новымъ распоряженіемъ лѣсничаго относительно билетовъ.

— По що мають дивчата браты тыи квыты, идучы по грыбы, та по ягоды, або орихы? Давнише того но бувало. То якась нова мода. Перше збиралы соби, скилькы влизе, абы занеслы до двору якый хунтыкъ грыбивъ, або горщыкъ ягидъ. Мусыла за тее дивчына ще килько днивъ одробыты, то вже мусыла! Що зробышъ зъ ляхомъ? А теперъ якысь карткы повыдумувалы. То все Тенжулькевычъ заводыть. Хоче, щобъ его попамъятано. А за що? Пидъ часъ озымои оранкы забажавъ, щобъ далы пидводы, перевезты смолу на берегъ. Певно, нихто не поихавъ. Грозывся бувъ, що послухають его, якъ не дасть опалу, по грыбы не пустыть, не дозволыть *гала* косыть. За що жъ то, Боже мылый? Та вже и за панщыны липше було!

Недавній пожаръ въ лѣсу, зажженный умышленно и причинившій такъ много вреда молодымъ зарослямъ, переполнилъ мѣру преступленій кобылевцевъ. Они пустили огонь на „галу“, желая истребить старую траву; неблагопріятный вѣтеръ испор-

тилъ все дѣло: пламя пробралось къ густому валежнику, окружавшему опушку, истребило его и проникло въ глубь лѣса. Не за это ли мститъ лѣсничій? Если такъ, то они тоже не уступятъ—не пойдутъ больше гасить. Пусть имъ не отмѣняютъ старыхъ обычаевъ! Громада—великій чоловикъ... Она—все и для нея должно быть все!

Такъ думалъ и чувствовалъ Илько Тетеря, а наравнѣ съ нимъ и всѣ жители села. Много было недовольныхъ и было бы еще больше ихъ, если бы Тенжулькевичъ раскрылъ имъ сразу всѣ свои планы; онъ стремился къ полному ограниченію ихъ на всѣхъ пунктахъ. Воспитанникъ лѣснаго института и поборникъ цивилизаціи, онъ хотѣлъ отучить крестьянъ отъ вкоренившихся среди нихъ варварскихъ взглядовъ на отношенія ихъ къ лѣсу и пастбищамъ; хотѣлъ принудить ихъ уважать права помѣщика и на эту собственность.

Довольно ужъ было общности пользованія. До сихъ поръ помѣщикъ не умѣлъ извлекать выгодъ изъ своего положенія; теперь онъ его слуга и уполномоченный, постарается возстановить пана во всѣхъ его правахъ. Такимъ образомъ будутъ достигнуты сразу двѣ цѣли: подчиненіе мужика и порядокъ въ лѣсу. Прочь остатки феодализма! теперь все на деньги. Никакихъ „опальныхъ дней“, никакихъ „десятинъ“! Достигнуть этого было не трудно. Онъ организовалъ лѣсныхъ сторожей, на подобіе казенныхъ, а чтобы усилить ихъ рвеніе, опредѣлилъ въ ихъ пользу третью часть штрафа взыскиваемаго съ крестьянъ, и радостно потиралъ руки, глядя на ихъ старанія. Онъ называлъ это „игрою на струнахъ личнаго интереса“. Пока результаты были блестящіе. Вся жизнь крестьянина неразрывно связана съ лѣсомъ, онъ какъ бы приросъ къ нему частью своего существа. Стоило только нажать его, чтобы вынудить желаемое; что же, если оторвать его цѣликомъ отъ лѣса?

— Мотре, а Мотре!—крикнулъ Илько женѣ.—Зловы но курку!

— На що тоби курка?

— На що? треба, тай годи!

— Далеби, зовсимъ зсунувся зъ глузду...

— Колы кажу—дай, то дай! Я тутъ хазяинъ! Давай оту чубату, занесты ловчому, розумієшъ?

— Ага! такъ бы й казавъ! Дамъ тоби яець зъ десятокъ, а куркы не дамъ. Шкода! Хыба визьмешъ ще сала, або меду.

Вскорѣ Илько былъ у пана ловчаго, у котораго завтракалъ становой. Войдя, онъ поклонился имъ въ поясъ, заметая шапкою пыль. Ловчій игралъ на гармоніи, а становой разсматривалъ ружье и прицѣливался изъ окна. На столѣ кипѣлъ самоваръ; Купріянъ Гончаръ сидѣлъ въ сторонкѣ и пилъ чай, затѣмъ, окончивши, отошелъ въ уголъ за трубкою. Илька не удивляла эта короткость его съ „ляхомъ“, всѣ давно знали, что онъ любимецъ „лѣснаго управленія“. Это хитрый мужикъ, умѣетъ подладиться. Когда помѣщикъ задумалъ выстроить для ловчаго домъ подлѣ села, онъ предложилъ въ наймы свою новую хату, отстроенную по пански, изъ двухъ комнатъ, съ большими окнами на завѣсахъ, съ „ганкомъ“. Богатый крестьянинъ. Разсказываютъ, что у него въ „липовкѣ“ сложено много серебряныхъ рублей, и земли и пчелъ у него больше, чѣмъ у кого бы то ни было въ цѣломъ Кобылевѣ. Умѣетъ раньше всѣхъ заарендовать лучшую землю у пана. Въ прошедшемъ году не хорошо поступилъ съ сосѣдями: тѣ подрядились у поссесора вспахать и засѣять цѣлину съ третьяго снопа, а онъ предложилъ отдавать половину и его личныя условія взяли верхъ надъ громадскими. Вотъ только съ Тенжулькевичемъ ему какъ то трудно; никакъ не можетъ войти въ милость къ новому лѣсничему. Но примѣнится и къ нему; знаетъ, хитрецъ, кого чѣмъ обойти... Ловчій, панъ Варакса, фаворитъ Тенжулькевича, вотъ онъ и является къ нему съ подарками. Смотри, какой „лазбень“ меду приволокъ! Поддабривается, лисица! а впрочемъ, такъ и слѣдуетъ, потому что и его подростка поймали.

Такъ думалъ Илько, переступая съ ноги на ногу, а панъ ловчій тѣшился его безпокойствомъ.

— Что скажешь, Илько? спросилъ онъ, не переставая играть. Топоръ нуженъ?

— Такъ, панычыку—соколе! Загарбалы вчора, ледве зъ душею пустылы...

— Такъ тебѣ и нужно! Не тронь чужаго!

— Дакъ я жъ ничого... трохи луцця... лапти поодтоптувавъ, не трымаються на ногахъ...

— Какже ничего! У васъ, хамовъ, все такъ: отъ лычка до ремешка...

— Бѣги, не то выстрѣлю! шутилъ становой, прицѣливаясь въ младшаго сына Гончара, несшаго ловчему миску съ водою для умыванья.

— Забыйте его, ваше благородіе, притворно смѣялся отецъ. Може ще на злодія выросте, лыко буде красты...

— И будетъ такимъ же, какъ его отецъ, закончилъ становой. Яблоко отъ яблоньки не далеко укатится.

— Ласка ваша, вельможный пане, сміятысь зъ бидного хлопа.

— Пидлещуеться собака, подумалъ Илько. Боиться, щобъ не обралы кого иншого старшыною на выборахъ, той пиддобрюеться Илько стоялъ у порога и не зналъ, какъ просить ловчаго.

— Напрасно ждешь, сурово произнесъ Варакса. Не отдамъ топора.

— А панычу! за що жъ то такъ? Якъ бы я колы, де небудь що таке, а то...

— Напрасно, братъ! Какъ поработаешъ день на майданѣ, тогда и топоръ отдамъ...

Онъ поднялся и вышелъ въ другую комнату; крестьянинъ робко послѣдовалъ за нимъ.

— Чего тебѣ? обернулся ловчій.

— Не прогнивайтесь, панычу, тихо проговорилъ тотъ и вынулъ изъ за пазухи десятокъ яицъ, а изъ шапки кусокъ сала, обернутый въ тряпочку.

Ловчій сдѣлался сговорчивѣе, отперъ складъ, въ которомъ хранились арестованныя у крестьянъ вещи, и позволилъ ему отыскать свой топоръ. Глубокое сожалѣніе охватило Илька при видѣ столькихъ вещей „ихъ брата“, лежавшихъ здѣсь подъ замкомъ. Но вдругъ взглядъ его прояснился, онъ увидѣлъ длинный рядъ топоровъ, лежавшихъ полукругомъ, рукоятками впередъ. Было ихъ здѣсь множество, различныхъ формъ, изъ разныхъ селъ; всѣ ожидали терпѣливо той минуты, когда придется имъ снова застучать по дереву, а топорища ихъ оросятся потомъ, капающимъ на приготовляемую для майдана лучину. Если бы могли они думать, тяжелы были бы ихъ мысли, какъ и ихъ желѣзныя головы; а если бы сверхъ того одарены они были совѣстью, то, вѣроятно, не разъ устыдились бы того, что такъ ярко блистали за плечами у полѣсовщиковъ, когда брали ихъ въ плѣнъ. Сельскій кузнецъ выковалъ ихъ по первобытнымъ образцамъ, восходящимъ еще къ тому времени, когда бронзовыя острія свободно могли портить никому не принадлежавшее дерево...

— Панычыку соколе! А луцьки оддасте?

— Не дамъ! чего еще захотѣлъ? Будь благодаренъ за топоръ!

— Та вже жъ, певно... Спасыби за ласку, але...

Онъ съ завистью поглядѣлъ на стѣны и потолокъ *коморы*, увѣшанныя связками лыка, почесалъ въ затылкѣ, поклонился и пошелъ домой.

У него былъ новый срубъ хаты, еще недостроенный, которую онъ готовилъ старшему сыну. Тамъ дѣти забавлялись „стрыбаньемъ“, бросаясь сверху на кучу песку, суевѣрно отплевываясь каждый разъ. Былъ и Дмитро между ними.

— Поволи, диты, поламаете ногы!

— Ни, дядьку! крикнули ему въ отвѣтъ и снова по очереди выговаривали магическія слова: „тьфу, слынко! ты ся забый, а я ни“. Плевки падали на землю, а дѣти слѣдомъ за нимъ, нисколько не колеблясь, скакали туда же. Едва успѣлъ Илько отойти отъ

нихъ, какъ его *братова* выбѣжала на порогъ своей хаты, и раздраженная ссорою съ мужемъ и вѣчною вознею съ дѣтьми и домашнимъ скарбомъ, издали кричала ему что то о свиньяхъ, безъ призора выпущенныхъ на паръ, приправляя накопившуюся у ней злость потоками брани.

Странное зрѣлище увидѣлъ Илько, входя на свое подворье. Изъ за стодолы, со стороны лѣса, бѣжали нѣсколько дѣвушекъ, еще недавно отправившихся туда за грибами. Бѣжали онѣ безъ коробокъ и даже безъ красныхъ клѣтчатыхъ андераковъ; вѣтеръ свободно игралъ ихъ длинными, толстыми рубахами. Страхъ и стыдъ гнали ихъ впередъ; на мелкихъ загорѣлыхъ лицахъ еще не высохли слезы. Какъ испуганныя овцы, онѣ безъ оглядки перепрыгивали черезъ плетень къ Ильку во дворъ. Только старая Явдоха, мать Омелька, сухая и высокая, будучи не въ силахъ поспѣть за молодыми, шла медленно, жалобно причитывая; уголъ платка, повязаннаго по обычаю *молодыць*, усиленно мотался у подбородка. Ильку показалось, что это трупъ дѣда знахаря всталъ изъ могилы въ бѣломъ саванѣ и гонится за дѣвушками.

— Чого се вы? а де жъ коробкы й андераки? спрашивалъ онъ.

— Ой, дядьку, голубчыку, облупылы чисто.

— Де жъ вы булы? хто се васъ такъ спорядывъ?

— А въ Соколимъ такъ, той стрыженный, якъ его...

— Тенжулькевычъ?

— А такъ!

— Самъ еденъ?

— Де тамъ! зъ проклятымъ Цюцькою.

— Чомъ же вы, дурни, не втикалы?

— Хыба втичешъ! Зненацька напалы...

Неосторожныя дѣвушки пѣли въ лѣсу, забывая опасность, а послушное эхо повторяло ихъ голоса. Тенжулькевичъ возвращался въ бричкѣ съ охоты, услышалъ и накрылъ ихъ; на вопросъ, имѣютъ ли билеты, онѣ бросились бѣжать: „Чы маете

квиты, пытае, разсказывали потерпѣвшія, а мы драла на втикача". Онъ безъ труда догналъ ихъ съ помощью ловчаго и полѣсовщика и отобралъ у нихъ юбки и лукошки въ залогъ ихъ будущаго отработка.—Новое притѣсненіе крестьянъ въ лѣсу.

— А що? а що? не казала тоби: пиды, умовся зъ экономіею! накинулась Мотря на мужа. А ты все по своему...

— Годи! торжественно отвѣчалъ тотъ. Громада—велыкій чоловикъ... Покы вона не прыстане и я не прыстану.

Опершись о плетень, Омелько безпокойными глазами слѣдилъ за Оксаною и, улучивъ удобную минуту, подозвалъ ее взглядомъ,—та подошла.

— И що жъ? спросилъ онъ насмѣшливо.

— А ничого...

— Тилько й того, що андеракъ знявъ?

— А що жъ бильше? недоумѣвала та. Отъ дурный, прибавила она догадавшись, о чемъ онъ подумалъ.

— То жъ бо, то й що...

Взглянулъ на нее, на мать и инстиктивно сжалъ кулаки. Между тѣмъ по улицѣ пронеслась бричка лѣсничаго, привѣтствуемаго гнѣвнымъ ропотомъ крестьянъ.

— Певно вже чогось хоче одъ насъ, толковали между собою. А то жъ! прыихавъ мордоваты насъ за лучыну...

Крестьяне не ошибались. Вскорѣ явился Стёба съ приказомъ—идти къ лѣсничему.

— Иде вже, иде Цюцька, щобъ его задавыло! ворчали одни.

— Якъ бы далы ему доброго хлосту, залышывъ бы допомагаты до крывдженя нашого брата, подзадоривали другіе.

— Хай подякуе, що становый въ сели, а то бъ...

— Одчепиться одъ мене! Хиба я выный?...

— Дарма що невынный, а спробуй въ друге не пустыты товару на пашу, памьятатымешъ!

Всѣми овладѣла ярость при воспоминаніи о запрещенномъ для нихъ урочищѣ.

— Винъ думае, якъ прыихавъ становый...

— Годи, братця! извинялся полѣсовщикъ. Становый не для того прыихавъ.

— А для чого-жъ? Круты, не круты, а колысь одирвешъ... То дарма! Хто набрехавъ лиснычому буцимъ-то кобыляне пидналылы лисъ?

— Не я... одчепиться! далеби—не я!

— Не выбрихуйся! ты самый! мы тее добре знаемо, не бійсь! Але дарма. Брехнею, якъ той казавъ, свитъ перейдешъ, а назадъ чи вернесся? Попадесся намъ колысь, побачышъ.... Колы теперъ становый...

— Та годи вже, Ильку, годи! Я-жъ тоби кажу, що становый не для того...

— А для чого-жъ? Що ты людей зводишъ? Нащо насъ склыкаешъ?

— Або я знаю? Чорты его знають! А становый вже поихавъ соби, не бійтеся, отъ и дзвонякъ, чуете, якъ дзынь, дзынь! о?... Занехайте, братця, тый сварки, дай зходьтеся. Надись про опалъ, або про пашу мають вамъ щось казаты, а може про лучыну... Богъ ихъ знае... А я що-жъ? на мене не гнивайтесь: роблю, що звелять... звычайно служба! Мушу стерегты... Его провожали насмѣшками: „геть, цюцько! иды соби къ нечыстый матери!“...

— Бокомъ тоби выйде тая сторожа! вырвалась одинокая угроза. Вскорѣ множество бѣлыхъ и коричневыхъ *валёнокъ* колыхалось передъ хатою Купріяна Гончара. При появленіи Тенжулькевича на порогѣ многія изъ нихъ очутились въ рукахъ и видны были только однѣ обнаженныя головы.

— Добры день, паночку! заговорили всѣ въ одинъ голосъ.

— Какъ поживаете? спросилъ лѣсничій. Что слышно?

— Зле, паночку! ой, барзо зле...

— Ну! что такъ?

— Довго говорыты, а нема чого слухаты...

Несмотря, однако, на такое начало, языки развязались и въ толпѣ начали перечислять претензіи:

— Товару не пускаютъ у лисъ...

— Дивчатъ геть обдырають...

— Такого ще николы не бувало...

— И худобу поморылы голодомъ и людей поморють,—послышалось горькое замѣчаніе.

— Кажуть люде, буцимъ-то и гала не дозволять косыты въ въ тымъ роци?...

— Еще-бы! разумѣется!

— Колы такъ дали буде, прыйдеся панови поскаржытысь! слышались угрозы.

Каждое изъ этихъ замѣчаній было шпилькою по адресу лѣсничаго; въ самыхъ жалобахъ скрывался тайный вызовъ.

— Сами виноваты, голубчики, возразилъ тотъ. Почему не хотите условиться?

— Мы рады-бъ онъ якъ, паночку,—началъ Илько, почесывая въ затылкѣ,—дакъ тильки тяжко...

— Чѣмъ тяжко?

— Дуже мало паши даете, пане... И торикъ, и одъ давнѣйшихъ часивъ выганялы худобу скризь, де добра паша: и въ Княже, и въ Безпалы Ольхи, и въ Слепечище, а теперъ, кажутъ, туды вже не пускатымуть, тильки въ Соколе, та въ Красный Ригъ...

— Га, га! Красный Ригъ! Га, га! насмѣхался кто-то. Сыта буде худоба писля черницы, багуну, та верболозу.

— Крый Боже такого корму!

— Никуда больше не пущу! сурово отрѣзалъ Тенжулькевичъ. Хотите, соглашайтесь, а портитъ траву по всему лѣсу не позволю. Вотъ вамъ мои условія: по два рабочихъ дня отъ хаты за право выпаса въ Сокольемъ и въ Красномъ Рогѣ.

— Ходимъ до дому, колы такъ! Нема чого стояты...

— Алежъ, паночку голубчыку! Що намъ зъ того Сокольёго, та Красного Рогу? Тожъ тамъ самый михъ та вересъ...

— Мохомъ годуватымемъ худобу, чи чуете?

Всѣхъ разбирала досада: мысль кипѣла, раздраженная несправедливостью.

— По два дни за самый михъ! Хе, хе, хе! Ходимъ.

Шапки снова появились на головахъ.

— Пустое, голубчики, выдѣлялся изъ общаго говора сильный голосъ лѣсничаго. Все пустое! Есть и тамъ трава. Вамъ не того хочется. Хотите по прежнему хозяйничать въ лѣсу: надрать лыка, срубить дерево въ тихомолку, поджечь боръ...

Недовольные возгласы прервали перечень ихъ проступковъ: „а Боже бороны, крый насъ и заступы! Хто-жъ про те говорыть? Бодай мы зъ того мисця не зійшлы, колы то правда!“...

— Напрасно! кричалъ непреклонный Тенжулькевичъ. И не понюхаете больше дальнихъ урочищъ. Какъ вы пану, такъ и онъ вамъ! Забрали впередъ деньги еще въ прошломъ году и думать забыли!

Крестьяне переглянулись. Онъ помолчалъ немного и вдругъ спросилъ:

— Лучина когда будетъ?

— Буде, паночку—голубчыку! отвѣчали нестройнымъ хоромъ. Одробымо!...

— Когда же?

Никто не отвѣчалъ; всѣ соображали что то въ умѣ, уставивъ глаза въ землю и почесывая затылки.

— Ну, що жъ, панове громадо? вмѣшался Купріянъ Гончарь, какъ старшина. Прецинь васъ пытають?

Крестьяне перебирали въ умѣ всѣ лѣтніе сроки—ни одинъ не оказался удобнымъ. Всѣ оказались связаны кругомъ хозяйственныхъ работъ; притиснутые сборомъ податей, они принуждены были взять впередъ деньги за лучину, а теперь не знали, когда отработаютъ и совѣщались объ этомъ.

— Если ко дню Петра и Павла не доставите мнѣ тридцати „шурокъ“, возвысилъ голосъ лѣсничій, отдамъ „гала“ избинцамъ и рашевцамъ, хоть за третій стогъ!...

Глаза у крестьянъ потемнѣли при этихъ словахъ, потомъ заморщились лбы отъ усиленной работы мысли. Заколыхалась вся эта масса сермягъ и пеньковыхъ рубахъ, подпоясанныхъ красными „крайками“. И страхъ, и гнѣвъ овладѣли всѣми; знакомыя картины собиранія недоимокъ воскресли въ памяти и замутили медленное теченіе ихъ мысли и чувства; тревога выражалась на всѣхъ лицахъ, надломленные голоса пытались возражать:

— Ни, пане! До Петра не здужаемо...

— То тяжко, пане! смѣлѣе другихъ говорилъ Тетеря. Роботы не покынешъ. Скинчыться сіянка, надійде косовыця, тамъ жнива... Э, пане, трудно!... Въ Спасивку—тобы швыдче...

— Але, паночку! Илько правду каже, подхватилъ Климъ Тетеря. Въ Спасивку тобъ чоловикъ швыдче...

— Але, але! подтвердили другіе.

— Илько дуракъ! вотъ что я вамъ скажу! крикнулъ раздосадованный Тенжулькевичъ. Ты у меня людей не бунтуй. Умникъ ты! Самъ больше всѣхъ забралъ денегъ, а теперь подстрекаешь другихъ!... Ну, что жь? на чемъ порѣшили?

Крестьяне опять свѣсили головы и переговаривались въ полголоса.

— Нехай вже буде до Спаса, пане... Гм, гм!...

— Хорошо, голубчики мои! протянулъ лѣсничій, сдерживая гнѣвъ. Пусть будетъ до „Спаса!“ (Радость въ сердцахъ ихъ боролась съ недовѣріемъ). Но и сѣнокосы, и „паша“—тоже до „Спаса“... Эй, Лука, подавай лошадь!... Вотъ какъ западутъ бока у скотины, какъ не достанетъ сѣна на зиму, тогда одумаетесь. Сами придете, безъ зова и поклонитесь низенько.

Онъ уже садился въ бричку съ этими словами, когда старый пастухъ прогонялъ по селу громадское стадо. Всѣмъ показалось, что скотъ былъ худѣе обыкновеннаго; ляжки глубже за-

пали у коровъ, на бокахъ можно было сосчитать всѣ ребра. Пропадать имъ развѣ, что ли? Не всегда же удастся старому Костулѣ обмануть бдительность стражи и пробраться въ глубь лѣса. Не лучше ли поклониться Тенжулькевичу, пока еще не поздно? Но стадо, преслѣдуемое оводами, исчезало изъ вида при поворотѣ улицы, а Илько снова отвлекъ вниманіе всѣхъ своимъ замѣчаніемъ.

— Дакъ нема чого стояты, люде добри! Ходимъ до дому!...

— Ходимъ, братця! Нема чого стояты, повторяли другіе.

— Почекайте! крикнулъ Гончаръ, куды жъ вы? А зъ галомъ и пашою, то якъ же буде? га?..

— Але! правду каже! подтвердили всѣ, какъ будто вопросъ этотъ впервые сталъ передъ ними. Якъ же буде? кажить!...

— Не загынемо! выходилъ изъ себя Илько. Пидемо до посесора косыты гало, хочъ зъ половыны... А гроши, паночку, одробымо по жнывахъ!

— Эге, паночку! Такъ коло Спаса, якъ Богъ дасть...

— То нехай вже такъ буде. Даруйте, паночку, не гнивайтесь... говорилъ Климъ Тетеря.

Лѣсничій дѣйствительно сдерживалъ гнѣвъ, не желая ронять своего достоинства въ виду такого множества устремленныхъ на него глазъ; сильнымъ, рѣшительнымъ голосомъ отдавалъ онъ распоряженія своимъ подчиненнымъ:

— Прошу слѣдить внимательно, господинъ Варакса, чтобы нигдѣ, кромѣ Сокольего и Краснаго Рога, не пасли скота! И ты, Стёба, помни, смотри въ оба, не то прогоню на всѣ четыре стороны! Безъ билетовъ за ягодами, грибами и орѣхами и близко не подпускать къ лѣсу! Если бы которая пошла безъ билета—отбирать лукошки, даже юбки, и пока не отработаютъ штрафныхъ дней на майданѣ, не отдавать, какъ бы ни просили!..

Крестьяне слушали эти распоряженія съ чувствомъ человѣка, растянутаго на землѣ, на котораго черезъ минуту посыплются удары.

— Объявляю вамъ—обратился къ нимъ лѣсничій, что если не уберете своихъ ульевъ съ господскихъ деревьевъ ко дню св. Иліи, то я прикажу сбросить ихъ!

— Якъ же то, пане? И зъ бжоламы?

— Съ пчелами и съ медомъ!

Это былъ страшный, безжалостный ударъ, направленный противъ крестьянъ. Имъ казалось, что это не ульи, а сами они сидятъ на деревьяхъ и что ихъ, живыхъ людей, хотятъ сбросить оттуда. Столько лѣтъ стояли ульи на деревьяхъ! Развѣ одинъ медвѣдь сбрасывалъ ихъ иногда, какъ мячики, но и тогда глухой шумъ ихъ среди ночной тишины, сопровождаемый собачьимъ воемъ, поражалъ ихъ владѣльцевъ въ самое сердце, словно паденіе отца, брата или сына. Чтожь если сбросить ихъ оттуда святотатственная рука полѣсовщика! Представить только себѣ: какъ улей, сброшенный съ вершины достигающей до неба сосны, летитъ и вдругъ—бацъ! на землю съ глухимъ стономъ, словно отъ сотрясенія всѣхъ внутренностей. Хорошо еще, если упадетъ на мягкія подушки мху, иначе—одна *мезга* останется отъ сотовъ и пчелъ.

— Але жъ то розбій, пане! крикнулъ Илько.

— Если снимете сами, никто вамъ ихъ не тронетъ, успокаивалъ Тенжулькевичъ.

— Де жъ мы ихъ поставымо?

— Ставьте, гдѣ хотите! это ваше дѣло, а въ лѣсу и не думайте держать ихъ: сброшу,—развѣ, впрочемъ, продадите въ экономію.

— Алежъ я маю борть въ Дидовымъ Острови! кричалъ Климъ Тетеря.

— Въ тебе една, а въ мене ажъ чотыры, да й мовчу,—спокойно замѣтилъ Купріянъ Гончаръ. Зъ чужого возка, мовлявъ, и въ болоти зсидай!...

— Не бійсь! не зсядешъ... не утерпѣлъ Илько.

Старшина смѣрилъ его гнѣвнымъ взглядомъ.

— Всѣ, всѣ безъ исключенія! кричалъ лѣсничій.

— Дарма! побачымо, хто знайде ласку, развивали въ толпѣ мысль Тетери. Хто въ паньску дудку...

— Годи, братця! уговаривалъ ропгавшихъ одинъ изъ почтенныхъ хозяевъ. Що жъ мы, паночку, зробымо зъ улыкамы?

— Не надумается, бидный! смѣялись другіе. Попереносымо на свій грунтъ, и сосны хай ростуть сами, та роспускаютъ гилля по надъ щырымъ пискомъ...

— Ульи продадите или снесете, какъ угодно—отвѣчалъ лѣсничій съ достоинствомъ. Ну, трогай, Лука! До свиданья, громада... Такъ поторопитесь съ этимъ до Ильи!

— А, щобъ тебе побыла лыха годына! раздавалось ему вслѣдъ. Матери твоій!...

К. М.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

НАУЧНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ЗАПАДНО-РУССКОЙ ИСТОРІИ.[1]

Мм. Гг. Представьте себѣ, что передъ вами находится такое странное зданіе... Часть его возведена высоко, чуть не подъ самую крышу, другая едва виднѣется надъ землей, далѣе только роютъ еще фундаментъ. Въ первой, еще недостроенной, части идетъ дѣятельная работа—масса работниковъ съ лихорадочной поспѣшностью не только гонитъ зданіе вверхъ, но въ тоже время старательно обдѣлываетъ его лѣпными работами и всякими украшеніями. Во второй части лѣниво двигается нѣсколько запоздалыхъ работниковъ, еще дальше—сидятъ, сложа руки, или спятъ отдѣльные рабочіе. Ни общаго плана, ни общаго надзора нигдѣ не видно. Всякій хорошій архитекторъ съ улыбкой и состраданіемъ посмотритъ на такую постройку—элементарное условіе прочности всякаго зданія—равномѣрность постройки, иначе ей предстоитъ печальная участь: она дастъ трещины и грозитъ обваломъ.

Наука о нашей національной исторіи, напоминаетъ мнѣ Мм. Гг. подобную постройку. Есть въ этой наукѣ излюбленные отдѣлы, надъ которыми давно работаетъ масса тружениковъ, работаетъ съ увлеченіемъ, отдѣлывая тщательно самыя мелкія ихъ детали, изучая т. ск. не только анатомію, но и гистологическое строеніе самыхъ мелкихъ вопросовъ. А тутъ же рядомъ находятся цѣлыя области, цѣлые періоды, рядъ крупныхъ и важныхъ вопросовъ, представляющихъ настоящую terra incognita. Съ подобнымъ явленіемъ можно было бы отчасти примириться, еслибы дѣло ограничива-

[1]) Вступительная лекція въ московскомъ университетѣ 21 сентября 1888 г.

лось только этимъ детальнымъ изученіемъ, еслибы изъ изучаемаго матеріала дѣлались только тѣ частные выводы, на которые онъ даетъ право: чѣмъ глубже и детальнѣе изучается предметъ, тѣмъ болѣе выигрываетъ наука. Къ сожалѣнію, этимъ дѣло не ограничивается. Едва ли гдѣ есть другая интеллигенція, болѣе нашей склонная къ общимъ выводамъ, общимъ сентенціямъ. Болѣе чѣмъ кто либо мы склонны частные случаи возводить въ систему, изъ частныхъ фактовъ дѣлать общіе выводы. Разница между научнымъ и публицистическимъ выводомъ состоитъ въ томъ, что первый есть только математическій выводъ изъ данныхъ, вполнѣ критически провѣренныхъ фактовъ, второй сопоставляетъ рядъ фактовъ одной категоріи съ рядомъ положеній совсѣмъ инаго разряда, не пытаясь критически провѣрить тѣхъ и другихъ, а главное законности подобнаго рода сопоставленія. А между тѣмъ къ подобнаго рода сопоставленіямъ и выводамъ мы склонны болѣе, чѣмъ кто либо. Оттого то наши общіе выводы такъ часто отличаются голословностью, бездоказательностью, оттого они такъ шатки. Оттого у насъ такъ часто встрѣчаемъ догматизмъ, рутину, а не здоровый научный критицизмъ.

Едва ли гдѣ сильнѣе отразился этотъ недостатокъ, чѣмъ въ нашей наукѣ. Едва ли гдѣ мы найдемъ больше пробѣловъ, большее количество нетронутыхъ вопросовъ, болѣе одностороннюю обработку, и въ тоже время большее обиліе общихъ выводовъ и догматическихъ положеній. Не успѣла наша наука подняться, т. ск., надъ землей, какъ является уже и ея философія, общая характеристика русскаго національнаго духа, русскихъ національныхъ учрежденій, сдѣланная на основаніи ничтожнаго количества частныхъ и мѣстныхъ фактовъ.

И въ тоже время эти скороспѣлые выводы выдаются за нѣчто непреложное, за уроки исторіи, на основаніи ихъ стараются пересоздать нашъ внутренній строй, ими хотятъ руководить нашей внутренней и внѣшней политикой.

Нельзя не обратить еще вниманія въ этомъ вопросѣ на какую то мѣстную гордость, сказывающуюся въ опредѣленіи того, что и кто на самомъ дѣлѣ *русскій*. Въ извѣстныхъ случаяхъ мы съ гордостью повторяемъ, что Русь вездѣ „отъ хла-

дныхъ финскихъ скалъ, до пламенной Колхиды", отъ Бѣлаго моря и до отдаленныхъ уголковъ Карпатскихъ горъ. Но лишь только дѣло зайдетъ объ опредѣленіи основныхъ чертъ русскаго характера, національно-русскихъ учрежденій, мы тотчасъ начинаемъ бросать за бортъ однихъ русскихъ за другими, вычеркиваемъ одинъ періодъ за другимъ изъ нашей исторіи и въ концѣ концевъ безконечно съуживаемъ Русь и территоріально и исторически и принимаемся смотрѣть на вопросъ съ исключительной точки зрѣнія извѣстной мѣстности и извѣстнаго времени, черты временныя возводимъ къ общимъ началамъ русскаго духа, учрежденія, вызванныя исторической необходимостью, считаемъ характерными національными отличіями и настойчиво требуемъ возврата къ прошлому.

Странное недоразумѣніе! Одно изъ двухъ: или, опредѣляя національный типъ, мы должны брать его, какъ онъ теперь существуетъ, со всѣми историческими наслоеніями, или же, если мы убѣждены, что основы національнаго характера слишкомъ пострадали отъ разныхъ посторонныхъ вліяній, искать въ прошломъ того времени, когда враждебныхъ сохраненію національнаго типа условій или не было вовсе, или они существовали только въ незначительной степени. А въ такомъ случаѣ не въ среднемъ же періодѣ русской исторіи можно найти чистый національный типъ. Кто, знакомый съ фактами, станетъ отрицать громадное вліяніе 250 лѣтняго ига азіатской орды надъ сѣверо-восточною Русью? Можно развѣ сказать, что оно прошло безслѣдно въ исторіи развитія національнаго типа ея населенія, не принесло новыхъ учрежденій, значительно отличныхъ отъ прежнихъ?

Оставимъ пока въ сторонѣ практическое значеніе подобныхъ справокъ, не будетъ касаться того вопроса, имѣли ли мы и въ какой мѣрѣ и когда право требовать возврата къ прошлому, ограничимся только теоретической стороной вопроса. Изучая основныя черты русскаго національнаго типа, мы должны начать изученіе съ древняго періода нашей исторіи, когда вліяніе условій, могущихъ видоизмѣнить цѣльность національнаго типа, было еще очень незначительно. Продолжая наше изученіе, мы не можемъ ограничиваться одною какой нибудь мѣстностью, одною

вѣтвью нашего народа, мы должны изучать его весь, несмотря на временное политическое разъединеніе его частей.

На зарѣ нашей исторической жизни мы застаемъ уже нашъ народъ раздѣленнымъ на отдѣльныя племенныя группы, живущія самостоятельной жизнью. На общей основѣ, данной имъ происхожденіемъ отъ одного общаго корня, каждая вырабатываетъ собственныя оригинальныя черты въ языкѣ, бытѣ, общественномъ устройствѣ, религіи. Не обходится безъ племенныхъ счетовъ, племенной вражды. Въ IX в. у насъ повторяется явленіе, общее въ то время всѣмъ славянскимъ племенамъ. Одна изъ племенныхъ группъ выдвигается и тѣмъ или другимъ образомъ подчиняетъ себѣ остальныя. Объединеніе это на первый разъ чисто внѣшнее, политическое. Подчиненнымъ группамъ назначаются только дани и уроки, внутреннія распорядки ихъ продолжаютъ развиваться прежнимъ самостоятельнымъ путемъ. Это хотя и внѣшнее единство продолжалось сравнительно недолго—не болѣе полутора столѣтія. Въ XI ст. мы опять находимъ Русь разбитой на отдѣльныя части. Но составъ этихъ частей уже нѣсколько иной: это уже группы не племенныя, а государственныя: здѣсь нѣсколько племенныхъ группъ соединилось въ одномъ княженіи, тамъ на почвѣ одного племени выросло нѣсколько княжествъ. Эти отдѣльныя государства начинаютъ снова жить самостоятельной жизнью. Прежніе племенные счеты смѣняются счетами государственными. Связь между отдѣльными государствами болѣе платоническая, чѣмъ реальная. И все же нельзя не замѣтить, что эти отдѣльныя группы теперь несравненно ближе другъ къ другу, чѣмъ прежде. Не забудемъ, что на зарѣ этого новаго порядка вещей возникаетъ великое явленіе, память котораго мы праздновали на дняхъ. Мѣстныя религіозныя вѣрованія, своеобразныя у каждаго племени, уступаютъ мѣсто одному общему вѣрованію. Вліяніе его на первыхъ порахъ мало проникаетъ вглубь самой народной массы, но за то уже тогда оно начинаетъ играть важную роль въ смыслѣ политически-объединительномъ. Рядъ другихъ факторовъ—общій княжескій родъ, общій литературный языкъ, постоянное передвиженіе населенія то съ военными, то съ торговыми цѣлями

устанавливаютъ извѣстную связь между отдѣльными группами княжествъ. Въ теченіи этого новаго періода происходитъ не разъ новая группировка частей—то тамъ, то здѣсь, отдѣльныя княженія соединяются политически въ одно цѣлое, сами княженія дробятся, и отдѣльныя ихъ части примыкаютъ то къ той, то къ другой группѣ. Къ концу этого періода мы замѣчаемъ уже среди отдѣльныхъ частей Руси несомнѣнную тенденцію къ объединенію. Эта центростремительная сила направляется въ началѣ къ двумъ противоположнымъ центрамъ—одному на сѣверо-востокѣ, другому на юго-западѣ. Замѣчательно, что оба эти центра устанавливаются на окраинахъ русской земли и русскаго населенія. Но вотъ въ XIII ст. Русь постигаетъ страшное бѣдствіе, гнетущая власть котораго продолжается два съ половиной столѣтія. Однако этотъ страшный ударъ, во многомъ задержавшій наше самостоятельное развитіе, не только не останавливаетъ намѣченное раньше стремленіе къ объединенію, наоборотъ служитъ ему могущественнымъ толчкомъ. Объединительные центры устанавливаются окончательно—на сѣв.-вост. Москва, на юго-западѣ Галичь. Каждый изъ центровъ считаетъ себя въ равной мѣрѣ законнымъ наслѣдникомъ кіевскихъ традицій и смѣняетъ старое племенное и болѣе новое мѣстное названіе однимъ и тѣмъ же—*Русь*—съ начала XIV ст. галицко-владимірскіе князья уже именуютъ себя князьями всей Малой Руси.

Однако историческая судьба идеи объединенія совсѣмъ иная въ Руси сѣв.-восточной нежели въ Руси юго-западной. Первая находится въ болѣе тяжелыхъ условіяхъ: врагъ стоитъ у самыхъ ея воротъ, помощи ждать не откуда, во всемъ необходимо дѣйствовать собственными силами. И вотъ эти силы собираются и накопляются. Идея объединенія получаетъ силу необходимости, ей приносится въ жертву, ей служитъ все—земля и люди. Не обходится безъ увлеченія, односторонности; все, такъ или иначе мѣшающее идеѣ объединенія, ломается сурово и безпощадно, и ломка эта идетъ и дальше и глубже, чѣмъ это, быть можетъ, было необходимо. Такъ бываетъ впрочемъ всегда: увлеченный извѣстной идеей человѣкъ смотритъ на все съ одной точки зрѣнія, не признавая за другими воззрѣніями права на существованіе.

Какъ бы то ни было, но вѣковыя усилія увѣнчались на сѣверо-востокѣ полнымъ успѣхомъ: врагъ былъ сломленъ, идея объединенія восторжествовала.

Иная судьба постигла эту идею на юго-западѣ. Врагъ былъ отъ нея гораздо дальше, гнетъ его чувствовался несравненно слабѣе. Къ тому же географическія условія южнаго центра, окруженнаго съ двухъ сторонъ сильными иностранными сосѣдями, нѣкоторая безпечность южно-русскаго характера, живущаго день за днемъ безъ особенной заботы о будущемъ, давали ему надежду на помощь извнѣ. Несмотря на опыты прошлаго, легко забывалось, что въ политикѣ чужая помощь никогда не бываетъ безкорыстною.

По всѣмъ этимъ причинамъ страшный урокъ XIII в. проходитъ для южнаго центра какъ то безслѣдно; внутренніе распорядки продолжаютъ развиваться по прежнимъ, противнымъ идеѣ объединенія началамъ. Въ то же время на сѣв.-зап. внезапно возникаетъ новое государство, подобно снѣжному кому, ростущее съ невѣроятной быстротой. Подъ ударами нѣмецкаго ордена пробуждается Литва, хватается за мечъ и съ отчаянья сыплетъ удары на право и на лѣво, одерживая невѣроятно легко вездѣ побѣды. Слишкомъ поздно спохватился южно-русскій центръ, остановить роста этаго новаго могущества онъ уже не могъ. Сверхъ всякаго ожиданія Литва оказывается прекраснымъ политикомъ, вызываетъ такія симпатіи, что западно-русскія княжества, давно искавшія точки опоры, чуть не добровольно отворяютъ ей свои ворота.

Роль галицко-русскаго центра была сыграна; внутренняя дезорганизація достигла въ немъ такой степени, что достаточно было чисто внѣшняго повода—прекращенія мѣстной династіи, и это такъ много обѣщавшее государство почти безъ борьбы пало въ чужія руки.

Несравненно лучше пошло дѣло въ остальныхъ русскихъ областяхъ, примкнувшихъ къ литовскому центру. Новый объединительный центръ строитъ свою государственную систему на той идеѣ, которую впослѣдствіи перенимаетъ, впрочемъ только по имени, у него Польша,—на уніи. Никакихъ новыхъ порядковъ, ника-

кихъ *новинъ* не вноситъ Литва въ присоединенныя русскія области, ничего она не ломаетъ, все оставляетъ по старому. Въ этомъ лежитъ причина ея быстраго успѣха, но въ этомъ же зародышъ государственной слабости. Несовмѣстимость старыхъ порядковъ съ новымъ положеніемъ вещей прекрасно понималъ такой умный политикъ, какъ Витовтъ, но его реформы явились слишкомъ поздно, дѣло зашло уже слишкомъ далеко.

Обезпокоенная быстрымъ ростомъ могущества литовско-русскаго государства, Польша предлагаетъ ему тотъ же компромиссъ, благодаря которому Литва такъ легко изъ ничтожнаго зерна выросла въ могучее дерево—т. е. личную унію. Замѣтимъ при этомъ, что польская историческая наука выработала цѣлую философію уніи. По ея утвержденію, изъ всѣхъ славянскихъ государствъ одна Польша нашла мирный безкровный способъ рѣшать національные счеты—путемъ уній религіозныхъ и свѣтскихъ, политическихъ и народныхъ. Забывается при этомъ, что уніи никогда не были свободными договорами безъ задней мысли, и что послѣдствія ихъ всегда оканчивались тѣмъ же кровавымъ результатомъ, что и всякіе иные способы рѣшенія національныхъ счетовъ.

Впродолженіи двухъ почти столѣтій со времени соединенія съ Польшей жизнь внутреннихъ западно-русскихъ областей продолжаетъ развиваться по старымъ русскимъ началамъ. Въ то же время, однако, со стороны Польши идетъ глухая подземная работа, конечная цѣль которой—претвореніе русскаго тѣла въ польское. Однако, въ пріемахъ этой работы мы можемъ въ настоящее время констатировать полное незнаніе и непониманіе основныхъ началъ русской жизни. Построенное на сословномъ принципѣ, привыкшее признавать человѣческія права только за однимъ привилегированнымъ сословіемъ, съумѣвшимъ поработить и обезличить всю остальную народную массу, польское государство судитъ и о Руси съ той же сословной точки зрѣнія. Ассимилируя себѣ principes et majores natu русскаго народа, Польша считала свою подготовительную работу вполнѣ покончeнной и провозгласила новую эру—полнаго сліянія обоихъ государствъ. Извѣстно, какъ она жестоко ошиблась. Народная масса воз-

стаетъ на защиту своей національности и, ослабѣвъ въ тяжелой борьбѣ, примыкаетъ къ достаточно уже окрѣпшему сѣверо-восточному русскому центру. И эта народная масса вступаетъ въ московское государство *вполнѣ русской*, сохранивъ свои старыя русскія начала, свой родной языкъ, свою родную вѣру.

Проходитъ еще столѣтіе, и обезсиленная Польша не только отдаетъ намъ остальныя русскія области, но и сама входитъ въ составъ нашего государственнаго организма.

Однако, при этомъ не обошлось безъ страннаго недоразумѣнія, и въ немъ опять должна нести повинную наша національная наука. Мы необыкновенно легко повѣрили на слово, что въ возсоединенныхъ частяхъ нашего стараго организма не осталось ни капли русской крови, ни куска русскаго тѣла, что все это успѣло давно претвориться въ кровь и плоть польскую. Только извѣстныя историческія обстоятельства заставили насъ внимательнѣе приглядѣться къ народному облику зап. Руси, и мы опять съ изумленіемъ увидѣли здѣсь русское начало въ замѣчательной чистотѣ.

Любопытнѣе всего въ этомъ отношеніи судьба единственной еще не возсоединенной части русскаго организма—Руси Галицкой.

Въ эпоху раздѣла Польши наши свѣдѣнія въ національной исторіи были еще такъ слабы, что мы совершенно не подозрѣвали въ этой области присутствія русскаго начала. Стоило только Австріи выдвинуть свои миѳическія права на эту область, основанныя на томъ полукомическомъ фактѣ, что въ XIII ст. венгерскій королевичъ посидѣлъ на галицко-владимірскомъ княжескомъ столѣ и, изгнанный оттуда, принялъ въ утѣшеніе титулъ rex Galiciae et Lodomeriae, какъ мы безъ всякаго колебанія отдали ей наше законное достояніе, а взамѣнъ того получили даръ Данайцевъ.

Между тѣмъ, если гдѣ, то именно въ этой части юго-зап. Руси изумительнѣе всего сказалась живучесть русскаго начала Эта часть русскаго тѣла раньше всѣхъ другихъ перешла подъ чужую власть. Нельзя при этомъ не вспомнить и ея прежнюю судьбу—до перехода въ чужія руки. Изъ всѣхъ областей

древней Руси это была б. м. часть наиболѣе культурная и во всякомъ случаѣ, благодаря своему географическому положенію, часть наиболѣе подверженная иноземнымъ вліяніямъ. На ряду съ вліяніями Византіи, имѣвшей съ этой страной тѣсныя торговыя и политическія сношенія—(одинъ изъ галицкихъ князей, знаменитый Романъ Мстиславичъ спасалъ даже Византію неоднократно отъ вторженія варваровъ), здѣсь тѣснымъ узломъ переплетаются разнородныя вліянія Польши, Венгріи, даже Германіи. Князья и магнаты греческіе, польскіе и венгерскіе ищутъ здѣсь убѣжища и помощи послѣ своихъ политическихъ неудачъ на родинѣ; измученное насиліями въ родной странѣ населеніе Польши, Венгріи, Трансильваніи, Валахіи и Молдавіи массами притекаетъ подъ защиту русскаго начала. Высшіе классы галицко-русскаго общества съ успѣхомъ примѣняютъ на родинѣ политическія тенденціи польскихъ и венгерскихъ магнатовъ, усвояютъ себѣ ихъ нравы и далеко не чужды европейской культуры. Составителю древнѣйшей мѣстной лѣтописи, повидимому, былъ не чуждъ литературный языкъ запада—языкъ латинскій. Городское населеніе имѣло здѣсь уже и тогда весьма разнообразный составъ—евреи, армяне, нѣмцы, чехи, поляки не только вели здѣсь оживленную транзитную торговлю, но и нерѣдко поселялись въ галицко-русскихъ городахъ на постоянное жительство.

Въ самомъ началѣ XIV в. нѣкоторые галицко-русскіе города получаютъ уже нѣмецкое устройство, извѣстное подъ именемъ магдебургскаго права.

И вотъ при такихъ условіяхъ Галицкая Русь въ $^1/_2$ XIV ст. помощью цѣлаго ряда внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ, о которыхъ мы теперь не станемъ распространяться, теряетъ свою самостоятельность и подпадаетъ подъ чужую власть. Послѣ непродолжительнаго спора за ея обладаніе между Польшей, Венгріей и Литвой она къ исходу XIV в. окончательно закрѣпляется за Польшей. Трудно, кажется, и представить себѣ лучшихъ условій для окончательнаго воспріятія чужихъ порядковъ, чужой культуры: подготовка къ ассимиляціи, повидимому, болѣе чѣмъ благопріятная. И польское правительство не церемонится съ этой страной, считая ее добытой мечемъ, а потому полной своей соб-

ственностью. Этотъ взглядъ совершенно опредѣленно былъ высказанъ на одномъ изъ польскихъ сеймовъ, когда зашла рѣчь о подтвержденіи древнихъ грамотъ на земли, выданныхъ старыми русскими князьями: всѣ старыя права не имѣютъ никакого значенія и должны быть кассированы, такъ какъ Червоная Русь представляетъ собой военную добычу. Въ этомъ опредѣленіи узнаемъ откликъ древне-галльскаго жестокаго слова—vae victis.

И дѣйствительно, не проходитъ и полувѣка, какъ Польша сочла эту ассимиляцію фактомъ совершившимся. Русское право объявляется здѣсь окончательно уничтоженнымъ, и во всѣхъ сферахъ управленія вводится право польское.

Мало того: по многимъ причинамъ Червоная Русь была настоящей обѣтованной землей для Польши. Дѣло въ томъ, что пресловутая равноправность польской шляхты существовала только въ воображеніи. Уже давно эта самая шляхта раздвоилась на весьма незначительное количество безмѣрно богатыхъ магнатовъ и огромную массу почти безземельной шляхты; значительная часть послѣдней т. наз. загродовая шляхта не владѣла и $^1/_4$ обычнаго тогда крестьянскаго надѣла, а весьма значительное число ея, носившее характерное названіе *голоты,* вовсе было лишено земли и скиталось по дворамъ магнатовъ, исполняя у нихъ самыя ничтожныя должности. Вотъ эта то голодная масса, подобно саранчѣ, цѣлой тучей направляется въ Черв. Русь и всѣми правдами и неправдами овладѣваетъ ея богатыми, текущими медомъ и молокомъ, по ихъ собственнымъ восторженнымъ отзывамъ, землями. Со введеніемъ польскаго права все мѣстное населеніе окончательно подчиняется шляхтѣ, вводится доминіальный судъ и нѣмецкое право, въ этомъ отношеніи мало чѣмъ отличное отъ польскаго.

Казалось, русское начало здѣсь окончательно подавлено, въ конецъ убито, русская плоть и кровь претворилась въ плоть и кровь польскую.

Но приглядимся внимательнѣе къ источникамъ. Счастливый случай сохранилъ намъ безконечно важный разрядъ источниковъ, тѣмъ болѣе важный, что въ немъ нѣтъ мѣста для тенденціозныхъ умолчаній, для сокрытія всего, говорящаго не въ пользу

извѣстныхъ теорій, извѣстныхъ желаній; я говорю о судебныхъ протоколахъ, сохранившихся здѣсь съ конца XIV и начала XV в. Изучая этотъ драгоцѣнный матеріалъ, отсутствіемъ котораго такъ страдаютъ другія части нашей исторіи, нельзя не замѣтить, какъ русская жизнь, русское право, русское начало бьетъ ключемъ подъ этой чуждой оболочкой. Полуграмотные протоколисты въ своей варварской латыни постоянно сбиваются на мѣстный говоръ и постоянно вводятъ цѣлыя тирады (особенно тамъ, гдѣ передается интерпелляція сторонъ) по русски.—Ясное доказательство, что и само судопроизводство происходило на томъ же мѣстномъ нарѣчіи, хотя съ 1435 г. оффиціальнымъ языкомъ и сталъ здѣсь языкъ латинскій, и прекратилась выдача актовъ русскихъ. Сами судьи оказываются вполнѣ невинными въ дѣлѣ юридическаго образованія, постоянно отговариваются незнакомствомъ съ правомъ польскимъ и предпочитаютъ вершить дѣла по мѣстнымъ обычаямъ, по указанію самихъ сторонъ.

Но этого мало. Въ этихъ документальныхъ источникахъ историкъ русскаго права и русской жизни найдетъ себѣ обильную жатву и навѣрное разъясненіе не одного темнаго вопроса внутренней исторіи древне-русской жизни. Мы найдемъ здѣсь еще во всей своей силѣ древне-русскую сельскую общину—сотню съ десятниками, тіунами, атаманами во главѣ, общинный судъ, какъ извѣстно удержавшійся весьма долго въ юго-зап. Руси. По всему карпатскому подгорью мы найдемъ здѣсь славянскую общину съ ея характернымъ устройствомъ и періодическими сходами, удержавшими старинное названіе *вѣча*. Для исторіи и характеристики общественныхъ классовъ древне-русскаго общества это опять таки безцѣнный матерьялъ—передъ нами проходятъ здѣсь разнообразные классы русскаго общества, начиная отъ рабовъ, продаваемыхъ какъ скотъ на торгу, кабальныхъ холоповъ, разнаго вида крестьянъ до остатковъ древне-русскаго высшаго класса—бояръ. И вездѣ узнаемъ родные лики, нравы, а часто и рѣчь. Но описываемая эпоха XV и нач. XVI в. еще время сравнительное благопріятное для сохраненія русскаго начала. Польской шляхтѣ не было никакого интереса вмѣшиваться въ сокровенные уголки русской жизни; она получала съ населенія

то, что ей было нужно, чиншы и работы, стараясь, правда, получить какъ можно больше, до остальнаго ей было мало дѣла. Это было лучшее время Польши, золотой вѣкъ ея литературы, эпоха терпимости религіозной. Польская шляхта того времени весьма туго слушала проповѣди своего духовенства, настаивавшаго на обращеніи схизматиковъ. Она плохо вѣрила въ бескорыстіе своего духовенства, она сама тяготилась его опекой, была недовольна значительными налогами въ пользу церкви, отнимавшими немалую часть ея доходовъ, и весьма благосклонно стала относиться къ реформаторскому движенію зап. Европы. Къ сожалѣнію, этотъ періодъ вѣротерпимости продолжался недолго и смѣнился эпохой самой непривлекательной реакціи.

Нужно, впрочемъ, отдать честь польскому духовенству: оно было дальновиднѣе шляхты; оно прекрасно поняло, что полному сліянію двухъ національностей, претворенію русской плоти въ польскую болѣе всего другаго препятствуетъ разница въ вѣрѣ, старыя религіозныя традиціи, мѣстный языкъ въ богослуженіи. Важность этого открытія скоро поняло и правительство и явилось дѣятельнымъ пособникомъ духовенству. И однако всѣ усилія союзниковъ разбились о неимовѣрную стойкость русскаго народа. Быть можетъ, причиною неуспѣха была отчасти и самая безсистемность въ пріемахъ: начинали съ увѣщаній и обѣщаній, но первыя встрѣчали моральный отпоръ, вторыя не исполнялись, являлось раздраженіе, сыпались удары и встрѣчали сильную реакцію. Заправилы этой политики хорошо понимали, что достигнутый ими успѣхъ—проведеніе уніи слишкомъ ничтоженъ. Мало знакомый съ догматическими тонкостями, народъ продолжалъ и продолжаетъ до сихъ поръ считать свою вѣру греческой или русской, тѣмъ болѣе, что продолжалъ видѣть въ сущности прежнее богослуженіе на родномъ языкѣ, а во многихъ мѣстахъ духовенству русскому удалось отстоять и до сихъ поръ сравнительную чистоту обряда. Однако, въ результатѣ всѣхъ этихъ перипетій русское населеніе Галиціи, измученное непосильной борьбой, какъ то замерло, ушло въ себя.

При томъ сливки русскаго общества, единственный его гласный классъ, имѣвшій возможность громко заявлять о своей на-

ціональности, оставилъ свое знамя послѣ недолгой борьбы, продалъ свою національность и вѣру за нѣсколько жалкихъ серебренниковъ. Такъ продолжалось дѣло до-паденія польскаго государства. Мы уже говорили, что уступая Галицію Австріи, мы совсѣмъ забыли, или не знали о существованіи въ ней русскаго населенія. Не знала этого и Австрія, предполагая въ обѣихъ частяхъ нынѣшней Галиціи одно сплошное польское населеніе.

И вотъ, лишь только въ незабвенную для галицкой Руси эпоху просвѣтительной дѣятельности благороднаго Іосифа II въ ней повѣяло болѣе свободнымъ духомъ, русское начало снова оживаетъ и громко заявляетъ свои національныя права. Тщетно стараются подавить это движеніе, представить его мятежемъ, искусственнымъ явленіемъ, вызваннымъ чужимъ вліяніемъ—остановить ростъ этого національнаго самосознанія было уже невозможно. И характерно то, что всѣ почти безъ исключенія дѣятели галицко-русскаго возрожденія, Маркіанъ Шашкевичъ, Устиновичъ, Яковъ Головацкій, Яхимовичъ—люди, вышедшіе изъ народа, изъ среды русскаго духовенства, которое въ югозап. Руси сливалось съ народомъ такъ тѣсно, что вмѣстѣ съ нимъ принадлежало къ крѣпостному состоянію, отбывало работы и панщину и вмѣстѣ съ крестьянами, какъ скотъ, перепродавалось изъ рукъ въ руки.

И несмотря на тѣ безконечно тяжелыя условія, въ которыхъ и по нынѣ находится русское населеніе Галиціи, гдѣ оно принуждено отстаивать шагъ за шагомъ каждый клочекъ своего національнаго тѣла, каждый звукъ своего роднаго языка, посмотрите, какихъ результатовъ оно въ настоящее время достигло: оно имѣетъ свою литературу на родномъ языкѣ, которая съ каждымъ годомъ улучшается и очищается отъ вѣковыхъ чуждыхъ вліяній—и что всего замѣчательнѣе, матеріалъ для этого очищенія даетъ языкъ народный, чудеснымъ образомъ уцѣлѣвшій доселѣ въ изумительной чистотѣ. Оно имѣетъ свои семинаріи и школы съ преподаваніемъ на родномъ нарѣчіи, въ самой религіи оно изгоняетъ черты чужой обрядности, отстаивая въ то же время съ поразительной настойчивостью старые русскіе обычаи. Все болѣе и болѣе усиливаются культурныя сношенія и съ нашей Русью, и это сближеніе, эти симпатіи годъ отъ году сильнѣе.

Попробуйте переѣхать изъ южной Руси за рубежъ въ Русь галицкую, минуйте города, гдѣ смѣшанное поселеніе затемняетъ свѣтлый ликъ народа, зайдите въ сельскую хату и вглядитесь въ народный обликъ—и что же вы увидите? Тѣ же родныя южнорусскія черты, тотъ же чистый и свѣтлый народный говоръ, тѣ же знакомыя пѣсни, тѣ же родныя преданія.

Не напоминаетъ ли Вамъ, Мм. Гг., эта поразительная живучесть русскаго начала ту живую силу хлѣбныхъ зеренъ, которыя дали ростки послѣ тысячелѣтняго пребыванія въ темныхъ египетскихъ катакомбахъ?

Итакъ, Мм. Гг., изученіе западно-русской исторіи не только глубоко поучительно, но и безусловно необходимо для правильной оріентировки въ нашемъ національномъ самопознаніи, для всесторонняго и точнаго пониманія нашего національнаго типа. Оно показываетъ намъ поразительную живучесть русскаго начала, тѣмъ болѣе поразительную, что это начало сумѣло соблюсти свою чистоту среди самыхъ тяжелыхъ условій, сумѣло отстоять себя въ борьбѣ не съ грубой языческой ордой, а съ началомъ культурнымъ, исполненнымъ всѣми тонкостями коварства, испытавшимъ въ этой борьбѣ всѣ средства, начиная отъ самаго грубаго насилія и до самыхъ неуловимыхъ моральныхъ вліяній. Какимъ же чудомъ съумѣла въ этой борьбѣ зап. Русь вынести свое родное достояніе во всей его чистотѣ и неприкосновенности? Какіе факторы содѣйствовали ей въ этой безпримѣрной борьбѣ? Мы не можемъ входить здѣсь въ подробности, скажемъ только, что побѣдѣ этой способствовала и самая стойкость русскаго начала, стойкость, доходящая порою до консерватизма, и рядъ причинъ моральныхъ и экономическихъ. Нельзя не указать на безконечно важную роль, которую сыграла въ этой борьбѣ русская церковь, отстоявшая родной языкъ въ богослуженіи и тѣмъ положившая непроходимую грань для чуждаго вліянія. Содѣйствовало ей и частое колебаніе во внутренней политикѣ польскаго государства, и порою сознательная и безсознательная поддержка той самой шляхты польской, въ интересахъ которой было подавленіе этого начала,—но подробнымъ изученіемъ этихъ причинъ мы займемся въ свое время.

Итакъ, Мм. Гг, только параллельнымъ изученіемъ сѣверной и западной русской исторіи мы можемъ всесторонне изслѣдовать сущность нашего національнаго начала, можемъ узнать, какъ оно реагировало на самыя разнообразныя вліянія. Развитіе многихъ сторонъ русской жизни пошло здѣсь по иному направленію, чѣмъ въ исторіи сѣв. Руси, но почему же мы должны изучать это развитіе преимущественно по одному направленію, а не по всѣмъ? Каждое начало состоитъ изъ массы составныхъ элементовъ—при однихъ условіяхъ развиваются одни элементы, при другихъ—иные. Но задачей истинно-научнаго отношенія должно быть изученіе предмета при всевозможныхъ вліяніяхъ. Притомъ въ исторической наукѣ сравнительное изученіе есть единственное возмѣщеніе недоступнаго ей опыта.

Параллельное изученіе много поможетъ и пониманію разныхъ темныхъ и запутанныхъ вопросовъ во внутренней исторіи сѣв.-вост. Руси. Историческое изслѣдованіе находится въ печальной зависимости отъ состоянія сохранившагося матеріала, а мы знаемъ, какъ бѣденъ и отрывоченъ этотъ матеріалъ для многихъ періодовъ нашей исторіи. Скудостью и отрывочностью матеріала обясняются часто діаметрально противоположныя воззрѣнія на многія стороны древне-русской жизни—вспомните, напр., знаменитый споръ пятидесятыхъ годовъ относительно происхожденія и роли сельской общины у насъ. Только сравнительное изученіе поможетъ намъ въ разрѣшеніи тѣхъ вопросовъ, для которыхъ недостаточно одного собственнаго матеріала.

Но и здѣсь, прежде чѣмъ идти въ далекія страны и тамъ искать правды, поищемъ этой правды у себя, въ забытыхъ частяхъ нашего собственнаго тѣла.

Даже въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ зарубежной Руси народъ именуетъ себя русскимъ, свою вѣру русской. И стоитъ только проѣхать по этой многострадальной странѣ, дабы убѣдиться, что это не самозванство, а открытое, несмотря на всѣ препятствія и насилія, заявленіе своей истинной національности. А если такъ, Мм. Гг., то и исторія западной и юго-зап. Руси не чуждая намъ исторія, и не *мѣстная*, а исторія *общерусская*, и ей довлѣютъ тѣ же права, что и исторіи сѣверной русской. Не

станемъ же отдѣлять одной отъ другой и не будемъ вносить въ историческое изученіе нашего прошлаго той розни, отъ которой издревле страждетъ великое славянское племя.

Въ заключеніе позволю себѣ сказать нѣсколько словъ моимъ будущимъ слушателямъ.

Г-да! У насъ одно время очень много говорили о вліяніи среды на человѣка. Составилась даже характерная фраза, что человѣка заѣдаетъ среда, засасываетъ его, подобно гнилому болоту. Но если бываетъ среда гнетущая, убивающая лучшія стороны человѣческой природы, то есть среда бодрящая и животворящая, воспитывающая и облагораживающая всѣ добрыя стороны человѣка. И въ числѣ такихъ средъ одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ средѣ университетской. Каковы бы ни были природные задатки человѣка, какимъ бы дурнымъ членомъ общества онъ себя ни зарекомендовалъ впослѣдствіи, но въ счастливые годы студенчества онъ всегда чувствуетъ себя лучше и чище. И это не только потому, что время студенчества есть время молодыхъ надеждъ и упованій, но и потому, что надъ юношей довлѣютъ благородныя университетскія традиціи, своей моральной силой сдерживающіе и ограничивающіе его дурные инстинкты.

Но, г-да, ту же силу университетскихъ традицій, то же моральное вліяніе ихъ испытываетъ и преподаватель. Подъ вліяніемъ этихъ традицій и онъ чувствуетъ себя свѣжѣе и бодрѣе, его моральное чувство держится всегда на сторожѣ благородными завѣтами университетскаго прошлаго. И гдѣ же эти завѣты старины, эти традиціи прошлаго чувствуются сильнѣе, какъ не въ старѣйшемъ изъ русскихъ университетовъ, въ университетѣ, который считаетъ въ числѣ своихъ членовъ такихъ благородныхъ и высокогуманныхъ дѣятелей, какъ Грановскій, Кудрявцевъ, Кавелинъ, Соловьевъ и недавно почившій Усовъ? Память этихъ свѣтлыхъ личностей будетъ жить вѣчно и морально воспитывать каждаго, вступающаго въ университетскую среду. И если съ этой каѳедры, гдѣ раздавалось высокое и благородное слово этихъ героевъ мысли, труда и нравственности, преподаватель

отступить хотя на іоту отъ всего того, что ему предписываетъ его нравственный долгъ, уваженіе къ наукѣ и истинѣ, благородные завѣты прошлаго, ему всегда должно казаться, что въ глубинѣ этихъ стѣнъ на него глядятъ съ нѣмымъ укоромъ эти прекрасныя блѣдныя тѣни прошлаго. Да не будетъ этого!

Господа! Нашъ нелегкій трудъ, наши усилія мысли мы отдаемъ цѣликомъ Вамъ, нашимъ младшимъ товарищамъ-ученикамъ. Наша единственная награда и утѣшеніе въ сочувствіи тѣхъ, для кого мы работаемъ. Будемъ же, г-да, сочувствовать другъ другу и работать вмѣстѣ. Съ своей стороны я предлагаю вамъ все, что имѣю, тѣ скромныя свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось пріобрѣсть; отъ васъ взамѣнъ я жду, надѣюсь и желаю только одного—сочувствія и довѣрія.

И. А. Линниченко.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Остатки древняго храма въ г. Переяславѣ [1]).

27-го прошлаго іюля въ г. Переяславѣ предположено было произвести разбивку плана для постройки на мѣстѣ разобранной за ветхостью деревянной Успенской церкви новой каменной. Успенская церковь, какъ извѣстно, была нѣсколько лѣтъ назадъ предметомъ газетной полемики, особенно мѣстной—кіевской. Когда къ концу 70-хъ годовъ эта церковь оказалась обветшавшею настолько, что въ ней прекращено было богослуженіе и возникла мысль о постройкѣ на ея мѣстѣ новой каменной, любители отечественной старины встревожились сдѣланнымъ изъ Переяслава же напоминаніемъ, что въ Успенской именно церкви этого города, 8 января 1654 года, была принесена гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ вмѣстѣ съ народомъ малороссійскимъ присяга на вѣрноподданство царю московскому. Явились сторонники сохраненія въ томъ видѣ, какъ есть, обветшавшей церкви, этого памятника великаго событія; нашлись и болѣе серьезные изслѣдователи мѣстныхъ памятниковъ г. Переяслава, которые утверждали, что обветшавшая деревянная церковь носила только имя и занимала мѣсто той Успенской церкви, въ которой Хмельницкій приносилъ присягу, а церковное зданіе, дѣйствительно бывшее свидѣтелемъ этой присяги, уничтожено пожаромъ еще въ 1660-хъ годахъ. Уяснилось изъ этой полемики, между прочимъ, и то, что въ Переяславѣ твердо держится преданіе о сооруженіи первоначальной Успенской церкви на томъ же самомъ мѣстѣ еще Владиміромъ Мономахомъ въ 1098 году, (но, какъ думали, тоже деревянной);

---

[1]) Читано въ засѣданіи Историческаго Общ. Нест. Лѣтописца 30-го октября 1888 года.

думали также, что по разрушеніи церкви Мономаховой въ нашествіе Батыя, новая на мѣстѣ ея построена была кн. В. В. Острожскимъ въ 1586 году; что присяга Хмельницкаго была принесена въ церкви Острожскаго, скоро затѣмъ сгорѣвшей; что и новая, построенная потомъ стрѣлецкимъ головою Иртыщевымъ, сгорѣла въ 1761 году, и до послѣдняго времени оставалась на мѣстѣ первыхъ церковь, построенная уже въ 1767 году. Не придавая въ свое время особаго значенія аргументаціи въ пользу того мнѣнія, что въ предназначенной къ сломкѣ послѣдней деревянной церкви могли уцѣлѣть, послѣ двухъ пожаровъ, истреблявшихъ Успенскую церковь, какіе-либо остатки той деревянной церкви Успенія, въ которой приносилъ присягу Хмельницкій, можно было однако же предполагать, что связанное съ мѣстомъ ея преданіе о постройкѣ тамъ первоначальной церкви Владиміромъ Мономахомъ найдетъ для себя подтвержденіе въ остаткахъ, по крайней мѣрѣ, древнихъ фундаментовъ на мѣстѣ разобранной церкви, если только та церковь была каменная, а не деревянная. Основаніемъ для такого предположенія служилъ самый характеръ мѣста, на которомъ стояла Успенская церковь. Мѣсто это имѣло видъ возвышающагося надъ окружающею его площадью холма, или кургана довольно правильной, круглой формы.

Такого именно вида холмы, или курганы и были могилами древнихъ каменныхъ церквей, въ которыхъ онѣ погребались, повергаясь въ теченіе столѣтій разрушенію отъ времени. Рѣшившись при разбивкѣ плана и прорытіи рвовъ для фундаментовъ новой церкви провѣрить свои предположенія, мы, совмѣстно съ членомъ Церковно-археологическаго общества, архитекторомъ В. Н. Николаевымъ, приглашеннымъ для этой разбивки, просили о. предсѣдателя строительнаго Успенской церкви комитета обратить вниманіе при самой нивелировкѣ мѣстности, которая имѣла быть произведена прежде разбивки плана, на возможные остатки тамъ древняго каменнаго сооруженія, а равно и на слѣды другихъ послѣдовательно производившихся на томъ мѣстѣ построекъ и, оставляя ихъ неприкосновенными, сберечь и всякія другія вещи, какія при этомъ могутъ быть найдены.

Дѣйствительно, при самой уже нивелировкѣ мѣста, на которомъ стояла разобранная деревянная церковь, когда былъ снятъ съ кургана слой земли въ три четверти аршина, обозначились подъ этимъ слоемъ остатки каменнаго фундамента значительно болѣе древней, чѣмъ разобранная, но тоже деревянной церкви. Остатки представлялись отдѣльными кусками и даже просто слѣдами стѣнъ, расположенными по

линіямъ многоугольника, охватывавшаго почти всю площадь кургана. Обширность очерченнаго ими пространства соотвѣтствовала вполнѣ мѣстнымъ преданіямъ объ обширности построенной кн. Острожскимъ церкви, вмѣщавшей въ себѣ яко-бы 14 (?) престоловъ [1]). Лучше всего сохранились восточныя части фундамента. Эти восточныя части имѣли видъ двухъ стѣнъ, толщиною въ $1^3/_4$ аршина и длиною одна 4 ар. 10 вер. и другая 7 ар. 12 верш.; первая шла въ прямомъ направленіи къ сѣверу, въ сѣверо-восточной части кургана, вторая въ прямомъ же направленіи къ югу въ юговосточной. Стѣны были сложены изъ дикаго камня, сохранившаго на себѣ слѣды древняго цемента, но сложены на обыкновенной извести, съ употребленіемъ по мѣстамъ кирпича старинной, но не древней формы. Каждая изъ нихъ своими внутрь кургана шедшими концами упиралась въ двѣ кирпичныя стѣны, шедшія на извѣстномъ разстояніи параллельно одна другой къ востоку и служившія очевидно фундаментомъ для алтаря. Обѣ послѣднія стѣны заканчивались однако же съ восточной стороны не многогранникомъ, какъ это было бы естественно въ фундаментѣ подъ алтаремъ деревянной церкви, а правильнымъ полукругомъ, какъ это обычно въ фундаментахъ каменныхъ церковныхъ абсидовъ, и при томъ такъ, что діаметръ полукруга былъ значительно менѣе разстоянія между стѣнами и сливался съ ними чрезъ небольшіе простѣнки въ ту и другую сторону. Обративъ затѣмъ особое вниманіе на кладку этихъ служившихъ фундаментомъ для алтаря, стѣнъ, мы нашли въ ней признаки кладки церкви уже исключительно древнѣйшаго велико-княжескаго періода, и своеобразность формы подобнаго фундамента для алтаря деревянной церкви могли объяснить только тѣмъ, что строитель послѣдней воспользовался для алтарнаго фундамента готовыми стѣнами древнѣйшаго сооруженія.

Чтобы уяснить размѣры и значеніе обозначившагося остатка древнѣйшаго сооруженія, комитетъ по постройкѣ новой церкви рѣшилъ пріостановить до 1 августа разбивку плана и произвести новую съемку съ кургана земли приблизительно на 1 аршивъ. Свойство почвы не дѣлало эту съемку излишнею: верхніе слои холма состояли все еще изъ земли рыхлой, наносной, представляющей смѣсь

[1]) Внутри многоугольника лежали по мѣстамъ только отдѣльные значительной величины камни, служившіе, очевидно, основаніемъ для внутреннихъ столбовъ, поддерживавшихъ своды и кровлю.

перегноя дерева съ углемъ, каменнымъ и кирпичнымъ щебнемъ и разными остатками отъ бывшихъ внутри церкви погребеній, а потому ни въ какомъ случаѣ не могли служить основаніемъ для возведенія новаго каменнаго сооруженія. Новая съемка была сдѣлана 28—30 іюля подъ непосредственнымъ наблюденіемъ комитета. Велась она отъ окраинъ кургана къ центру и пріостанавливалась при встрѣчѣ съ линіею стѣнъ: это было сдѣлано съ тѣмъ, чтобы торопливою очисткою заключеннаго внутри стѣнъ пространства не уничтожить остатковъ древняго пола зданія и не лишиться возможности открыть какіе либо древнія вещи въ наполнявшемъ это пространство щебнѣ.

По окончаніи новой съемки, осмотрѣвъ 1-го прошлаго августа вмѣстѣ съ архитекторомъ В. Н. Николаевымъ оказавшіеся въ холмѣ остатки стѣнъ, мы нашли слѣдующее:

1) Въ восточной половинѣ круглой площади холма обнаружилась полукруглая (съ удлиненными нѣсколько концами дуги) стѣна высотою въ 1 аршинъ и 3 вершка, которая своимъ положеніемъ и формою соотвѣтствовала алтарнымъ стѣнамъ древнихъ церквей великокняжескаго періода. Только полукружіе этой стѣны не сливается своими концами съ подобными же полукружіями съ сѣверной и западной стороны, какъ это наблюдается на алтарныхъ стѣнахъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ церквей древняго періода, а сливается непосредственно со стѣнами, расположенными правильнымъ прямоугольникомъ (почти квадратомъ). Отъ прямоугольника этого сохранились: уголъ сѣверовосточный съ частью сѣверной стѣны и на ней двухъ наружныхъ пилястръ съ полуколоннами; уголъ юговосточный съ частью стѣны южной и на ней одной пилястры съ полуколонною, и небольшой кусокъ западной стѣны также съ пилястрою и полуколонною. Кладка всѣхъ этихъ остатковъ одинакова: кирпичъ имѣетъ видъ плитъ въ 7 вершковъ длины на $5^1/_4$ вершковъ ширины и 1 верш. толщины; положенъ онъ на толстыхъ слояхъ цемента изъ извести съ толченымъ кирпичемъ; фундаментъ подъ стѣнами не идетъ глубже трехъ четвертей аршина и представляетъ массу ломанаго кирпича, залитаго цементомъ. Изъ кіевскихъ церквей древняго періода почти тождественную кладку мы встрѣтили въ найденныхъ въ 1878 году остаткахъ древней церкви на Кудрявцѣ (въ усадьбѣ Митрополитанскаго дома надъ Вознесенскимъ спускомъ); наружныя же съ полуколоннами пилястры, какъ извѣстно, отличаютъ фасадъ древней Васильевской, нынѣ Трехсвятительской, церкви въ Кіевѣ.

2. Частью на поверхности холма, частью въ землѣ, во время съемки ея, добыты слѣдующія предметы:

а) круглая, болѣе чѣмъ до половины сохранившаяся красная шиферная плита, около 2 аршинъ (1 арш. 15½ вершковъ) въ діаметрѣ съ вырубленными въ ней по опредѣленному рисунку византійскаго стиля углубленіями и два значительной величины куска такихъ-же и съ такими же углубленіями шиферныхъ плитъ, но съ нѣсколько отличнымъ рисункомъ и не круглой формы, и между прочимъ, съ остатками въ углубленіяхъ цемента.

Подобныя плиты, наполненныя по углубленіямъ цементомъ съ наборомъ по немъ мозаическихъ украшеній, сохранились въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, гдѣ сложено изъ нихъ епископское (въ алтарѣ) сѣдалище. Два куска такихъ съ мозаическимъ наборомъ плитъ найдены въ восьмидесятыхъ годахъ подъ поломъ великой Лаврской церкви. Нѣсколько кусковъ такихъ-же плитъ, только безъ мозаики найдено въ 1888 году при перестилкѣ пола въ Златоверхо-Михайловской церкви.

б). Множество кусковъ краснаго шифера, масса цѣльнаго и ломанаго кирпича древней формы и значительное количество кусковъ разноцвѣтной половой цѣнины квадратной формы, напоминающей цѣнину изъ пола церкви на Кудрявцѣ.

Пришедши на основаніи этого къ заключенію, что полукруглая восточная стѣна и части стѣнъ прямоугольника, съ которыми она сливается, представляютъ собою остатки той древнѣйшей Успенской церкви, которая, по мѣстнымъ преданіямъ, построена была въ 1098 году Владиміромъ Мономахомъ, мы, совмѣстно съ В. Н. Николаевымъ, просили строительный комитетъ озаботиться сохраненіемъ этихъ остатковъ, тѣмъ болѣе драгоцѣнныхъ, что они представляютъ такія особенности въ планѣ, какія до настоящаго времени еще не были замѣчены ни въ одномъ изъ церковныхъ сооруженій древняго, великокняжескаго періода. Затѣмъ, такъ какъ вторичная съемки земли производилась отъ окраинъ холма до стѣнъ, то пространство, заключенное между восточнымъ полукружіемъ и частями сѣверной и южной стѣны, осталось не очищеннымъ отъ щебня и мусора, и мы просили комитетъ оставить это пространство безъ очистки до болѣе удобнаго времени, чтобы имѣть досугъ произвести эту очистку съ возможными предосторожностями отъ порчи и утраты предметовъ, какіе могутъ быть найдены въ щебнѣ и подъ нимъ. Вся изрытая позднѣйшими могилами площадь холма въ этой части, какъ находившейся подъ алтаремъ, осталась не тронутою, и потому даетъ надежду отыскать

въ ней, по крайней мѣрѣ, древній полъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ свое время уложенъ. Наконецъ, такъ какъ древнее зданіе занимало сравнительно незначительную площадь (14½ аршинъ длины, 10 арш. 10 верш., ширины), а предположенная къ сооруженію каменная церковь имѣетъ весьма значительные размѣры, мы просили комитетъ произвести разбивку фундамента для новой церкви такъ, чтобы рвы этого фундамента обошли вокругъ древнихъ остатковъ, оставивъ ихъ неприкосновенными въ срединѣ новой церкви подъ поломъ ея.

О. предсѣдатель и гг. члены комитета изъявили полную готовность принять всѣ мѣры къ сохраненію памятника, и съ своей стороны, высказали даже предложеніе поднять цоколь новой церкви до такой высоты, чтобы остатки древнихъ стѣнъ не только оставались подъ поломъ неприкосновенными, но и могли быть по желанію осматриваемы. Глубокій интересъ, съ какимъ строительный комитетъ и само общество г. Переяслава отнеслись къ открытому памятнику, даетъ ручательство въ томъ, что какъ самый памятникъ, такъ и другія возможныя при немъ находки не будутъ потеряны для науки.

Что же касается замѣченныхъ первоначально остатковъ каменнаго фундамента подъ деревянной церковью, то дальнѣйшая съемка земли только подтвердила ихъ позднѣйшее происхожденіе. Фундаменты эти заложены мельче древнихъ стѣнъ, и хотя камень, употребленный въ ихъ кладку изъ разрушившагося древнѣйшаго зданія, носитъ иногда слѣды древняго цемента, но кирпичъ, которымъ камни по мѣстамъ переложены, одинаковъ съ кирпичемъ въ могильныхъ склепахъ, открывшихся въ разныхъ мѣстахъ площади, которая была занята деревянною церковью. Кирпичъ этотъ имѣетъ, впрочемъ, характерныя особенности, заслуживающія, по нашему мнѣнію, вниманія. Размѣры его обычные для кирпича XVI—XVIII вѣка: 6 вершковъ длины на 3 или 3⅛ вершка ширины и на 1⅛ или 1¼ вершка толщины; но кирпичъ этотъ съ одной изъ своихъ широкихъ сторонъ имѣетъ продолговатыя полосы въ видѣ слѣдовъ отъ первоначальной (до обжиганія) очистки его съ этой стороны пальцами. При этомъ весь кирпичъ представляется очень плохо обожженнымъ: онъ имѣетъ видъ кирпича краснаго или такъ называемаго алаго, и не отличается твердостью. Въ поправкахъ древнихъ церквей, производившихся въ періодъ татарскаго владычества, встрѣчается кирпичъ съ подобными же продольными отъ пальцевъ полосами; но кирпичъ тотъ значительно уже и толще, и прекрасно выженъ. Совершенно сходный съ

этимъ переяславскимъ кирпичемъ былъ найденъ въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ могильныхъ склепахъ подъ поломъ средней части церкви Михайловскаго монастыря,—въ склепахъ, которые могутъ быть отнесены къ XVII или къ концу XVI вѣка, но не ранѣе. Съ своей стороны мы полагаетъ, что этотъ родъ кирпича указываетъ на совершенный упадокъ заводскаго его производства, и относится къ тому времени, когда кирпичъ вырабатывался и обжигался домашнимъ, такъ сказать, образомъ въ незначительномъ количествѣ, достаточномъ для частнаго обихода и для такихъ развѣ сооруженій, какъ постройка могильнаго склепа, и фундамента подъ деревянную церковь, гдѣ онъ употреблялся смѣшанно съ камнемъ.

П. Лашкаревъ.

Церковище возлѣ дер. Монастырекъ, каневск. у. кіевск. губ.

Въ каневскомъ уѣздѣ, версты три ниже большаго села Трактомірова, надъ самымъ Днѣпромъ, расположена деревня Монастырекъ. На мѣстѣ этой деревни находился извѣстный трактоміровскій запорожскій монастырь, существовавшій вплоть до начала нынѣшняго столѣтія.

Еще версты 1½ ниже, между Монастыркомъ и д. Зарубинцами находится на берегу Днѣпра древнее городище съ остатками какого то зданія. Въ этомъ мѣстѣ правый берегъ Днѣпра достигаетъ громадной высоты. Представляя иногда совершенно отвѣсную стѣну, перерѣзываясь изрѣдка небольшими балками съ журчащими на днѣ ручейками, возвышенность эта въ томъ мѣстѣ, гдѣ расположено городище, уходитъ немного въ сторону и затѣмъ опять приближается къ берегу, образуя такимъ образомъ котловину съ отвѣсными боками. Въ центрѣ этой котловины, также на довольно значительной высотѣ, и находится городище. Сѣверо-западной стороной оно примыкаетъ къ возвышенности, а юго-восточной, постепенно понижаясь, выходитъ на берегъ Днѣпра. Сохранность городища довольно неудовлетворительна. Въ общемъ оно представляетъ слѣдующій видъ.

Центральную часть занимаетъ овальная площадь приблизительно пространствомъ въ 150 квад. арш. и окружностью въ 170 арш. Поверхность площади неровна,—она состоитъ изъ бугровъ и ямъ, сдѣланныхъ отчасти окрестными крестьянами, бравшими отсюда ка-

мень и кирпичъ на свои потребности. Съ юго-восточной стороны площадь окружена рвомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ изгладившимся; глубина его въ лучше сохранившихся частяхъ до 1¹/₄ саж. Можно предположить, что эта канава, огибая городище, упиралась концами въ стѣнки котловины. За рвомъ находится небольшой валъ, длиной аршинъ въ 80, также плохо сохранившійся; высота его въ самой высокой части доходитъ до 2³/₄ аршинъ. Расположенная за валомъ мѣстность идетъ, понижаясь, къ Днѣпру и огибается въ свою очередь валомъ высотой въ 1¹/₂ арш. и длиной до 100 арш. Концы этого вала также подходятъ къ бокамъ котловины. Нужно вообще замѣтить, что какъ канава, такъ и валы отъ времени сильно пострадали и изгладились.

Съ восточной стороны городища находится глубокій оврагъ и за нимъ громадный естественный валъ, за которымъ и параллельно которому течетъ Днѣпръ.

Небольшія изысканія, которыя я произвелъ въ одномъ изъ бугровъ, расположенномъ въ срединѣ городища, дали слѣдующія результаты. Весь бугоръ состоялъ изъ извести, валуновъ разной величины, покрытыхъ известкой, и кусковъ кирпичей, также съ известкой; кирпичи эти тонкіе, какъ и кирпичи изъ кіевскихъ построекъ велико-княжеской эпохи, толщина ихъ разная—въ ⁵/₈, ⁶/₈, 1 и 1¹/₄ верш.; но формой они отличаются отъ тѣхъ, именно, они уже и не квадратные, шириной въ 3¹/₂ вер., длина же осталась неизвѣстной, такъ какъ мнѣ не удалось найти ни одного цѣлаго кирпича. Они очень крѣпки и различныхъ цвѣтовъ. Между щебнемъ попалось болѣе 50 небольшихъ фрагментовъ штукатурки съ сохранившейся фресковой живописью. Преобладающій цвѣтъ—коричнево-красный, затѣмъ слѣдуетъ: сѣровато-голубой, желтый, бѣлый, зеленый и розовый. На всѣхъ кускахъ видны остатки орнамента; такъ, коричнево-красное поле окаймлено черной полосой; сѣровато-голубое—двумя полосами: одной поуже—бѣлой и другой болѣе широкой—коричнево-красной; на бѣломъ фонѣ сдѣланъ орнаментъ въ видѣ сѣрыхъ полуколецъ или колецъ; такой-же фонъ окаймленъ оранжево-желтыми полосами подъ прямымъ угломъ; на бѣломъ-же фонѣ встрѣчаются блѣдно зеленыя и красныя полосы; есть также сочетаніе желтаго и коричнево-краснаго цвѣтовъ. Попадались куски фресокъ отъ угловъ и карнизовъ. Между щебнемъ было найдено нѣсколько кусочковъ желтаго вывѣтрившагося стекла отъ какого то сосуда, глиняные черепки и два куска цѣнинъ—одинъ съ зеленой глазурью, другой съ коричневой;

цѣнины вѣроятно были квадратныя въ 4½ вер., и толщиной въ ½ вер. Все это было вынуто изъ ямы діаметромъ въ 1 арш. и глубиной въ ½ арш. Несомнѣнно, что и вся остальная площадь городища носитъ такой же характеръ.

Пониже городища, на берегу Днѣпра, въ рытвинахъ, вымытыхъ водой, попадались черепки отъ сосудовъ и амфоръ; въ особенности замѣчателенъ своей толщиной (½ вер.) бокъ одной амфоры, весь испещренный параллельными бороздками.

Куски кирпичей, шифера и черепки попадались непрерывно по берегу Днѣпра вплоть до дер. Монастырекъ. Невдалекѣ отъ городища встрѣтилось мѣсто, положительно покрытое черепками отъ толстыхъ амфоръ и сосудовъ разной величины и, видно, еще не бывшихъ въ употребленіи; всѣ сосуды хорошо сработаны и обожжены, на нихъ находятся украшенія въ видѣ прямолинейнаго орнамента; ушки сосудовъ отличаются оригинальной формой; въ этомъ-же мѣстѣ находилась масса кусковъ кирпичей и кирпичнаго сплава. Можно предположить, что здѣсь въ древности существовали гончарное и кирпичное производства. Еще немного далѣе, на песчаномъ берегу найденъ кусокъ широкаго браслета изъ синяго стекла, половинка зеленой стекляной же бусы и бронзовый четыреугольный крестикъ съ желтой эмалью, величиной въ ¾ вер.; онъ насквозь прошелъ зеленой патиной. На основаніи формы и сохранности, крестикъ этотъ можно отнести къ первымъ вѣкамъ христіанства въ Россіи.

У самой дер. Монастырекъ, на берегу Днѣпра, видны остатки какого то стариннаго укрѣпленія; вершина его состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ громадныхъ валуновъ, наваленныхъ одинъ на другой; промежутки между ними заполнены мусоромъ и тонкимъ кирпичемъ, тождественнымъ съ находимымъ на городищѣ. Подъ слоями валуновъ обнаруживается могильникъ, кости изъ котораго выпадаютъ и скатываются на берегъ; одинъ костякъ еще не разрозненный, находился на глубинѣ 2-хъ арш. отъ поверхности, головой на западъ.

Вышеописанное городище своей формой (валы въ видѣ концентрическихъ круговъ) указываетъ на княжескую эпоху. Это подтверждается также находкой какъ въ самомъ городищѣ, такъ и вблизи него, нѣкоторыхъ предметовъ той эпохи, а также черепковъ отъ характерной для того времени посуды (амфоръ) и тонкихъ кирпичей.

Масса остатковъ строительнаго матеріала (валуны, кирпичъ, известь) и украшеній (фрески) даетъ поводъ предположить существованіе въ древности на городищѣ какого то зданія, скорѣе всего церкви;

правдоподобность послѣдняго предположенія подтверждается отчасти и тѣмъ обстоятельствомъ, что окрестные крестьяне называютъ это мѣсто — «Церковище».

Болѣе осязательные результаты могутъ быть достигнуты только посредствомъ систематическихъ и болѣе обширныхъ раскопокъ городища.

Н. Бѣляшевскій.

Къ статьѣ г. Бѣляшевскаго.

О мѣстности описаннаго здѣсь Церковища, о Трактомировѣ и Трактомировскомъ или иначе Терехтемировскомъ монастырѣ имѣются и нѣкоторыя историческія указанія и свѣдѣнія. Считаемъ не излишнимъ привести ихъ въ дополненіе къ интересному сообщенію г. Бѣляшевскаго. Въ упомянутой мѣстности высокій хребетъ кіевскихъ горъ, вдаваясь острымъ мысомъ въ Днѣпръ, дѣлаетъ какъ бы изломъ, зарубину въ Днѣпрѣ, отъ чего эта мѣстность называлась «Зарубомъ», какъ показываетъ и названіе находящейся вблизи ея деревни «Зарубинцы». А слово «Зарубъ», какъ названіе извѣстной мѣстности, неоднократно упоминается въ древней нашей лѣтописи. Такъ, въ 1147 году изъ «Заруба», по избранію вел. кн. Изяслава II-го, взятъ на кіевскую митрополію Климентъ «книжникъ и философъ, яко-же не бысть въ Русской земли». У «Заруба» — противъ Переяслава переходили Днѣпръ съ войскомъ въ бродъ: въ 1146 г. Изяславъ Мстиславичъ по пути въ Поросье, въ 1151 г. Юрій Долгорукій, направляясь съ своими дружинами въ кіевскую область на борьбу съ братомъ своимъ Вячеславомъ и племянникомъ Изяславомъ Мстиславичемъ за обладаніе Кіевомъ; въ 1096 году в. князь Святополкъ — Михаилъ съ Владиміромъ Мономахомъ — во время похода противъ Святополкова тестя, половецкаго князя Тугоркана, стоявшаго съ своей ордою подлѣ Переяслава; у «Заруба» же въ 1156 году Юрій Долгорукій заключилъ миръ съ половцами. Былъ ли городъ какой или было какое укрѣпленіе у «Заруба» изъ лѣтописей не видно. Но изъ описи кіевскаго замка 1552 года, недавно появившейся въ печати, узнаемъ, что здѣсь былъ монастырь, называвшійся Зарубскимъ. О немъ въ Описи такъ сказано: «монастырь слыветъ *Зарубскій* святое Пречистое, и тому монастырю бывала также пашня, бортная земля, озера и бобровые гоны. Но теперь пусто, одинъ черпецъ стережетъ для пожару».

(Архивъ югозапад. Россіи—ч. VII, т. I, стр. 121). Изъ этого свидѣтельства видно, что Зарубскій Пречистенскій монастырь былъ древній, что онъ былъ нѣкогда надѣленъ хорошими угодьями, но пришелъ къ половинѣ XVI вѣка въ разореніе и запустѣніе, вслѣдствіе нашествій татарскихъ. Изъ этого монастыря, конечно, взятъ въ кіевскіе митрополиты въ XII вѣкѣ Климентъ, 2-й изъ русскихъ иноковъ удостоившійся этого сана. Было ли здѣсь какое укрѣпленіе въ XI и XII вѣкахъ, лѣтописи не упоминаютъ, но матеріалъ древнихъ фундаментовъ, разбросанный по всей этой мѣстности и куски штукатурки съ фресковой живописью суть, очевидно, остатки каменной церкви великокняжескаго періода, бывшей въ Зарубскомъ монастырѣ. Ему же принадлежатъ, безъ сомнѣнія, имѣющіяся здѣсь пещеры съ галлереями подземными, напоминающими собою кіевскія пещеры, которыхъ не замѣтилъ г. Бѣляшевскій за ихъ обвалами. Находящійся выше Заруба, также на берегу Днѣпра, *Терехтемировъ* или, какъ въ 16 вѣкѣ назывался иногда Телехтемировъ, въ лѣтописяхъ древняго періода нашей исторіи не упоминается, но, вѣроятно, здѣсь была одна изъ греческихъ колоній, на что указываетъ и древнѣйшее названіе этой мѣстности *Телевтемировъ*, которое значитъ: конечный, стоящій на краю, на концѣ чего нибудь.

Находящееся нынѣ здѣсь село Терехтемировъ принадлежало бывшему въ началѣ, съ 1508 года, атаманомъ запорожскихъ козаковъ, а потомъ до 1535 года,—старостою каневскимъ и черкасскимъ, Евстафію *Дашкевичу* (погребенному въ великой церкви Кіево-Печерской Лавры), какъ данина государская; по смерти Дашкевича оно перешло, по его завѣщанію, къ Кіево-Печерской Лаврѣ, а потомъ, промѣномъ на другія угодія ставъ опять государевой собственностью, присоединено къ кіевскому замку, при которомъ и числилось въ 1552 году съ 9-ю семьями жителей. Вскорѣ послѣ сего оно стало резиденціей козацкой старшины, которой подчинялись запорожскіе козаки, жившіе при Каневскомъ и Черкасскомъ замкахъ. Приднѣпровскіе города, какъ извѣстно, съ 15 вѣка имѣли при себѣ казачіе посады, а разъѣзды козаковъ въ «поле» и внизъ по Днѣпру служили охраною не только окрестныхъ селъ, но и самыхъ городовъ отъ татарскихъ нападеній. Хотя происхожденіе козаковъ отъ хозаръ и черкесовъ признается бездоказательнымъ и основаннымъ на случайномъ созвучіи названій, но черкасскіе «тубольцы» или старожилы тѣмъ не менѣе въ половинѣ 16 вѣка дали королевскимъ коммиссарамъ сохранившееся у нихъ по преданію показаніе, что «великій князь литовскій Гедиминъ,

(Ольгердъ?) завоевавши Кафу и весь Перекопъ и Черкасы Пятигорскіе, и приведши Черкасовъ съ княгинею ихъ, часть посадилъ на Снепораде, а иныхъ на Днѣпрѣ, гдѣ теперь Черкасы сидятъ, а Снепорадцевъ посадилъ на Днѣпрѣ-жъ въ Каневѣ, и сидя Снепорадцы на Днѣпрѣ въ Каневѣ, предся отчизны свои по рѣчкамъ инымъ Сѣверскимъ уходити не престали» (ibid. стр. 103). Этому показанію кажется, должно болѣе вѣрить, чѣмъ гаданіямъ нашихъ историковъ. Получивъ правильное военное устройство при польскомъ королѣ Баторіѣ, въ 1576 году, козаки получаютъ отъ него и городъ Терехтемировъ, вмѣстѣ съ основаннымъ близь него Евстафіемъ Дашкевичемъ Терехтемировскимъ Успенскимъ монастыремъ, признаютъ его своимъ, *козачьимъ*, и становятся надолго его ктиторами и благотворителями, устроивши при немъ госпиталь для престарѣлыхъ, больныхъ и раненыхъ козаковъ. Изъ этого монастыря были назначаемы начальники и монахи въ Самарскій монастырь и въ сѣчевую Покровскую церковь.

Въ 1618 г. козаки, вступившись за Терехтемировскій монастырь силою отняли его имѣнія, присвоенныя паномъ Трипольскимъ. Въ генварѣ 1621 года Терехтемировскій монастырь посѣтилъ патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ, по пути изъ Кіева въ сопровожденіи козачьяго гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго и козачьяго отряда; въ то же время Ѳеофаномъ посвященъ здѣсь въ санъ епископа владимірволынскаго настоятель сего монастыря *Іезекіиль Курцевичъ*, укрывшійся потомъ въ Москву отъ преслѣдованія польскаго правительства. Послѣ потерпѣннаго козаками пораженія подъ Кумейками въ 1637 году, когда козацкіе полки были сведены въ Трактоміровъ и присягнули быть въ подчиненіи польскому правительству, Трактоміровъ поступилъ въ вѣдомство польскаго коммиссара. Но по трактату съ Богданомъ Хмельницкимъ онъ возвращенъ козакамъ. Въ этомъ же монастырѣ принялъ было монашество сынъ Богдана Юрій Хмельницкій.

Во время междуусобныхъ войнъ Малороссіи при Дорошенкѣ и Самойловичѣ, вмѣстѣ съ разоренiемъ Трахтомірова бѣдствовалъ и Трахтоміровскій монастырь. Когда же правая сторона Днѣпра, по Андрусовскому договору 1667 г., отошла къ Польшѣ, а Дорошенко подчинилъ ее Турціи, Запорожская Сѣчь не могла быть въ прежнихъ отношеніяхъ къ своему Терехтоміровскому монастырю и отправивъ въ 1672 году пословъ для переговоровъ о подданствѣ московскому государю, послала въ Межигорье приглашеніе быть войсковымъ запорожскимъ монастыремъ, обязываясь съ своей стороны быть всегда его

парафіей и ктиторомъ сей обители, устроивъ при ней госпиталь для содержанія престарѣлыхъ и увѣчныхъ запорожцевъ, что, наконецъ, и осуществлено по постановленію сѣчевой рады въ 1786 году. Впрочемъ, запорожцы до времени не забывали и Терехтеміровской обители, какъ видно изъ слѣдующей народной пѣсни.

„Срибло, злато на тры части паевалы:
„Первую часть бралы, на церквы накладалы—
„На святого Межыгорского Спаса,
„На Трахтоміровскій монастырь,
„На святую Сѣчевую Покрову давалы,
„Котори давнимъ скарбомъ козацкымъ будовали"

Изъ настоятелей Терехтеміровсваго монастыря извѣстны:

игумены: Іезекіилъ Курцевичъ—съ 1620 г. епископъ владиміроволынскій, а съ 1626 г. архіепископъ суздальскій.
Порфирій Борецкій—1639 г.
Ѳеофанъ . . . . 1654 г.
Іоасафъ . . . . 1660 г.
Сильвестръ . . . 1665 г.
Артемій Силицкій . 1673 г.
Іеронимъ Дубина . 1690 г.

Терехтеміровскій монастырь просуществовалъ до конца прошлаго столѣтія, испытавъ въ 18 вѣкѣ разныя бѣдствія.

Партія Мазепы проектировала, что «городъ Терехтоміровъ, поневажъ здавна до войска Запорожскаго низоваго належалъ и шпиталемъ онаго назывался, теды и теперь, за освобожденьемъ отъ Московскаго подданства, мѣетъ гетманъ тотъ городъ войску Запорожскому низовому со всѣми угодіями и перевозомъ на Днѣпрѣ, тамо зостающимъ, привернути, шпиталь въ ономъ для старыхъ, зубожалыхъ и ранами сколѣчоныхъ козаковъ, коштомъ войсковымъ построити и откольмѣетъ имъ быть пища одежда. (Исторія Малорос. В. Каменскаго. Ч. 4-я стр. 213). Но когда жители кіевской Украины отвергли соблазнительныя предложенія Орлика, то опустошая эту страну огнемъ и мечемъ, Орликъ сжегъ и Терехтомировскій монастырь вмѣстѣ съ прочими украинскими монастырями, а затѣмъ земли опустѣлаго сего монастыря причислены къ переяславской каѳедрѣ. По передачѣ этой правой стороны въ 1715 году подъ власть Польши, вмѣсто монастыря явилась построенная уніатами въ 1718 г., церковь ad instar (на подобіе) *шопы* (сарая) *съ полотняным иконостасомъ и оловяною чашей*, какъ значится въ уніатской описи 1748 года, которая вмѣстѣ

служила и приходскою для приклоненныхъ въ унію жителей д. Монастырка.

Въ 1768 году козаки, мстя уніатамъ за гоненіе на православныхъ, разрушили Терехтемировскій монастырь до основанія. По окончаніи этой руины онъ былъ вновь возстановленъ православными, но существовалъ въ жалкомъ видѣ. Окончательно упраздненъ въ концѣ прошлаго вѣка.

П. Л.

Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ. Его всеподданнѣйшее представленіе Государю Николаю Павловичу о разсрочкѣ недоимки помѣщичьимъ крестьянамъ малороссійскихъ губерній.

Личность кн. Н. Г. Репнина столь крупна въ историческомъ значеніи, что всякій фактъ, служащій штрихомъ для обрисовки этой личности, долженъ вноситься въ сокровищницу нашей исторической науки. Кн. Николай Григорьевичъ, какъ извѣстно, за время управленія Саксоніею оставилъ надолго признательную о себѣ память. Такъ, много лѣтъ спустя, гр. А. П. Завадовскій писалъ изъ Дрездена «здѣсь кн. Репнина всѣ хвалятъ. И я желаю его почитать столько по Малороссіи, сколько чту его по Саксоніи.» Такую же добрую память, дѣйствительно, оставилъ онъ и въ Малороссіи. И вотъ тому живое доказательство: князю Репнину предшествовалъ цѣлый рядъ генералъ-губернаторовъ, имѣлъ онъ цѣлый рядъ и преемниковъ, которые, конечно, стоятъ ближе къ нашему времени. Но всѣ они исчезли изъ памяти народной, тогда какъ всякъ,—и старъ и малъ скажетъ вамъ о кн. Репнинѣ.

Настоящее представленіе кн. Репнина весьма цѣнно для опредѣленія его характера и взгляда его на служебный долгъ. Онъ не стѣснился тѣмъ, что уже на одно его представленіе послѣдовалъ отказъ со стороны комитета министровъ, удостоившійся Высочайшаго утвержденія, представляетъ вторично и непосредственно Государю—Императору. Кн. Репнинъ хорошо понималъ, что подобнымъ образомъ дѣйствій онъ подвергалъ свое служебное положеніе большому риску. Самое представленіе даетъ понять—какою клеветою старались враги его опутать его имя передъ Тономъ. Совѣстно и больно читать это. Положимъ, кн. Репнинъ плохо велъ свои собственные дѣла,

т. е. вовсе не занимался ими; но объяснять его ходатайство личными разсчетами—это, по отношенію къ нему, въ высшей степени оскорбительно и неприличио. Вспомнимъ, что кн. Николай Григорьевичъ, бывъ назначенъ вице-королемъ Саксоніи съ королевскимъ содержаніемъ, отказался отъ послѣдняго на возстановленіе г. Дрездена и въ пользу бѣдныхъ его жителей, удѣляя на этотъ предметъ немалую долю и изъ своихъ собственныхъ средствъ. Князь Николай Григорьевичъ, стоя выше этихъ обвиненій, изложилъ чистосердечно свое положеніе Монарху и настойчиво домогался исполненія своего ходатайства, подкрѣпляя его весьма вѣскими данными.

Имѣя у себя современный списокъ этого представленія, мы почли долгомъ сдѣлать его извѣстнымъ черезъ ближайшій намъ историческій органъ. Вотъ это достопамятное представленіе:

Всемилостивѣйшій Государь!

При тягостныхъ событіяхъ отечества нашего [1]), обращающихъ на себя все попечительное вниманіе Вашего Императорскаго Величества, не дерзнулъ бы обременять Васъ симъ новымъ представленіемъ моимъ, еслибы не вынужденъ къ тому былъ крайнимъ положеніемъ малороссійскихъ губерній и не побужденъ къ сему священною волею Вашего Императорскаго Величества, чтобы правда невозбранно достигала до подножія Престола Вашего.

Я ручался Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, въ первыхъ дняхъ сего года [2]), что никакія происки людей злонамѣренныхъ не могутъ нарушить законнаго порядка въ Малороссіи и что здѣшнее дворянство, гордясь принадлежать Вамъ, какъ Государю твердому, справедливому и дѣятельному, уповаетъ на милосердіе Ваше и въ Васъ единомъ находитъ залогъ благоденствія и спокойствія отечества. Я утверждалъ тоже, что малороссійскіе козаки, племя народа воинственнаго, съ восторгомъ вооружатся на защиту отечества и къ счастію моему событія истекшаго полугодія оправдали ручательство мое [3]).

Но въ тоже время, Всемилостивѣйшій Государь, исполнилъ я долгъ правды и чести, обращая отеческое вниманіе Вашего Императорскаго Величества на тягостное положеніе малороссійскихъ поселянъ, а чрезъ то и дворянства. И въ отношеніи моемъ къ генералу Бенкендорфу, отъ 9 января, не льстилъ яко царедворецъ (?!), но смѣло говорилъ, что побужденіе мѣстнаго начальства къ платежу податей, несоразмѣрныхъ съ силами поселянина, а тѣмъ болѣе недоимокъ за годы неурожая и общихъ несчастій, возрождаютъ ропотъ на правительство и, наконецъ, что нищета и скорбь производятъ часто въ простолюдинахъ тѣ же преступныя дѣйствія, которыя возникаютъ отъ пагубныхъ заблужденій людей ложно-образованныхъ.

---

[1]) Представленіе писано въ 31 году, въ годъ польскаго возстанія.

[2]) 1831-го.

[3]) Черниг. и полтав. губерніи изъявили готовность на свой счетъ сформировать два полка для усиленія средствъ вооруженія государства.

Ваше Императорское Величество услышали мольбу подданнаго, истинно Вамъ приверженнаго, казакамъ простили милліоны недоимокъ и уменьшили подати ихъ на будущее время. Отеческое желаніе Ваше исполнилось: полмилліона подданныхъ Вашихъ, счастливые, съ радостнымъ восторгомъ благословляютъ священное имя Ваше. Казеннымъ крестьянамъ предстоитъ та же надежда милосердія чрезъ представленіе г. министра финансовъ, войти въ положеніе ихъ; въ сложеніи же недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ комитетъ гг. министровъ положилъ рѣшительно отказать, но взысканіе сіе производить съ нѣкоторою умѣренностію и снисхожденіемъ, не опредѣливъ однако жъ мѣру сего снисхожденія, слѣдственно, дѣлая сіе невозможнымъ для мѣстнаго начальства, обвиняемаго тѣмъ же положеніемъ комитета гг. министровъ въ упущеніи и послабленіи.

Трудно мнѣ, Всемилостивѣйшій Государь, оправдывать себя и подчиненныхъ мнѣ, ибо на сіе положеніе комитета гг. министровъ послѣдовало Высочайшее Вашего Императорскаго Величества утвержденіе, и сверхъ того, министру финансовъ угодно было сдѣлать изъ ходатайства моего о нуждахъ общихъ дѣло частное; но я измѣнилъ бы Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, и отечеству, если бы умолкъ, предвидя стонъ шестисотъ тысячъ Вашихъ подданныхъ и разрывъ той связи народа, на коей обезпечено доселѣ спокойствіе имперіи. Основываясь на свѣденіяхъ положительныхъ и на прямыхъ государственныхъ законахъ, осмѣливаюсь я изложить оправданіе въ ниже приложенной у сего запискѣ; но здѣсь, Всемилостивѣйшій Государь, представляю на благоуваженіе Вашего Императорскаго Величества важнѣйшую причину испрашиваемаго мною милосердія.

Прежніе малороссійскіе земледѣльцы (поспольство) мало чѣмъ различествовали отъ козаковъ и какъ скоро пріобрѣтали собственность, поступали въ сіе сословіе: покуда же пользовались правомъ вольнаго перехода, до 1783 года. Но въ сіе время порабощены происками тогдашнихъ царедворцевъ, клевретовъ ихъ и нѣкоторыхъ малороссійскихъ старшинъ, пожертвовавшихъ счастіемъ родины для собственной корысти. Каждый шестидесятилѣтній поселянинъ[1]) пользовался всѣми выгодами свободы и память разсказовъ объ ономъ—есть главнѣйшая причина ропота крестьянъ на ихъ помѣщиковъ, изъ зависти къ казакамъ. Но сіи вредныя для общественнаго спокойствія чувства не усугубятся ли въ помѣщичьихъ крестьянахъ, когда увидятъ они милосердіе Вашего Императорскаго Величества, оказанное казакамъ, и попеченіе правительства о собратіяхъ ихъ, казнѣ принадлежащихъ, а на себѣ почувствуютъ всю строгость тягостнаго взысканія податей и недоимокъ? Не покажется ли рабство ихъ еще несноснѣе прежняго? Не станутъ ли они проклинать своихъ владѣльцевъ, служащихъ для нихъ какъ будто преградою отеческому милосердію Вашего Императорскаго Величества, равнаго ко всѣмъ вѣрноподданнымъ Вашимъ? Наконецъ, отданіемъ дворянскихъ имѣній въ опекунское управленіе и вслѣдствіе закона не только удаленіемъ помѣщиковъ изъ ихъ владѣній на многіе годы, но и запрещеніемъ слушать ихъ распоряженія, не нарушаетъ ли само правительство слабую связь здѣшнихъ владѣльцевъ съ ихъ крестьянами?

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ, уповаю, донесъ Вашему Императорскому Величеству, что распоряженія о взысканіи недоимокъ по обѣимъ малороссійскимъ

---

[1]) Въ приводимое время, т. е. рожденный въ 1770—71 году.

губерніямъ сдѣланы мною еще 18-го истекшаго мѣсяца, слѣдственно я не умедлилъ исполнить, Высочайше утвержденное, положеніе комитета гг. министровъ. Но признаюсь Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, что я долго колебался обременять Ваше Императорское Величество симъ предстательствомъ моимъ, боясь, чтобы оное по заключенію г. министра финансовъ не почлось искательствомъ собственныхъ выгодъ; но совѣсть моя не укоряетъ меня въ сей подлости ни передъ Богомъ, ни передъ Вами, ни передъ честію и я рѣшаюсь исполнить долгъ вѣрности, ходатайствуя въ послѣдній разъ у милосердія Вашего Императорскаго Величества о помощи порученнымъ управленію моему съ тою откровенностію правды, которую я всегда дерзалъ имѣть въ донесеніяхъ моихъ Вашему Императорскому Величеству. Можетъ быть иные осудятъ меня за сію дерзость, но могу ли я страшиться, предавая судьбу и честь мою подъ непосредственную защиту Вашего Императорскаго Величества? Справедливость Ваша, Всемилостивѣйшій Государь, взвѣситъ сорокалѣтнюю службу мою и непоколебимую во время оной вѣрность Отцу, Брату и Вамъ; терпѣніе, съ коимъ она побуждала меня переносить многія оскорбленія; правду, съ которою осмѣливался я всегда излагать донесенія мои; безкорыстіе въ мѣстахъ, въ коихъ зависили отъ распоряженій моихъ многіе милліоны; отчужденіе себя отъ всякихъ происковъ и связей, неразлучныхъ съ высшими званіями въ государствѣ; наконецъ, единое упованіе на справедливость и защиту Вашу. Вы взвѣсите все, Всемилостивѣйшій Государь, съ обвиненіемъ меня и, уповаю, Ваше Императорское Величество, удостовѣритесь, что я никогда не ограждалъ себя отъ дѣйствія и силы закона, но, напротивъ, былъ всегда ревностнымъ блюстителемъ общаго порядка.

Та же справедливость и прозорливость Ваша, Всемилостивѣйшій Государь, оправдаютъ и жену мою, о коей я съ гордостію скажу, что жизнь ея небезполезна отечеству. Ваше Императорское Величество лично удостовѣритесь, что если расчесть недоимку, крестьянами ея невыплаченную, по числу душъ, то она ничѣмъ болѣе другихъ невиновна и что г. министръ финансовъ ошибается, почитая большею инаго помѣщицею, хотя владѣтельницу 13 т. крестьянъ своихъ: 5 т. совершенно нищихъ, не дающихъ ей ни одной копейки дохода, 3 т. едва усмиренныхъ бунтовщиковъ нижегородской губерніи, а 5 т. скудныхъ и которые получила она отъ родителей своихъ въ наслѣдство съ 2.800.000 долга.

Тяжко мнѣ обременять Ваше Императорское Величество частнымъ дѣломъ, когда благотворное сердце Ваше скорбитъ объ испытаніяхъ, судьбами Всевышняго на отечество наше посылаемыхъ; но я вынужденъ къ тому, Всемилостивѣйшій Государь, ибо, оправдавъ себя, могу только вновь пріобрѣсти довѣріе Вашего Императорскаго Величества, лишившись коего, неполезнымъ уже буду для службы и части государства, порученной надзору моему, напротивъ, совершенно вреднымъ. Но не могу помыслить, чтобы сіе несчастіе было для меня невозвратно. И если польза государства побудитъ Ваше Императорское Величество смѣнить меня съ мѣста, нынѣ мною 15 лѣтъ занимаемаго [1]), то милосердіе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь, навѣрно не откажетъ въ мольбѣ моей — употребить меня на защиту отечества въ степени гораздо низшей той, въ которую возвысила меня благость Вашего Величества.

---

[1]) Кн. Репнинъ занималъ этотъ постъ съ 1816—1834 г.

Истинно русскіе должны нынѣ окружать Престолъ Вашъ и съ ревностію, и съ восторгомъ принести въ жертву жизнь, достояніе и честолюбіе. Смѣло скажу, что таковымъ я былъ и до конца дней моихъ пребуду съ благоговѣніемъ навсегда, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнымъ

Князь *Николай Репнинъ*.

Это представленіе интересно и потому, что рисуетъ отношенія кн. Репнина къ гр. Канкрину. Понималъ ли послѣдній въ немъ непріязненнаго ему русскаго аристократа, старавшагося, вмѣстѣ съ другими, ему вредить? Или забота о государственной экономіи, чему всецѣло былъ преданъ гр. Канкринъ, ослѣпляла ему глаза? Или экономъ—нѣмецъ, кропотливо сколачивающій, про черный день, свой сундучокъ, не могъ иначе объяснить широкую натуру русскаго человѣка, бросающаго свои деньги на помощь чуждому народу, вмѣсто того, чтобы дѣлать собственную экономію за его счетъ, какъ легкою возможностію пополнять свой дефицитъ на счетъ казны,—рѣшить трудно. Представленіе это указываетъ только намъ, что въ отношеніяхъ этихъ двухъ, достойныхъ памяти государственныхъ мужей, не было маски.

Въ ходатайствѣ кн. Репнина нельзя подозрѣвать какой-либо сословной заботы....

И. С. Листовскій.

Псевдо-Желѣзнякъ.

Въ одномъ изъ номеровъ «Кіевлянина» за прошлый годъ (№ 240), было напечатано слѣдующее извѣстіе: «Недавно въ имуществѣ Мотронинскаго монастыря, чигиринскаго уѣзда, между различными старинными вещами, найденъ портретъ Максима Желѣзняка, который былъ послушникомъ въ Мотронинскомъ монастырѣ въ 1765 году. Владѣлецъ фотографическаго заведенія въ м. Смѣлѣ г. Темненко снялъ фотографію съ портрета Желѣзняка. Снимки вышли весьма удачные»... Далѣе говорилось, что снимки продаются въ книжномъ магазинѣ Оглоблина.—Въ магазинѣ Оглоблина мы дѣйствительно нашли фотографическія карточки съ подписью: «Максимъ Желѣзнякъ, послушникъ Мотронинскаго монастыря. 1765 г.». Посмотрѣвъ на карточку мы вспомнили, что гдѣ то видѣли уже и прежде этотъ рисунокъ... Карточки были обозначены: съ боку—цыфрою XXXXII, а внизу—буквами В. В. Эти признаки напомнили намъ Живописную Украйну Жемчужникова, въ которой рисунокъ, помѣченный номеромъ

XXXXII-мъ, дѣйствительно, представляетъ то же самое лицо, которое кому то угодно было обратить въ Желѣзняка, но которое въ сущности есть «портретъ одного селянина полтавской губ., срисованный Трутовскимъ и награвированный В. В. Верещагинымъ» (В. В.), какъ сказано въ объясненіи къ этому рисунку въ сентябрской книжкѣ Основы 1862 г., на стр. 129-й.—Кто же обратилъ въ Желѣзняка сего мирнаго «селянина», можетъ бы и теперь еще сѣющаго гречь на полтавскихъ пажитяхъ?—Не объяснитъ ли г. Темненко сію мистификацію?

А. Л.

Дейнеки.

Во второй половинѣ XVII ст. среди смутъ и междуусобій, волновавшихъ козачество, появляется терминъ «дейнеки», которымъ обозначаютъ сбродныя толпы козаковъ и посполитыхъ, составлявшія нерегулярные и плохо вооруженные отряды, отличавшіеся крайне демократическимъ настроеніемъ, дѣйствовавшіе, впрочемъ, болѣе по внушеніямъ неопредѣленнаго инстинкта, чѣмъ по указаніямъ сколько нибудь яснаго политическаго сознанія.—Происхожденіе слова дейнеки оставалось непонятнымъ; Н. И. Костомаровъ предложилъ слѣдующую догадку для его уясненія: «*дейнеки* т. е., можетъ быть *де-не-яки*=кой какіе» (Историческія монографіи т. II стр. 72.—Гетманство Выговскаго). Это замѣчаніе, высказанное вскользь знаменитымъ историкомъ козачества, представляло единственную, извѣстную намъ, попытку объясненія даннаго слова.

Въ одной изъ актовыхъ книгъ кіевскаго центральнаго архива намъ встрѣтился документъ, который даетъ, какъ намъ кажется, болѣе удовлетворительное объясненіе искомаго термина: въ Летичевской гродской книгѣ № 5245, на оборотѣ 51 листа, подъ 1665 годомъ, записана жалоба дворянки Клобуковской на дворянина Петра Подлескаго; послѣдній съ толпою вооруженныхъ слугъ напалъ на домъ Клобуковской, выбилъ въ немъ окна, затѣмъ стрѣлялъ въ комнаты изъ лука и т. д. Во время послѣдовавшей свалки онъ былъ убитъ, но тѣмъ не менѣе Клобуковская подала жалобу въ судъ о причиненномъ ей насиліи и какъ corpus delicti представила оружіе, отнятое у убитаго Подлескаго; она «презентовала» въ судѣ: «arcum album, alias łuk białogrodzki, sagittas quatuor atque *dejnekam alias wegierę*»; затѣмъ описывая само происшествіе она говоритъ, что Подлескій

стрѣлялъ «per fenestram, *baculo*, *alias wegierą*, extrusam».—Сопоставивъ эти тексты находимъ, что слова: «дейнека, wegiera и baculum—синонимы: слѣдовательно слово дейнека означало палку, дубину. Намъ кажется, что на основаніи приведеннаго текста, можно предположить, что въ примѣненіи къ козацкимъ отрядамъ слово *дейнеки* должно было означать толпу вооруженную дубинами; предположеніе это будетъ отвѣчать характеристикѣ дейнецкихъ отрядовъ, составлявшихъ безпорядочный сбродъ бѣднѣйшаго народонаселенія, не имѣвшаго возможности запастись лучшимъ оружіемъ.

В. А.

Учитель графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, Т. М. Сенютовичъ.

Въ одной жалобѣ, поданной въ полов. прошлаго вѣка на генер. писаря Безбородка за самовольное замѣщеніе старшинскихъ урядовъ, послѣдній, между прочимъ, обвинялся, что еще будучи старшимъ канцеляристомъ (помощникъ генер. писаря) въ 1739 г., онъ, Безбородко, назначилъ черниговскимъ полковымъ судьею Тимофея Сенютовича, безвинно удаливъ отъ уряда при этомъ прежняго судью Ивана Мокріевича. «А въ прошломъ 1739 г., бывшій тогда старшій канцелярист, что нинѣ писарь войск. генеральный Безбородко, говорилось въ жалобѣ, согласясь съ нынѣшнимъ судіею полковымъ черниговскимъ Тимофеемъ, которой Сенютовичомъ назывался, а нынѣ Сенютою, чрезъ проискъ свой и подлогъ, оного называемого Сенютовича, кой тогда при главному малороссійскому командиру генералъ-аншефу и кавалеру Ал. Ив. Румянцеву *былъ учителемъ сына его*..... произвелъ обманомъ въ чинъ судейства безъ всякихъ его службъ и заслугъ, ибо оный Сенютовичъ посполитого званія человѣкъ и отправлялъ въ ту пору службу приватную въ ученіи школы дѣтей (sic) и съ тоя службы произведенъ въ чинъ судейства» ... Оправдываясь противъ этой жалобы, Безбородко писалъ, что Сенюта «за то опредѣленъ судіею полковымъ, яко онъ на своемъ коштѣ *въ иностранныхъ земляхъ разныхъ языковъ учился* и въ разныхъ былъ переводахъ.»

А. И. Румянцевъ былъ правителемъ Малороссіи въ 1738—40 г.г. Конечно, въ это время Сенютовичъ и былъ учителемъ его сына, будущаго побѣдителя турокъ, которому въ 1738 г. было тринадцать лѣтъ (род. въ 1725 г.). До сихъ поръ нѣтъ обстоятельной біографіи

знаменитаго полководца и умнаго администратора Румянцева—Задунайскаго, и мы не знаемъ, гдѣ онъ онъ провелъ свою юность. Имѣется извѣстіе, что П. А. Румянцевъ «возросъ въ Малороссіи»; а если это такъ, то можетъ быть, что Сенютовичъ, какъ видно человѣкъ очень образованный для своего времени, былъ не только учителемъ, но и вообще наставникомъ Румянцева, который при этомъ и усвоилъ ту привязанность къ Малороссіи, о которой говоритъ издатель «Анекдотовъ, объясняющихъ духъ фельдмарш. графа П. А. Румянцова—Задунайскаго» (Спб. 1811. 8°). На стр. 63-й этой книжки читаемъ: «Графъ Румянцевъ, возросшій въ Малороссіи, былъ столь привязанъ къ своей родинѣ, что всегда, встрѣтивъ одноземца, старался обласкать всѣми силами и до того прославился своею любовію къ Малороссіи, что каждый уроженецъ ея, ѣхавъ въ Петербургъ, почиталъ графа Задунайскаго лучшимъ своимъ покровителемъ. Иногда услышавъ малороссійское произношеніе, отъ коего не могъ отучиться совершенно, радовался подобно дитяти, а встрѣтивъ однажды на улицѣ совсѣмъ незнакомаго ему одноземца, распрашивалъ о его обстоятельствахъ и понялъ, почему онъ не былъ у графа Румянцева.» Учитель Румянцева—Тимофей Сенютовичъ былъ родной племянникъ извѣстнаго печерскаго архимандрита Іоанникія Сенютовича (1715—1729), уроженца г. Сосницы. У архимандрита было два брата, Михаилъ и Іоасафъ, о которыхъ знаемъ, что они сначала учились въ «кіевскомъ коллегіумѣ» («для подпоры церкви святой восточной»); а потомъ были тоже монахами. Но средній, Михаилъ, въ монашествѣ Митрофанъ, до монашества былъ женатъ и имѣлъ трехъ сыновей: Тимофея, Лазаря и Дмитрія, изъ которыхъ Тимофей и Дмитрій въ 1709 г. учились «въ латинскихъ школахъ». Вѣроятно при помощи дяди-архимандрита, Тимофей Михайловичъ Сенютовичъ и могъ докончить свое образованіе въ «иностранныхъ земляхъ».

А. Л.

Запорожцы посылаютъ изъ Петербурга въ Сѣчь за водкой.

Въ 1766 г. кошевой Кальнишевскій съ товарищами, находился въ Петербургѣ по разнымъ дѣламъ «войска». (Исторія Нов. Сѣчи, изд. 3-е, III, 279 и слѣд.). Тамъ же въ это время находился и графъ Румянцевъ, президентъ малороссійской коллегіи, вѣдѣнію которой

подчинялось и «Войско запорожское». Запорожцы зажились въ столицѣ и прохарчились. Не стало у нихъ и водки, которую они привозили съ собою изъ Сѣчи. Пришлось посылать за нею. По этому случаю и дано было гр. Румянцевымъ малороссійской коллегіи слѣдующее предложеніе: «господинъ кошевой атаманъ войска низоваго запорожскаго Калнишевскій отправилъ старшину Антона Головатого для привозу ему и старшинамъ войсковымъ, находячимся при немъ, *ради собственного ихъ здѣсь употребленія*, изъ Сѣчи запорожской пятидесяти вѣдеръ вина горячого, на свободный провозъ котораго отъ показанного мѣста до Санктпетербурга, дать отъ малороссійской коллегіи ему, Головатому, обыкновенную выпись, въ силѣ указовъ» (20 апрѣля 1765 года. Санктпетербургъ)[1].

Сообщ. **А. Л.**

Березенская Вознесенская церковь.

Находящаяся въ заштатномъ городѣ черниг. губерніи Березномъ церковь Вознесенія Господня, рисунокъ которой помѣщенъ при этой книжкѣ, представляетъ одинъ изъ старѣйшихъ памятниковъ южнорусской церковной архитектуры XVII—XVIII вѣка. Построенная въ 1759—1761 гг. она, безъ всякаго сомнѣнія, сохранила многія черты церквей XVII вѣка, двѣ изъ которыхъ послужили образцами для ея строителей. Различныя детали постройки могутъ быть выведены изъ разсмотрѣнія приводимаго нами ниже контракта, заключеннаго въ 1759 году священниками прежней Вознесенской церкви, сотникомъ и жителями Березнаго со строителями Аѳанасіемъ Семеновымъ Шолудкомъ и товарищемъ его Тимофѣемъ Іосифовымъ. Какъ видно изъ этого контракта, при постройкѣ тогда новой церкви были сохранены размѣры и форма другой мѣстной церкви, Благовѣщенской, построенной до 1676-го года[2]. Судить о томъ, на сколько нынѣшняя Вознесенская церковь воспроизводитъ старую Благовѣщенскую, въ настоящее время мы не можемъ, такъ какъ послѣдняя сгорѣла еще въ 1765 году. Несомнѣнно, однако, что полнаго сходства между этими двумя церквами не существовало, и въ самомъ контрактѣ указана

[1]) Книга записная полученныхъ отъ его сіят. малороссійской коллегіи президента гр. П. А. Румянцова, въ малоросс. колл. предложеній, 1766 г. Кіевск. Центр. Арх.

[2]) См. Историко-статист. описаніе черниг. епархіи. Кн. V, стр. 135.

ихъ разница, состоящая въ томъ, что три алтаря и двѣ башни предъ входомъ заимствованы для церкви Вознесенья изъ другой старой, существовавшей съ XVII ст., церкви г. Березнаго, Покровской. Очень возможно, что существовали и другія отличія, такъ какъ строители нашей церкви могли получить во время постройки особыя указанія со стороны своихъ заказчиковъ, относившіяся «къ лутшому того строенія манеру». Какъ бы то ни было, березенская Вознесенская церковь вмѣстѣ съ девятиглавымъ запорожскимъ соборомъ въ г. Новомосковскѣ, рисунокъ котораго былъ приложенъ къ первой книжкѣ «Кіев. Стар.» за прошлый годъ, является одной изъ типичнѣйшихъ старинныхъ деревянныхъ церквей, форма которыхъ выработалась и развилась изъ господствовавшаго въ Малороссіи еще въ прошломъ столѣтіи и теперь вымершаго типа деревянныхъ трехглавыхъ храмовъ. На прилагаемомъ рисункѣ читатель легко можетъ замѣтить нѣкоторыя особенности во внѣшней формѣ Вознесенскаго храма, особенности, составляющія, по словамъ гг. Мартиновича и Горленка, занимавшихся недавно вопросомъ о церквахъ старинной постройки въ полтавской епархіи, отличительныя признаки старинной церковной архитектуры Малороссіи [1]). Каждая изъ пяти главъ нашей церкви покоится какъ бы на отдѣльномъ корпусѣ, имѣющемъ форму восьмигранной башни, при этомъ четыре наружныхъ башни примыкаютъ къ пятой срединной, болѣе высокой, чѣмъ остальныя, которая и составляетъ главный корпусъ зданія. Окна, расположенныя въ три яруса, не считая куполовъ, въ которыхъ помѣщается еще одинъ, а въ главномъ яруса ихъ, двоякой формы: четырехугольныя, узкія и длинныя, и крестообразныя. Видны на рисункѣ и маленькая крыша на крышѣ пристройки къ церкви, назначеніе которой предохранять нижнюю крышу отъ гніенія. Характернымъ намъ кажется и устройство верхней части нашей церкви. Дѣло въ томъ, что въ старинныхъ малорусскихъ церквахъ отдѣльные корпуса состояли изъ нѣсколькихъ ярусовъ суживающихся по мѣрѣ приближенія къ верху башенъ, соединенныхъ между собою неполными куполами, похожими на отрѣзанную нижнюю часть колокола, такъ что въ общемъ отдѣльная глава, или даже башня церкви нѣсколько походила на растянутую зрительную трубу. На самомъ верху помѣщался маленькій полный куполъ. Промежуточные, неполные купола назывались «полубаньками», цѣлая же отдѣльная глава—

[1]) См. №№ 15—16 Полт. Епарх. Вѣдомостей и замѣтка въ „Кіев. Старинѣ“ за 1888 годъ, № 11.

«баней», въ какомъ смыслѣ она фигурируетъ и въ шестомъ пунктѣ нашего контракта. Образцемъ такого устройства можетъ служить запорожскій храмъ въ Новомосковскѣ: въ немъ каждая башня имѣетъ четыре яруса, съ отдѣльнымъ рядомъ оконъ для каждаго; ярусы соединены тремя «полубаньками». Въ березенской церкви ярусовъ меньше—два въ боковыхъ башняхъ, три въ главномъ корпусѣ, почему и «полубанекъ» меньше, но форма послѣднихъ тождественна съ полукуполами церкви въ Новомосковскѣ. Да и вообще, «бани» церкви на снимкѣ схожи съ куполами многихъ церквей, какъ въ Кіевѣ (Спасъ на Берестовѣ, Михайловскій мон., Кириллов. мон., Софійскій соборъ, Трехсвятительская церковь и другія), такъ и по всей Малороссіи, особенно по уѣзднымъ городамъ. Изъ другихъ особенностей Вознесенской церкви можно указать на два «преддверніи слупы», или двѣ башенки съ западной стороны ея, направо и налѣво отъ главнаго хода. Башенки эти «зъ банями манернымі» выстроены по точному примѣру Покровской березенской церкви, бывшей въ то время соборной, и напоминаютъ башни въ порталѣ Богоявленской церкви Братскаго монастыря. По всему вѣроятію, заимствованы онѣ малорусскими церквами изъ господствовавшаго въ XVII—XVIII ст. на югѣ Россіи въ католическихъ костелахъ готическаго стиля. За удовольствіе имѣть «слупы зъ манерними банями» березенцы въ контрактѣ освободили Шолудка отъ постройки «бани» надъ женскимъ придѣломъ и «преддвернаго бабинца». Вѣроятно, они впослѣдствіи перерѣшили, такъ какъ на нашемъ рисункѣ виднѣются всѣ пять бань. Отсутствіе же бабинца повело къ скученію всѣхъ частей церкви, что при достаточной высотѣ придаетъ послѣдней довольно стройный видъ. Вмѣсто бабинца строитель устроилъ «щитъ», собственно арку, служащую притворомъ. На верху этой арки, почти подъ самой крышей, снаружи церкви онъ провелъ хоры и на одинаковой высотѣ съ ними другіе внутри церкви. Еще одна наружная галлерейка устроена аршинъ на 8—9 ниже первой вдоль всей западной части церкви. Такъ какъ церковь на снимкѣ обращена къ зрителю восточной своей стороной, то ни щита, ни наружныхъ галлерей намъ не видно. Согласно условію, церковь устроена безъ «опасанья» (въ контрактѣ «абасань») т. е. наружной крытой галлерейки вокругъ всего зданія. Въ 1761 году постройка Вознесенской церкви была окончена. Такимъ образомъ простой мѣщанинъ г. Нѣжина, человѣкъ безъ всякаго теоретическаго образованія, выполнилъ довольно сложную архитектурную работу; и такимъ самоучкамъ-архитекторамъ, иногда художникамъ по

натурѣ, какъ Погребнякъ, построившій запорожцамъ новомосковскій храмъ, обязаны своимъ существованіемъ старыя церкви не только селъ, но и городовъ Малороссіи.

Впрочемъ, священники старой Вознесенской церкви и жители Березнаго не положились вполнѣ въ дѣлѣ постройки на вкусъ и умѣнье Шолудка и обязали послѣдняго условіемъ: «что отъ нхъ (заказчиковъ) къ лутшому того строенія манеру будетъ приказано дѣлать, оное повелѣніе не пренебрегая со всякимъ тщаніемъ радѣтелно и безспорно исполнять». Любопытно, что тотъ же четвертый пунктъ контракта, въ которомъ помѣщено предыдущее условіе, обязываетъ строителей вести себя благопристойно во все время постройки, воздавать честь священникамъ и горожанамъ березенскимъ и не пьянствовать.

Вознагражденіе за постройку строители получили главнымъ образомъ провизіей и деньгами. Провизія цѣликомъ уходила на прокормленіе рабочихъ во время работы, какъ видно изъ условія въ шестомъ пунктѣ контракта, согласно которому она должна была выдаваться Шолудку не вся сполна, а по частямъ, по мѣрѣ надобности. Такимъ образомъ за болѣе чѣмъ годовой трудъ, Шолудко и, по всему вѣроятію, цѣлое товарищество плотниковъ, получили, кромѣ пищи, деньгами всего 395 рублей и немного матеріи на одежду; при чемъ всякій недосмотръ и недостатокъ въ постройкѣ исправлялся на счетъ Шолудка.

Церковь Вознесенія Господня выстроена на каменномъ фундаментѣ, трехпрестольная съ двумя придѣлами во имя св. Георгія и св. Николая. Колокольня стоитъ отдѣльно отъ церкви. По обѣимъ сторонамъ алтаря придѣланы «паламарня и кладовая». Снизу до верху церковь обита «шаліовницами» и первоначально была покрыта гонтомъ. Расположена она была около срытаго уже теперь вала, внутри прежней березенской крѣпости, «близъ воротъ черниговскихъ». Размѣры ея, по словамъ ея нынѣшняго священника, таковы: высота—17 саж., длина—11 с. и ширина—$10^1/_2$ с. При храмѣ издавна былъ теплый храмъ во имя св. Варвары, возобновленный въ недавнее время. До послѣдняго времени при ней уцѣлѣла школа давнихъ временъ, но прежней богадѣльни при ней уже нѣтъ. Изъ древнихъ евангелій замѣчательны въ ней одно львов. печати 1644 года, другое м. п. 1694 г.

Приводимъ контрактъ 175?-го года на постройку березенской Вознесенской церкви, которымъ мы пользовались въ нашей замѣткѣ.

Интересенъ онъ, въ дословной передачѣ, между прочимъ, по обилію въ немъ оригинальныхъ малорусскихъ терминовъ, относящихся къ церковной архитектурѣ.

По шестому пункту этого договора можно судить, въ сколько приблизительно оцѣнивалась въ то время постройка различныхъ частей обыкновенной деревянной церкви. Означенный контрактъ сообщенъ редакціи въ оригиналѣ нынѣшнимъ священникомъ Вознесенской церкви, о. Петромъ Михальченкомъ.

П. Т.

Тысяча сѣмсотъ пятьдесятъ девятого года іюля шестого дня.

Я ниже подписавшійся житель нѣжинскій Афанасій Семеновъ Шолудко с товарищемъ моимъ Тимофѣемъ Иосифовимъ чиню вѣдомо симъ моимъ даннимъ священникамъ Вознесенскимъ Березинскимъ и его благородію господину сотнику Березинскому Якиму Сахновскому з гражданами Березинскими жъ контрактомъ во всякомъ судѣ и правѣ и кому би сего вѣдать будетъ потребно теперъ и впредъ слѣдующіе времена, что договорился я с ними священниками и гражданами о нижеписанномъ: 1-е, имѣю я состоящую в городѣ Березномъ старую церковъ Вознесенскую совсѣмъ разобрать, и на ономъ мѣстѣ зделать вновъ искусно деревяную на каменномъ основаніи троепрестольную церковь с пяти банями и при троихъ церковнихъ дверахъ придѣлами без абасанѣ, а при четвертихъ олтарнѣхъ— паламарнею, а с другой сторони олтара противъ паламарнѣ— кладовою, в мѣру и вышину таковую, какъ Благовѣщенская Березинская церковъ зделана и таковим же манеромъ, толко о троихъ олтарахъ и по здѣланіи около шаліовницами оббить, а банѣ шаліованнемъ и полубанки пошаліованнѣ гонтою покрить; 2-е, оную жъ церковъ долженъ я сего года с отдачи сего моего контракта недель в двѣ разобрать совсѣмъ, и какъ надлежитъ подъ оную церковъ основаніе каменное починать делать, тое имѣю показать и размѣрить уговоренному особливо на то майстру; 3, по окончаніи же того основанія каменного тотъ часъ тую церковъ наономъ основаніи каменномъ за помощію Божіею з скоримъ поспѣшеніемъ рачително дѣлать начну, и от начатка дѣланія оной в еденъ годъ построить совсѣмъ имею конечно; 4-е, ежелиж би при постройки той церкви могло дерево какое за моимъ несмотрѣніемъ спорчено или что нескусно

здѣлается, то тое я своимъ коштомъ пополнять долженъ; 5-е, будучи жъ мнѣ в той церковной работѣ, честь священникамъ и гражданамъ отдавать и непьянствовать и что отъ ихъ к лутшому того строенія манеру будетъ приказано дѣлать, оное повелѣніе, не пренебрегая, со всякимъ тщаніемъ радѣтелно и безспорно исполнять и во всемъ с ними священниками и гражданами жить имѣю такъ какъ честнимъ и доброго состоянія людямъ приличествуетъ; 6-е, по издѣланіи же той церкви звнѣ и извнутрь совсѣмъ работою на оную кресте без всякои порчи снести и укрипить, якъ лутше долженъ; 7, за оной же той трудъ по доброволному с ними договору долженъ я отъ священниковъ и гражданъ получить готовихъ денегъ тристасемдесятъ пять рублей, муки ржаной тридцать двѣ осмачки, гречаной тредцать четвертей, пшеничной десять четвертей, пшона восѣмъ четвертей крупъ, гречанихъ восѣмъ четвертей, сала двадцать пять пудъ, соли двадцать пять пудъ, барановъ двадцать, яловицъ три, кабановъ десять, сира пять пудъ, масла пудъ одинъ, риби чехонѣ круглой пять тисячъ, чабана платаного пять сотъ, олѣи полтораста квартъ вѣдерковихъ, горѣлки кадокъ тридцать, сукна французского локоть десять, китаю двѣ трубки, на шапку рубль, на поясъ два рублѣ денегъ, да козлинъ двѣ;—которіе денги имѣю я принимать по частямъ, яко то: при дачи сего контракта в задатокъ взялъ пять десятъ рублей, при вступленіи въ дѣло оправлять на оную церковъ деревню, пятъ десятъ рублей, при заложеніи на каменномъ основаніи той церкви и за ощипомъ одвѣрковъ пять десятъ рублей, за ощипомъ оконъ крестовихъ пять десятъ рублей, за засклепованіемъ четирехъ банъ нисшихъ пять десятъ рублей, за окончаніемъ и прикритіемъ болшой банѣ пять десятъ рублей, за обойкою шаліовницами вкругъ церкви двадцать пять рублей, а за окончаніемъ звнѣ и извнутрь всей по моему майстерству работи пять десятъ рублей имѣю взять. Вишеписанную же провизію должни они священники и граждане мнѣ отдавать не всю сполна, но сколко мнѣ с оной чего будетъ потрѣбно; чего для в достовѣріе и сей мой контрактъ за подписомъ моимъ и товарища моего рукъ имъ священникамъ з гражданами данъ, а что они имѣютъ по договору вище писанное все без остатка мнѣ отдавать в такой же силѣ контрактъ и отъ ихъ принялъ.

Майстеръ Афанаси Семеновъ своеручно подписався. Вмѣсто его неграмотного Тѣмофѣя Есипова по его прошенію Кондратъ Григориевъ подписался.

Въ добавку сего моего контракта еще задолжаюся по точному примѣру Покровской Березинской церкви два преддверніе слупи здѣлать зъ банями манерними и превосходя ту работу, какъ можно красивѣйше дѣлать старатимуся; вмѣсто чего опущено мнѣ отъ нихъ прихожанъ дѣлать пятую надъ женскимъ придѣломъ баню и преддверній бабинецъ, но где должно было быть пятой банѣ, тамъ засклепить и покрить подъ вилчикъ шаліовницами и гонтою, а вмѣсто бабинца здѣлать щитъ посредѣ помянутихъ слуповъ, какъ можно искуснѣйшею работою. За что мнѣ звишъ сего моего контракта должни они прихожане же заплатить денегъ рублей двадцятъ. А чтожъ по сему и прописанную работу безспорно здѣлать долженствую, въ томъ своеручно подписуюсь: Майстеръ Афанаси Семеновъ своеручно подписався. Помянутого Афанасія товарищъ Тимофѣй Іосифовъ, а вмѣсто его неграмотнаго, по его рукоданному прошенію дьячокъ Вознесенскій Березинскій Семенъ Михайловъ подписался.

Замѣчательныя колядки.

Передо мною лежитъ интересный рукописный сборникъ колядокъ, записанныхъ свящ. Михаиломъ Зубрицкимъ въ горскомъ селѣ Мшанцѣ турчанскаго уѣзда въ началѣ 80-хъ годовъ. Между этими колядками (всѣхъ 19 номеровъ) есть одна, по моему мнѣнію, заслуживающая особеннаго вниманія,—почему, это видно будетъ изъ самаго ея текста, который здѣсь прилагаю. Колядка поется обыкновенно «старшому братови церковному». Вотъ она.

1. А що намъ было зъ нащаду свита—
   Славенъ есъ, Боже, по й усимъ свити и на небесихъ.
2. Ой не было жъ намъ хиба сина вода,
3. Синая вода, тай билый каминь.
4. А прыкрывъ Господь сыровъ земляцевъ,
5. Выросло на нимъ кедрове древо
6. Барзъ высочейке и барзъ сличнейке.
7. Высмотрила го Пресвята Дива,
8. Зизвала дъ нему сорокъ ремисныкивъ.
9. „Ой пидите жъ вы, ремиснычейки,
10. А зитните жъ вы кедрове древо,

11. Збудуйте зъ него святу Софію,
12. Святу Софію въ святемъ Кійови,
13. Бы на ній было симдесять вирхивъ,
14. Симдесять верхивъ, симдесять крыживъ,
15. Семеро дверій, а едны видлогы".
16. День будувалы, въ ночи втикалы,
17. Въ ночи втикалы, въ день прыбывалы.
18. А зиславъ Господь ангела зъ неба.
19. „Не влякайтеся, ремиснычейкы!
20. Давъ вамъ то Господь ведлукъ силойкы.
21. Крыжи робите, верхы зводите!"
22. Единъ вершейко барзъ высочейко,
23. Барзъ высочейко и барзъ слычнейко.
24. А въ тимъ вершейку золотый престилъ,
25. За тымъ престоломъ самъ мылый Господь
26. Служилъ службойку суборовую.
27. Суборовую, заздоровую,
28. И за здоровья нашого брата,
29. Нашого брата и всихъ христіянъ
30. Таитуды лежитъ зъ давну стежейка.
31. Стежкою идс польська винойка.
32. Межи нымы йде полковнычейко.
33. Стала винойка въ крыжи стриляты.
34. Рече словейко полковнычейко:
35. „А не стриляйте жъ въ свитіи крыжи,
36. Бо спустыть Господь огняный дождыкъ,
37. Огняный дождждыкъ, громови кули,
38. Затопытъ Господь польську винойку".
39. Вны не слухалы, въ крыжи стрилялы.
40. Ай такъ ся стало, якъ винъ говорывъ:
41. Испустывъ Господь огняный дождыкъ,
42. Огнянный дождикъ, громови кули,
43. Затопывъ Господь польську винойку.
44. Хиба намъ зиставъ полковнычейко,
45. Полковнычейко, той нашъ братейко.
46. Бы на здоровья, на многи лита!
47. Гей нашъ панейку, то нашъ братойку!
48. Не самъ и съ собовъ, а зъ мылымъ Богомъ,
49. Изъ мылымъ Богомъ, зъ господынейковъ,
50. Зъ господынейковъ и зъ челядойковъ.

Что прежде всего любопытно въ этой колядкѣ, такъ это упоминаніе Кіева и св. Софіи въ такой отдаленной и захолустной мѣстности, гдѣ народъ въ настоящее время едва ли знаетъ даже о существованіи Кіева, не говоря уже о св. Софіи. Такъ и хочется заподозрить въ этомъ мѣстѣ (ст. 11 и 12) искусственную поддѣлку,

хотя собиратель извѣстенъ мнѣ, какъ человѣкъ довольно серьезно образованный и знакомый съ научными требованіями при записываніи произведеній народнаго пѣсеннаго творчества.

Самаго бѣглаго взгляда на текстъ предлагаемой колядки довольно, чтобъ убѣдиться въ ея компилятивномъ характерѣ. Весь составъ ея естественно распадается на пять частей. Часть первая, ст. 1—16, не что иное, какъ испорченная и сокращенная колядка о началѣ свѣта, въ полномъ видѣ извѣстная изъ сборника Головацкаго (т. II, 5, № 7.) и разобранная А. А. Потебней («Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ», II, стр. 738—740). Но мотивъ тотъ сейчасъ же переходитъ въ другой мотивъ—созданія церкви (стр 7—15, 22—29). Это тоже извѣстный колядочный мотивъ; сюда принадлежащія пѣсни указаны А. А. Потебней («Объясненія», II, 619—620). Цѣльность этого мотива нарушается въ нашей колядкѣ вставкой (ст. 16—21), которая очевидно представляетъ сколокъ съ совсѣмъ другаго мотива. Стихи эти довольно неясны; въ нихъ не сказано, почему «ремиснычейкы» днемъ работали, а ночью должны были убѣгать съ мѣста работы, чего они «влякалыся» такъ, что нужно было ангела небеснаго для ихъ успокоенія. Мнѣ кажется, здѣсь происходило что нибудь похожее на то, что разсказывается въ польской легендѣ о «вежи седьми вождей», которые строили башню: что построятъ днемъ, то ночью провалится сквозь землю, но когда въ концѣ выведенъ былъ верхъ башни, стѣны ея чудеснымъ образовъ поднялись изъ земли. На такое чудо указываетъ въ нашей колядкѣ и испугъ рабочихъ, убѣгающихъ всякую ночь съ мѣста работы, и приказаніе ангела «Крыжи робите, верхы зводите!» Упомянутую польскую легенду я слыхалъ когда то (въ 60 хъ годахъ) отъ захожаго краковяка—кузнеца; въ польской литературѣ ее переработалъ одинъ изъ поэтовъ Романъ Загорскій въ довольно пространной и съ талантомъ написанной поэмѣ п. «Wieża siedmiu wodzów».

Новый и до сихъ поръ въ колядкахъ не встрѣчавшійся мотивъ представляютъ стихи 30—45. Стихи эти основаны, очевидно, на какомъ нибудь апокрифическомъ сказаніи, какъ наказаны были язычники, ругавшіеся надъ христіанской святыней. Стихъ 45 довольно механическимъ образомъ связываетъ это съ основной цѣлью всякой колядки—величаніемъ того лица или дома, которому она поется. Остальные стихи (46—50)—обычный финалъ, состоящій изъ благожеланій и съ соотвѣтственными перемѣнами повторяющійся послѣ каждой колядки.

Миронъ.

Малороссійскія рождественскія вирши.

Извѣстны въ окрестностяхъ с. Ксендзовки кролевец. уѣзда черниговской губ.—списаны со словъ Ан. Ал. Порохонской [1]).

1.

Хрыстосъ родывся,
Мыръ взвеселывся,
Сегодняшнымы часы,
Для сыхъ родынъ
Всякъ христыянынъ
Уменае ковбасы.

2.

Диды, бабы
Пыво, меды,
Горилку, варену
Кухлыкомъ пыють;
Зъ кнышамы труть
Свыныну печену.

3.

Паны, купци,
Славные кравци,
Шынкарство, мещане
Обо симъ Рыздви
Вси у нови
Убраны жупаны!
Хлопци, дивкы
На выпередкы
Бигаютъ пидъ хатки,
Якъ ты вовкы
Або свынкы
Скурнечуть колядкы.

5.

Маты земля
Уся гуля
Узявшысь въ бокы,
Письни гука,
Бье гоцака,
Въ пидковы шырокы.

6.

Ангелы вси
Скачуть и въ ладони плещуть,
Письни гудутъ
Зъ радости бьють,
Якимови доли (?)

7.

Старенькій Бигъ
На стилъ излигъ,
Да самъ собы дума,
Усимъ душамъ
Праздникъ, а Адаму рюма [2]).

8.

Тяжко здыхнувъ
И тукъ губнувъ
Гаврыла [3]) швыденько.
Да и сказавъ,
Щобъ лыстъ ославъ,
Адаму хутенько.

9.

Архыстратыгъ
Мотнувся вмигъ,
Папиръ и черныло
Де треба взявъ
Да й напысавъ
Адаму такъ мыло:

10

«Чесный Адамъ!
Ты всимъ людямъ
Праотець зовесся,
Постый не плачъ,
Ось, ось, якъ бачъ,
Одъ пекла спасесся!

---

[1]) Варіантъ этой вирши см. у Безсонова „Калеки Перехожіе“, вып. 4 й, стр. 27, а также у Терещенка „Бытъ русс. народа“, ч. 7-я, стр. 68—69.

[2]) плачъ (rumsać płakać).

[3]) Арх. Михаила.

11.

Бо вже на свитъ
Якъ рожы цвитъ
Хрыстосъ народывся.
Винъ адъ стребыть,
Чорта смырыть,
Щобъ тый не гордывся!

12.

Смерть злу Ягу
Зогне въ дугу
И зломыть йіи спыну;
Гострy косу
И сбрую всю
Змете, якъ паутыну.

13.

Адськыхъ сппакъ
Зотре, якъ макъ,
Зобъе въ мабуху;
За ихъ плутню
И всю бредню
Винъ дать имъ цукрухи.

14.

Кать бы ихъ ма
У ныхъ нема
Никому спуску,
Хоть бы святець
Або чернець,
Осмалыть, якъ гуску.

15.

Того святци,
Того ченци
Не мыналы страху.
Хвылозопы,
Протопопы
Набыралысь жаху!

16.

Пропавъ той страхъ,
Зарисъ той шляхъ,
Купямъ та болотомъ,
Де той злый духъ
Глутавъ, якъ мухъ
Ненасытнымъ ротомъ.

17.

Пропавъ той страхъ:
Теперъ той шляхъ
До Раю протертый!
Безъ сторожей
Вси на встежей
Ворота одперты!

18.

Уже велять
Яблоны рвать
Изъ райского древа;
Зъ нього плодъ
Не веливъ Богъ,
Да вкусыла Ева!

19.

Бидна Ева
Одну зъ древа
Вырвала кыслычку;
Збула власти;
Треба прясты
На гребени смычку!

20.

Черезъ нен тамъ
Бидный Адамъ
Щось кажуть прокудывъ,
За то ёго Богъ
Иты за порогъ
Адама прынудывъ!

21.

За ту йнду
Ева биду
Заслужыла сію;
Въ честь Адаму
Ажъ за браму,
Выбылы у шію!

22.

Глупа жона:
Сама она

Яблучко строщыла;
За одынъ плодъ
Увесь народъ
У пекло втащыла.
. . . . . .
. . . . . .

(Недостаетъ 2 куплета).

Финалъ:

Сю виршу, Панове,
Що празныка чытаю,
И святымъ Рождествомъ
Васъ поздоровляю!

Сообщилъ **К. В. Болсуновскій.**

Рождественская „вечеря".

По повѣрью малоросса «хрещеныкы» на томъ свѣтѣ будутъ подавать своимъ «хрещенымъ батькамъ та матерямъ» воду, но только въ томъ случаѣ, если они будутъ на этомъ свѣтѣ въ рождественскій «святвечиръ» носить имъ «вечерю». Кромѣ того «вечерю» эту «годытся» носить имъ еще въ виду слѣдующаго, какъ гласитъ и иводимая легенда, обстоятельства:

Якъ хто бувъ у Ерусалыми, такъ розказують: тамъ, де жыды Хрыста мучилы, осталось два жыденкы. Якъ мисяць молодый—то и воны молоди, а якъ мисяць старый—то й воны стари. И тамъ пры дорози стоить гробъ Господень, а пры ёму ти два жыденкы зъ виныкамы та все обмитають зъ ёго ту полову, шо—якъ хто у недилю віе, то іи и несе сюды, а вона и сида на гробъ. Такъ кажуть все пытають:

— А то чы ше кумъ до кума носе вечерю?

— Носе,—одвитять.

— Ну, ше, кажуть, далеко страшный судъ, а якъ перестане кумъ до кума вечерю носыты, тоди и страшный судъ буде.

(Зап. въ александровскомъ у. екатерин. губ. Ив. М—ра).

Ив. Манжура.

Рождественскія святки на Волыни [1]).

Еще недѣли за двѣ до наступленія рождественскихъ святокъ наши села оживляются—начинаются приготовленія къ празднику. Первымъ признакомъ близости святокъ служитъ бѣленіе хатъ. Два раза въ годъ—передъ Рождествомъ и передъ Пасхой—всякая крестьянская хата бѣлится и внутри, и снаружи [2]). Одновременно съ этимъ

---

[1]) Наши наблюденія относятся къ староконстантиновскому у. волынской губ.

[2]) Шестая недѣля великаго поста такъ и называется у нашихъ крестьянъ „билымъ тыжднемъ".

моютъ и чистятъ посуду, столы, лавки, моютъ бѣлье. По всему селу раздается визгъ убиваемыхъ свиней, а въ воздухѣ носится запахъ гари, потому что всякій, даже бѣднякъ, старается зарѣзать къ празднику хоть поросенка. Передъ самымъ праздникомъ, дня за три начинается печеніе и вареніе всякихъ снѣдей: пекутся кныши и пироги, варится и жарится разнаго рода рыба (преимущественно судакъ), а самое главное, приготовляется узваръ и кутя. Узваръ варятъ изъ сушеныхъ яблокъ, грушъ, сливъ, вишень, а кутю изъ пшеничныхъ или ячныхъ крупъ; ѣдятъ кутю съ медовою сытою, а за неимѣніемъ меду съ сахарнымъ сиропомъ и маковымъ молокомъ.

Вотъ, наконецъ, и 24 декабря — «вилія». Передъ наступленіемъ вечера хозяинъ или старшій въ семьѣ вноситъ въ хату охапку сѣна и снопъ разнаго рода хлѣба: пшеницы, жита, овса и т. п. Помолившись передъ образами, онъ поздравляетъ присутствующихъ съ наступающимъ праздникомъ, сопровождая поздравленіе разными пожеланіями, кладетъ сѣно въ переднемъ углу подъ образами и ставитъ на него снопъ. Хозяйка же ставитъ на сѣно узваръ, кутю и кладетъ хлѣбъ и соль. Во время этого обряда всѣ присутствующіе въ хатѣ садятся [1]).

Къ вечеру этого дня крестьяне одѣваются по праздничному. Заплатанный, засаленный кожухъ замѣняется новымъ, бѣлымъ или свиткой изъ чернаго, домашняго сукна; вмѣсто грязныхъ полотняныхъ штановъ и дырявыхъ сапоговъ, а то и лаптей, надѣваются новые, голову расчесываютъ и смазываютъ масломъ. Такой торжественный видъ нашъ крестьянинъ имѣетъ очень и очень рѣдко — раза три — четыре въ годъ. Женщины заботятся о своемъ нарядѣ еще больше. Молодицы и дѣвушки надѣваютъ ситцевые сорочки съ вышитыми рукавами и воротникомъ, красныя или голубыя юбки, цвѣтные кафтаны — «кунтушы» и «кетлыкы» (старухи носятъ черные — «бекешы») и желтые сапоги. Голову молодицы повязываютъ большими красными съ черными платками, а дѣвушки убираютъ вѣнками изъ искусственныхъ цвѣтовъ и «бындами» (лентами).

По заходѣ солнца разряженная крестьянская семья садится за столъ, покрытый бѣлой скатертью, подъ которой тоже разостлано

---

[1]) Намъ не удалось добиться отъ крестьянъ объясненія значенія этого обряда. На всѣ наши распросы какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ намъ давали одинъ отвѣтъ: „диды, прадиды нашы такъ робылы, такъ и мы робымо. А на що воно такъ треба — Богъ его святый знае. Алежъ видно такъ треба, коли такъ робылы и роблять".

сѣно. Въ этотъ день не ѣдятъ «до звѣзды» и обѣдъ соединяется съ ужиномъ. Прежде всего подаютъ на столъ узваръ и кутю. Одинъ изъ семьи беретъ въ ложку кути и бросаетъ вверхъ, приговаривая: «морозе, морозе! иды кути йисты!». За узваромъ и кутей слѣдуетъ рыба—жареная, вареная и холодная или «холодець». Послѣ рыбы подаются борщъ и каша, а затѣмъ «локшина» (лапша), вареники и пироги. Вечеря продолжается довольно долго; передъ каждымъ кушаньемъ чарка обходитъ въ круговую всѣхъ отъ мала до велика; даже дѣтямъ крестьяне въ торжественныхъ случаяхъ даютъ водку; на этотъ счетъ у крестьянъ существуетъ убѣжденіе, что кто ребенкомъ пьетъ много водки, тотъ, выросши, не будетъ пить вовсе. Впрочемъ, въ первые дни Рождества и Пасхи крестьяне пьютъ сравнительно мало, такъ какъ въ эти дни считается грѣхомъ ходить въ шинокъ.

Кутю оставляютъ на столѣ и на ночь и кладутъ въ нее ложки въ увѣренности, что ночью приходятъ умершіе родственники хозяевъ и тоже ѣдятъ кутю. Огней въ эту ночь не тушатъ, да и спятъ очень мало или даже вовсе не спятъ, особенно старые люди, «хто въ таку нычъ, шдъ таке велыке свято, спыть, говорятъ они, той царство небесне, спасиння проспыть».

На «вилію» же (а у иныхъ на второй день праздника) посылается «вечеря» бабѣ (т. е. повитухѣ, воспринимавшей ребенка) и кумамъ. Вечеря эта состоитъ изъ одного или двухъ кнышей, нѣсколькихъ пироговъ и жареной рыбы. Если ребенокъ великъ, то онъ несетъ вечерю самъ, въ противномъ случаѣ несетъ мать, старшій братъ или сестра, или, вообще, кто нибудь изъ семьи. Принесшій вечерю говоритъ: «просыть батько, маты (или дядько, дядына) и унукъ (или похрестникъ, похрестница) на вечерю и я также прошу». Бабка или кумовья, принявши вечерю, кладутъ въ опорожненную миску деньги или насыпаютъ ее крупами или зерновымъ хлѣбомъ, а ребенку даютъ гостинца—конфектъ, орѣховъ или пряниковъ. Богатые крестьяне посылаютъ, вмѣсто вечери, булки, пряники, яблоки и т. п. Такая же вечеря посылается кумовьямъ и бабкѣ и на Пасху.

Первый день Рождества крестьяне проводятъ скромно. Утромъ идутъ въ церковь, затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ, а послѣ обѣда молодежь иногда собирается потанцовать, если случится музыка. Но у молодежи въ это время есть и другое дѣло—она готовится къ колядованью.

Приготовленія эти начинаются также еще задолго до праздниковъ—за недѣлю, за двѣ. Парубки собираются особо, мальчики особо. Передъ вечеромъ втораго дня устраивается генеральная репетиція,

послѣ которой, когда уже достаточно стемнѣетъ, одинъ изъ парубковъ наряжается очень извѣстной всѣмъ «козой», и вся молодежь направляется по селу колядовать, переходя отъ одной хаты къ другой [1]). Подошедши къ окну, одинъ изъ колядниковъ спрашиваетъ: «пане-господару! чы позволыте поколядуваты?» — и, конечно, на этотъ вопросъ всегда слѣдуетъ утвердительный отвѣтъ. По окончаніи коляды, приносится привѣтствіе хозяину, обыкновенно въ такой формѣ: «поздоровляю, пане-господарю, съ симы святкамы; дай Боже сіи свята опровадыты, Нового року дочекаты, одъ Нового року до Богоявленія, одъ Богоявленія до Воскресенія — до ста литъ, покы Богъ благословыть мыромъ, покоемъ, добрымъ здоровьемъ. Вечиръ добрый!». Хозяева въ благодарность колядникамъ выносятъ кнышъ, или пироги, или даже деньги, которыми потомъ колядующіе дѣлятся поровну, въ иныхъ мѣстахъ отдѣляя часть барышей въ пользу мѣстной церкви; при этомъ надо замѣтить, что весьма часто мѣстные священники вообще запрещаютъ колядованіе, разрѣшая его только при условіи взноса извѣстнаго процента съ дохода въ пользу церкви.

Нельзя не обратить вниманія на то, что на Волыни излюбленными колядками являются не чисто-народныя, а заимствованныя отъ грамотниковъ, при чемъ, конечно, искаженіе ихъ первоначальной формы иногда доходитъ до неузнаваемости и даже до безсмыслицы. Лучше всего можно видѣть это въ приводимой ниже колядкѣ, самой распространенной у волынскихъ крестьянъ:

Выдыть Богъ, выдыть Творецъ,—
Що мыръ погыбае.—
А ангелы Гаврыила
Въ Назоретъ посылаютъ.
Благовисныкъ въ Назорети,—
Стала слава у вертепи;
Ой, въ прекраснимъ гради Выфіеми,
Твердый рай тамъ едыный.—
Не заходыть сонце ясне
Съ дывыческа ложа;
Раде воно заходыты—
И весь мыръ просвитыты.
Звизда ясна осіяла,—
Путь тромъ царямъ показала;
Ой съ першы трыи цары
Несутъ Хрысту дары.

---

[1]) Судя по мѣстности, время колядованія въ Малороссіи вообще мѣняется, начиная съ 24 декабря и далѣе въ теченіе первыхъ дней святокъ. Мѣстности, въ которыхъ обычай коляды совершается 24 декабря, естественно, удержали болѣе другихъ древній срокъ. Перенесеніе же этого срока на послѣдующіе дни находится въ зависимости отъ тѣхъ запрещеній обряда коляды, которыя начались очень давно, но которыя не уничтожили обычая, а только отдалили его на нѣсколько дней. (См. объ этомъ у Потебни „Объяснен. малорус. и сродныхъ народн. пѣсенъ". Т. II-й стр. 33—37 и 46—47). *Примѣч. редакц.*

Ой прыйшовъ же охранытель,
На колинка упадае;
На колинка упадае,—
Богу хвалу дае.
Плачутъ маты и рыдаютъ
По чадахъ маленькихъ.
Не плачь, маты, не рыдай
По чадахъ маленькыхъ.
Якъ же мыни не рыдаты,
Печальныи мати:
Ыродъ диты забывае;
Гострымъ мечемъ розсикае, (2 р.)
Кровь невынну розлывае, (2 р.)
Хрыста вбыты шукае.
— Ой ты, Ыродъ, ты—проклятый.
Пощо ты такъ шатаешъ?
— Десь ты Бога Правдывого
Хрыста вбыта шукаешъ.
Пишовъ Ыродъ ажъ до аду
Люцыперу на пораду
Ты жъ до аду зыйдешъ,
Тамъ ты погыбнешъ;
И путь твой погыбае.
На праведни осіяе;
Правыдныкы-офирныкы
Просвищаютъ на вики.

Въ сборникѣ П. Безсонова «Калѣки перехожіе» (вып. 4-ый, стр. 106—110) находимъ эту же колядку въ нѣсколькихъ варіантахъ, помѣщенныхъ въ разныхъ рукописяхъ; вошла она также въ «Богогласникъ или собраніе набожныхъ пѣснопѣній». Кіевъ 1885 г., стр. 11. Для сличенія приводимъ одинъ изъ нихъ.

Видѣ Богъ, видѣ Творецъ,
Что міръ погибаетъ,
Архангела Гавріила
Въ Назаретъ посылаетъ:
„Благовѣствуй въ Назаретѣ"
Слово стало во вертепѣ:
„О прекрасный граде Виѳлееме,
Отверзи врата, Эдеме!
Незаходимое солнце
Изъ дѣвическихъ ложеснъ
Грядетъ—возсіяетъ
И просвѣтитъ весь міръ!"
Звѣзда ясно возсіяла,
Тремъ царямъ путь показала.
Отъ востока пришли тріе цари
Принесли Христу дары,
И пришедши въ храмину,
На колѣну упадоша.
И Ыродъ царь возмутимъ,
Что Христосъ царь народимъ,
Слуги своя посылаетъ,
Христа убити взыскаетъ.
Четырнадцать тысящъ
Дѣтей малѣйшихъ побили.
Не плачь, Рахиль, не рыдай:
Ыродъ пойдетъ даже до ада
Къ *лицемѣру на породу*[1]).
А мы съ тобой веселимся,
Христу Спасу поклонимся.

Не трудно замѣтить, что въ волынской колядкѣ, кромѣ многихъ мелкихъ искаженій, особенно кидается въ глаза утрата значенія плача Рахили, имя которой даже совершенно исчезло, и остался только неясный намекъ на плачъ какой то матери. (Многіе варіанты этой

[1]) Въ колядкѣ волынской это мѣсто сохранилось правильнѣе, чѣмъ въ данной рукописи (къ Люцыперу на пораду); при чемъ нужно прибавить, что *Люцыперъ* въ разныхъ спискахъ искажается не только въ *лицемѣра*, но и въ Пицифора и Пикифора (см. Безсоновъ „Калѣки перех.", вып. 4-ый, стр. 110).

колядки см. у Чубинскаго «Труды этногр.-статист. экспед.» Т. 3-й, стр. 358—365)[1]).

Приведемъ еще одну колядку, которую часто можно слышать на Волыни; она извѣстна по сборнику Чубинскаго (Труды этнограф.-статист. экспедиціи и т. д. Т. 3-й, стр. 375—376), но въ нашей мѣстности представляетъ нѣкоторыя особенности, не столько по содержанію, сколько по формѣ.

Небо й земля, небо й земля
Сей день торжествуютъ;
Ангелы людямъ, ангелы людямъ
Радисть звиствуютъ.
Хрыстосъ родывся!
Богъ воплотывся!
Ангелы спиваютъ,
Царіи вытаютъ,
Поклоны даютъ;
Пастыри граютъ.—
Чуда-чуда повидаютъ!!
Служатъ ангелы (2 р.) свому королю,—
Богу увертепи(2 .) — творятъ Его волю.
Хрыстосъ родывся!
Богъ воплотывся! и т. д.
Тры царія, тры царія отъ всюду прыходятъ,—
Левонъ, смырну, злато (2 р.) Хрысту дары прыносятъ.
Хрыстосъ родывся!
Богъ воплотывся! и т. д.
Адамъ и Ева (2 р.) ныни свободывся.
Дывысь прыгоди (2 р.) радостію исполнывся.
Хрыстосъ родывся!
Богъ воплотывся! и т. д.
Ту мылостыву землю (2 р.) сонце освитыло
Дывысь прыгоди (2 р.), радостію наполнывся
Хрыстосъ родывся!
Богъ воплотывся! и т. д.
А мы нарожденному (2 р.) поклонъ даймо
Слава Богу вичне—(2 р.) Хрысту заспиваймо.—
Хрыстосъ родывся и т. д.

Варіантъ этой колядки также находимъ въ указанномъ выше «Богогласникѣ» на стр. 5.

Вообще, сличая распѣваемыя теперь на Волыни колядки съ варіантами, помѣщенными въ разныхъ этнографическихъ сборникахъ, можно, кажется, прійти къ выводу, что въ народномъ сознаніи все болѣе начинаетъ теряться первоначальный смыслъ ихъ, такъ что нѣкоторые варіанты, записанные въ томъ же старо-константиновскомъ уѣздѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, теперь слышатся въ народномъ пѣніи совершенно искаженными. Не станемъ приводить всѣхъ ихъ, а для образца, укажемъ на одну колядку, варіантъ которой помѣщенъ у Чубинскаго (т. 3, стр. 378).

---

[1]) Эта колядка превратилась также, въ видѣ пародіи, въ шуточную:

Выдыть Богъ, выдыть Творець,
Що укравъ мужыкъ жыта корець,
И пшеныци на паляныци,
И гороху также троху,
И ячменю также зъ жменю и т. д.

Ой, прыйдите—увыдыты
Мыромъ сына Божого зобачете,
Прославете Суса Хрыста Своего.—
Бо у шопи народывся,
Въ пелюшечки уповывся,— } 2 р.
Правда буде у всимъ свити.— }
Казавъ Ыродъ войску статы,—
И всю землю сплюндруваты,— } 2 р.
Хрыста въ яслахъ шукаты.— }
Войско стало—сплюндрувало
Дае знаты самому,
Що нема Хрыста въ крулевстви,
А ни въ панстви твоему.—
Казавъ Ыродъ диты тяты;
Диты тяты—крови ляты,
Кровъ невынну розлываты,—
Хрыста вбыты шукаты.—
ирты тялы—крови лялы,
Хролъ невынну розлывалы,—
ДыКсва вбыты шукалы.—
Ой княгыня-монархыня,
Не поможешъ въ тимъ ты,—
Що есть диты,—яко квиты,
Казавъ Ыродъ вытяты
Царъ небесный ихъ прыймуе,—
Въ неби мисце имъ готуе, } 2 р.
Вси ангелы святіи. }

И. Бѣньковскій.

Рождественскія вирши въ спискѣ XVIII ст.

Предлагаемъ двѣ рождественскія вирши, записанныя въ прошломъ столѣтіи: одну—шутливую, въ простонародномъ духѣ, другую—серьезную, составленную на церковной основѣ.

I.

Слава Богу, того ми теперъ(а) дождались,
Що за шесть недѣль с ковбасою впять повидались.
Я жъ казавъ: шутка, що позавчира свинѣ галасали!
Ажъ то люди ик святкамъ все ковбаси дбали.
Лишъ почули, що Рѣздво (вже) не за горами,
Не схотѣли болшъ сидѣти над огѣрками;
Заразъ стали шататысь мижъ скоромнимъ крамомъ:
То зъ гусми, то с курми, то зъ битимъ товаромъ.
А иншѣи по хуторахъ начали махати,
Щобъ доброи и багато к празднику предбати.
Колибъ же и Ваша-мосць справди не нарокомъ,
Взглянувшись на мене щедримъ теперъ окомъ,
Хоть шелягомъ на (въ) первой часъ мене поманыли,
А посля бъ и ковбасу в пазуху втеребили,
Да й тымъ по губахъ, що пред ковбасою пютъ люди,
А я бъ сказавъ: вамъ Рожденій наградою буде!
Будьте ж ви здорови, Рождества дождавши,
А я пойду ис хати, свое в карманъ взявши.

II.

Антепатровъ синъ Ыродъ былъ неистовій:
Наситился, якъ хотѣлъ, младенческой крови.

Отъ двою лѣтъ и ныже всѣхъ (с)сущихъ младенцовъ
Въ предѣлахъ Іудейскіхъ рубилъ, якъ птенцовъ.
Закричала и Рахиль сколько мала сили,
Якъ отъ грудей на коп(ь)е младенца схватили
О Христе, днесь рожденій и в яслехъ повитій!
Прыйми кровъ ихъ ради той вины знаменитой,
Да славимъ и ми Твою божествену славу,
Вѣдуще Твою милость крѣпку и державу.
Поздравляю васъ рожденіемъ от Дѣви Бога,
Желаю вамъ жить лѣта многа.

Обѣ вирши записаны на листкѣ старинной, пожелтѣвшей бумаги, почеркомъ несомнѣнно 2-й половины прошлаго столѣтія. Первая написана малограмотною, нетвердою, какъ бы женскою рукою, а послѣдняя—по линейкамъ, славянскими печатнаго типа буквами, очевидно—рукою школяра. Листокъ найденъ между старыми бумагами, въ «коморѣ» одного священника, въ гадяцкомъ у. полтавской губ.

Оттуда же мы имѣемъ рукописную тетрадь, къ сожалѣнію—неполную, на заглавномъ листѣ которой сохранилась надпись: «*Сіи псалми Петра Навроцкого, подканцеляристы полковою Гадяцкого*». Очевидно, тетрадка писана раньше 1782 года, времени закрытія въ Малороссіи полковыхъ урядовъ и канцелярій. Названіе «*псалми*» не соотвѣтствуетъ содержанію той части тетрадки, какая сохранилась: болѣе всего въ ней нравоучительныхъ разсказовъ или анекдотовъ изъ жизни древнихъ царей и философовъ, а рядомъ съ ними—поэма Ломоносова въ честь Петра Великаго, нѣсколько сентиментальныхъ стихотвореній, въ родѣ: «Рыдаетъ, бьется, воплетъ слезно, лишившись горлица дѣтокъ», и здѣсь же—солдатская пѣсня временъ Екатерины:

„Наши въ полѣ не робѣютъ,
Всякій хощетъ городъ взять"...

Какъ видно, подканцеляристъ Навроцкій былъ не особенно разборчивъ въ дѣлахъ литературныхъ и вносилъ въ свою тетрадь все, что ему нравилось. Есть въ ней и *вирши*—двѣ рождественскія и двѣ пасхальныя. Особенность ихъ заключается прежде всего въ томъ, что онѣ написаны не на малорусскомъ, а на литературномъ русскомъ языкѣ XVIII в., какъ и всѣ остальныя піесы сборника Навроцкаго. Одна изъ нихъ озаглавлена имъ такъ: «*Кармѣнь рождественскій, а по нашему—вирша*». Очевидно, что этотъ «кармѣнъ» для записывателя былъ новинкой, недавно лишь появившейся на смѣну старин-

ной «вирши»,—иначе онъ не сталъ бы переводить для себя этого термина. Это былъ продуктъ новѣйшей, общерусской культуры, проникшей въ Малороссію со временъ Елисаветы и особенно Екатерины II. Для людей, тронутыхъ этой культурой и образовавшихъ свои литературные вкусы на высокопарныхъ реторическихъ произведеніяхъ новѣйшихъ «россійскихъ сочинителей», казались уже грубыми и непристойными свои національныя «вирши»; но такъ какъ обычай виршованія жилъ въ Малороссіи еще въ полной силѣ, то на смѣну старыхъ «виршей» появились *«кармѣны»*. Съ этой стороны «кармѣны» эти, при всей безцвѣтности и ординарности ихъ формы и содержанія, представляютъ нѣкоторый интересъ, какъ знаменіе перемѣны литературныхъ вкусовъ, совершившейся въ извѣстной части малорусскаго общества во 2-й половинѣ XVIII ст.

Приводимъ два такихъ «кармѣна» изъ тетради Навроцкаго, въ точности сохраняя его орѳографію.

I.

Вольфы скоро поспѣшалы
Прийтыть въ городъ Выфълеемъ,
Когда по звѣздѣ узналы,
Что родылсь Месыя въ немъ.
Такъ и я предсталъ предъ вамы
Не для прочиихъ причинъ,
Какъ что зрю двома глазамы,
Что живетъ въ немъ (?) Божый Сынъ.
Да живетъ же неотлучно
И въ васъ Богъ и Человѣкъ
И да вашъ благополучно
Временной продолжить вѣкъ! Finis.

II.

Полно вамъ уже, печали,
Полно вамъ сердець сушить:
Ушъ перемени тѣ настали,
Кои могутъ веселить.
Нинѣ радость превелика
Вѣвесь возвеселила родъ
Тѣмъ, что намъ родылсь Владика
И податель всѣхъ щедротъ,
Кой израилскому роду,
Вѣмѣсто скорби, вѣмѣсто скукъ,
Вѣчную подалъ свободу,
Вызволилъ изъ горкихъ мукъ.
О велико Божие дѣло
Что повинни мы во всемъ,
Да принялъ онъ наше тѣло
И подалъ намъ радость всѣмъ!
Радость пусть сія множится
Внутръ сердецъ всѣхъ человѣкъ,
И ея ушъ не лишится
Я желаю вамъ вовѣкъ.

Судя по такимъ словамъ и формамъ, какъ: «поспѣшалы», «родылсь», «вызволилъ» и др., можно утверждать, что подобные «кармѣны» слагались на мѣстѣ, въ Малороссіи, людьми хотя и книжными, но не вполнѣ еще отрѣшившимися отъ непосредственнаго вліянія родной рѣчи.

О. Л.

Платонъ Акимовичъ Лукашевичъ.

П. А. Лукашевичъ умеръ въ концѣ 1887 г. въ глубокой старости въ м. Березани, переяславскаго уѣзда полтавской губ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ, гдѣ былъ класснымъ товарищемъ Гоголя, въ директорство Орлая, и воспитанникомъ перваго выпуска. Кончалъ образованіе въ ришельевскомъ лицеѣ и совершилъ въ молодости поѣздку заграницу, гдѣ, въ Прагѣ, познакомился съ Ганкой и Колляромъ. Всю остальную жизнь онъ провелъ въ м. Березани, гдѣ владѣлъ довольно значительнымъ помѣстьемъ. Знакомство съ чешскими учеными повліяло на научныя наклонности Лукашевича. Подъ вліяніемъ его онъ обратился къ собиранію произведеній народной украинской поэзіи и въ 1836 году издалъ свой сборникъ «Малорусскія и червонорусскія думы и пѣсни». Эта, вышедшая безъ имени собирателя, книжка, записала его имя въ память потомства. Книжка невелика, часть матеріала въ ней заключающагося, заимствована изъ другаго собранія (Вацлава зъ Олеска); но она была третьимъ сборникомъ украинскихъ думъ и пѣсень, увидѣвшимъ свѣтъ и составлялась тогда, когда старое пѣснотворчество еще жило полной жизнью въ народѣ. Главную цѣну этому сборничку даетъ отдѣлъ думъ, съ его древними списками, между которыми выдѣляется величественный списокъ думы о Самойлѣ Кишкѣ. Это самая обширная изъ всѣхъ извѣстныхъ украинскихъ думъ и одна изъ самыхъ прекрасныхъ. Въ сборникѣ не отмѣчено, гдѣ и отъ кого она записана. На запросъ по этому предмету, покойный Лукашевичъ сообщилъ намъ, что записалъ эту думу въ 1832 г. отъ бандуриста Стрички, уроженца села Березовки, прилуцкаго уѣзда полтавск. губ. Этого бандуриста онъ встрѣтилъ случайно, на постояломъ дворѣ, ѣхавъ въ Ромны на ярмарку. Отецъ Стрички былъ также бандуристъ. Черезъ два года, справясь о Стричкѣ, Лукашевичъ узналъ, что онъ умеръ. Во время записыванья Стричкѣ было около 30 лѣтъ.

Сборникъ свой Лукашевичъ составилъ «между дѣломъ», и тѣ драгоцѣнности, которыя онъ въ немъ сберегъ, показываютъ только какъ обильна могла быть жатва собирателя въ ту далекую пору... Остальную свою жизнь Лукашевичъ посвятилъ quasi—филологическимъ трудамъ, на изданіе которыхъ потратилъ большія средства, но которыя стали притчею во языцѣхъ. Амбары его деревенской усадьбы и полки кіевскихъ книжныхъ магазиновъ завалены были этими книгами, которыхъ не бралъ никто, а если бралъ, то выбрасывалъ съ

негодованьемъ. «Греческій Корнесловъ», «Объясненіе ассирійскихъ именъ», «Латинскій Корнесловъ» и другія ужасныя произведенія Лукашевича того же сорта не имѣли ничего общаго не только съ здравой филологіей, но и съ здравымъ смысломъ. Послѣднимъ трудомъ его въ этомъ родѣ была двухтомная «Микроскопическая Астрономія», выходъ въ свѣтъ которой можно допустить только, вспомнивши, что терпится и не преслѣдуется всякое тихое безуміе. Жившій едва вѣроятнымъ оригиналомъ, Лукашевичъ окружалъ себя таинственностью и позволялъ предполагать, что у него собрано много историческихъ документовъ и этнографическихъ записей. Въ послѣдніе годы его жизни были сдѣланы попытки извлечь у него эти матеріалы изъ подъ спуда. Результатомъ этихъ очень тяжелыхъ усилій было полученіе отъ Лукашевича двухъ тетрадей старинныхъ малороссійскихъ лѣтописныхъ замѣтокъ и маленькаго, но очень цѣннаго отрывка автобіографическихъ записокъ священника Турчиновскаго (писанныхъ въ половинѣ XVIII в.), помѣщеннаго тогда же въ «Кіевской Старинѣ». Этнографическія записи заключаются въ толстой книгѣ, куда Лукашевичъ вносилъ на бѣло то, что записалъ послѣ изданія своего сборника. Сравнительно съ продолжительностью времени собрано имъ не такъ много, хотя добросовѣстно, безъ произвольныхъ поправокъ, и съ точнымъ воспроизведеніемъ всего слышаннаго. Но по внутренней своей цѣнѣ этотъ сборникъ, оставшійся въ рукописи, никакъ не можетъ идти въ сравненіе съ печатнымъ сборникомъ 1836 года.

Какъ человѣкъ, покойный Лукашевичъ представлялъ явленіе исключительное и даже мало вѣроятное. Мы не имѣли намѣренія касаться странностей его жизни, объясняемыхъ несомнѣннымъ ненормальнымъ психическимъ состояніемъ, въ которомъ онъ находился. Право на признательную память даетъ ему подвигъ его молодости, спасшій отъ забвенія нѣсколько сокровищъ народнаго творчества, въ ту пору, когда самъ онъ былъ юнъ и умъ его еще не былъ омраченъ тяжелымъ и неизлѣчимымъ недугомъ.

W.

Александръ Ипполитовичъ Гавриловъ.

А. И. Гавриловъ земскій врачъ константиноградск. у. полтавск. губ. умеръ 10 мая 1888 г. въ с. Ганебномъ того же уѣзда, заразившись тифомъ во время леченія крестьянъ. Родился онъ въ старобѣльскомъ уѣздѣ харьковск. губ. въ 1856 г. Такимъ образомъ ему было всего

32 года. Со времени сознательной юности, покойный былъ ревностнымъ собирателемъ народныхъ пѣсенъ. Послѣ него осталось огромное рукописное собраніе ихъ. Страстный любитель украинскихъ пѣсенъ, Гавриловъ собиралъ ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ самъ и просилъ о томъ же многихъ своихъ знакомыхъ, которые доставляли ему свои сборники. Въ бумагахъ покойнаго осталось 57 тетрадей пѣсенъ и множество записей на отдѣльныхъ листахъ, которыя въ общемъ составятъ тоже около 15 подобныхъ тетрадей. Около 30 изъ этихъ тетрадей доставлено Гаврилову разными лицами, остальное собрано имъ самимъ. Большая часть пѣсенъ—бытовыя. Второе мѣсто по количеству занимаютъ обрядныя, третье—историческія. Собранныя пѣсни записаны въ изюмскомъ и лебединскомъ уѣздахъ харьковской губерніи, въ бахмутскомъ—екатеринославской, въ гадячскомъ и константиноградскомъ уѣздахъ—полтавской, въ васильковскомъ и звенигородскомъ—кіевской и въ конотопскомъ уѣздѣ черниговской губерніи.

Полнѣе всего сборники изъ изюмскаго и сосѣдняго съ нимъ бахмутскаго уѣздовъ, а также изъ нѣкоторыхъ мѣстностей кіевской губерніи. По этимъ сборникамъ можно наблюдать отличіе пѣсенъ изюмскаго уѣзда отъ пѣсенъ бахмутскаго уѣзда. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ кіевской губерніи пѣсни записаны въ такомъ количествѣ, что видна разница въ пѣсняхъ одного уѣзда отъ пѣсенъ сосѣдняго.

Въ обрядныхъ пѣсняхъ особенно выдѣляется отдѣлъ колядокъ, которому позавидовали бы самые счастливые собиратели. Ихъ болѣе 100 и всѣ онѣ большею частью очень древнія.

Подготовляя свои сборники для печати, Гавриловъ тщательно сравнивалъ ихъ съ существующими печатными собраніями. Это сравненіе показало, что въ записяхъ его есть уники т. е. такія пѣсни, которыя никогда и никѣмъ не были записаны. Къ сохраненію и обнародованію сборниковъ Гаврилова будутъ приняты мѣры.

Хорошо сознавая тѣсную связь текста народной пѣсни съ ея музыкой, Гавриловъ запоминалъ большею частью и мотивъ записанной пѣсни. Къ сожалѣнью онъ не успѣлъ положить этихъ мотивовъ на ноты и унесъ это музыкальное богатство съ собой въ могилу.

Трагическая, ранняя смерть Гаврилова была результатомъ самопожертвованія и честнаго отношенія къ общественной службѣ. Кончина его произвела сильное впечатлѣніе въ мѣстномъ обществѣ, почтившемъ на земскомъ собраніи его память. Но тѣ идеальныя цѣли, къ которымъ стремилась эта молодая жизнь, остались недостигнутыми.

П. М.

Для справокъ.

Общество „Бѣлаго Креста“. Послѣ послѣдней турецкой компаніи, въ Петербургѣ образовалось изъ 6-го Попечительства „Общество попеченія о нуждающихся семействахъ воиновъ, потерявшихъ здоровье на службѣ въ *мирное время*“, имѣющее знакъ „Бѣлаго Креста“, и дѣйствующее параллельно Красному Кресту. Это общество возникло и задалось извѣстными цѣлями по слѣдующимъ причинамъ: воины, пострадавшіе во время компаніи, а также ихъ семьи, покровительствуются не только Краснымъ Крестомъ, но и такимъ правительственнымъ учрежденіемъ какъ Комитетъ о раненыхъ; слѣдовательно они всегда находятъ пріютъ, пропитаніе, и помощь. Въ совершенно иномъ положеніи обрѣтаются воины, теряющіе здоровье на службѣ въ мирное время, а также ихъ семьи, не говоря уже о сиротахъ. Хотя при нынѣшней краткосрочной службѣ солдатъ, будущность ихъ не настолько мѣняется, какъ прежде, но во всей арміи не мало случается увѣчій, болѣзней, такъ что въ общемъ, бываетъ на Руси не мало неспособныхъ къ тяжелому труду запасныхъ нижнихъ чиновъ. Солдатскія семьи остающіяся въ деревняхъ въ случаѣ смерти отцовъ на службѣ, лишаются земли за неимѣніемъ рабочихъ рукъ и средствъ пла, тить подати. Для такихъ семей, а также и для проживающихъ иногда въ городахъ требуется часто временное пособіе или опредѣленная на срокъ пенсія. Но въ гораздо худшемъ положеніи бываютъ офицеры, потерявшіе здоровье въ мирное время. Оберъ-офицеръ, какъ не выслуживающій никакой пенсіи и по спеціальному образованію не подготовленный къ другаго рода дѣятельности, большею частію находится въ критическомъ положеніи; при выходѣ въ отставку или въ запасъ по болѣзни, онъ нигдѣ не можетъ найдти себѣ покровительства, помощи, а часто и занятій. Затѣмъ сироты офицеровъ, умирающихъ на службѣ, почти всегда остаются безъ всякихъ средствъ не только къ образованію, но и къ жизни. Въ тѣхъ случаяхъ, когда они не имѣютъ матерей или ближайшихъ родственниковъ, то букваль но должны переходить съ рукъ на руки, или быть на попеченіи командира части, въ которой служилъ ихъ отецъ. Сама жизнь, дѣйствительность и печальные случаи, указали на крайнюю необходимость общественнаго учрежденія, какъ „Бѣлый Крестъ“, который бы заботился о воинахъ и ихъ семействахъ, преслѣдуя столь важныя цѣли въ мирное время.

Насколько важны цѣли Общества, настолько задача его обширна. Оно должно безпрерывно дѣйствовать и 1) содержать пріютъ для солдатскихъ дѣтей обоего пола. Нынѣ существуетъ въ Петербургѣ образцовый пріютъ на 50 человѣкъ, (Выборгская сторона, Нижегородская ул. д. № 27); 2) учредить возможно скорѣе пріютъ для офицерскихъ дѣтей, который бы замѣнилъ прежній Александровскій Корпусъ для малолѣтнихъ. Дѣти, опредѣляемые съ 5-ти лѣтняго возраста, будутъ готовиться въ немъ къ поступленію въ корпуса и институты. Нерѣдко случается, что родители, привезя дочь на баллотировку для поступленія въ институтъ, должны увозить ее обратно за невынутіемъ дочерью жребія; это ихъ ставитъ въ безвыходное положеніе, при понесенныхъ затратахъ на проѣздъ и т. д. Пріютъ „Бѣлаго Креста“ и будетъ спасительнымъ учрежденіемъ для подобныхъ дѣтей. 3) Учредить богадѣльню какъ для офицеровъ, ихъ вдовъ, такъ и для солдатъ. 4) Выдавать пенсіи лицамъ, подлежащимъ покровительству Общества, ихъ вдовамъ и семьямъ. Въ настоящее время, Общество въ состояніи удѣлить на пенсіи всего

только 500 руб. въ годъ. 5) Выдавать временныя пособія въ случаѣ крайней нужды, для экипировки, переѣздовъ, для уплаты въ гимназіи и училища для дѣтей и т. д. По имѣющимся теперь средствамъ, Общество ассигнуетъ на выдачу пособій ежегодно только 400 руб.

Проводя въ жизнь столь обширныя задачи, Общество озабочено не только увеличеніемъ неприкосновеннаго капитала, стоящаго теперь изъ 45,000 рублей, но и пріобрѣтеніемъ крайне необходимой недвижимой собственности—домовъ для пріютовъ и богадѣльни. Въ прошломъ году, вслѣдствіе ходатайства Г-на Военнаго Министра, Государь Императоръ Высочайше разрѣшилъ открыть подписку между военнослужащими, для сбора пожертвованій на постройку домовъ.

Цѣли этого общества близко касаются сердца русской арміи, и можно быть увѣреннымъ, что русскій народъ, столь же заинтересованный въ судьбѣ своихъ братьевъ—воиновъ, поможетъ вознести „Бѣлый Крестъ" на должную высоту.

Предсѣдательницею Общества состоитъ вдова Генералъ-Адъютанта Графиня Е. А. Орлова-Денисова, Товарищъ Предсѣдателя Генералъ-Лейтенантъ М. П. Тучковъ, завѣдующій кружечнымъ сборомъ и пожертвованіями Генералъ-Лейтенантъ В. А. Родіоновъ и Правленіе Общества образуется изъ 12 лицъ: Попечительницы пріюта, жены Генералъ-Лейтенанта Е. Ф. Тучковой, Генералъ-Лейтенанта Н. Е. Штадене, Полковника Ѳ. Ф. Дубиса-Крачака, Подполковника Ф. Н. Курнѣева, жены Свиты Его Величества Генералъ-Маіора М. И. Аргамаковой, Секретаря Общества Гвардіи Штабсъ-Капитана Л. М. Чичагова, О. Ф. Худяковой, Коллежскаго Совѣтника А. П. Минюшскаго, Коллежскаго Совѣтника Е. М. Андреева, Инженеръ-Технолога Ф. А. Фридлендера и Коллежскаго Совѣтника В. И. Черепнина. Митрополиты: С.-Петербургскій и Московскій, Г. Военный Министръ и другія высшія лица состоятъ Почетными Членами. Дѣйствительныхъ членовъ пока насчитывается до 300. Уполномоченнымъ Общества въ Москвѣ состоитъ, находящійся теперь въ отставкѣ Генералъ-Маіоръ Н. В. Анрѣлевъ.

Правленіе Общества помѣщается въ Петербургѣ, Выборгская сторона по Нижегородской улицѣ, д. № 27, куда просятъ адресовать пожертвованія деньгами и вещами, и всѣ заявленія лицъ, желающихъ вступить въ Члены „Бѣлаго Креста".

Библіографія.

Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства, т. I. Исторія колонизаціи. Изслѣдованіе Д. И. Багалѣя. Москва. 1887 г. [1]).

Названное сочиненіе проф. Багалѣя обратило на себя общее вниманіе благодаря важности предмета изслѣдованія и интереснымъ выводамъ автора. Лучшимъ доказательствомъ этого общаго вниманія къ труду г. Багалѣя служитъ большое количество рецензій, появившихся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, и удостоеніе сочиненія уваровской преміи отъ академіи наукъ. Наиболѣе серьезными возраженіями мы считаемъ лишь тѣ, въ которыхъ автору дѣлаютъ указаніе на игнорированіе имъ книгъ разрядныхъ, писцовыхъ и друг.; остальныя замѣчанія рецензентовъ, касающіяся лишь разработки авторомъ нѣкоторыхъ сторонъ вопроса о колонизаціи, мы находимъ менѣе важными и думаемъ, что авторъ въ своемъ отвѣтѣ критикамъ [2]) обстоятельно разъяснилъ мотивы своихъ выводовъ и пріемовъ разработки вопроса.

Трудъ Д. И. Багалѣя состоитъ изъ предисловія и пяти главъ; къ нему приложены въ концѣ личный и географическій указатели и карта степной окраины русскаго государства во 2-й четверти XVIII столѣтія. Карта эта особенно цѣнна: на ней указаны не только служившія укрѣпленіями «черты» и «линіи», но даже и татарскіе шляхи, подробно описываемые авторомъ въ 1-й главѣ; для составленія этой карты г. Багалѣй пользовался между прочимъ копіей съ современнаго оригинала (1735 года) «Украинской линіи».

---

[1]) Изданіе Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ; оно напечатано во 2-й книгѣ „Чтеній“ этого общества за 1886 г.

[1]) Журналъ Министр. Народ. Просв. за 1888, августъ.

Въ «предисловіи» къ своему изслѣдованію авторъ обходитъ опредѣленіе значенія вопроса о колонизаціи въ прошлой русской жизни, ссылаясь на труды Соловьева, Бестужева-Рюмина и Ешевскаго, лишь въ немногихъ словахъ указываетъ его настоящее состояніе и не намѣчаетъ того, какое направленіе рѣшенію другихъ историческихъ вопросовъ, связанныхъ съ вопросомъ о колонизаціи, дается рѣшеніемъ этого вопроса. Напоминаніе объ этомъ было бы весьма кстати и еще болѣе возвысило бы въ глазахъ читателей и самую тему автора, и значеніе изслѣдованія. Вмѣсто того, авторъ ограничивается перечисленіемъ выдающихся сочиненій по исторіи колонизаціи харьковской губерніи, съ особеннымъ вниманіемъ останавливаясь на трудѣ преосвящ. Филарета, памяти котораго онъ посвящаетъ 5-ю главу.

Первая глава посвящена историко-топографическому очерку степной мѣстности, на которой расположена нынѣшняя харьковская губернія и сосѣднія части курской и воронежской и которая составляла нѣкогда незаселенную окраину московскаго государства. Авторъ подробно описываетъ характеръ мѣстности: устройство ея поверхности, орошеніе, климатъ, растенія, животныхъ, минеральное богатство и пути сообщенія; особенно важны послѣдніе, до сихъ поръ мало извѣстные; въ заключеніе г. Багалѣй бросаетъ взглядъ и на степи новороссійскаго края, такъ какъ благодаря ихъ существованію и характеру на югѣ долго удерживались татары кочевники, столкновенія съ которыми вліяли на заселеніе южной Руси.

Разсмотрѣвъ во 2-й главѣ составъ поселенцевъ въ степной окраинѣ, авторъ приходитъ къ заключенію, что великорусская колонизація была исключительно государственной; всякаго рода вольница: «сходцы», крестьяне, бѣглые люди и проч. не допускались къ поселенію на югѣ. По мнѣнію автора, приходъ въ степи вольныхъ людей былъ возможенъ лишь въ смутное время, когда власть правительства была здѣсь весьма слаба.

Для южно-русской исторіи особенно интересны представляемыя авторомъ данныя относительно участія малороссовъ въ колонизаціи степной окраины москов. государства, изложенныя въ 3-й главѣ. Г. Багалѣй старается прежде всего обрисовать состояніе края на правомъ берегу Днѣпра, чтобы понять и особенности въ организаціи общественнаго строя переселенцевъ, и причины, побуждавшія ихъ къ переходу на новыя мѣста; между прочимъ, онъ отмѣчаетъ, что фактическими колонизаторами южныхъ степей на правомъ берегу

были бояре, мѣщане и козаки, но что, по мѣрѣ заселенія ими края, большія пространства его отдавались шляхтѣ; возникавшее изъ за этого неудовольствіе побуждало обиженныхъ бѣжать на лѣвый берегъ Днѣпра въ предѣлы московскаго государства. Упомянувъ о переходахъ нѣкоторыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ-князей Бѣльскихъ, Воротынскихъ, Одоевскихъ на службу въ Москву, авторъ подробно разсказываетъ объ отношеніяхъ князя Дмитрія Вишневецкаго съ его козаками къ царю Ивану Васильевичу Грозному, о переселеніи черкашенина Михайлы, Гавріила Слѣпецкаго, Семена Высоцкаго и князя Богдана Ружинскаго, далѣе указываетъ на увеличившееся количество переходящихъ малороссовъ въ послѣдующія царствованія. Смутная эпоха пріостановила это движеніе, потому что многочисленныя воровскія шайки грабили и разоряли переселенцевъ. Въ началѣ XVII в. положеніе козачества въ польской половинѣ Украины становится тяжелѣе и снова начинается переселеніе ихъ и крестьянъ на лѣвый берегъ Днѣпра; вслѣдъ затѣмъ крестьяне и козаки большими толпами идутъ на Донъ къ тамошнимъ козакамъ и, вмѣстѣ съ ними, совершаютъ походы на Крымъ. Переселенцы эти оставались жить въ прежде основанныхъ украинныхъ городахъ, иногда значительно отдаленныхъ отъ рубежа, а въ 1638 году имъ было уже указано мѣсто въ степи на Чугуевомъ городищѣ; тогда же явился въ Бѣлгородъ на государево имя гетманъ Яцко Остренинъ, послѣ неудачной войны съ поляками. Козаки недолго просидѣли въ Чугуевѣ: изъ грамоты царя Михаила Ѳеодоровича отъ 1641 года становится уже ясно, что переселенцы бѣжали оттуда по неизвѣстной причинѣ, убивъ своего гетмана. Переселяющіеся черкасы получили отъ московскаго правительства земли, денежное пособіе на первоначальное обзаведеніе, а впослѣдствіи и жалованье и снабжались всѣмъ необходимымъ, а чугуевскіе поселенцы получили даже право торговли на Дону; единственной ихъ обязанностью была военная служба, охраненіе южной границы отъ вторженія татаръ и борьба съ послѣдними. Особенное самостоятельное мѣсто среди переселенцевъ занимали монахи православныхъ южнорусскихъ монастырей. Первыя документальныя извѣстія о сношеніяхъ ихъ съ московскими государями относятся къ 1583 году и касаются сбора милостыни въ Россіи на монастырскія нужды; при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ эти сношенія становятся болѣе частыми. Южно-русскіе іерархи съ этихъ поръ также обращаютъ свои взоры къ Москвѣ, ища здѣсь поддержки (Исаія Копинскій, Исаакій Борисковичъ, Іовъ Борецкій) и заводятъ рѣчь даже о возсоединеніи сѣверной Россіи съ южной.

Всѣхъ переселенцевъ принимали охотно и разселяли уже по существовавшимъ монастырямъ; ихъ переходы особенно цѣнились, потому что они приносили съ собою и политическія вѣсти; просьбы о милостынѣ почти всегда удовлетворялись. Устраивая переселенцевъ какъ своихъ служилыхъ людей, московское правительство позволяло имъ сохранять нѣкоторыя особенности своего быта, какъ, напр., выборъ атамана, сыченіе меда въ праздники, собираніе воска и проч.

Въ IV-й главѣ авторъ возвращается къ продолженію разсказа о великорусской государственной колонизаціи со времени царя Алексѣя Михайловича. Онъ отмѣчаетъ фактъ, что въ это царствованіе получаетъ окончательное устройство такъ называемая бѣлогородская черта; онъ подробно описываетъ тѣ 25 городовъ, которые находились на этой чертѣ, обращая особенное вниманіе на степень ихъ укрѣпленія и количество населенія.

Съ увеличеніемъ населенія за бѣлогородской чертой является мысль объ устройствѣ новой, болѣе южной, укрѣпленной границы; она приводится въ исполненіе въ первой половинѣ XVIII в., подъ именемъ украинской линіи. По мнѣнію автора, необходимость такого укрѣпленія была сознана еще правительствомъ Ѳеодора Алексѣевича въ 1681 году. Коссоговъ показываетъ чертежъ новой «линіи» гетману Самойловичу; построеніе же ея началось лишь въ 1731 году и было окончено въ весьма короткій срокъ, именно въ 1733 году. Авторъ подробно излагаетъ ходъ работъ на «линіи», указываетъ на обременительность ихъ для населенія, которая, вмѣстѣ съ обидами отъ командировъ и тягостью крымскаго похода, начавшагося въ 1735 г., совершенно разорила населеніе. Линія тянулась отъ Днѣпра до Сѣвернаго Донца и была прекрасно защищена крѣпостями, отстоявшими одна отъ другой на протяженіи 25 верстъ; по окончаніи построекъ здѣсь были поселены 20 полковъ, изъ которыхъ половина были конные. Къ 1752 году относится извѣстіе о заведеніи на «линіи» школъ,—кромѣ грамоты, въ нихъ преподавалась артиллерія, инженерное искусство и проч., преподавателями были полковые офицеры. Въ 1764 году рѣшено было завести третью еще болѣе южную линію отъ устья р. Самары до устья р. Лугани: сюда переселена была часть однодворцевъ съ украинской линіи, которая образовала потомъ изъ себя полки ландмиліціи. Но съ устройствомъ украинской линіи и усиленіемъ крѣпостей на ней, татарскіе набѣги не прекращались и по прежнему отличаются разбойническимъ характеромъ, хотя становятся рѣже и слабѣе. По мѣрѣ того, какъ уменьшалась опасность

татарскихъ набѣговъ, населеніе переходитъ отъ военнаго быта къ мирнымъ занятіямъ: прежніе служилые люди становятся однодворцами и на помощь къ нимъ приходятъ крестьяне, для занятія земледѣліемъ и другими промыслами (число ихъ, напр., въ воронежской губ. равняется числу однодворцевъ). Правительство поддерживало сельско-хозяйственную дѣятельность въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ. Въ развитіи хозяйственной дѣятельности принимали участіе также и монастыри, имѣя большія вотчины, заключавшія въ себѣ богатыя угодья; монастыри для эксплоатаціи ихъ должны были вызывать населеніе и, такимъ образомъ, явиться, въ свою очередь, устроителями степей. Что касается до вольной народной великорусской колонизаціи, то она, по словамъ автора, не могла быть изображена имъ съ желательной полнотой вслѣдствіе недостаточности матеріала. Хотя и есть свидѣтельства о движеніи къ югу великороссовъ, пользовавшихся правомъ перехода, и пріобрѣтенія себѣ земли покупкой, но такихъ переселенцевъ было очень незначительное количество. Въ гораздо большемъ количествѣ являлись сюда бѣглые крестьяне и находили радушный пріютъ; но правительство несочувственно относилось къ такого рода колонизаціи и предписывало немедленно выдавать бѣглыхъ ихъ прежнимъ владѣльцамъ; въ числѣ бѣглецовъ было не мало и раскольниковъ, но противъ пріема ихъ на поселеніе издавались всегда строгіе указы. Впрочемъ, несмотря на эти запрещенія, имъ удавалось здѣсь все таки устроиться.

Пятая глава содержитъ въ себѣ разсказъ о малорусской колонизаціи, шедшей одновременно съ великорусской. Такъ какъ единичныя переселенія малороссовъ съ запада на востокъ совершались безпрестанно, то авторъ, опуская ихъ, останавливаетъ свое вниманіе лишь на массовыхъ. Разбирая мнѣнія другихъ изслѣдователей по этому вопросу, нашъ авторъ признаетъ только одно массовое движеніе до Алексѣя Михайловича, это—Яцка Остряница; онъ не находитъ основанія допускать массовое переселеніе наканунѣ войнъ Хмельницкаго и въ первые три года его войнъ, хотя соглашается, что съ началомъ Хмельнищины усилилось число отдѣльныхъ переселенцевъ крестьянъ изъ черниговской области; правительство принимало ихъ весьма охотно, снабжая жалованьемъ и надѣляя землей. Весьма значительное массовое переселеніе малороссовъ лѣтописи относятъ къ 1651 г.; тогда ими заселены были города Ахтырка, Лебединъ, Сумы, Харьковъ и многія слободы; другое массовое движеніе авторъ относитъ къ 1659 году, т. е. ко времени гетманства Юрія Хмельницкаго.

Въ эпоху руины переселенія малороссовъ еще болѣе усилились: наиболѣе важными были переселенія 1663, 1674—1675, 1679—1680 гг. Время палівщины (1700—1705) также дало не мало переселенцевъ; наконецъ, послѣднее массовое движеніе имѣло мѣсто въ началѣ XVIII вѣка (1711—1715 г.) Всѣ переселенцы, являющіеся въ слободскую Украину со времени царя Алексѣя Михайловича поселяются за бѣлогородской чертой, основывая рядъ новыхъ городовъ и селеній; они не только получаютъ все необходимое для перваго обзаведенія, но удерживаютъ даже свой козацкій строй; переселенцы, кромѣ того, пользовались правомъ безпошлинной пропинаціи, безоброчнаго пользованія землями и угодьями и проч.; за все это на нихъ лежала единственная обязанность защищать предѣлы государства. Говоря о каждомъ отдѣльномъ массовомъ переселеніи, авторъ отмѣчаетъ его поступательное движеніе къ востоку и югу, выражавшееся въ сооруженіи новыхъ городовъ; время ихъ основанія тщательно изслѣдуется авторомъ. Сооруженіемъ новыхъ городовъ завѣдывали, подъ наблюденіемъ воеводы, осадчіе; дѣятельность нѣкоторыхъ осадчихъ простиралась на значительную территорію; эти лица получали на осаду особыя грамоты. Такъ какъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича усилилась колонизація и переселенцы являлись цѣлыми толпами, то дарованныя имъ льготы, на которыя мы указали выше, утверждались за ними рядомъ жалованныхъ грамотъ; всѣ такія грамоты исчисляются и разбираются авторомъ. Такъ какъ на внутреннемъ строѣ жизни новопоселившихся за бѣлогородской чертой колонистовъ отражались татарскіе набѣги и внутреннія смуты (Выговскаго, Брюховецкаго, Разина и друг.), то авторъ обращаетъ на это вниманіе, разсматривая каждое отдѣльное явленіе. Подъ вліяніемъ этихъ условій жизнь колонистовъ принимала особый складъ, сочетаніе военнаго-козацкаго и земледѣльческо-промышленнаго быта. Система обороны осталась та же, что и въ предшествующую эпоху на бѣлогородской чертѣ: сильнѣе укрѣпленные города, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и центральными въ административномъ отношеніи, т. е. полковыми городами, составляли съ своими окологородными острожками и валами новую оборонительную линію. За козацкой колонизаціей слѣдуетъ крестьянско-владѣльческая: лица, получавшія во владѣніе землю, брали обыкновенно у воеводы или гетмана дозволительныя листы на устройство слободъ, въ которыя и привлекали крестьянъ. Появленіе владѣльческихъ слободъ авторъ относитъ къ самому раннему періоду исторіи заселенія слободскихъ полковъ. Онъ обращаетъ также вниманіе и на

монастырскую колонизацію. Всѣ монастыри авторъ считаетъ основанными малорусскими монахами, выходцами изъ за польскаго рубежа, или козацкой старшиной: они были надѣляемы землями и богатыми угодьями, пользовались льготами, а потому легко и скоро наполнялись. Иноземная колонизація въ краѣ также занимаетъ видное мѣсто: вождями ея были, напр., князь Кантемиръ и молдаване, полковникъ Танскій изъ Заднѣпровья, сербы, калмыки и даже цыгане и евреи. Старые города Украины, переполнившіеся населеніемъ въ XVIII в, стали также выдѣлять изъ себя колонистовъ за черту: многіе города слободской Украины были населены такимъ образомъ, особенно— г. Изюмъ, острогожскій уѣздъ и друг. Всѣ города, заселенные путемъ такой внутренней колонизаціи отмѣчены авторомъ. Разширяя свои предѣлы, жители полковъ слободской Украины должны были приходить въ столкновеніе со своими сосѣдями на всѣхъ окраинахъ; и дѣйствительно, авторъ находитъ слѣды такихъ споровъ и подробно передаетъ ихъ: споры эти касались преимущественно права владѣнія землей и слободскіе полки вели ихъ съ малороссійскими полками, бѣлогородскимъ и воронежскимъ краями и, наконецъ, областью войска донскаго. Споры съ сосѣдями указываютъ приблизительно предѣлы слободскихъ полковъ или провинцій, каковыми они являются позже, и авторъ опредѣляетъ пространство этихъ провинцій, сравнительно съ настоящими уѣздами; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ означаетъ количество городовъ, мѣстечекъ, селъ, деревень, слободъ и хуторовъ на пространствѣ провинцій и приводитъ цифры населенія въ нихъ. Въ заключеніе авторъ касается отношенія центральнаго правительства къ малорусской колонизаціи и находитъ, что правительство Алексѣя Михайловича, недовольное малороссами въ первой половинѣ XVII вѣка, вслѣдствіе нападеній воровскихъ людей, перемѣняетъ свое отношеніе къ ней со времени присоединенія Малороссіи и, принимая переселенцевъ, даетъ всѣ желательныя для населенія льготы. Такимъ образомъ, «московскіе государи самымъ тщательнымъ образомъ регулировали дѣло заселенія южной степной окраины государства», тогда какъ «польское правительство не хотѣло и не могло взять въ свои руки руководительство въ дѣлѣ обороны и колонизаціи края». Таково въ самыхъ краткихъ словахъ содержаніе обширнаго и интереснаго труда Д. И. Багалѣя. Изъ изложеннаго видно, какое важное значеніе для южно-русской исторіи имѣетъ этотъ трудъ, и читатели, надѣемся, не поставятъ намъ въ вину того, что мы подробно передали его содержаніе.

Однако, при разработкѣ вопроса о колонизаціи степной окраины, почтенный изслѣдователь, кажется намъ, упустилъ изъ виду одно обстоятельство, отразившееся на полнотѣ труда. Мы думаемъ, что всякій вопросъ о заселеніи какой либо мѣстности въ прошломъ (исключая, конечно, болѣе древніе періоды исторіи) можетъ быть разрѣшенъ, на основаніи двоякаго рода матеріала: историко-юридическаго и статистическаго. Разработка того и другаго можетъ производиться одновременно, если для изслѣдованія избирается небольшой періодъ времени, небольшая территорія или, вообще, какое нибудь не особенно крупное колонизаціонное движеніе, но съ величайшимъ трудомъ совмѣстимо одновременное изученіе обоихъ родовъ матеріала при такихъ широкихъ задачахъ, какія принялъ на себя проф. Багалѣй. Онъ, найдя массу историко-юридическихъ документовъ и статистическихъ данныхъ, отдалъ предпочтеніе первымъ; имъ однимъ посвятилъ все свое вниманіе, оставивъ въ сторонѣ вторыя. Этимъ и объясняются упреки оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ критиковъ, что авторъ не изслѣдовалъ разрядныхъ и писцовыхъ книгъ, касающихся той мѣстности, исторію заселенія которой онъ написалъ, что онъ ссылается не на первоисточники, а на труды, хотя и очень почтенные, но предназначенные, по самому характеру своему, для ознакомленія съ сырымъ матеріаломъ и выбора изъ него необходимаго въ каждомъ данномъ случаѣ; этимъ же обстоятельствомъ мы объясняемъ недостаточную обработку статистическаго матеріала (напр., стр. 250, 251, 412, 413). Измѣненіе величины цифръ является какъ будто произвольнымъ, случайнымъ, и не объясняется никакими мотивами. Кромѣ того цифры здѣсь сообщаются отдѣльно для каждаго города, тогда какъ, по нашему мнѣнію, ихъ слѣдовало бы брать сначала общими итогами и потомъ уже распредѣлять переселенцевъ и по мѣстамъ ихъ выхода, и по мѣстамъ ихъ новаго поселенія: получилось бы двѣ картины: разрѣженіе населенія или даже опустѣніе одной области и наплывъ въ другую; изученіе историческихъ фактовъ дало бы объясненіе и тому и другому явленію. Авторъ избѣгнулъ бы и кажущейся апріорности нѣкоторыхъ положеній, напр., объ увеличеніи числа однодворцевъ въ XVIII в. (стр. 351), о возвышеніи Харькова и Зміева надъ другими городами (428, 429), о возростаніи числа посполитыхъ крестьянъ въ XVIII вѣкѣ (стр. 508) и друг.

Намъ кажется, что нельзя согласиться также и съ нѣкоторыми другими выводами почтеннаго автора: говоря, напр., о колонизаціи малороссовъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и изображая

литовско-русскій государственный строй этого времени, авторъ сравниваетъ староства съ уѣздами и станами сѣверной Руси, а старостъ съ воеводами. Если такое сравненіе и можно допустить, то лишь для времени до люблинской уніи (авторъ не говоритъ опредѣленно, какое время онъ разумѣетъ); въ царствованіе же Михаила Ѳеодоровича, съ котораго собственно и начинается изслѣдованіе Д. И. Багалѣя, край давно уже дѣлился на воеводства и повѣты, обнимавшіе большія пространства, въ которыхъ административными центрами являются повѣтовые города, староства же, будучи королевскими имѣніями, занимали лишь небольшую территорію среди развившагося шляхетскаго землевладѣнія и старосты въ повѣтовыхъ городахъ удерживали въ своихъ рукахъ исключительно судебныя функціи, а во второстепенныхъ городахъ (державцы) являлись лишь пожизненными владѣльцами староствъ.

Мы не можемъ, въ свою очередь, согласиться съ отождествленіемъ Д. И. Багалѣемъ бояръ и земянъ, особенно послѣ люблинской уніи. Тѣ и другіе, хотя и выдѣлились изъ древняго русскаго боярства въ періодъ литовскихъ князей, но различались уже обязанностями своими по отношенію къ государству: земяне несли исключительно военную повинность, а бояре—ямскую или сторожевую, тѣ и другіе владѣли за службу землей. Послѣ люблинской уніи земяне были приравнены къ шляхтѣ, а бояре слились съ посполитыми. Мнѣніе Д. И. Багалѣя о томъ, что козачество какъ бы выдѣлялось изъ мѣщанства, недостаточно обосновано.

Жители городовъ особыми пожалованными имъ правами соединены были въ отдѣльное сословіе; что же касается до козачества, населявшаго города, то оно представляло военное сословіе, которое подъ предводительствомъ старостъ защищало окраины государства, а болѣе позднее по происхожденію низовое козачество образовалось изъ элементовъ недовольныхъ и неспокойныхъ представителей другихъ сословій. Вообще, вопросъ о происхожденіи козачества у насъ не рѣшенъ еще окончательно.

Отвѣчая своимъ критикамъ, г. Багалѣй намѣчаетъ содержаніе имѣющаго выйти 2 тома, который долженъ будетъ заключать въ себѣ исторію сословій: каждому сословію онъ предполагаетъ удѣлить одну главу. Мы думаемъ, что въ виду громадности матеріала, который можетъ служить для исторіи сословій, каждое изъ нихъ можетъ быть предметомъ особой монографіи, болѣе или менѣе обширной. Конечно, ихъ можно соединить и въ одинъ томъ, но въ такомъ слу-

чаѣ или исторія отдѣльныхъ сословій будетъ разработана не во всей своей полнотѣ, а лишь намѣчены главные моменты ея развитія, или, можетъ быть, авторъ ограничитъ свое изслѣдованіе небольшимъ промежуткомъ времени? Пока, нельзя не поблагодарить автора за то, что имъ уже сдѣлано. Путь для дальнѣйшей разработки исторіи колонизаціи харьков. губ. проложенъ, а это дѣло и главное, и трудное.

И. Каманинъ.

Харьковскій Сборникъ. Литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому календарю» на 1888 г. Вып. 2-й. Изд. харьков. статистич. комитета подъ ред. члена-секретаря В. И. Касперова. Харьковъ. 1888 годъ.

Въ существованіи «Харьковскаго Сборника» и въ большомъ спросѣ на него нельзя не видѣть назрѣвшей потребности въ большомъ изданіи не спеціально историческомъ, но общаго научно-литературнаго характера, гдѣ нашли бы себѣ мѣсто статьи по различнымъ вопросамъ, представляющимъ живой интересъ для юга Россіи и почти не затрогиваемымъ въ столичныхъ изданіяхъ. Мы увѣрены, что возникновеніе такого органа вызвало бы къ дѣятельности многія, дремлющія теперь за недостаткомъ исхода, научныя и литературныя силы. То же, хотя нѣсколько неопредѣленно и туманно, выражено и въ предисловіи къ «Сборнику» его молодой редакціей, говоримъ молодой въ смыслѣ происшедшей въ ней перемѣны: мѣсто П. С. Ефименка занялъ В. И. Касперовъ.

Что въ Харьковѣ нѣтъ недостатка въ интеллигентныхъ силахъ, доказывается содержаніемъ разбираемаго нами «Сборника». Оно весьма разнообразно и богато. «Сборникъ» распадается на два отдѣла: статистико-экономическій и научно-литературный (точнѣе историко-этнографическій). Библіографія не присоединена ни къ одному изъ этихъ отдѣловъ, хотя и не выдѣлена въ особый.

Въ первомъ отдѣлѣ въ трудахъ гг. Совѣтова, Кулешова, Павловича, Верещагина, Черняева, Тимофеева, Тарасова, Шишкина, Фортунатова, Калантара, Могилевскаго и др. обозрѣваются результаты всероссійской сельско-хозяйственной выставки 1887 г. въ Харьковѣ, результаты дѣятельности харьковскаго земства и желѣзно-дорожнаго хозяйства. Отмѣтимъ еще въ этомъ отдѣлѣ статьи: Г. Н. Литошенка «Община въ купянскомъ уѣздѣ» и Н. Савицкаго «Кустарные промыслы въ харьковской губ.»

Во второмъ, литературно-научномъ отдѣлѣ первое мѣсто занимаетъ перепечатка «Топографическаго описанія харьковскаго намѣстничества», изданнаго какъ разъ сто лѣтъ тому назадъ; къ перепечатанному «Описанію» проф. Д. И. Багалѣемъ сдѣлано предисловіе; въ немъ ставится вопросъ объ авторѣ этого сочиненія и источникахъ сего послѣдняго; авторомъ его г. Багалѣй, на основаніи недавно опубликованнаго документа, считаетъ капитана Н. Загоровскаго, но не отрицаетъ участія и Н. Переверзева, директора училищъ харьковской губерніи, которому до сихъ поръ приписывалось «Описаніе». Что касается до источниковъ, то упоминаніе о трехъ изданіяхъ «Описанія»: 1785, 1787 и 1788 гг. даетъ г. Багалѣю возможность утверждать, что первое изданіе служило источникомъ для двухъ послѣднихъ и авторомъ его именно и былъ Переверзевъ; съ доводами Д. И. Багалѣя нельзя не согласиться. «Описаніе» дѣлится на двѣ части: историческую и географическую; насколько первая преисполнена грубыхъ ошибокъ, настолько вторая точна и обстоятельна. Въ примѣчаніяхъ, помѣщенныхъ въ концѣ статьи, г. Багалѣй дѣлаетъ нѣкоторыя исправленія и дополненія къ «Описанію», касающіяся главнымъ образомъ вопроса объ основаніи нѣкоторыхъ городовъ, направленія дорогъ, открытія ярмарокъ и проч. Вообще, нельзя не поблагодарить проф. Д. И. Багалѣя за весьма умѣстное 2-е изданіе этого цѣннаго источника для южно-русской исторіи.

Здѣсь же рядомъ помѣщена небольшая статья г. П. И.: «Народныя представленія и вѣрованія, относящіеся къ внѣшнему міру»; она заключаетъ въ себѣ матеріалы для характеристики крестьянскаго населенія купянскаго уѣзда, собранные авторомъ, какъ лично, такъ и чрезъ учителей и учительницъ сельскихъ школъ; матеріалъ распредѣляется по слѣдующимъ рубрикамъ: небесныя свѣтила и небо; атмосфера и ея явленія; царства животныхъ, птицъ и растеній.

Въ статьѣ Н. Ѳ. Сумцова: «Культурный уголокъ харьковской губерніи» разсказывается, на основаніи писемъ А. А. Палицына, служившаго адъютантомъ при фельдмаршалѣ графѣ П. А. Румянцевѣ, о чрезвычайно любопытномъ и отрадномъ явленіи въ старое время. Выйдя въ отставку, А. А. Палицынъ поселился въ селѣ Поповкѣ сумскаго уѣзда; все свое время онъ проводилъ «въ литературныхъ занятіяхъ, въ составленіи плановъ церквей и домовъ для богатыхъ помѣщиковъ, въ перепискѣ съ друзьями и въ прогулкахъ по лѣсу и по полямъ; при чемъ на 70-мъ году жизни увлекался красотами мѣстной природы со свѣжестью чувствъ юноши; около Палицына собралось нѣ-

сколько болѣе или менѣе талантливыхъ мѣстныхъ писателей и художниковъ; Палицынъ высоко цѣнилъ просвѣтительное значеніе этого кружка, называемаго имъ въ шутку, въ письмахъ, поповской академіей, и желалъ появленія другихъ такихъ же центровъ просвѣщенія. Къ кружку Палицына принадлежало немного лицъ, именно: кромѣ жены и дочери, Н. Ѳ. Алферовъ, В. И. Ярославскій, Е. И. Станевичъ, П. и М. Байковы, М. Г. Ушинскій, А. И. Кардашевскій и другіе. О благотворномъ вліяніи Палицына на членовъ своего кружка говорятъ Каразинъ и Данилевскій; но еще болѣе сдѣлалъ для оцѣнки дѣятельности и признанія заслугъ Палицына харьковскій университетъ, избравъ его въ свои почетные члены. Къ сожалѣнію, авторъ не обратилъ вниманія на мотивы избранія и на отношеніе Палицына къ университету до избранія. Здѣсь что то неясно: или дѣятельность Палицына была болѣе громка и извѣстна въ свое время, чѣмъ представляетъ ее авторъ, или Палицынъ стоялъ къ университету ближе, и автору неизвѣстно объ этой близости. Этотъ безпримѣрный фактъ, весьма отрадный и, къ прискорбію, почти невозможный въ наше время, вполнѣ заслуживалъ того, чтобы на немъ остановиться побольше. Въ приложеніи г. Сумцовъ знакомитъ читателей съ нѣкоторыми литературными произведеніями Палицына, въ дополненіе къ тѣмъ, которыя упомянуты въ самой статьѣ. Не была ли литературная дѣятельность главнымъ поводомъ къ избранію Палицына въ почетные члены?

Съ удовольствіемъ читается статья А. Твердохлѣбова: «Котельва» — историко-статистическое описаніе этого мѣстечка и прилежащихъ къ нему селъ; между Котельвой въ прошломъ столѣтіи и современной сдѣлано наглядное, живое сравненіе и отмѣчены характерныя особенности каждой эпохи; при этомъ авторъ предлагаетъ даже краткіе біографіи наиболѣе извѣстныхъ уроженцевъ мѣстечка, стараясь представить черты ихъ нравственной жизни.

«Археологическія, этнографическія и топографическія замѣтки о харьковской губерніи» составлены проф. Д. И. Багалѣемъ, благодаря призыву П. С. Ефименка къ читателямъ «Сборника» о доставкѣ всякаго рода корреспонденцій относительно предметовъ древности; на призывъ отозвались нѣкоторые священники и частныя лица; ихъ то корреспонденціи и послужили автору основой для его статьи. Весь этотъ матеріалъ Д. И. Багалѣй распредѣляетъ на слѣдующія группы: 1) извѣстія о городищахъ и курганахъ; 2) извѣстія объ остаткахъ и развалинахъ прежнихъ крѣпостей; 3) о монетахъ; 4) о находъ-

кахъ стариннаго оружія; 5) о рукописяхъ и предметахъ искусства; 6) о замѣчательныхъ историческихъ могилахъ и легендахъ о нихъ. Отвѣтственность за достовѣрность всѣхъ этихъ извѣстій авторъ оставляетъ на корреспондентахъ. Статья проф. Багалѣя убѣждаетъ въ существованіи большаго количества памятниковъ старины въ харьковской губ. и въ живой связи между читателями «Харьковскаго Сборника» и его редакціей.

Очень цѣнной мы находимъ статью того же проф. Д. И. Багалѣя: «Краткій историческій очеркъ торговли (преимущественно ярмарочной) въ харьковскомъ краѣ въ XVII и XVIII в.в.» Этотъ очеркъ составленъ на основаніи дѣлъ харьковскаго историческаго архива и представляетъ истинный вкладъ въ науку. Всякій, кто касался культурной исторіи русскаго народа, не могъ не чувствовать, какой громадный пробѣлъ въ нашихъ знаніяхъ составляетъ отсутствіе и разработка данныхъ о состояніи промышленности и торговли въ разное время и въ разныхъ окраинахъ; поэтому, нельзя не согласиться съ авторомъ, что «исторія южно-русской торговли ожидаетъ еще своего изслѣдователя». Въ своемъ изслѣдованіи авторъ различаетъ три рода ярмарокъ по важности ихъ: большія, среднія и малыя; первыхъ было 6, вторыхъ—10 и третьихъ—203; на большія и среднія ярмарки привозимы были иностранные товары; малыя же служили мѣстомъ сбыта продуктовъ внутренняго производства; вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ указываетъ тѣ сосѣднія государства, которыя входили въ торговыя сношенія съ слободской Украиной, и тѣ произведенія, какія они ввозили и вывозили; наконецъ, нельзя не пожалѣть, вмѣстѣ съ авторомъ, что у него недоставало статистическихъ данныхъ для опредѣленія размѣровъ торговли.

Большой интересъ имѣетъ также, отчетъ о «первомъ годѣ харьковской общественной библіотеки». Учрежденіе библіотеки было задумано еще въ 30-хъ годахъ; она тогда же была и открыта; но равнодушіе публики, не посѣщавшей ее, предало ее забвенію; она была заброшена; равнодушіе же публики отчасти происходило и отъ неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ стояла тогда библіотека: не было ни сноснаго помѣщенія, ни служащаго персонала, ни опредѣленныхъ часовъ для пользованія книгами. Только теперь, черезъ 50 лѣтъ, означенныя неудобства устранены; 26 сентября 1886 года библіотека снова была открыта. И что же? Библіотеку въ первомъ же году посѣтило 70,000 лицъ, т. е. около 6000 человѣкъ въ мѣсяцъ. Успѣхъ поразительный и знаменательный. Въ настоящее время воз-

бужденъ уже вопросъ объ учрежденіи нѣсколькихъ отдѣловъ библіотеки для народнаго чтенія въ разныхъ частяхъ города. Нельзя не порадоваться этому отрадному явленію.

Г. Н. Л—ій въ собранныхъ имъ «народныхъ колыбельныхъ пѣсняхъ» хотѣлъ доказать существованіе того нѣжнаго чувства къ дѣтямъ въ крестьянской семьѣ, которое, заглушаемое дневными заботами о насущномъ хлѣбѣ, очень рѣдко проявляется.

Въ замѣткѣ И. А. Зарѣцкаго «о древностяхъ харьковской губ. богодуховскаго уѣзда слободы Лихачевки» указаны весьма многочисленные вещественные слѣды былой жизни населенія въ предметахъ вооруженія, домашней утвари, украшеніяхъ одежды и проч.; здѣсь среди остатковъ каменнаго и бронзоваго періода попадаются и желѣзныя издѣлія; встрѣчаются также и монеты римскихъ императоровъ II-го и III-го вѣковъ по Р. Х.; на основаніи изслѣдованія всѣхъ указанныхъ предметовъ авторъ приходитъ къ заключенію, что они принадлежатъ какому то славянскому племени, находившемуся подъ властью римлянъ и переживавшему конецъ бронзоваго и начало желѣзнаго періодовъ. Къ статьѣ приложены изображенія предметовъ древности въ сл. Лихачевкѣ.

Въ заключеніе сообщены некрологи почтенныхъ дѣятелей Харькова, сошедшихъ въ могилу въ прошломъ году: проф. зоологіи Л. С. Ценковскаго, университетскаго садовника П. П. Поликарпова и смотрителя духовнаго училища Г. Г. Лапчинскаго.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ «Сборника» разборы книгъ хотя и краткіе, но выводы авторовъ переданы точно; въ оцѣнкѣ книгъ чувствуется безпристрастіе. Все наиболѣе выдающееся, вышедшее въ свѣтъ и касающееся Харькова и его губерніи или изданное въ немъ обстоятельно разсмотрѣно въ этомъ отдѣлѣ.

И. Каманинъ.

Двадцатипятилѣтіе изданія Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей (1862—1886 г.) Каменецъ-Подольскъ. 1887. 20+15 стр. (Отд. оттискъ изъ Подольск. Еп. Вѣд. 1887 г., № 1). Указатель неоффиціальной части Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 20 лѣтъ ихъ существованія (1867—1887). Составилъ Ювеналій Тиховскій. Почаевъ. 1888. 8°. 275 стр. Указатель статей, помѣщенныхъ въ неоффиціальной части Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 25 лѣтъ изданія ихъ, съ 1863 по 1888 г. Составилъ протоіерей Петръ Мазановъ. Полтава. 1888. 8°. 197 стр.

Кто то сравнилъ указатели, помѣщаемые при ученыхъ изданіяхъ, съ проѣзжими дорогами: какъ трудно ѣздить при отсутствіи дорогъ, такъ трудно пользоваться научнымъ изданіемъ, когда оно не имѣетъ при себѣ указателя. Какъ благодарятъ путешественники правителей за устройство въ странѣ хорошихъ дорогъ, такъ признательны книжные люди составителямъ указателей къ книгамъ и журналамъ.—Четверть вѣка назадъ въ большинствѣ губернскихъ городовъ начали издаваться Епархіальныя Вѣдомости, въ «неоффиціальной части» которыхъ стали печататься разныя статьи научнаго содержанія по мѣстной церковной исторіи. На страницахъ нѣкоторыхъ изъ Епарх. Вѣдом. появились замѣчательные труды мѣстныхъ духовныхъ ученыхъ, при чемъ достаточно указать на Описаніе черниговск. епархіи Филарета Черниговскаго, печатаніемъ котораго ученый авторъ открылъ изданіе Черниг. Епарх. Вѣд. Цѣнныя ученыя работы помѣщали на своихъ страницахъ и другія Епархіальныя В—ти, преимущественно по разработкѣ мѣстной церковной старины. Все это хорошо извѣстно книжнымъ людямъ, но бѣда въ томъ, что пользованіе Епарх. Вѣд. чрезвычайно затруднительно, такъ какъ полные экземпляры ихъ можно найти только на мѣстѣ и при томъ лишь у аккуратныхъ приходскихъ священниковъ. При такой недоступности этихъ изданій, указатели къ нимъ болѣе чѣмъ необходимы: можно справиться—что можно найти на страницахъ вѣдомостей той или другой епархіи и затѣмъ уже приниматься и за розыски самихъ вѣдомостей...

Сколько мы знаемъ, изъ южнорусскихъ Епархіальныхъ В—тей до настоящаго времени дали указатель, и притомъ прекрасно составленный, однѣ лишь Кіевскія Епарх. В—ти, за первое десятилѣтіе своего существованія (1861—1870 г.). Теперь явилось три указателя сразу, при помощи которыхъ можно получить полное знакомство съ Подольскими, Волынскими и Полтавскими Епарх. Вѣд. По богатству

содержанія, первое мѣсто занимаютъ Волынск. Епарх. Вѣд. Богатство содержанія ихъ можно видѣть отчасти изъ примѣчаній къ недавно изданной книгѣ Н. И. Петрова—«Волынь». Однимъ изъ главныхъ источниковъ служатъ Волынск. Еп. Вѣд. и для труда г. Теодоровича—«Описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи», первая книга котораго напечатана въ прошломъ году (Почаевъ. 1888).—На страницахъ Волынск. Еп. Вѣд. появились цѣнныя изслѣдованія какъ, напр., архимандр. Амвросія Лотоцкаго,—«Сказаніе о почаевской Успенской лаврѣ» (въ отд. оттиск. 296 стр.), г. Селецкаго—«Острожская типографія и ея изданія» (въ отд. отт. 227 стр.). Особенно много потрудились для мѣстной волынской исторіи недавно умершій протоіерей Андрей Хойнацкій и свящ. Аполлоній Сендульскій, котораго мѣстная исторіографія не забудетъ за трудолюбиво обработанные имъ исторические очерки отдѣльныхъ мѣстностей волынской земли. Волынскія Еп. Вѣд. не чуждаются и публицистики: на страницахъ ихъ встрѣчаемъ напр. немало статей по еврейскому вопросу, изъ которыхъ многія не должны быть обойдены изслѣдователемъ сего сложнаго вопроса въ жизни югозападной Руси.

Составленный къ Вол. Еп. Вѣд. г. Тиховскимъ указатель раздѣленъ на два отдѣла: исторія и проповѣдничество; оба отдѣла подраздѣлены на группы: исторія – по мѣстностямъ, а проповѣдничество—по отношенію проповѣдей къ тѣмъ или другимъ событіямъ. Въ концѣ находится указатель авторовъ статей. Вообще указатель г. Тиховскаго составленъ настолько обстоятельно, что его можно поставить образцомъ для другихъ работъ сего рода [1]).

Указателю къ Подольск. Еп. Вѣд. предпосланъ историческій очеркъ изданія и обозрѣніе важнѣйшихъ статей по мѣстной исторіи.—Въ Подольск. Еп. Вѣд. такъ же, какъ и въ Волынскихъ, находимъ цѣнныя монографіи по изученію мѣстной, преимущественно церковной, исторіи, изъ которыхъ можно назвать слѣдующія: 1) Глищинскаго, Истор.-статист. описаніе подольской епархіи, 1862 г.; 2) Симашкевича, Истор.-стат. и этногр. очеркъ Подоліи, 1875 и 1876 г.г.; 3) его же,

[1]) Указатель г. Тиховскаго первоначально печатался приложеніемъ къ Вол. Еп. Вѣд. за 1888 г. Присылая къ намъ отдѣльный оттискъ своего указателя, г. Тиховскій проситъ насъ извѣстить, что послѣдній въ продажу едва ли поступитъ, но что лица, интересующіяся его книгой, „благоволятъ прислать составителю свой адресъ и указатель будетъ имъ высланъ съ удовольствіемъ“. Адресъ составителя: Ст. Млыновъ, волынск. губ., настоятелю хорупанскаго прихода о. Павлу Совицкому, для передачи Ю. Тиховскому. *Ред.*

Римское католичество и его іерархія въ Подоліи, 1871 и 1872 г.г. (въ отдѣльн. оттиск.—528 стр.); 4) Ист.-стат. опис. приходовъ и церквей брацлавскаго уѣзда, 1875 и 1876 г.г.; 5) Хойнацкаго, Преп. Іовъ, игуменъ почаевскій и затѣмъ множество историческихъ очерковъ разныхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ Подоліи.—Подольск. Еп. Вѣд. отличаются отъ другихъ тѣмъ, что помѣстили на своихъ страницахъ не мало статей этнографическаго содержанія, преимущественно о народныхъ обычаяхъ въ важнѣйшіе моменты человѣческой жизни: при сватьбахъ, похоронахъ и проч. Кромѣ того въ Под. Еп. Вѣд. помѣщено нѣсколько интересныхъ монографій, касающихся вообще исторической жизни югозападной Руси, какъ напр. статьи Н. И. Яворовскаго: 1) Медовареніе на Руси и остатки при церквахъ подольск. епархіи, 1878 г. и 2) Памятники уніатской церковной литературной дѣятельности въ к. прошл. и нач. настоящ. стол. Особенно интересна первая статья, заключающая въ себѣ исторію исчезновенія такъ называемыхъ «кануновъ». Указатель къ Под. Еп. Вѣд. составленъ съ раздѣленіемъ содержанія послѣднихъ на два отдѣла: въ первомъ перечислены—«историко-статистич. описанія Подоліи и въ частности монастырей, церквей и приходовъ под. епархіи», а во второмъ—«статьи, заключающія историческія, этнографическія и другія свѣдѣнія о Подоліи и югозападномъ краѣ».

Въ видѣ приложенія къ Под. Еп. Вѣд. издаются Труды Комит. для истор.-стат. описанія подольск.епархіи, которыхъ по настоящее время издано три выпуска. Содержаніе этихъ трудовъ также введено въ указатель.

Указатель къ Полтавск. Еп. Вѣд. раздѣленъ на нѣсколько отдѣловъ, въ которыхъ затѣмъ статьи перечисляются въ хронологическомъ порядкѣ. Всѣхъ статей перечислено 1292; изъ нихъ: «статей историко-біографическихъ»—50 и «историко-статистическихъ»—98. Эти два отдѣла только и составляютъ матеріалъ для мѣстной церковной исторіи. За 25-ть лѣтъ своего существованія Полтавск. Епарх. Вѣд. сдѣлали немного. Изъ сотни «историко-статистическихъ» статей, содержательныхъ очень мало; большинство ихъ составляютъ коротенькіе очерки того или другаго села съ бѣдными свѣдѣніями о приходскихъ храмахъ. Изъ статей, имѣющихъ какое нибудь содержаніе, можно указать на Историческій очеркъ полтавской епархіи, игумена Поліевкта, и на статьи г. Левицкаго о закрытыхъ монастырхъ той же епархіи. Видно, что лица, удѣлявшіе досуги свои на разработку мѣстной церковной старины, относились къ этому предмету или безъ всякой подготовки, или же формально... А Л.

Pulaski Kazimierz. Szkice i poszukiwania historyczne. Kraków. 1887.
(Пуласкій Казиміръ. Историческіе очерки и изслѣдованія).

Среди историческихъ польскихъ писателей, заявившихъ себя серьезными работами въ послѣднее время, весьма видное мѣсто занимаетъ г. Пуласкій. Первый его, насколько намъ извѣстно, трудъ вышелъ въ 1881 г. въ Варшавѣ подъ заглавіемъ «Отношенія Польши къ татарамъ; томъ I—отношенія къ хану перекопскому Мендли-Гирею (1469—1515)» [1]).—Это весьма обстоятельное и серьезное изслѣдованіе снабжено объемистымъ приложеніемъ, въ которомъ помѣщено 158 документовъ, относящихся къ предмету изслѣдованія, заимствованныхъ по большей части изъ Литовской Метрики.

Сочиненіе, котораго заглавіе мы выписали выше, представляетъ второй трудъ г. Пуласкаго, особенно интересный для насъ потому, что изъ числа семи монографій, входящихъ въ его составъ, пять посвящены различнымъ эпизодамъ исторіи южно-русскаго края. Первый очеркъ «Дикія поля» и шестой «Остафій Дашкевичъ» тѣсно связаны между собою содержаніемъ и потому мы ихъ разсмотримъ вмѣстѣ; въ очеркахъ этихъ авторъ изображаетъ состояніе степной украины в. княжества литовскаго въ концѣ XV и въ XVI столѣтіи. Основываясь по преимуществу на актахъ и документахъ и дополняя ихъ свѣдѣнія данными лѣтописными, которыми онъ пользуется впрочемъ съ должною критикою и осторожностью, авторъ возсоздалъ весьма живую и вполнѣ реальную картину жизни литовской украины въ теченіе избраннаго имъ столѣтія: Мы здѣсь находимъ разсказъ о борьбѣ мѣстнаго населенія съ татарами, о значеніи украинныхъ старостъ, о постепенномъ развитіи колонизаціи, о зарожденіи козачества; затѣмъ по документальнымъ источникамъ опредѣлены права, обязанности, занятія и промыслы разныхъ группъ, на которыя распадалось населеніе края: земянъ, козаковъ, бояръ и мѣщанъ. Біографія Остафія Дашкевича служитъ какъ бы иллюстраціею общей картины состоянія края. Всѣ свѣдѣнія заимствованы авторомъ изъ первыхъ источниковъ: Актовъ, относящихся къ исторіи западной Россіи, Архива юго-западной Россіи, Литовской Метрики и т. д. Въ разсказѣ своемъ авторъ, встрѣчаясь съ спорными или еще не разрѣшенными вопросами, высказываетъ взгляды вполнѣ научные или ставитъ весьма

[1]) Stosunki Polski z tatarszczyzną od połowy XV wieku; tom I—Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów Perekopskich (1469—1515).

осторожно предположенія очень правдоподобныя; такъ, онъ указываетъ на ошибку многихъ историковъ, считавшихъ украинныхъ старостъ козацкими гетманами (стр. 6), опредѣляетъ точно разницу исторической роли городоваго козачества и Запорожья (стр. 13), высказываетъ предположеніе, что первыми представителями козачества, могли быть исконные русскіе обитатели степной украины, уцѣлѣвшіе въ ней послѣ татарскихъ погромовъ и т. п. Вообще, и по выбору и по полнотѣ источниковъ [1]) и по научнымъ пріемамъ пользованія ими, несомнѣнно трудъ г. Пуласкаго принадлежитъ къ числу лучшихъ работъ по избранному имъ сюжету. Оцѣнивая вполнѣ научныя достоинства труда г. Пуласкаго, мы съ тѣмъ большимъ сожалѣніемъ должны указать на одинъ крупный недостатокъ, который нѣсколько удивляетъ насъ въ виду научныхъ критическихъ пріемовъ автора и его полнаго объективизма: г. Пуласкій не успѣлъ вполнѣ стряхнуть съ себя дурныхъ привычекъ той исторической школы, въ которой онъ онъ воспитался, и въ силу этого онъ въ иныхъ случаяхъ переноситъ, вѣроятно незамѣтно для самаго себя, понятія и отношенія послѣдующей эпохи на время предъидущее. Въ этомъ отношеніи существенная ошибка г. Пуласкаго состоитъ въ томъ, что онъ считаетъ русскія области великаго княжества литовскаго входившими въ составъ Польши, подлежавшими польскому законодательству и польскому устройству еще до люблинской уніи, т. е. въ то время, когда в. княжество литовское составляло совершенно самостоятельное государство, связанное съ Польшею лишь въ династическомъ отношеніи, но совершенно независимое по отношенію къ законодательству, администраціи и устройству внутренняго быта, сложившагося въ свои оригинальныя формы, не имѣвшія ничего общаго съ Польшею. Такое смѣшеніе двухъ разныхъ эпохъ жизни края мы замѣчаемъ у г. Пуласкаго слишкомъ часто; такъ, говоря о концѣ XV и первой половинѣ XVI ст., онъ утверждаетъ, что *Польша* отражала татаръ на Поднѣстровіи (стр. 4), что *Польша* потеряла въ этой борьбѣ громадное количество населенія (стр. 12), что при Александрѣ Казимировичѣ *каневскіе* старосты стояли на сторожѣ *польско*-литовскихъ земель (стр. 25), что въ 1551, Сигизмундъ II держалъ въ *Черкассахъ*

[1]) Г. Пуласкій не воспользовался однимъ матеріаломъ—Описаніемъ украинныхъ замковъ—и самъ жалуется на недостатокъ этого матеріала (стр. 26). Къ сожалѣнію тотъ томъ Архива юго-западной Россіи, въ которомъ помѣщены эти описанія, появился въ свѣтъ позже разбираемыхъ очерковъ

польскій гарнизонъ (стр. 28), что кн. Дмитрій Вишневецкій защищалъ границы *Польши* (стр. 33) и т. п.

Какъ ни непріятно встрѣчать въ серьезной и почтенной монографіи частое повтореніе явной ошибки, мы бы еще съ нею помирились, если бы она проявлялась только въ рѣченіяхъ, подобныхъ приведеннымъ, которыя не заслоняютъ сущности изображаемой картины, но, къ несчастью, раза два указанная ошибка повліяла на автора до того, что заставила его представить въ совершенно ошибочномъ свѣтѣ довольно крупные факты внутренней жизни южно-русскаго края; такъ, авторъ, желая обозначить значеніе украинныхъ старостъ, разсказываетъ о разницѣ старостъ гродовыхъ и негродовыхъ и о распредѣленіи повѣтовъ въ южныхъ воеводствахъ; то и другое обстоятельство онъ представляетъ въ томъ видѣ, въ какомъ роды и повѣты установились послѣ 1569 года и полагаетъ, что они находились въ томъ же состояніи и въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка. Между тѣмъ въ это время гродовыхъ старостъ вовсе не было въ великомъ княжествѣ литовскомъ потому, что не существовалъ и самъ институтъ гродскихъ судовъ; повѣтовъ было гораздо больше и каждый староста или намѣстникъ, управлявшій замкомъ, управлялъ вмѣстѣ съ нимъ и тянувшимъ къ нему повѣтомъ и судилъ его жителей судомъ старостинскимъ (а не гродскимъ). Такъ, въ кіевской землѣ были замки и повѣты, а также управлявшіе ими старосты: черкасскій, каневскій, житомірскій, овручскій, мозырскій, чернобыльскій и остерскій и сверхъ того воевода кіевскій, который, несмотря на свой титулъ, былъ почти равенъ по власти старостамъ и управлялъ только кіевскимъ повѣтомъ, а не позднѣйшимъ кіевскимъ воеводствомъ. Я полагаю, что г. Пуласкій согласится съ этимъ положеніемъ, пересмотрѣвъ описанія замковъ кіевской земли, помѣщенныя въ I томѣ VI-ой части Архива юго-западной Россіи и откажется отъ своего мнѣнія, будто Каневъ и Черкассы въ продолженіи XVI столѣтія не составляли отдѣльныхъ повѣтовъ и принадлежали къ повѣту кіевскому (стр. 22—23).

Въ слѣдствіе той же ошибки г. Пульскій приводитъ постановленіе піотрковскаго сейма 1550 года, въ силу котораго замки и староства рѣшено было раздавать исключительно землевладѣльцамъ-полякамъ шляхетскаго происхожденія, и полагаетъ, что постановленіе это относилось ео ipso къ староствамъ украинным (стр. 24). Но въ 1550 году Литва составляла еще самостоятельное государство, она не принимала участія въ польскихъ сеймахъ и постановленія этихъ

сеймовъ ни въ какомъ случаѣ не относились и не могли быть обязательны для территоріи великаго княжества. Полагаемъ, что самъ почтенный авторъ убѣдится въ этомъ, если взглянетъ нѣсколько пристальнѣе на тѣ документы, которыми онъ пользовался: съ одной стороны въ заглавіи постановленій піотрковскаго сейма онъ найдетъ слѣдующее: «Привилегія короля Сигизмунда Августа, которою онъ подтверждаетъ всѣ привилегіи, права и вольности *коронныя* и т. д.[1]), съ другой онъ встрѣтитъ въ Актахъ, относящихся къ исторіи западной Россіи (т. II, стр. 33) грамоту уставную кіевской земли, изъ которой явствуетъ, что въ землѣ этой и ея повѣтахъ, великіе князья литовскіе обязались давать староства не полякамъ, а исключительно уроженцамъ кіевской же земли: «А волости кіевскія—кіяномъ держати, а иному никому. А *городки кіевскіе* въ нашой воли—кіяномъ будемъ давати, кому ся будетъ годити». Обязательство это дано было еще в. к. Витовтомъ, затѣмъ возобновлено: Казимиромъ, Александромъ и Сигизмундомъ I; слѣдовательно въ 1550 году при раздачѣ украинныхъ старостъ правительство руководилось этимъ обязательствомъ, а не постановленіями піотрковскаго сейма, относившимися къ землямъ *коронным*, но не имѣвшимъ никакой силы для земель *литовскихъ*.

За исключеніемъ этой, хотя крупной, но, какъ намъ кажется, единственной ошибки, мы встрѣтили въ разсматриваемыхъ статьяхъ только 2—3 мелкіе недосмотра, не имѣющіе, впрочемъ, существеннаго значенія; такъ, въ описаніи Канева г. Пуласкій утверждаетъ (стр. 10), что въ этомъ городѣ существовала таможня во время Витовта, названная въ запискахъ Михалона Литвина Витовтовою Банею. Между тѣмъ Михалонъ Литвинъ ясно говоритъ, что эта таможня была у Таванскаго перевоза т. е. гораздо ниже, днѣпровскихъ пороговъ[2]). Затѣмъ, нѣсколько мѣстныхъ терминовъ, какъ кажется, поняты авторомъ не точно: такъ, слово, встрѣтившееся въ актѣ, *осетровая лука* (стр. 38) онъ переводитъ по польски словомъ *łąka*, которое означаетъ лугъ, покрытый травою; на этомъ лугу, конечно, мудрено было бы поймать осетра. Слово *пашня* онъ считаетъ не пахатною землею, а пастбищемъ (стр. 60); наконецъ, одного изъ Дашкевичей онъ на-

[1]) Volumina legum т. II, стр. 1, fol. 591.

[2]) In trajectu Borysthenis ad Tovani, ubi etiam hodie extat camera lapidea, quam... balneum Vitovdinum vocant. Отрывки Михалона Литвина, изданіе Калачева, стр. 66.

зываетъ Юхусомъ, вѣроятно, не разобравъ въ рукописи очень употребительнаго въ XVI в. имени Юхно (стр. 235).

Въ четвертомъ очеркѣ [1]) «Хозяйство королевы Боны въ украинныхъ земляхъ» мы встрѣчаемъ весьма подробный и интересный очеркъ хозяйственной дѣятельности королевы Боны въ подаренныхъ ей или пріобрѣтенныхъ ею имѣніяхъ на Волыни и въ Подоліи, въ волостяхъ: барской, кременецкой и ковельской; статья эта даетъ прекрасную характеристику личности самой королевы Боны и вмѣстѣ съ тѣмъ изображаетъ весьма живую и полную картину экономическихъ отношеній, существовавшихъ въ городахъ и селахъ южно-русскаго края въ первой половинѣ XVI в.; матеріаломъ для статьи послужили по преимуществу документы, помѣщенные въ изданіяхъ кіевской археографической коммиссіи, а также переписка Боны съ своими управляющими и арендаторами, извлеченная г. Пуласкимъ изъ его собственнаго архива. Нѣсколько изъ этихъ документовъ онъ напечаталъ in extenso въ теченіи разсказа. Въ прекрасной статьѣ этой мы замѣтимъ лишь одну мелкую неточность: въ одномъ изъ писемъ Боны встрѣтилась фамилія ея дворянина «Непитущій"; г. Пуласкій предполагаетъ, что это былъ италіанецъ, находившійся въ ея службѣ (стр. 151) (вѣроятно онъ думаетъ, что это передѣлка на славянскій ладъ фамиліи *Nepitucci*); предположеніе это ошибочно: Непитущіе это старый земянскій православный родъ волынской земли: въ описаніяхъ луцкаго замка въ 1545—1552 годахъ мы встрѣчаемъ городни: «Грицька Непитущого зъ Охматкова» и «Петра Непитущого зъ Охматкова»; пани Григорева Непитущая владѣла въ то же время дворомъ въ овруцкомъ замкѣ; въ 1577 мы встрѣчаемъ пана Романа Непитущаго въ татарскомъ плѣну, гдѣ онъ подписываетъ завѣщаніе составленное Василіемъ Загоровскимъ; наконецъ, въ XVII уже столѣтіи, намъ извѣстенъ (1680) велебный Рафаилъ Непитущій, игуменъ Кіево-пустыннаго Никольскаго монастыря [2]).

Пятый очеркъ г. Пуласкаго озаглавленъ: «Первые годы общественной дѣятельности Адама Киселя». Это собраніе весьма интересныхъ данныхъ для біографіи А. Киселя съ 1622 по 1635 годъ, извлеченныхъ авторомъ изъ неизвѣстнаго понынѣ матеріала,—именно

---

[1]) Второй и третій очерки посвящены эпизодамъ царствованія Сигизмунда I, не относящимся непосредственно къ исторіи южной Руси.

[2]) Памятники кіевской коммиссіи т. IV, стр. 86. Арх. юго-зап. Рос.: Ч. I, т. I, стр. 94 и т. IV, стр. 35; Ч. IV, т. I, стр. 41; Ч. VII, т. I, стр. 161.

изъ переписки А. Киселя съ разными лицами, хранящейся въ архивѣ, принадлежащемъ самому г. Пыляскому. Многія изъ этихъ писемъ напечатаны въ статьѣ и представляютъ много совершенно новыхъ историческихъ данныхъ; между прочимъ, мы находимъ свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ Киселя въ 1633 году, когда ему поручено было защищать Черниговщину отъ вторженія Бутурлина; среди документовъ, относящихся къ этому эпизоду, особенный интересъ представляетъ подробная записка, составленная Киселемъ, объ осадѣ Чернигова Алябіевымъ (31 августа—4 сентября 1633 г.).

Наконецъ, седьмой и послѣдній очеркъ носитъ названіе: «Князья Гольшанскіе, историко-генеалогическая монографія». Это очень кропотливый трудъ, въ которомъ авторъ собралъ съ большимъ вниманіемъ всѣ данныя, разсѣянныя въ документахъ и лѣтописяхъ, о князьяхъ Гольшанскихъ (одна вѣтвь ихъ рода приняла въ XV ст. названіе кн. Дубровицкихъ) и сопоставивъ ихъ, составилъ довольно полную генеалогію этого княжескаго рода, занимавшаго весьма видное положеніе въ в. княжествѣ литовскомъ съ XV столѣтія и прекратившагося въ исходѣ XVI

Передовая вкратцѣ содержаніе «историческихъ очерковъ» г. Пыляскаго, мы увѣрены, что всѣ, интересующіеся историческимъ изученіемъ разсматриваемыхъ имъ сюжетовъ, найдутъ въ его книгѣ много интересныхъ и новыхъ фактовъ, выбранныхъ тщательно и оцѣненныхъ согласно правиламъ здравой и безпристрастной исторической критики, за исключеніемъ единственной предвзятой мысли, указанной нами, отъ которой, мы полагаемъ, самъ авторъ откажется въ дальнѣйшихъ трудахъ по внушенію присущаго ему стремленія къ объективному, строго научному методу изслѣдованія.

В. А.

Девятисотлѣтіе русской іерархіи: епархіи и архіереи—988—1888 г. Составлено по оффиціальнымъ и историческимъ даннымъ П. Д. Москва. 1888 г.

Книга подъ этимъ заглавіемъ не составляетъ новости въ нашей библіографіи. Ей предшествовали: 1) «Списки архіереевъ и архіерейскихъ каѳедръ іерархіи всероссійской со времени учрежденія Св. Правительствующаго Синода» —1721—1871 г., составленные Юріемъ Толстымъ, б. товарищемъ оберъ-прокурора Св. Синода и изданные въ 1872 г. и 2) «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской

церкви» — орд. академика Павла Строева, изданные послѣ его смерти Археографическою Коммиссіей подъ редакціей члена Коммиссіи М. И. Семевскаго въ 1887 году. Пособіемъ Юрію Толстому при составленіи его книги послужилъ рукописный трудъ бывшаго пензенскаго преосвященнаго Амвросія Орнатскаго, хранящійся въ Архивѣ Св. Синода. Ю. Толстой, воспользовавшись этимъ трудомъ, исправилъ, дополнилъ и расположилъ списки въ другомъ, лучшемъ порядкѣ. Академикъ Строевъ, работавшій по архивнымъ источникамъ, началъ свой трудъ въ 1830, окончилъ въ 1838 г. и въ послѣдующіе 13 лѣтъ до своей кончины въ 1875 году исправлялъ и дополнялъ, пересмотрѣвъ для сего старыя дѣла Государственнаго Архива, нѣсколько тысячъ грамотъ московскаго Сената, дѣла старыя министерства иностранныхъ дѣлъ, дѣла бывшаго монастырскаго приказа и остатокъ патріаршаго архива, старинные столбцы въ московской конторѣ Св. Синода. Постороннимъ пособіемъ послужило ему только «Дополненіе къ каталогу монастырскихъ настоятелей съ 14 по 18 вѣкъ» — члена Археографической Коммиссіи Бередникова, составленное по грамотамъ, поступившимъ въ Коммиссію изъ министерства финансовъ и изъ старыхъ дѣлъ государственнаго архива. У Ю. Толстаго сначала помѣщенъ алфавитный реестръ архіереевъ, бывшихъ при учрежденіи Св. Синода и хиротонисанныхъ по его учрежденіи, съ раздѣленіемъ на царствованія, въ которыя они хиротонисаны, затѣмъ реестръ архіереевъ 1872 года, потомъ списокъ епархій и викаріатствъ съ 1821 по 1871 г. въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ учрежденія и на концѣ азбучная роспись архіерейскихъ каѳедръ и азбучный указатель ихъ именъ. Строевъ въ основаніе своего списка положилъ рядъ епархій по времени ихъ учрежденія, начавъ съ кіевской и окончивъ туркестанской; за спискомъ епархій у него идутъ списки іерарховъ каждой епархіи и списки настоятелей ея монастырей въ хронологическомъ порядкѣ. Въ концѣ книги таковые же списки упраздненныхъ епархій и алфавитный указатель всѣхъ монастырей, упоминаемыхъ въ спискахъ. Послѣ трудовъ Ю. Толстаго и Строева, въ особенности послѣдняго, списки котораго представляютъ томъ болѣе, чѣмъ въ 1,000 страницъ, уже не трудно было Н. Д. составить списки епархій и архіереевъ съ 988 г. по 1888 г. Оставалось только регистрировать ихъ въ разныхъ порядкахъ по своему усмотрѣнію, дополнивъ за время съ 1872 по 1888 годъ, что и сдѣлано весьма тщательно. Есть, впрочемъ, у него и свои дополненія, которыя состоятъ 1) изъ перечня архіереевъ при московскомъ Архангельскомъ соборѣ, архіереевъ, присутствовавшихъ въ Св. Си-

нодѣ и его конторѣ, управлявшихъ патріаршею областію и бывшихъ въ Москвѣ для священнослуженій и крестныхъ ходовъ; 2) изъ перечня епархій и архіереевъ, составлявшихъ Грузинскій Экзархатъ съ 1811 года, и 3) изъ перечня духовныхъ лицъ, управлявшихъ военнымъ духовенствомъ и настоятелей патріаршихъ въ Москвѣ подворій. Въ концѣ книги приложены 3 алфавитныхъ указателя: именъ архіереевъ русской церкви, именъ архіереевъ грузинской церкви и названій епархій. Въ видѣ приложенія, неподходящаго къ заглавію книги, помѣщены краткія статьи: о просвѣтителяхъ славянъ, о первомъ крещеніи руссовъ, первыхъ 5-ти первосвятителяхъ русской церкви, о крещеніи угроруссовъ и первомъ ихъ епископѣ. Въ самихъ спискахъ сначала идетъ рядъ епархій и викаріатствъ по времени ихъ учрежденія, т. е. въ хронологическомъ порядкѣ съ крещенія св. Владиміра до нашего времени. Далѣе (стр. 10—11) слѣдуютъ списки епархій и викаріатствъ нынѣ существующихъ и упраздненныхъ, причемъ викаріатства титулуются уже епископіями. Почему епархіи здѣсь слѣдуютъ одна за другою въ такомъ, а не иномъ порядкѣ, трудно угадать: этотъ порядокъ нельзя назвать ни хронологическимъ, ни по степенямъ епархій, такъ какъ здѣсь 1-ою стоитъ московская епархія, а затѣмъ уже идутъ кіевская, новгородская, с.-петербургская; ростовская стоитъ на 5-мъ мѣстѣ, а казанская—5-я по степени—на 6-мъ мѣстѣ и т. п. Въ спискахъ іерарховъ сначала рядъ московскихъ патріарховъ 17 вѣка, за ними слѣдуютъ митрополиты кіевскіе съ 989 г. до 1461, потомъ московскіе митрополиты съ 1461 года до 1882 г., и опять кіевскіе съ 1354 г. по 1685 г., московскіе викаріи съ 1788 по 1887 г., и снова кіевскіе митрополиты съ 1690 по 1882 г. съ ихъ викаріями и такъ далѣе по всѣмъ епархіямъ—сначала епархіальные архіереи, а потомъ ихъ викаріи. При этомъ очень замѣтно желаніе автора, въ несообразность съ исторіей, поставить московскую епархію на 1-мъ мѣстѣ; не сдѣлано этого только тамъ, гдѣ епархіи исчисляются по классамъ. Списки какъ епархій, такъ и іерарховъ и ихъ указатель составлены весьма тщательно, съ означеніемъ времени открытія епархіи и времени служенія іерарховъ въ извѣстной епархіи, хотя все таки не обошлось безъ нѣкоторыхъ неправильностей и поправокъ, указанныхъ въ концѣ книги. Позволяемъ себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе, что въ списки епархій и іерарховъ не слѣдовало вносить такихъ мнѣній, которыя составляютъ еще спорный предметъ въ исторической наукѣ, напримѣръ о томъ, будто до 1051 года кіевскіе митрополиты не жили въ Кіевѣ, а въ Переяславѣ, и что бѣл-

городскіе епископы были намѣстниками кіевскихъ митрополитовъ, а также не слѣдовало первыхъ 3-хъ кіевскихъ митрополитовъ: св. Михаила, Леонтія и Іоанна исключать изъ ихъ каталога, дѣлая изъ нихъ особый отдѣлъ. Тѣмъ не менѣе книга Н. Д. найдетъ себѣ мѣсто въ каждой ученой библіотекѣ и можетъ быть настольнымъ пособіемъ для всякаго занимающагося исторіей Россіи и русской церкви въ частности. Нельзя только не пожалѣть, что цѣна книгѣ, заключающей въ себѣ 130 страницъ, назначена довольно крупная—въ 2 руб. 25 коп. съ пересылкою.

П. Л.

Календарь сѣверо-западнаго края на 1889 г., изд. подъ ред. М. Зяблинскаго. М. 1889 г.

Число календарей, выходящихъ въ Кіевѣ съ каждымъ годомъ все увеличивается и въ настоящемъ году здѣсь, кромѣ календарей собственно кіевскихъ, вышелъ еще и календарь сѣверо-западнаго края (хотя этотъ календарь и напечатанъ въ Москвѣ, но редакція его, какъ означено на обложкѣ, находится въ Кіевѣ). Указывая въ предисловіи цѣль своего изданія, редакція календаря заявляетъ, что ставитъ себѣ задачею способствовать распространенію въ русскомъ обществѣ вообще, а въ мѣстномъ въ частности свѣдѣній о сѣверо-западномъ краѣ, преимущественно же о Бѣлоруссіи, и содѣйствовать разработкѣ научныхъ данныхъ о немъ, что, въ виду скудости доступныхъ публикѣ источниковъ для ознакомленія съ прошедшимъ и настоящимъ этого края, является, конечно, весьма желательнымъ. Календарь распадается на два отдѣла. Первый содержитъ въ себѣ необходимыя календарныя свѣдѣнія, приспособленныя, главнымъ образомъ, къ потребностямъ мѣстныхъ жителей; особеннаго вниманія въ этомъ отдѣлѣ заслуживаетъ обиліе статистическихъ данныхъ о 7 сѣв.-западныхъ губерніяхъ (данныя эти занимаютъ 17 страницъ). Во второмъ отдѣлѣ, названномъ редакціею научно-литературнымъ, на первомъ мѣстѣ помѣщена обстоятельная статейка «Владиміръ св. и его время». Остальныя статьи этого отдѣла посвящены спеціально Бѣлоруссіи. Въ коротенькомъ очеркѣ «Бѣлорусское нарѣчіе» указаны главнѣйшія его особенности; памятники народнаго творчества бѣлоруссовъ представлены въ 20 народныхъ пѣсняхъ; есть и образчики искусственной поэзіи на бѣлорусскомъ нарѣчіи, а популярной и до

сихъ поръ въ Бѣлоруссіи поэмѣ Дунина-Марцинкевича «Гапонъ» посвящена особая статья, гдѣ эта поэма приведена частью въ пересказѣ, а частью въ подлинномъ видѣ. Нѣсколько статей относятся къ исторіи географіи и этнографіи Бѣлоруссіи, а въ концѣ книги приложенъ библіографическій указатель новыхъ книгъ и статей, касающихся сѣверо-западнаго края. Въ общемъ календарь производитъ пріятное впечатлѣніе и нельзя не пожелать ему самаго широкаго распространенія. Издана книжка опрятно и цѣна ея (30 к. за 138 страницъ большаго формата) умѣренная.

Н. Т.

Кіевскій народный календарь на 1889 г. Годъ двадцать пятый. Редакторъ-издатель А. Андріяшевъ. Кіевскій календарь на 1889 г. Годъ третій. Издатель Іогансонъ. Кіевскій календарь на 1889 г., шестой годъ изданія. Редакторъ-издатель В. Фабриціусъ, астрономъ-наблюдатель университета св. Владиміра. Волынскій календарь на 1889 г. Годъ первый. Изданіе Ѳ. И. Досинчука. Житомиръ.

«Всѣ врутъ календари»—истина старая, но все же истина. Къ этой истинѣ мы всѣ такъ привыкли, что появленіе неврущаго календаря могло бы насъ даже потревожить, какъ появленіе въ знакомомъ обществѣ лица невѣдомаго. Если лица невѣдомаго сторонятся изъ опасенія, не «ревизоръ» ли онъ, то неврущій календарь съ тѣмъ же правомъ былъ бы принятъ за симптомъ близости послѣдней ревизіи—страшнаго суда. А какъ при мысли объ этой послѣдней ревизіи многимъ, и большимъ и малымъ чинамъ становится больно жутко, то мы съ радостью пріемлемъ наши старые и новые врущіе календари, сознавая, что вѣдь и мы сами навираемъ въ продолженіи жизни на добрую сотню календарей.

Многочастно и многообразно календарное вранье, какъ многообразно и само содержаніе этихъ краткихъ современныхъ энциклопедій. Врутъ они и статистически, и исторически, и политически, et tutti quanti. Да и какъ, спрашивается, не врать нашему календарныхъ дѣлъ мастеру? Вотъ Брокгаузъ и Мейеръ ежегодно выпускаютъ по новому изданію своихъ громадныхъ энциклопедій, гдѣ отдѣльныя статьи пишутся спеціалистами, да еще какими! *нѣмецкими*, которые изъ за одной буквы перероютъ всѣ печатныя и писанныя книги, да и то сколько неточностей, починокъ и исправленій! Только что

напечаталъ, что въ тридесятомъ государствѣ сидитъ на царствѣ Магонъ 223, анъ уже его давно нѣтъ, да и сынъ померъ, а царствуетъ внукъ, Магонъ 225. А о министрахъ и говорить нечего—тутъ хоть плачь, или приписывай впередъ—уволенъ. Обозначишь на картѣ границы, и только что съ любовью осматриваешь свѣжій оттискъ разноцвѣтной карты, какъ трахъ! читаешь телеграмму: «мирные переговоры окончились уступкой земли гяуровъ славному народу культуртрегеровъ». Садись и черти все на ново.

А если даже Брокгаузъ и Мейеръ часто «ошибаются», то какъ же не ошибаться нашему несчастному календарныхъ дѣлъ мастеру, совмѣщающему въ себѣ (совмѣстительство теперь въ модѣ) и астронома и метеоролога, статистика, историка, публициста и пр. и пр. и пр.? Вотъ напр. почтеннѣйшій издатель Кіевскаго народнаго календаря А. Ѳ. Андріяшевъ на что уже опытный календаристъ—четверть вѣка ведетъ свое дѣло,—вѣдь долженъ былъ уже набить руку, а сколько въ его календарѣ неточностей и можетъ быть смѣлыхъ, но мало провѣренныхъ гипотезъ! Такъ, напр., наши скудныя историческія свѣдѣнія о первыхъ князьяхъ русскихъ почтенный авторъ дополняетъ точными данными о годѣ рожденія ихъ (ужъ не астрологія ли помогла при этомъ почтенному историку?)—Рюрикъ р. 830, Олегъ 855, Игорь 877 и т. д. Другія историческія данныя, доселѣ считаемыя за прочное достояніе науки, почтенный авторъ въ корень опровергаетъ, не давая однако, къ сожалѣнію, возможности провѣрить его интересныхъ гипотезъ. Такъ, напр., по его исторической таблицѣ грозный царь Иванъ IV род. 1537 г., слѣд. черезъ 4 года по смерти своего отца, сынъ его Ѳеодоръ Ивановичъ родился по таблицѣ г. Андріяшева въ 1550 г., когда Ивану IV было всего 13 лѣтъ. Знаетъ почтенный историкъ и годъ рожденія Лжедимитрія, знаетъ и кіевскаго князя Мстислава въ 1145 г., вообще, знаетъ многое, чего мы не знаемъ. Есть въ календарѣ г. Андріяшева неточности и другія, болѣе или менѣе важныя, но перечислять ихъ мы не станемъ: если почтенный издатель дѣйствительно «сосредоточитъ всѣ свои силы и заботы» на календарѣ, то найдетъ ихъ и самъ, а мы не желаемъ лишать его великаго наслажденія, испытываемаго каждымъ человѣкомъ при *само*усовершенствованіи.

Календарь г. Андріяшева носитъ названіе «Кіевскій Народный». Отсюда мы заключаемъ, что издатель предназначаетъ его для средняго и низшаго классовъ населенія юго-зап. Руси (понимая *кіевскій* въ болѣе широкомъ смыслѣ). Слѣд., кромѣ свѣдѣній полезныхъ для

всѣхъ (у г. А. есть между прочимъ рубрика—*общеполезныя свѣдѣнія*, куда почему то вошло извѣстіе о приготовленіи скрипокъ въ смоленской губ. кустарями), здѣсь еще должны быть свѣдѣнія, спеціально предназначенныя для населенія юго-зап. Руси. Спрашивается, удовлетворяетъ ли календарь г. А. этой цѣли? По нашему мнѣнію, далеко не вполнѣ. Есть въ немъ статьи совершенно лишнія (въ родѣ изслѣдованій о Копыревѣ концѣ) и нѣтъ много нужнаго и полезнаго.

Что мы находимъ здѣсь спеціально предназначеннаго для юго-зап. Руси? По части исторіи—3 статьи («Кіевск. просвѣтители XVII в. въ Москвѣ», «Др. Кон. конецъ въ Кіевѣ», «О соед. стараго города съ Кіево-Подоломъ»), по части мѣстной хроники-учительскіе курсы церк пѣнія и ручнаго труда въ Кіевѣ, открытіе памятника Богд. Хмѣльницкому и празднов. 900 л. крещ. Руси въ Кіевѣ (по страничкѣ), по части сельско-хозяйственной—статьи по шелководству и списокъ лучшихъ плодовыхъ деревьевъ для юго-зап. Руси—и только. Почему нѣтъ хроники кіевской жизни и жизни юго-зап. Руси вообще за истекшій годъ? Почему нѣтъ обзора явленій научной, литературной и художественной жизни въ Кіевѣ? Отчего необходимѣйшіе адресы составлены такъ плохо? (число врачей напр. показано 36, когда ихъ почти въ 10 разъ больше; въ числѣ учебныхъ заведеній пропущена кіево-подольская женская гимназія и пр.). Почему нѣтъ... да впрочемъ такихъ вопросовъ можно наставить бездну. Надѣемся однако, что почтенный издатель «сосредоточитъ всѣ свои силы на календарномъ дѣлѣ» и постарается привесть свой календарь въ соотвѣтствіе съ предъявленными нами требованіями. Въ этомъ, впрочемъ, его же прямая выгода, такъ какъ теперь это уже не единственный русскій календарь въ юго-зап. Руси, какимъ онъ былъ нѣкогда. Посовѣтуемъ почтенному редактору позаботиться еще хоть немного объ улучшеніи рисунковъ, а то напр. его куриный гусь похожъ болѣе на ихтіозавра, чѣмъ на гуся.

Замѣтимъ, однако, что несмотря на всѣ свои недостатки, несмотря на многіе комичные промахи, все же календарь г. Андріяшева выдается между всѣми нашими мѣстными календарями. Онъ единственный *программный*, въ составленіи его видна извѣстная и весьма симпатичная цѣль—приспособить календарь къ потребностямъ среднихъ и низшихъ классовъ населенія юго-зап. Руси. Въ немъ есть своя опредѣленная физіономія, своя индивидуальность. Онъ все же болѣе *кіевскій* и болѣе *народный*, чѣмъ всѣ прочіе, и если бы только былъ потщательнѣе составленъ, принесъ бы несомнѣнно хорошую пользу.

Довольно тщательно, но ужасно безцвѣтно, составленъ *Кіевскій Календарь* г. Фабриціуса. Только въ обиліи астрономическихъ свѣдѣній выступаетъ личность составителя. *Кіевскаго* въ этомъ календарѣ только развѣ адресы. Планъ г. Кіева, составленный весьма полно и точно. Мѣстной хроники касаются лишь 3 статейки—о празднованіи 900 л. христіанства въ Кіевѣ, о памятникѣ Богдану Хмельницкому и о сельско-хозяйственной выставкѣ въ Кіевѣ. Составителю мѣстныхъ календарей необходимо же имѣть въ виду, что покупателями ихъ являются исключительно мѣстные жители, и къ ихъ потребностямъ и слѣдуетъ принаравливать изданіе. Эту истину да имѣетъ въ виду на будущее время г. Фабриціусъ.

Чистой спекуляціей, разсчитанной на невниманіе публики, является *Кіевскій Календарь* Іогансона. Подобно гоголевскому портному, думавшему убить всѣхъ конкуррентовъ вывѣской «Портной изъ Лондона и Парижа», г. Іогансонъ задумалъ убить и календарь г. Андріашева и календарь г. Фабриціуса, перенявъ у перваго цвѣтъ обертки, а у втораго шрифтъ ея. Замѣтимъ кіевскому Леухину, что контрафакція преслѣдуется по закону.

Преподнося любезному читателю *меню* мѣстныхъ календарей, мы оставили ему на дессертъ *Волынскій календарь* г. Досинчука. Мы не знаемъ, появляется ли г. Досинчукъ на литературной аренѣ впервые, или это уже маститый и заслуженный литераторъ (отъ Кіева къ Житомиру доселѣ нѣтъ желѣзной дороги, а дилижансы ходятъ крайне неисправно), но однимъ уже календаремъ волынскій авторъ несомнѣнно создаетъ себѣ славу неувядаему. Отнынѣ имя г. Досинчука станетъ нарицательнымъ, какъ имя геніальнѣйшаго изъ всѣхъ календарныхъ дѣлъ мастеровъ. Въ своемъ календарѣ г. Досинчукъ выступаетъ передъ нами настоящимъ хамелеономъ: онъ и историкъ, и этнографъ, и поэтъ, и реформаторъ русской рѣчи, и во всемъ одинаково великъ и неподражаемъ. Обладая неслыханной эрудиціей, онъ даетъ намъ массу новыхъ данныхъ изъ мѣстной исторіи, преисполненный сильнымъ и вдохновеннымъ воображеніемъ, онъ даетъ намъ новые поэтическіе образы и геніальные метафоры, человѣкъ отмѣннаго вкуса, онъ доводитъ русскую рѣчь до неслыханнаго еще совершенства и изумительной чистоты. Счастливы волынцы, имѣющіе такого земляка, счастливъ Житоміръ, гдѣ его дивное произведеніе впервые узрѣло свѣтъ, счастливы и мы возможностью ознакомить публику съ новымъ литературнымъ солнцемъ. Но довольно похвалъ (всѣ великіе таланты скромны!). Скорѣе къ дѣлу.

Новыя историческія данныя:

1025 г. умеръ *Богиславъ* Храбрый.

1320. Заключенъ новый договоръ (съ кѣмъ?) князя Владиміра (?), имѣвшій чисто торговое значеніе.

1332 г. Король *Карлъ* предпринималъ походы въ Галицію, увѣнчавшіеся успѣхомъ.

1366. Прекращеніе борьбы между импер. нѣмецкимъ и королемъ венгерскимъ, *въ которомъ* принималъ участіе и Казиміръ.

1376 г. Любортъ, Кейстутъ... опустошили Сандом. землю до самаго города *Торкова, можетъ быть просто даже съ цѣлью грабежа.*

1533 (?!). Козаки избрали своимъ гетманомъ Павлюка, который въ 1637 г. *сравнялся* съ Польшею.

862. Св. Кириллъ составилъ *русскую* азбуку.

Къ сожалѣнію, мѣсто не дозволяетъ намъ давать больше выписокъ, но и по этимъ немногимъ читатель видитъ, сколько новыхъ неизвѣстныхъ доселѣ данныхъ даетъ вамъ ученый ... ерундистъ.

Этнографія: Рабочіе на *половину русины* на *половину евреи* (прибавимъ отъ себя—не потомки ли древнихъ кентавровъ?) (стр. 61).

Извѣстно, что климатич., топограф. и почвенныя условія даютъ своеобразную окраску характеру и обычаямъ народнымъ. Такъ, у насъ въ Россіи разнятся малороссы, великороссы, *казаки* и пр. (63).

Угорскій король Стефанъ далъ право *латышамъ*-священникамъ обратить страну въ католичество.

Языкъ: Вахилкъ Дмитрій Степ. .. *лишилъ* по себѣ *хорошія* воспоминанія. Половцы, *послѣдніе въ этомъ родѣ*, исчезли съ русской земли съ нашествіемъ татаръ. Нужно, чтобы у насъ образованный классъ взялъ на себя инициативу въ устройствѣ общ. воздержаніе... *принимая участіе въ кабацкихъ предпріятіяхъ на новыхъ началахъ* (45).

Прекращаемъ увы! по недостатку мѣста, выписки.

Поэзія: Талантливый авторъ далъ намъ, къ сожалѣнію, только 3 образца своего поэтическаго творчества (одно стихотвореніе безъ заглавія, 2-ое—*Съ горя* и 3-е *Пѣснь Дѣвы*). Рядомъ, какъ бы для сравненія, помѣщены 3 стихотворенія г. Надсона. Прелестные стихи автора только выигрываютъ отъ такого сосѣдства; дѣлается просто жаль Надсона съ его простымъ языкомъ и малооригинальными метафорами. Такъ развѣ пишетъ г. Досинчукъ? Послушайте.

Солнце скрылось давно

Только мѣсяцъ *кривой*
Спутникъ ночи порой
Внизъ косится, глядитъ
Вмѣстѣ съ близкой звѣздой

. . . . . .

Или какъ хороша эта прерывистая рѣчь милой дѣвы
Люди какъ змѣи, вѣдь
Злы коварны... не вѣрь
Сплетнямъ всякимъ, мой другъ
Будто я... о! не вѣрь!

Какой чудной картиной начинается стихотвореніе *Съ горя*.

Что сидишь печально, *ручки* заломивши
Безъ лица? угрюмый, *голову склонивши?*

Или какъ трогательна пѣснь дѣвы:

Отчего милый другъ *ты такъ глядишь?*
Отчего, дорогой, цѣлый день грустишь?

Но довольно. **Амартолъ.**

Редакціею получена слѣдующая книга: *Н. П. Лихачевъ*. Разрядные дьяки XVI вѣка. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб. 1888. 559 стр. и 101 стр. приложеній. Продается въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1888 г.

Кіевлянинъ (244—264). *Кіев. Слово* (533—556). *Черниг. Губ. Вѣд.* (89—97). *Волынскія Епарх. Вѣд.* (32—35). *Волынск. Губ. Вѣд.* (88—90). *Подольскія Епарх. Вѣд.* (45—49). *Бессарабск. Губ. Вѣд.* (117—126). *Екатериносл. Губ. Вѣд.* (88—97). *Крымъ* (107—116). *Харьков. Губ. Вѣд.* (293—324). *Южный Край* (2703—2735). *Кубанскія Област. Вѣд.* (44—48). *Литовскія Епарх. Вѣд.* (46—49). *Зоря* (22—23).

Кіевлянинъ №№ 244—264. № 244. Перепечатка изъ «Нов. Врем». анекдота о М. С. Щепкинѣ.

246. *Библіографическая замѣтка* о 3 разсказахъ изъ галицко-русской жизни прот. И. Г. Наумовича: «Псалтырникъ», «Завѣтныя тополи», «Четыре путеводителя доброй жизни». И. А.

Развалины Мстиславова храма во Владимірѣ-Волынскомъ. В. Г. Старинный храмъ этотъ (XII в.) много разъ подвергался разрушеніямъ, а въ

концѣ XVIII ст., когда уніатскіе епископы попытались, при помощи передѣлокъ, придать ему видъ костела, главный куполъ его рухнулъ и зданіе опустѣло. Въ 1886 г. образована была коммиссія изъ мѣстныхъ обывателей для изслѣдованія развалинъ. Съ тою же цѣлью въ іюнѣ 1886 г. прибыли во Владиміръ проф. В. Б. Антоновичъ, проф. А. В. Праховъ и О. И. Левицкій. Работы длились около мѣсяца. По изслѣдованію храмъ по длинѣ оказался близко подходящимъ къ Кіево-Софійскому, но значительно уже его. Древнія стѣны сложены изъ характерныхъ тонкихъ и широкихъ кирпичей вел.-княж. эпохи на толстомъ слоѣ темно-розоваго цемента. Видно, что древній храмъ былъ построенъ въ византійскомъ стилѣ. Кое гдѣ на стѣнахъ сохранились остатки фресковой живописи. Въ подземельяхъ подъ толстымъ слоемъ мусора былъ обнаруженъ помостъ изъ широкихъ квадратныхъ плитъ зеленаго и розоваго мрамора настилки XVIII в. Ниже, подъ слоемъ мусора въ 12 вершк. толщины съ разбросанными человѣческими костями, лежитъ древній Мстиславовъ полъ изъ квадратныхъ и треугольныхъ кирпичиковъ на розовомъ цементѣ; этотъ полъ сохранился въ немногихъ частяхъ, т. к. его часто ломали для опусканія гробовъ въ подземелья. Подъ всѣмъ зданіемъ находятся склепы; въ зап. части храма весь склепъ наполненъ гробницами, поставленными въ нѣсколько этажей. Гробницы сдѣланы изъ самаго разнообразнаго матеріала, а скелеты въ нихъ одѣты въ дорогія ткани. По обѣимъ сторонамъ главнаго входа, въ сѣв. и южной стѣнахъ, въ полукруглыхъ нишахъ—мѣста гробницъ князей владимірскихъ, но самыхъ гробницъ уже не было. Въ одной изъ нишъ открыто вырубленное въ стѣнкѣ и замурованное помѣщеніе, въ которомъ оказалось 4 скелета: 2 мужскихъ, 1 женскій и 1 дѣтскій. Одинъ изъ мужскихъ скелетовъ имѣетъ только лѣвую половину нижней челюсти съ почернѣвшими краями, что указываетъ на какое то патологическое разрушеніе кости; это обстоятельство даетъ право думать, что это скелетъ кн. Владиміра Васильковича († 1288 г.), у котораго, по словамъ лѣтописца «челюсть бородняя перегни». Подъ нишей съ этими скелетами найденъ въ мусорѣ деревянный осмоленный гробъ съ развалившейся деревянной крышкой. Въ этомъ гробу лежалъ женскій скелетъ съ клочками русыхъ волосъ на черепѣ и валялись остатки туфель, разбитое зеркало въ шелковой рамѣ, куски плотной шелковой матеріи, большой воротникъ изъ тонкаго кружева и куски чернаго бархата, шитаго золотомъ, шелками и крупнымъ бисеромъ. Узоръ шитья изображалъ бѣгущихъ оленей. Въ мусорѣ, выброшенномъ изъ гроба, найдено два золотыхъ кольца: одно массивное съ небольшой овальной печатью изъ горнаго хрусталя, положенной на красной эмали; на печати изображенъ скачущій всадникъ съ поднятымъ мечемъ (гербъ Гедиминовичей) и буквы A. S. K., по сторонамъ всадника „1570“; на внутренней сторонѣ кольца изображено сердце и буквы A - Z. Второе кольцо изъ тонкой проволоки, меньше перваго;

на немъ посажено изображеніе собаки, и къ ней на цѣпочкѣ привѣшена крошечная гирька; на внутренней сторонѣ надпись „sic fidus". На срединѣ церкви найдена разбитая на нѣсколько кусковъ огромная плита чернаго мрамора, съ гербомъ Гедиминовичей и надписью, что въ гробницѣ лежало тѣло кн. Анны Сангушковны Коширской, жены воев. витебскаго Сапѣги, умершей во 2-й пол. XVI в. Между царскими вратами и амвономъ, гдѣ былъ погребенъ, согласно завѣщанію, извѣстный Ипатій Пацѣй, при раскопкѣ былъ обнаруженъ прекрасно устроенный склепъ, наполненный расписными кафлями разнообразнаго происхожденія, мусоромъ и землею; кромѣ того на днѣ склепа были найдены чешуйки отъ киверовъ, нѣсколько пикъ, глиняныхъ трубокъ и множество бутылокъ, въ углу валялось нѣсколько серебряныхъ екатерининскихъ гривенниковъ. Ни гроба, ни скелета епископа въ склепѣ не оказалось, равно какъ не оказалось въ сосѣднемъ склепѣ гроба преемника Поцѣя Іоакима Мороховскаго.

248. *Библіогр. замѣтка* объ юбилейномъ сборникѣ, изданномъ кіев. дух. академіею «Празднованіе девятисотлѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ».

Перепечатка изъ Хар. Губ. Вѣд. свѣдѣній о памятникахъ древности въ кобелякскомъ у. полт. губ.

Извѣстіе о сооружаемомъ въ Новочеркасскѣ памятникѣ 900-лѣтія крещенія Руси.

250. *Столѣтній юбилей новгородъ-сѣверской гимназіи.*

252. *Археологическія раскопки.* Въ южной части черкасскаго уѣзда, у с. Матусова, на землѣ свящ. Моссаковскаго гр. А. А. Бобринскимъ вскрыто 16 кургановъ. Въ одномъ изъ нихъ обнаруженъ обрядъ погребенія черезъ сожженіе, при чемъ костеръ былъ разведенъ сверху трупа; болѣе другихъ обуглились кости передней части скелета, который лежалъ на спинѣ. При этомъ покойникѣ найденъ небольшой ручной жерновъ изъ шифера и 8 раковинъ surrea monеta. Въ другомъ курганѣ найдена бронзовая ручка отъ зеркала, съ несложными извилистыми орнаментами. Наконецъ, въ одномъ курганѣ обнаруженъ рѣдкій въ нашей мѣстности способъ погребенія: на днѣ кургана высѣчено углубленіе, въ которое ведутъ двѣ земляныя ступеньки; въ стѣнѣ этого углубленія устроена узкая ниша, въ которую вдвинутъ мертвецъ. Такой же способъ погребенія обнаруженъ гр. Бобринскимъ въ одномъ изъ кургановъ близъ м. Смѣлы.

253. *Къ реставраціи Святополковой церкви Михайловскаго монастыря.*

Архитект. В. Н. Николаевъ представилъ въ кіев. церк.-археол. общество планъ этой церкви съ обозначеніемъ оказавшихся подъ поломъ гробницъ и вещей, найденныхъ при передѣлкѣ церкви прошлымъ лѣтомъ.

Преосв. Іеронимъ обратился въ церк.-арх. общ. съ заявленіемъ о необ-

ходимости возстановленія открытыхъ лѣтомъ древнихъ фресокъ и орнаментовъ. Общество командировало для осмотра фресокъ П. А. Лашкарева и Н. И. Петрова и, согласно съ ихъ заключеніемъ, не нашло препятствій къ освѣженію и возстановленію фресокъ и орнаментовъ, подъ условіемъ предварительнаго снятія съ нихъ калекъ или прорисей. При этомъ признано желательнымъ замѣнить нижній ярусъ иконостаса болѣе легкимъ.

Засѣданіе историческаго общества 20 ноября. Отчетъ о рефератѣ проф. Кнауэра «о раскопкахъ въ Бессарабіи».

254. *Годичный актъ въ кіевской 3 гимназіи.*

257. *Древнія гробницы.* Во время передѣлокъ пола соборной церкви Кіево-Печ. лавры найдено нѣсколько шиферныхъ плитъ. При осмотрѣ ихъ проф. П. А. Лашкаревымъ, на нихъ найдены вырѣзанныя письмена. Плиты доставлены въ церковно-археол. музей. Письмена еще не прочтены. Подобныя плиты находятся въ большомъ количествѣ на дворахъ кіевскихъ монастырей.

Кіевское Слово №№ 533—556. № 535. Корреспонденція изъ пос. Клинцовъ черн. губ. о безпоповской сектѣ «коликовщинѣ».

Корреспонденція изъ кобелякскаго у. полт. губ. о памятникахъ древности. Перепеч. изъ «Хар. Губ. Вѣд.»

537. *Нѣмецкія колоніи въ юго-зап. крат.*

538, 543. *Производительность хлѣба и потребленіе его населеніемъ кіевской губ.*

539. О новыхъ пріобрѣтеніяхъ музея искусствъ г. Хайновскаго въ г. Кіевѣ.

541. *Къ отчету о засѣданіи историческаго общества 20 ноября.* Результаты изслѣдованія проф. Сикорскимъ черепа, найденнаго проф. Кнауэромъ.

544. *Новое пожертвованіе въ кіевскій церковно-археологическій музей.* О пожертвованіи Е. П. Демидовой кн. Санъ-Донато коллекціи иконъ, крестовъ и складней; въ коллекціи находится и крестъ, которымъ св. Сергій благословилъ Дмитрія Донскаго на войну съ татарами.

547. *Археологическая находка.* Одинъ изъ крестьянъ с. Ольховца канев. у. наткнулся при паханьи плугомъ на большой сосудъ, въ которомъ нашелъ нѣсколько серебряныхъ слитковъ (гривенъ новгородскаго и кіевскаго типа) и 5 шейныхъ гривенъ; послѣднія состояли каждая изъ 8 спирально скрученныхъ серебряныхъ проволокъ; проволоки скручены попарно густою спиралью и потомъ всѣ 4 пары свиты между собою; задніе концы снабжены застежками. Шейныя гривны проданы евреямъ въ Богуславъ.

551. *М. С. Щепкинъ.* (Отрывокъ изъ воспоминаній) Д. Мохтина. Авторъ зналъ Щепкина въ Москвѣ, въ 50-хъ годахъ, во время пребыванія своего въ гимназіи и университетѣ.

555. Перепечатка изъ «Новостей» сообщенія гр. А. А. Бобринскаго въ Спб. археологическомъ обществѣ о раскопкѣ одного кургана въ звенигородскомъ уѣздѣ членами краковской академіи наукъ. Масса драгоцѣнныхъ памятниковъ греческаго искусства вывезена въ Краковъ.

Отчетъ о засѣданіи историческаго общества 11 декабря. Изложено содержаніе рефератовъ И. И. Малышевскаго «Новое извѣстіе о происхожденіи св. княгини Ольги», г. Дмитревскаго «О христіанскомъ богослуженіи въ Іерусалимѣ въ страстную седьмицу» и г. Лилеева «О раскольничьихъ поселеніяхъ въ стародубскомъ полку».

Черниговскія Губернскія Вѣдомости №№ 89—97. № 89. Къ исторіи края. Черниговъ въ 1804 г. (Замѣтка митрополита московскаго Платона)—выдержки изъ путешествія митр. Платона въ Кіевъ изъ Москвы, напечатаннаго въ 1813 году.

91. Легенда объ одномъ изъ полковниковъ Малороссіи Ба(о)рковскомъ. Іосифа Ж—аго. Авторъ легенды гораздо бы лучше сдѣлалъ, передавъ его въ дословной записи слышаннаго имъ, чѣмъ переложивъ ее въ стихи.

93, 96. Земельныя документы изъ архива гр. Милорадовича 1712 г. (2), 1713 (2).

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 32—35. № 32. Почаеволаврская церковно-приходская двухклассная школа съ августа мѣсяца 1886 года по октябрь 1888 года.

32—35. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи. Г. Острогъ (продолженіе и окончаніе). 1-й благочин. окр. острож. уѣзда: м. Аннополь, с. Блудовъ, с. Вольбовна, с. Нетишинъ, с. Головли, с. Горбаковъ, с. Должокъ, с. Жавровъ, с. Клепачи, м. Киликіевъ, с. Крыловъ, с. Крупецъ, с. Кривинъ, с. Коломли, с. Мощаница, с. Ровки, с. Понора, с. Русивль, с. Курозвоны, с. Малый Скнитъ, с. Великій Скнитъ, с. Тудоровъ и с. Черница.

33. Изъ воспоминаній бывшаго уніатскаго іеромонаха архим. Владиміра,—перепеч. изъ «Херсон. Епарх. Вѣд.»

34. Почитаніе святыхъ иконъ на Волыни—свящ. К. А. Гвоздиковскаго.

35. 2-й благочин. округъ: с. Бочаница, с. Бугринъ, с. Вильгоза, с. Колесники, с. Волосковцы, м. Гоща.

Волынскія Губернскія Вѣдомости №№ 88—90. № 90. Братчиковъ. Остатки волынской старины. Историческо-археологическія замѣтки.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 45—49. № 45, 46. Святый равноапостольный и великій князь Владиміръ въ произведеніяхъ русской словесности. (Рѣчь, произнесенная въ торж. собр. под. дух. семинаріи 16 окт. 1888 г. по случаю 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси). Владиміра Тиминскаго.

47. Рѣчь преподавателя семинаріи Шиповича съ характеристикою исторіи православія и русской народности въ Подоліи.

48. Заслуги русской женщины въ дѣлѣ первоначальнаго распространенія и утвержденія вѣры Христовой на Руси. (Рѣчь) Сергѣя Крижацкаго.

49. В. Г. Развалины Мстиславова храма въ Владимірѣ Волынскомъ.

Бессарабскія Вѣдомости №№ 117—126. № 117. Библіогр. замѣтка. Потопъ ром. Сенкевича, перев. съ пол. Лаврова.

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости №№ 88—97. 88. Къ исторіи запорожскихъ козаковъ (перепечат. изъ Сбор. мат. для исторіи зап. коз. Д. Эварницкаго) предписаніе гетмана Разумовскаго 1753 г. 11 окт. по дѣлу о спорахъ запор. козаковъ съ полтав. полков. Горленкомъ изъ за владѣнія самарскимъ побережьемъ.

89. Помѣщичья икона Іоанна-Воина—А. Егорова. Въ замѣткѣ приведенъ весьма любопытный архивный документъ.

«Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода преосвященному Іову Архіепископу Екатеринославскому, Херсонскому и Таврическому и Кавалеру. По указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали прошеніе Слободско-Украинской губерніи, Изюмскаго уѣзда, помѣщика маіора Андрея Карлова сына Грунева, въ коемъ описываетъ поступки Екатеринославской округи, Бахмутскаго уѣзда сельца Козьмодемьянска помѣщика коллежскаго ассессора Ивана Смольянинова, который въ апрѣлѣ 1818 года похоронилъ внутри сельца его Бѣлокузминовской церкви жену свою, отъ чего великій смрадъ и въ церкви нѣсколько недѣль стоять было людямъ не можно; потомъ съ пасынкомъ своимъ поручикомъ Павломъ Ползыковымъ, посредствомъ живущаго въ заштатномъ городѣ Славянскѣ живописца Петра Родомскаго, написали по сочиненному первыми прежде рисунку на доскѣ образъ святаго угодника Іоанна Воина, *со изображеніемъ противу его пловущей лодки на рѣчкѣ Бѣлинькой и на оной сидящаю одного человѣка со овцами и птицами, такъ же сада, господскаго его Грунева дома, мущинъ и женщинъ съ имянами, коровъ, баранъ, гусей, утокъ и даже собакъ.* Образъ сей по освященіи священникомъ Антономъ Брагинымъ поставленъ былъ въ церкви къ обидѣ и поношенію его Грунева чести на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ съ семействомъ становится и въ виду народа. По истребованіи и освидѣтельствованіи онаго образа Вашимъ Преосвященствомъ священникъ Брагинъ за освященіе его посланъ въ монастырь на три мѣсяца, а написавшіе его остаются безъ наказанія, почему проситъ съ означенными богохульниками поступить по законамъ. Приказали: Вашему Преосвященству предписать указомъ, что ежели справедливо описываетъ проситель о изображеніи на образѣ Іоанна Воина и образъ сей написанъ и

поставленъ въ церкви посредствомъ показанныхъ отъ него людей, то таковые поступки ихъ, если объ оныхъ не было заключенія, представить разсмотрѣнію и сужденію гражданскаго правительства, и что окажется донести Святѣйшему Синоду. Декабря 14 дня 1820 года».

92. О губернскихъ съѣздахъ земскихъ врачей.

— С. Покровское, александровскаго у. екат. губ. корреспонденція, въ которой сообщены отвѣты по этому селу имп. московскому археологич. обществу по его вопросной программѣ Ив. Ч—на;—передаемъ эти интересныя отмѣтки:

«Село Покровское, александровскаго уѣзда, екатер. губ.—Согласно съ желаніемъ императорскаго московскаго археологическаго общества и его вопросной программой, имѣю честь сообщить обществу краткія свѣдѣнія по вопросамъ:

а) *По находкамъ каменныхъ издѣлій.* Въ мѣстности, примыкающей къ селу Покровскому, попадаются въ небольшомъ количествѣ вещи, принадлежащія къ каменному періоду. Изъ вещей находимыхъ могу указать на боевые каменные молоты. Молоты попадаются больше на пашняхъ. Внѣшность ихъ: не грубая отдѣлка, сдѣланы изъ камня твердой породы; одинъ конецъ молота отъ пробуравленной дыры клинообразный и острый, а другой полуокругленный, тупой. Цѣлые молоты рѣдко попадаются, а больше—половины. Преданій о молотахъ въ народѣ не существуетъ, хотя отъ двухъ стариковъ, охотниковъ передавать легенды, слышалъ миѳическое сказаніе, что «молотки—це клевакы. Колысь було жылы луцыпери-песыголовци зъ однымъ окомъ велыкымъ въ лоби. Воны дуже страшенни: самы здоровенни и зъ однымъ окомъ. Жылы воны въ могыльныхъ пещерахъ, не оралы, не сіялы, а тилько скотыну розводылы. Хлиба ниде було браты, такъ воны нападалы на тихъ, шо хлибъ сіялы, и грабувалы ихъ хлибъ. Хлиборобы тоди не такы булы, якъ мы теперъ, а въ сажень росту, голова зъ добренный казанъ и зъ косымы очама. Такъ ци на довге держально надивалы клювакы каменни и отбывалысь отъ песыголовцивъ. Песыголовцю не дуже дошкуляло, куды его не ударъ. Щобъ его убыть, такъ треба въ око улучыть. Такъ онъ це яки молотки!»

Наконечники кремневыхъ стрѣлъ рѣдки. Пишущему, какъ любителю собиранія рѣдкостей, въ теченіи семи лѣтъ доставленъ лишь одинъ наконечникъ каменной стрѣлы. Знахарки села Покровскаго, какъ и другихъ мѣстностей, владѣютъ каменными наконечниками, которые хранятъ какъ святыню и при томъ секретно. Онѣ же примѣняютъ ихъ при купаніи слабыхъ новорожденныхъ; затѣмъ, трутъ въ водкѣ наконечникъ о наконечникъ и даютъ пить при страданіи желудка (по народному: одъ утрунка).

б) *По находкамъ мѣдныхъ и бронзовыхъ топориковъ и стрѣлокъ.* Къ числу находокъ бронзоваго періода въ мѣстностяхъ были находимы мѣдныя стрѣлы. Всѣ находимыя стрѣлы по формѣ раздѣляются на восемь образцовъ.

Попадаются онѣ въ рытвинахъ, послѣ истока весеннихъ водъ. Пишущій владѣетъ двѣнадцатью стрѣлами. Преданій въ народѣ о нихъ нѣтъ.

в) *По находкамъ старинныхъ монетъ.* Клады старинныхъ монетъ не были находимы. Монеты въ отдѣльности попадаются, а именно: «пять копеекъ 1737 года», «две копейки 1757 г.» (съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца), «копейка 1758 года» (съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца) «пять копеекъ 1726 г.» (надпись въ крестѣ, съ маленькимъ орломъ въ центрѣ ея), серебряная монета (по предположенію—князей-халифовъ), монета съ непонятною славянскою надписью, на одной сторонѣ коей человѣческая фигура и на другой грубый оттискъ креста. Чаще монетъ попадаются жетоны екатерининскіе и др.

г) *По находкамъ костей.* Въ курганахъ при человѣческихъ остовахъ были находимы: дутыя кольца мѣдныя, разной величины, безъ спайки, привѣски ирдоликовые, привѣски изъ муміи, острія мѣдныя (подобія иглъ).

и) *О курганахъ.* Кургановъ на землѣ села Покровскаго 14. Ихъ названія: Середины, Воронина, Горбова, Орлова, Дудниковы, Рясни (цѣпь могилъ), Довги, Задорожняго, Гостреньки, Порохнина, Савченкова, Бабы, Чубати, Хитраго. Преданій о курганахъ довольно много и съ разными варіантами. Не имѣя свободнаго времени для изложенія преданій о курганахъ, ограничиваюсь названіями ихъ.

і) *О каменныхъ бабахъ.* Въ настоящее время каменныхъ бабъ на курганахъ не осталось, а годовъ тридцать тому назадъ онѣ были. Находятся онѣ теперь въ распоряженіи крестьянъ и служатъ столбами у воротъ».

— Екатеринославская судебно-мировая юстиція.

93. 94. Бахмутскія солеварни и каменносольныя копи—А. Пу—въ.

94. Краткій обзоръ земской медицины въ екатеринославской губерніи въ 1886 г.

95. *А. А.* Корреспонденція изъ села Чернявщины (павлоградскаго уѣзда). Село наше расположилось по рѣкѣ «Орелъ». Надъ рѣкой вверхъ и внизъ, на пригоркахъ, находится нѣсколько высокихъ кургановъ. Курганамъ этимъ старожилы придаютъ каждому особое значеніе. При селѣ есть три высокихъ кургана, называемые «Панасовыми могилами» (могила—мѣстное названіе кургана), которые, какъ говорятъ, были передовыми аванпостами запорожцевъ. Далѣе, къ рѣкѣ одинъ большой, другой меньше, носящіе названіе «Волосскихъ». Здѣсь былъ полсотни лѣтъ тому назадъ винокуренный заводъ помѣщика Чернявскаго, отчего мѣстность эта и носитъ мѣстное названіе «Караванище». Объ этихъ двухъ курганахъ мы не слышали никакихъ народныхъ преданій. Въ двухъ верстахъ на юго-востокъ къ деревнѣ Алексѣевкѣ два небольшихъ и одинъ большой курганы, послѣдній называется «Долгой могилой». О послѣднемъ, до 1883 года, ходили слухи, что будто бы въ немъ хранится складъ сокровищъ запо-

рожцевъ. Въ 1883 году (кажется такъ) мѣстные крестьяне дѣлали раскопку кургана, но затѣя ихъ не увѣнчалась успѣхомъ. На самой срединѣ на 2-къ саженной глубинѣ, у самой подошвы, нашли большой камень, не имѣющій никакого значенія,—тѣмъ все дѣло и кончилось. Молва же о какомъ то туманѣ и о лѣшихъ, водящихъ и пугающихъ путниковъ въ ночное время, послѣ разрытія «Долгой» умерла. Въ сторону, на югъ отъ этихъ кургановъ, чрезъ долину «Непхай», надъ долинами «Соленая» и «Дубовая», на возвышенности—три небольшихъ кургана, называемые «Бабами». На одной изъ нихъ стояли три каменныя бабы, которыя убраны (въ концѣ 70 годовъ) на барскій дворъ. Отъ Бабъ на югъ, гдѣ сошлись вмѣстѣ Соленая и Водяная долины, мѣсто называется «Вилами». Объ этихъ то вилахъ много разсказываютъ исторій; въ нихъ будто бы многіе тамошніе жители видѣли не только вырытыя неизвѣстно кѣмъ ямы, но даже и признаки какой то чугунной или черепяной посуды съ деньгами. Соленая и Водяная, сойдясь вмѣстѣ, получили названіе «Дубовая».

Въ устьи «Дубовой», надъ болотомъ, носящимъ названіе «Давыдово», на бугоркѣ, и надъ рѣкой, также много большихъ и малыхъ кургановъ. Главные изъ нихъ три, называемые «Майданами». Въ Майданахъ этихъ, какъ гласитъ народное преданіе, жилъ кошевой запорожцевъ. Здѣсь явные признаки жилья, посреднѣ большаго кургана, во весь его ростъ, глубиною въ сажень—яма. Сверхъ этой ямы (на верху кургана) посажена была въ два ряда лиція (теперь же ее и признаковъ нѣтъ; но я это знаю лѣтъ 10—15 тому назадъ). Яма эта, какъ говорятъ, была мѣстомъ храненія оружія и цѣнностей. Отъ большаго кургана къ рѣкѣ, на подобіе развернутаго башлыка, съ обѣихъ сторонъ, саженъ на 15 длиною, обнесено валомъ; въ серединѣ этого укрѣпленія—широкая, сажени въ 3 ширины и аршина 2 глубины (теперь) яма, вокругъ которой со всѣхъ четырехъ сторонъ по три ямы, на подобіе солдатскихъ палатокъ. Майданъ этотъ составляетъ порядочное укрѣпленное мѣсто. Дальше на сѣверъ, надъ болотомъ Давыдовымъ, такое же укрѣпленіе, но съ меньшими признаками мѣстъ для жилья, хотя и есть небольшое укрѣпленіе. О «Майданахъ» много есть разнорѣчивыхъ разсказовъ; говорятъ, что многіе видѣли, какъ неизвѣстные люди и даже мѣстные жители доставали всякое добро; также говорятъ, что не разъ видѣли развѣдчиковъ, отъ которыхъ будто бы слышали, что по планамъ ихъ дѣдовъ и прадѣдовъ значится, что по «Дубовой» и въ «Майданѣ» (что у Дубовой) много хранится кладовъ.

У насъ теперь живетъ крестьянинъ Савелій Ивановичъ Волошинъ, которому 5 декабря сего года исполнится 90 лѣтъ отъ роду. Волошинъ, несмотря на свои 90 лѣтъ, въ сравненіи съ новыми стариками (дѣдами) высматриваетъ еще молодцомъ Его тощее лицо при какомъ либо волненіи или воодушевленіи покрывается румянцемъ. Голосъ его звонокъ и твердъ. Одно горе: онъ мало

видитъ и жалуется на спинную боль отъ полученныхъ въ молодости палокъ, которыми по милости господъ былъ награждаемъ до полусмерти. Волошинъ разсказываетъ о томъ, что было въ старину. Онъ помнитъ, что село Чернявщина состояло изъ 4 дворовъ. Вокругъ села была дикая степь, заросшая бурьянами, вышиною въ сажень. По рѣкѣ вездѣ были большія дубовыя рощи, глубокія озера съ множествомъ рыбъ и птицъ и берега рѣки разрослись камышемъ на большое разстояніе, а межъ камышемъ—высокая бѣлая и черная лоза. До него, какъ онъ передаетъ, по рѣкѣ былъ сплошной лѣсъ (это передавалъ покойный Тихонъ Граненко, который три или четыре года тому назадъ на 106 году отъ роду умеръ), гдѣ плодилось множество разнаго рода животныхъ. Жители села Чернявщины (четыре хозяина) были люди очень богатые. У каждаго изъ нихъ было паръ по десяти воловъ; гулеваго скота 30—40 штукъ. Кромѣ рогатаго скота и лошадей, у нихъ имѣлось до трехъ-четырехъ сотъ овецъ.

96. Къ исторіи запор. козаковъ. Перепечатка изъ Сборника Эварницкаго указа 1820 г. о постройкѣ церкви въ с. Тритувномъ.

Крымъ №№ 107—116. № 107, 108, 109. *Орѣховское ссудо сберегательное товарищество* (1878—1888 г.) Ф. Введенскаго.

109. Извѣстіе о находкѣ близъ Симферополя какихъ то «предметовъ, имѣющихъ археологическое значеніе».

111. *Библіографія*. Краткій отзывъ о книгѣ М. М. Захарченка «Кіевъ теперь и прежде».

Харьковскія Губернскія Вѣдомости №№ 293—324. № 301. Памяти А. П. Бурнашева и его некрологъ.

301. Библіогр. замѣтка о вышедшемъ въ Кіевѣ «Юбилейномъ Сборникѣ».

312. Гаданія наканунѣ Андрея Первозваннаго (30 ноября); перепечатка изъ «Кіев. Старины» № 11. 1888 г.

313. Къ юбилею ученой дѣятельности И. П. Мечникова (перепечатка изъ «Одес. Листка»).

315. Сообщеніе. Въ засѣданіи историко-филологическаго общества 9 ноября проф. А. А. Потебня сдѣлалъ сообщеніе по поводу статьи Бругмана «Die Nominalgeschlecht in den indo-germanischen Sprachen». Въ засѣданіи общества 30 ноября М. М. Плохинскій прочиталъ рефератъ о цыганахъ въ Малороссіи, по архивнымъ документамъ. Въ члены общества избраны С. К. Соловьевъ, М. А. Масловъ и М. П. Савиновъ. За редактированіе сборника сказокъ П. П. Манжурѣ опредѣлено вознагражденіе въ 50 руб., независимо отъ выдачи опредѣленнаго числа оттисковъ.

316. В. П. Каразинъ и основаніе харьковскаго университета.

317. Рескриптъ Имп. Екатерины II графу де Рибасу на орденъ св. Владиміра 3 степ. за храбрость въ экспедиціи на Матчинъ и противъ Браилова.

321. Замѣтка о вышедшей новой книгѣ Омельченко: «Малороссійскія пѣсни, собранныя въ окрестностяхъ г. Павловска».

Южный Край 1888. №№ 2703—2735. № 2703. О кустарныхъ промыслахъ въ бѣлгородскомъ у. курск. г. Въ этомъ уѣздѣ успѣшно развивается производство чулковъ, шерстяныхъ поясовъ, шерстяной бѣлой парусинки, овчинныхъ полушубковъ и иконъ изъ фольги.

2707. Замѣтка о празднованіи въ Варшавѣ 25-лѣтія ученой дѣятельности генерала Александра Ѳедоровича Риттиха, «который своими изысканіями по статистикѣ, этнографіи и славистикѣ оказалъ наукѣ неоцѣнимыя услуги. Первый трудъ Александра Ѳедоровича былъ «Атласъ Западно-русскаго края по исповѣданіямъ», представленный имъ 15 ноября 1863 г. въ Царскомъ Селѣ Государю Императору Александру II. Этимъ атласомъ впервые было доказано, что гродненская губернія, считавшаяся дотолѣ переполненною поляками, есть чисто русская. Не меньшій эффектъ произвела въ 1864 г. «Общая карта всего Западнаго края», которая научно изъяла изъ рукъ поляковъ русскія земли съ ихъ населеніемъ. Говорятъ, что покойный князь Горчаковъ, получивъ экземпляръ этой карты, воскликнулъ: «ну, теперь намъ не страшна коалиція». Затѣмъ А. Ѳ. перенесъ научную войну на Вислу и подъ покровительствомъ покойнаго Н. А. Милютина доказалъ, что вся восточная полоса привислянскаго края не польская, а чисто русская и литовская. Эта этнографическая работа имѣла вліяніе на рѣшеніе уніятскаго вопроса, черезъ 10 лѣтъ, въ 1874 г. Въ 1870 г. А. Ѳ. издалъ пространное изслѣдованіе казанской губерніи, намѣтившее различные тезисы для русской этнографіи и освѣтившее вопросъ о переселеніи изъ Сибири, о движеніи Гунновъ въ Европу и проч. Въ 1873 году А. Ф. занялся прибалтійскимъ краемъ и доказалъ, что этотъ край вовсе не нѣмецкій, а чисто финскій и литовскій съ примѣсью всего 7% нѣмцевъ. Съ 1873 по 1876 г. въ Петербургѣ А. Ѳ. разработалъ статистику и вооруженныя силы Австро-Венгріи, что теперь очень можетъ пригодиться въ виду ожидаемыхъ міровыхъ событій. Въ этотъ же періодъ, въ связи съ рекрутскимъ наборомъ и всеобщею воинскою повинностью, А. Ѳ. написалъ о «племенномъ составѣ контингентовъ русской арміи». Послѣдствіемъ этого труда была посылка русскихъ рекрутъ къ окраинамъ, а окраинскихъ въ центръ Россіи, давшая въ результатѣ то, что въ каждой части нашихъ войскъ не менѣе 75% русскихъ и лишь 25% смѣси. Тогда же А. Ѳ. издалъ двѣ карты западныхъ славянъ М. Ѳ. Мирковича съ поправками и новою редакціею. Наконецъ, А. Ѳ. исполнилъ по порученію Императорскаго русскаго географическаго общества величайшую этнографическую карту—Европейскую Россію. Карта эта удостоилась на выставкахъ въ Парижѣ и Филадельфіи высшихъ наградъ. Свои этнографическія изслѣдованія Россіи А. Ѳ. закончилъ «картой Кавказскаго края». Послѣ

этого онъ занялся славянами и въ 1885 г., къ празднику Кирилла и Меѳодія, издалъ обширный трудъ—«Славянскій міръ». Въ бытность свою въ Харьковѣ А. Ѳ. издалъ «Карту Славянскихъ поселеній въ эпоху Карла Великаго», «Этнографическій очеркъ харьковской губерніи» и «Переселенія».

2711, 2715. Харьковское земство и курско-харьково-азовская желѣзная дорога, по поводу борьбы этого земства съ названною желѣзною дорогою за злоупотребленія и безпорядки, разсказанной въ «Нов. Врем.» профес. Н. Ѳ. Сумцовымъ.

2711. Александръ Николаевичъ Бурнашевъ, бывшій предсѣдатель харьков. окр. суда (некрологъ).

2712. Друзья покойнаго А. А. Брилліантова и сочувствующіе увѣковѣчиванію памяти «перваго нашего кооператора» изданіемъ, съ благотворительною цѣлью, перваго харьковскаго кооперативнаго сборника и Брилліантовской воскресной школы (мы упоминали въ «Южн. Краѣ» объ этихъ предположеніяхъ)—уже приступили къ дѣлу. На одномъ изъ собраній, такъ называемаго Брилліантовскаго сотрудничества, или товарищества, рѣшено: приступить къ собиранію матеріаловъ для біографіи А. А. Брилліантова, для исторіи харьковскаго товарищества потребителей и предполагавшагося въ Харьковѣ всероссійскаго съѣзда русскихъ потребительскихъ обществъ въ 1869 г. Въ разработкѣ этихъ матеріаловъ обѣщалъ принять участіе проф. Г. М. Цѣхановецкій. Въ отдѣлѣ сборника, который будетъ заключать статьи, касающіяся благотворительныхъ, взаимныхъ и кооперативныхъ учрежденій г. Харькова, ихъ образовательнаго значенія и желательнаго развитія обѣщалъ принять участіе Ф. А. Павловскій. Статьи и матеріалы какъ для этихъ двухъ отдѣловъ сборника, такъ и для остальныхъ отдѣловъ (воспоминанія русскихъ и заграничныхъ кооператоровъ и другія статьи, въ томъ числѣ статьи въ беллетристической формѣ, имѣющія цѣлью популяризировать изученіе теоріи и практики кооперація, адресуются на имя Н. П. Баллина, въ Харьковъ, въ контору Мороховца, на Чернышевскую улицу, № 10. Въ Брилліантовскій сборникъ, въ виду благотворительной цѣли, статьи принимаются только безплатныя. Размѣръ сборника не опредѣляется. Имѣя въ виду, что пожертвованій, поступившихъ уже въ пользу Брилліантовской воскресной школы, достаточно, чтобы приступить къ открытію ея, не ожидая изданія сборника, сотрудничество постановило: поручить Л. Е. Ефимовичъ хлопоты по устройству ея при харьковскомъ обществѣ грамотности въ помѣщеніи русско-еврейской школы. Учительницы женской воскресной школы полагаютъ, что лучше устроить мужскую воскресную школу; другіе стоятъ за женскую, такъ какъ женская школа имѣетъ уже удачный прецендентъ и такъ какъ образованіе женщинъ лучше пропагандируется, чѣмъ образованіе мужчинъ. Будетъ ли учреждена мужская или женская школа, будетъ зависѣть

отъ контингента преподавательскаго персонала школы; нужно надѣяться, что онъ будетъ вполнѣ удачный.

2721. Замѣтка о количествѣ дворянскихъ земель въ харьковской губерніи и о переходѣ ея по частямъ въ другія сословія, именно за три года количество ея уменьшилось на 119,644 д., что составляетъ на губернію 10%.

2727. Сообщеніе о скоромъ выходѣ въ свѣтъ изданія города Екатеринослава, сочиненія г. Акинжіева «О растительности въ г. Екатеринославѣ въ концѣ перваго столѣтія его существованія».

— Александръ Тимофѣевичъ Велиховъ (вице-предсѣд. Совѣта главн. общ. жел. дорогъ)—Харьковскій уроженецъ и воспитанникъ тамошнихъ гимназій и университета (некрологъ).

2729. О числѣ учебныхъ заведеній и учащихся за 1887 г. въ харьковской губерніи.

2730. Перепечатано изъ «Новорос. Телеграфа» слѣдующее письмо николаевскаго священника отца Гр. Дѣлова:

«Несомнѣнно, что на столь важное и полезное дѣло многія лица и учрежденія отзовутся съ должнымъ сочувствіемъ, но не эта цѣль моей замѣтки. Въ г. Николаевѣ, на городскомъ кладбищѣ мнѣ, какъ священнику, приходится по нѣсколько разъ въ мѣсяцъ проходить вблизи памятника, гдѣ погребены посмертные остатки В. Н. Каразина, жены его Евгеніи Ѳеодосьевны, сына лейтенанта Филадельфа и дочери младенца Александры. Памятникъ этотъ находится за церковью, на восточной сторонѣ ея, и представляетъ обыкновенную, небольшихъ размѣровъ, квадратную каплицу, выстроенную изъ камня, безъ особыхъ архитектурныхъ затѣй, вслѣдствіе чего во многихъ мѣстахъ, сверху до низу, образовались сквозныя трещины въ стѣнахъ, несомнѣнно предполагающія собою близкое и совершенное ея разрушеніе. Не знаю, есть ли въ Николаевѣ родственники великаго дѣятеля В. Н. Каразина, но памятникъ находится внѣ всякой заботливости и вниманія, исключая лишь того, что чья то заботливая христіанская душа, въ сѣверо-восточномъ углу каплицы, поставила столикъ и на немъ двѣ старыя иконы съ лампадкой, которой едва ли когда либо удастся теплиться, такъ какъ, благодаря сквознымъ трещинамъ к поломанной двери, вѣтеръ свободно и во всякое время разгуливаетъ въ небольшомъ зданіи. Посреди каплицы стоитъ небольшой четырехъ-угольный мраморный памятникъ, на стѣнкахъ котораго сдѣлана слѣдующая надпись: «Виновникъ учрежденія въ Россіи министерства народнаго просвѣщенія, основатель харьковскаго университета, учредитель и правитель дѣлъ филотехническаго общества, Высочайше утвержденнаго въ 1811 году; помѣщикъ, поставившій первый крѣпостныхъ людей (своихъ?) на степень существъ свободныхъ (каковыми 40 лѣтъ спустя хотѣлъ ихъ сдѣлать Русскій Царь указомъ 1842 г., апрѣля 2 дня); водворитель цвѣ-

тущей торговли и благосостоянія гражданъ въ г. Харьковѣ, естествоиспытатель, подавшій первый мысль о возможности сдѣлать изъ метеорологіи науку точную, полезную для людей, почетный членъ двухъ университетовъ: московскаго и харьковскаго, членъ разныхъ учебныхъ обществъ, русскихъ и иностранныхъ, статскій совѣтникъ и кавалеръ Василій Назаровичъ Каразинъ. Родился въ Крючикѣ, харьковской губ., богодуховскаго уѣзда, 1773 года, января 30, скончался въ г. Николаевѣ херсонской губерніи 1842 года, ноября 4 дня, въ 8 часовъ вечера».

Полагаемъ, что такая многоговорящая надпись на могильномъ памятникѣ Каразина сдѣлана не безъ основанія, а потому остается пожелать, чтобы имѣющійся состояться комитетъ для сбора пожертвованій на памятникъ въ г. Харьковѣ не позабылъ и памятника надъ посмертными останками В. Н. Каразина, каковой памятникъ, на николаевскомъ городскомъ кладбищѣ, представляетъ собою печальное зрѣлище и близокъ къ разрушенію! Устройство памятника обойдется недорого,—приблизительно нѣсколько сотъ рублей».

2726, 2727. Харьковскіе сценическіе дѣятели прешлаго времени Н. Х. Рыбаковъ.—Н. Ч. (не окончено).

2734. С. Новоборисоглѣбскъ зміевскаго уѣзда (корр.). Этнографическія и экономическія свѣдѣнія объ этомъ селѣ.

Кубанскія Областныя Вѣдомости №№ 44—48. №№ 44, 45—46. Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Екатеринодарѣ.

44. Нѣсколько словъ по водоснабженію сѣверной части кубанской области инженера Ф. Маевскаго.

47—48. Обзоръ кубанской области за 1887 г.

48. Путевыя замѣтки (продолж.)—Учителя К. Живилло.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 46—49. № 47. *Присоединеніе къ православію ульбаровскихъ чеховъ дубенскаго уѣзда.* Обращаетъ на себя вниманіе слово, произнесенное чешскимъ проповѣдникомъ о. Каллистомъ Метельскимъ по поводу циркулировавшихъ среди чеховъ слуховъ, что со смертію бывшаго начальника юго-западнаго края А. Р. Дрентельна и Е. М. Крыжановскаго должно ослабиться движеніе чеховъ по пути къ православію.

49—50. *Противодѣйствіе Базиліанскаго ордена стремленію бѣлаго духовенства къ реформамъ русской греко-уніатской церкви.* Историческое изслѣдованіе по документамъ архивовъ греко-уніатскаго (2-го) департамента Р.—К. коллегіи и министерства народнаго просвѣщенія. Изслѣдованіе это обнимаетъ двадцати-пяти-лѣтній періодъ времени (1803—1828 г.).

Зоря №№ 22—25. №№ 22—25. Старосвѣтски батюшки и матушки. Ив. Левицкаго.

22. Ворогамъ—В. Чайченка.

22—25. На досвѣткахъ—З. Петруся.

— Проти хвилѣ—Его же.

— Исторія литературы русской. Ом. Огоновской. Періодъ новый: Устіяновичъ 5. Михайло Старицкій.

22. Русскій театръ у Львовѣ: Наймичка—Карого.

— Замѣтки критични и библіографія: Ганна Монтовтъ Ор. Левицкаго. Споры о правопис. у русиновъ и у румуновъ Ал. Торонъского. Про спилки нашихъ гуцуловъ зъ жидами-лихвярами—Луговика. «Добри Роди» газета. «Кіевская Старина» № 10 1888. Выданя русской бесѣды въ Черновцяхъ. Змѣстъ ч. 2 Правды.

25. Одповѣдь выдавництву «Правды» —Алексѣя Борковскаго.

II. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи:

Бернардень де Сенъ Пьеръ. Павло и Виргинія, картина природы. Переклавъ зъ французкого Евгеній Горинцкій. Перемышль. 1888.

Бѣловъ Г. Путешествіе холмскихъ паломниковъ ко гробу Господню. Разсказъ. Варшава, 1888 г., 8 д., 161 стр.

Винченко К. Вечиръ на хутори. Сцены въ 1 дѣйст. Кіевъ. 1889 г., 16 д., 64 стр.

Веселый Оповидачъ. Изд. С. Гомолинцкаго. Кіевъ. 1888 г., 16 д., 32 стр.

Haliczanin, kalendarz powszechny na rok 1889, rocznik XXXV. Львовъ 1888.

Hankiewicz. Ein Beitrag zur Volksetymologie im Kleinrussischen. Помѣщено въ Archiv für Slawische Philologie Ягича Berlin 1888.

Hibl. Austryjacko-galicyjskie prawo naftowe. Львовъ 1888.

Гоголь В. Простакъ, комедія въ 1 дѣйствіи. Изд. 3-е. Кіевъ 1888 г., 16 д., 64 стр.

Дорошкевичъ. Тарасъ Бульба, повѣсть изъ козачей жизни запорожцевъ. Москва 1888.

Западно-русскій мѣсяцесловъ на 1889 г. Вильно, 4 д., 60 стр.

Зерна. Литературно-науковый додатокъ до «Буковины» за рикъ 1888. Черневцы. 1888.

Zuber. Atlas geologiczny Galicji, zeszyt drugi. Вѣна. 1888.

Kaindl. Geschichte der Bukowina, I, Von der ältesten Zeit bis zur Gründung des Fürstenthums Moldau um 1350. Черновицъ 1888.

Kałużniacki. Monumenta linguae paleoslovenicae, tomus I. Evangeliarium Putnanum. Вѣна и Цѣшинъ 1888.

Карпопольцевъ. Путеводитель по рѣкѣ Днѣпру и его порогамъ. Екатеринославъ 1888.

Карѣевъ Н. Паденіе Польши въ исторической литературѣ. Спб. 1888, 8 д., 457 стр.

Каталогъ археологично-библіографической выставки ставропигійскаго института во Львовѣ. Львовъ, 1888.

Луговой Ив. Богданъ Хмельницкій и неблагодарная исторія. Кіевъ, 1888 г., 8 д., 6 стр.

Михайловскій М. Вѣнецъ и похвала св. Владиміру. Черниговъ 1888 г., 8 д., 88 стр.

Огоновскій. Петро. Учебникъ аритметики для высшихъ клясъ шкилъ середнихъ. Львовъ. 1888.

Олещукъ. За давнихъ часивъ—оповиданйа исторични. Львовъ. 1888.

Омельченко. Малороссійскія пѣсни, собранныя въ окрестностяхъ г. Павловска по острогожскому и павловскому уѣздамъ. Выпускъ I. Воронежъ 1888.

Ossowski G.—Wielki kurhan ryżanowski, według badań, dokonanych w latach 1884 i 1887. Краковъ 1888.

Осташевскій. Сто байокъ, а въ нихъ найдете больше якъ сто правдъ. Написавъ для русского мира. Львовъ 1888.

Парасевичъ. Повистки и оповидання для старшихъ и молодшихъ. Львовъ 1888.

Потапенко В. Надъ кручею. Эскизъ. Кіевъ 1889 г., 16 д., 32 стр.

Ptaszycki—Dzieje rodów litewskich, jako materjał do archeologji historycznej. Варшава 1888.

Путеводитель по Одессѣ и ея окрестностямъ. Адресъ-календарь съ приложеніемъ плановъ Одессы и ея окрестностей. Одесса. 1889 г., 8 д., 551 стр.

Сарницкій. Поясненіе псалмивъ и писней богослуженія, котри мистятся въ Часослови. Львовъ 1888.

Smolka. Kiejstut i Jagiełło. Краковъ 1888.

Sokalski. Wieś Zarudka na Podolu, jaką była, a jaką dziś jest. Львовъ 1888.

Старчевскій А. Наши сосѣди. Справочная книжка. Пограничный переводчикъ (по нашей западной границѣ), заключающій въ себѣ 12 языковъ: шведскій, нѣмецкій, литовскій, польскій, верхне-лужицкій, русинскій, чешскій, словацкій, венгерскій, хорватскій, словенскій и румынскій. Т. II. Спб. 1889 г., 16 д., 3 ненум.+567+3 ненумер. стр.

Стороженко Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., 8 д., 20 стр.

Теличенко И. Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. Кіевъ 1888 г., 8 д., 118 стр.

Трыльовскій К. Впередъ! збирникъ поезій. Выпускъ I.—Черновицъ 1888.

Udziela—Wspomnienia z przeszłości Ropczyc. Тарновъ. 1888.

Устенко-Гармашъ. Черепьяни гроши. Кіевъ 1888 г., 16 д., 32 стр.

Хойнацкій. Православіе на западѣ Россіи въ своихъ ближайшихъ представителяхъ или патерикъ волынско-почаевскій. С.-Петербургъ. 1888.

Chotkowski. Ueber die Russische Jubiläumsfeier zu Kiew. Помѣщено въ Historisch politische Blätter für das katolische Deutschland. München 1888.

Шевченко Т. Катерына. Одесса, 8 д., 31 стр.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, 1889 г.

		стр.
I.	Воспоминанія **М. К. Чалаго**. I—II.	1—40
II.	Судъ и казнь Григорія Самойловича. **А. Востокова** .	41—63
III.	Культурныя переживанія. 1—4. **Н Ѳ. Сумцова** . . .	64—89
IV.	Бѣлая Панна. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній неудавшагося поэта). I—IV. **Г. А. Мачтета**.	90—116
V.	Русскія колоніи въ Добруджѣ. I. **Лопулеску**	117—154
VI.	Сельскія недоразумѣнія. (Перев. съ польск.). I—III. **К. М.**	155—186
VII.	Научное значеніе западно-русской исторіи. **И. А. Линниченка**	187—203
VIII.	Документы, извѣстія и замѣтки. Остатки древняго храма въ г. Переяславѣ. **П. А. Лашкарева**. Церковище возлѣ дер. Монастырекъ, каневск. у. кіевск. губ. **Н. Бѣляшевскаго**. Къ статьѣ г. Бѣляшевскаго. **П. Л.** Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ. Его всеподданнѣйшее представленіе Государю Николаю Павловичу о разсрочкѣ недоимки помѣщичьимъ крестьянамъ малороссійскихъ губерній. **И. С. Листовскаго**. Псевдо-Желѣзнякъ. **А. Л.** Дейнеки. **В. А.** Учитель графа П. А. Румянцева-Задунайскаго Т. М. Сенютовичъ. **А. Л.** Запорожцы посылаютъ изъ Петербурга въ Сѣчь за водкой. Сообщ. **А. Л.** Березенская Вознесенская церковь. **П. Т.** Замѣчательная колядка. **Мирона**. Малорусскія рождественскія колядки. Сообщилъ **К. В. Болсуновскій**. Рождественская «вечеря». **Ив. Манжура**. Рождественскія святки на Волыни. **И. Бѣньковскаго**. Рождественскія вирши въ спискѣ XVIII ст. **О. Л.** Платонъ Акимовичъ Лукашевичъ. **W.** Александръ Ипполитовичъ Гавриловъ. **Н. М.**	204—247
XI.	Для справокъ	248—249
X.	Библіографія. Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства, т. I. Исторія колонизаціи. Изслѣдованіе Д. И. Багалѣя.	

стр.

Москва. 1887 г. **И. Каманина.** Харьковскій Сборникъ. Литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому календарю» на 1888 г. Вып. 2-й. Изд. харьков. статистич. комитета подъ ред. члена-секретаря В. И. Касперова. Харьковъ. 1888 годъ. **И. Каманина.** Двадцатипятилѣтіе изданія Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей (1862—1886 г.). Каменецъ-Подольскъ. 1887. 20+15 стр. (Отд. оттискъ изъ Подольск. Еп. Вѣд. 1887 г., № 1). Указатель неоффиціальной части Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 20 лѣтъ ихъ существованія (1867—1887). Составилъ Ювеналій Тиховскій. Почаевъ. 1888. 8°. 275 стр. Указатель статей, помѣщенныхъ въ неоффиціальной части Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 25 лѣтъ изданія ихъ, съ 1863 по 1888 г. Составилъ протоіерей Петръ Мазановъ. Полтава. 1888. 8°. 197 стр. **А. Л.** Pulaski Kazimierz. Szkice i poszukiwania historyczne. Kraków. 1887. (Пуласкій Казиміръ. Историческіе очерки и изслѣдованія). **В. А.** Девятисотлѣтіе русской іерархіи: епархіи и архіереи—988—1888 г. Составлено по оффиціальнымъ и историческимъ даннымъ Н. Д. Москва. 1888 г. **П. Л.** Календарь сѣверо-западнаго края на 1889 г., изд. подъ ред. М. Запольскаго. М. 1889 г. **Н. Т.** Кіевскій народный календарь на 1889 г. Годъ двадцать пятый. Редакторъ-издатель А. Андріяшевъ. Кіевскій календарь на 1889 г. Годъ третій. Издатель Іогансонъ. Кіевскій календарь на 1889 г. шестой годъ изданія. Редакторъ-издатель В. Фабриціусъ, астрономъ-наблюдатель университета св. Владиміра. Волынскій календарь на 1889 г. Годъ первый. Изданіе Ѳ. И. Досинчука. Житомиръ. **Амартола.** Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1886 г. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи . . . . . 249—296

XI. Объявленія . . . . . 1—38

Приложенія: 1) Рисунокъ Березенской Вознесенской церкови.
2) Наказы малор. депутатамъ 1767 г.
3) Предисл. В. Тяпинскаго къ печати. Евангелію, издан. въ зап. Россіи. Проф. **П. Владимірова.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЦѢНА 30 к. ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ ЦѢНА 30 к.

„КАЛЕНДАРЬ СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ"

на 1889 годъ.

Содержаніе Календаря слѣдующее: Отъ редакціи.—Астрономич. свѣдѣнія.—Православные святцы.—Указатель именъ правосл. святыхъ.—Римско-Католич. календ.—Указатель именъ Римско-Католич. св.—Почтово-телеграфн. свѣдѣнія.—Пароходство.—Желѣзныя дороги.—Торгово-промышл. свѣдѣнія.—Свѣдѣнія объ отбываніи воинской повинности.—Судебный отдѣлъ. Медицинскія свѣдѣнія.—Сельскохозяйствен. свѣдѣнія. *Статистическія свѣдѣнія о Сѣверо-Западн. краѣ*: пространство; народонас. по вѣроисповѣд., народонас. по сословіямъ, народное образованіе, статистика поземел. собственности (распредѣленіе поземел. собственности по угодьямъ, земли принадлеж. крестьянск. общест., земли въ частной собственности); сельско-хозяйств. статистика за 1887 годъ, фабрично-заводская промышленность, главнѣйшія отрасли фабрично-заводской промышленности, списокъ губерн. и уѣзд. городовъ Сѣв.-Западн. края.—*Научно-Литературный отдѣлъ*: статья „Владиміръ Св. и Его время".—Бѣлорусск. нарѣчіе.—„Гапонъ", повѣсть въ стихахъ на бѣлорусск. нарѣчіи В. Дунина-Марцинкевича.—Географич. и статистич. очеркъ Рѣчицкаго уѣзда Минской губ.—Географич. очеркъ древней Бѣлоруссіи (въ періодѣ до нач. XIII в.).—Брагинская волость (историч. очеркъ).—Пистигутъ церковной власти въ Смоленской землѣ въ XII в.—Стихотворенія: „Родная Бѣлоруссія", „Вдовій сынъ" и мн. др.—Изъ жизни (разсказъ).—Народныя бѣлорусскія пѣсни.—Стихотворенія на бѣлорусскомъ языкѣ: „Ноччу у сялѣ", „Могилки".—Пасха въ Бѣлоруссіи.—Библіографическій листокъ (книги и статьи, вышедшія въ продолж. 1888 г., относящіяся къ Сев.-Запад. краю).—Некрологи.—Объявленія.

Склады изданія „Календаря Сѣверо-Западнаго Края" находятся:

Въ Москвѣ—въ типо-литографіи „Разсвѣтъ" (бывш. Любенкова), Тверская, Гнѣздниковскій пер., д. Любенкова.

Въ Кіевѣ—въ редакціи „Календаря Сѣверо-Западнаго края“ (обращаться письменно,—адресъ почтамту извѣстенъ).

Въ Минскѣ—въ книжн. магаз. г. Френкеля, Губернаторская ул.

Въ Смоленскѣ—въ книжн. магаз. Лаврова, Кирочная ул.

Въ Вильнѣ—въ редакціи „Виленскаго Вѣстника“.

Въ Витебскѣ—въ книжн. магаз. Мендельсона. № 31. 1—1.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ“

XXVIII г. — въ 1889 году. — XXVIII г.

(Журналъ одобренъ Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Главнымъ Управленіемъ Военно Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи).

Вступая въ 28-й годъ своего существованія, Редакція „Филол. Записокъ“ будетъ держаться тѣхъ же принциповъ, какимъ столько лѣтъ служила, именно—доставлять филологическія и лингвистическія изслѣдованія по языкознанію вообще, а по русскому языку въ особенности, по литературѣ, классицизму, славистикѣ, миѳологіи, доставлять библіографическія свѣдѣнія, переводы сочиненій извѣстныхъ иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ, разрабатывать и разъяснять разные грамматическіе вопросы и пр. и пр.; но главной задачей остается вопросъ: 1) о постановкѣ русскаго языка въ школѣ и 2) о составленіи словопроизводственнаго словаря.

На сколько изданіе наше оправдываетъ и оправдало стремленія Редакціи, мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь, особенно для тѣхъ, кто вовсе не знакомъ съ нашимъ изданіемъ, слѣдующіе отзывы Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв., напечатанные въ Журналѣ Министр. Нар. Просв. (въ 1869 г. Май, стр. 27 и въ 1876 году Май).

„Филологическія Записки—единственное изъ провинціальныхъ изданій, посвященныхъ спеціально языку и литературѣ. При крайней бѣдности средствъ, въ чемъ и сомнѣваться нельзя, оно существовало уже и существуетъ, не только не падая въ своемъ значеніи—случай, рѣдко представлявшійся и въ столичной журналистикѣ,—но даже, по возможности, улучшаясь, благодаря единственно труду и стойкости издателя“...

„Во вниманіе къ несомнѣнному научному достоинству „Филологическихъ Записокъ“ и къ постоянно нимало невознаграждаемымъ трудамъ издателя ихъ, г. Хованскаго, а также въ видахъ весьма желательнаго для пользы науки поддержанія этого изданія, Учен. Комитетъ призналъ справедливымъ ходатайствовать предъ г. Министромъ Нар. Пр., во-первыхъ, о предложеніи начальствамъ гимназій

выписывать „Филологическія Записки“ для библіотекъ гимназій и, во-вторыхъ, объ оказаніи г. Хованскому нѣкотораго денежнаго вспомоществованія. А такъ какъ было бы весьма полезно, чтобы въ гимназическихъ библіотекахъ находились „Филологическія Записки“ за все время ихъ изданія, то, по мнѣнію Ученаго Комитета, было бы всего лучше снестись съ издателемъ о томъ, имѣется ли у него въ запасѣ нужное, по числу гимназій, количество экз. его журнала за прежніе годы и за какую сумму онъ можетъ уступить эти экз. Этимъ способомъ могла бы быть оказана существенная матеріальная поддержка полезному изданію, и вмѣстѣ съ тѣмъ экземплярами онаго были бы снабжены библіотеки гимназій“...

„Во вниманіе къ тому, что издаваемыя въ Воронежѣ г. Хованскимъ „Филологическія Записки“ заключаютъ въ себѣ много полезнаго матеріала для занимающихся преподаваніемъ русскаго языка и потому могутъ служить для нихъ полезнымъ пособіемъ,—предложить начальствамъ гимназій, чтобы они *озаботились* пріобрѣтеніемъ этого журнала для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій по непосредственному сношенію съ г. Хованскимъ“...

Кромѣ того желающіе подробно могутъ ознакомиться съ трудами изданія по изданнымъ брошюрамъ, каковы: 1) „Указатель статей, напечатанныхъ за весь 25-лѣтній періодъ изданія Фил. Зап.“ и 2) „Двадцатипятилѣтній юбилей изданія Фил. Записокъ. Юбилейный Сборникъ“, въ которомъ помѣщены: 1) Телеграммы (около 100), полученныя Редакторомъ, начиная отъ Г. Министра Нар. Пр. и Академіи Наукъ, отъ разныхъ высшихъ ученыхъ обществъ и учебныхъ заведеній, 2) рѣчи, 3) статьи посвященныя 25-лѣтію Ф. З. и 4) Записка Редактора о возникновеніи изданія. (Цѣна Указателю и Сборнику—по 40 к. съ перес.).

„Филологическіе Записки“ издаются въ В о р о н е ж ѣ; выходятъ безсрочными выпусками,—по шести выпусковъ въ годъ.

ЦѢНА годовому изданію 6 р. 50 к. съ перес. заграницу 7 р.

Подписка преимущественно принимается въ Редакціи „Филологическихъ Записокъ“ въ Воронежѣ; желающіе могутъ подписываться также въ извѣстныхъ столичныхъ и другихъ книжныхъ магазинахъ. Изданіе Фил. Зап. можно выписывать и за прежніе годы.

№ 32. 1—1. Редакторъ-Издатель *А. Хованскій.*

1889 годъ.— ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА —*годъ шестой.*

КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ

Журналъ, издаваемый Русскимъ Обществомъ книгопродавцевъ и издателей.

Программа журнала: 1) Правительственныя распоряженія относящіяся до спеціальности журнала (Высочайшія повелѣнія, распоряженія Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Министерства, вновь разрѣшаемыя повременныя изданія, перемѣны въ изданіяхъ существующихъ, о книгахъ, одобренныхъ для учебныхъ заведеній и

ихъ библіотекъ и пр.); 2) Свѣдѣнія и сообщенія о дѣятельности Русскаго общества книгопродавцевъ и издателей, а также его Правленія; 3) Книжно-торговое дѣло (сообщенія книгопродавцевъ и издателей, имѣющія общественный интересъ, сношенія ихъ, какъ между собою, такъ и съ обществомъ, корреспонденціи, запросы, разныя свѣдѣнія, почтовый ящикъ и пр.); 4) Указатель новыхъ изданій (списокъ выходящихъ въ продажу книгъ); указатель помѣщаемыхъ въ разныхъ журналахъ отзывовъ о книгахъ; четыре раза въ году рефераты и рецензіи) 5) Предложеніе и спросъ; 6) Объявленія.

Срокъ выхода одинъ разъ въ мѣсяцъ. Форматъ in 8°.

Подписная цѣна **3 рубля въ годъ** *съ доставкой и пересылкой.*

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Страница in 8°.	5 р. — к.
½ страницы	3 р. — к.
¼ „	2 р. — к.
Строка петита въ ширину страницы . . .	— р. 20 к.
Строка петита въ ширину столбца	— р. 10 к.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы.

Объявленія и подписка отъ иногородныхъ и книгопродавцевъ принимается въ Конторѣ Редакціи, при Книжномъ магазинѣ Н. Д. Тяпкина, Спб., Васильевскій Островъ, 7 линія, д. 6.

Въ Конторѣ Редак. „К. В.“ можно получать полные комплекты „Книжнаго Вѣстника“ за 1884, 1885, 1886 и 1887 годы. Цѣна по 3 руб. за годъ, съ доставкой и пересылкой.

1889 ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ 1889.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

въ теченіе года выдаетъ подписчикамъ:

ПЯТЬДЕСЯТЪ ДВА НУМЕРА, выходящихъ еженедѣльно, по воскресеньямъ, состоящихъ изъ 2—3 листовъ, большаго формата, отпечатанныхъ на роскошной веленевой бумагѣ съ 7—10 рисунками большаго альбомнаго размѣра.

КРОМѢ ТОГО ГОД. ПОДП. ПОЛУЧАТЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПРИЛОЖЕНІЙ КЪ ЖУРНАЛУ:

1. *Двѣнадцать книгъ „Романовъ и повѣстей“* (съ иллюстраціями), выходящихъ ежемѣсячно, отъ 10 и 15 лист. (въ форматѣ изящныхъ заграничныхъ изда-

ній), въ видѣ самостоятельнаго ежемѣсячнаго литературнаго журнала, и составляющихъ собою въ концѣ года библіотеку новѣйшихъ литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей, стоющую въ отдѣльной продажѣ вдвое больше подписной суммы журнала.

II. *Двѣнадцать нумеровъ новѣйшихъ „Парижскихъ модъ“*, выходящихъ ежемѣсячно, въ видѣ спеціальнаго роднаго журнала. Завѣдываніе этимъ отдѣломъ поручено опытному спеціалисту; описаніе модныхъ новостей составляется по лучшимъ французскимъ источникамъ и моделямъ, доставляемымъ первоклассными парижскими торговыми фирмами и модными ателье. Въ каждомъ нумерѣ отведено мѣсто для статей по домашнему хозяйству, гигіенѣ, кухнѣ и пр.

III. *Двадцать образцовыхъ дамскихъ работъ*, въ составъ которыхъ входятъ: а) выкройки въ натуральную величину различныхъ костюмовъ и бѣлья для дамъ и дѣтей, отличающіяся новизною, изяществомъ и практичностью. б) Рисунки для вышивокъ суташью, шерстями, шелкомъ и бисеромъ по канвѣ, сукну, бархату и пр. в) Рисунки для вышивокъ гладью, англійскимъ швомъ и пр. по полотну, батисту и т. п. г) Образцы различныхъ вязаній крючкомъ, на спицахъ и пр. д) Образцы и рисунки для русскаго шва (крестиками), отпечатанные въ нѣсколько красокъ. е) Образцы и рисунки различныхъ новоизобрѣтаемыхъ изящныхъ дамскихъ рукодѣлій. ж) Образцы для вышивокъ по филе. з) Буквы и монограммы для мѣтки бѣлья, начиная отъ самыхъ простыхъ до самыхъ изящныхъ и Образцы-оригинальные рисунки для вышлочныхъ работъ въ разныхъ стиляхъ и пр.

IV. *Десять большихъ гравюръ-копій* съ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отпечатанныя въ два тона, на эстампной роскошной бумагѣ, будутъ по прежнему прилагаться при нумерахъ журнала отдѣльными листами и составятъ въ концѣ года самостоятельный альбомъ.

V. *Стѣнной календарь* въ роскошномъ орнаментѣ древняго русскаго стиля, отпечатанный золотомъ и въ пять красокъ.

Новыя цѣнныя и художественныя приложенія **ЧЕТЫРЕ АКВАРЕЛЬНЫЯ КАРТИНЫ** *съ оригиналовъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ-акварелистовъ.*

Въ премію: на выборъ одна изъ четырехъ картинъ или „Альбомъ“.

Главная премія—большая эффектная художественно-исполненная олеографія съ картины, написанной въ пандантъ (pendant) уже выданной нами преміи за 1887 г.—„Босфоръ“, тѣмъ же знаменитымъ пейзажистомъ берлинской акад. худож.—проф. А. Ригеромъ.

1) „ПРЕДЪ КОНСТАНТИНОПОЛЕМЪ“

Картина изображаетъ роскошный восточный пейзажъ на берегу Чернаго моря. Въ перспективѣ виднѣется Константинополь, со своими причудливыми мечетями, минаретами и другими постройками, а также отдаленными горами, рисующимися на голубомъ небѣ. Интересное историческое прошлое Константинополя и та роль, которую онъ играетъ нынѣ, полны важнаго міроваго значенія. Поэтому,

сюжетъ этой картины является какъ нельзя болѣе кстати, въ особенности для насъ русскихъ. Размѣръ картины, какъ „БОСФОРЪ“ (длина полтора арш., высота одинъ арш. и одинъ верш.).

2) „ІОАННЪ III РАЗРЫВАЕТЪ ХАНСКУЮ ГРАМОТУ“

Съ картины художника С. П. Верещагина (размѣръ картины: длина 19 вершковъ, высота 14 вершковъ).

Важный историческій моментъ, который изображаетъ картина, яркіе костюмы, вѣрные данной эпохѣ, удачная группировка лицъ и художественное освѣщеніе дѣлаютъ эту картину очень интересною,

3) „БОСФОРЪ ПРИ ЛУННОМЪ СВѢТѢ“, проф. А Ригера. 4) „ЗАКАТЪ СОЛНЦА ВЪ ЗИМНІЙ ДЕНЬ“, худ. А. Шильдера. ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ:

„Сорокъ картинъ изъ русской исторіи“

съ подробнымъ описаніемъ содержанія каждой картины.

Въ числѣ сорока картинъ этого альбома есть копіи съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ исторической живописи, какъ напр: гг. Рѣпина, Неврева, Шварца, Маковскаго, Венига, Клодта, Земцова, Лебедева, Литовченко, Топоркова, Наумова, Савинскаго, Верещагина, Сѣдова, Творожникова и друг. Эти картины Альбома отпечатаны на эстампной бумагѣ и вложены въ крѣпкую папочную изящную обертку. Это изданіе можетъ служить интереснымъ кипсэкемъ для гостинныхъ и пособіемъ при изученіи русской старины.

Гг. годовые подписчики, желающіе получить вышеозначенныя художественныя „Картины“ или „Альбомъ“ уплачиваютъ одинъ рубль за экземпляръ (съ пересылкою).

Всѣ предлагаемыя въ премію картины высылаются немедленно по подпискѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ перес.: 8 р.—Безъ доставки въ Спб.: 6 р. 60 к.—За границу 14 р. съ преміей 16 р. Въ Москвѣ (безъ дост.) 7 р. Книжный магазинъ Панкова, Тверская, Чернышевскій пер., д. Полякова.

Разсрочка допускается, но исключительно чрезъ главную контору

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій Проспектъ, у Аничкина моста, д. № 68—40.

№ 4. 3-3.

1889 г. **ИЗДАНІЕ СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1812 ГОДА.** 1889 г.

Ежедневная политическая, ученая и литературная газета (безъ предвар. цензуры)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Съ еженедѣльными и ежемѣсячными иллюстрированными приложеніями.

Газета съ переходомъ къ новому издателю и при новомъ составѣ редакціи дополнена новыми отдѣлами и увеличена въ форматѣ до размѣра большихъ столичныхъ газетъ (безъ повышенія подписной платы)

и по своей обширной программѣ, всесторонней разработкѣ современныхъ вопросовъ, возникающихъ въ области политики, науки, внутренней и заграничной жизни, а также своевременному сообщенію всѣхъ выдающихся новостей дня, можетъ вполнѣ замѣнить собою **дорогую по подписной цѣнѣ газету и еженедѣльный журналъ.**

Кромѣ ежедневныхъ №№ газеты годовой подписчикъ получаетъ:

1) По воскресеньямъ, отпечатанный на зеленевой и глазированной бумагѣ нумеръ **еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала**, въ который входятъ: эпизоды изъ исторіи Русскаго государства, историческіе и современные романы, повѣсти и разсказы (оригинальные и переводные). Болѣе 300 рисунковъ, а именно: Портреты историческихъ и современныхъ общественныхъ дѣятелей; историческія, бытовыя и современныя иллюстраціи, преимущественно изъ русской жизни, шахматныя и шашечныя задачи, каррикатуры и проч.

(Пятьдесятъ два нумера въ годъ).

Въ 1889 г. отдѣльные листы „Романовъ", въ виду частыхъ потерь на почтѣ, разсылаться по понедѣльникамъ не будутъ, а потому въ теченіе года годовымъ подписчикамъ будутъ выданы выпусками сброшюрованные и въ оберткѣ

2) **Шесть книгъ новыхъ большихъ романовъ.** Каждая книжка будетъ заключать одно вполнѣ законченное литературное произведеніе, изъ коихъ два будутъ историческія.

3) СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ, отпечатанный въ три краски (разсылается при первомъ нумерѣ).

4) „МОДЫ и РУКОДѢЛЬЯ" (двѣнадцать нумеровъ), приспособленныя къ домашнему производству съ приложеніемъ образцовъ изящныхъ дамскихъ рукодѣлій: вышивокъ, вязаній, а также и выпиловочныхъ работъ.

Годовые подписчики, выславшіе сполна подписную сумму, имѣютъ право получить одну изъ четырехъ картинъ или альбомъ „Сорокъ картинъ изъ русской исторіи".

5) Олеографическая картина, отпечатанная въ 20 красокъ на эстампной бумагѣ съ лакировкою и рельефомъ

„ІОАННЪ III РАЗРЫВАЕТЪ ХАНСКУЮ ГРАМОТУ"

Съ картины художника С. И. Верещагина (размѣръ картины: длина 1 арш. 3 вершка, вышина 14 вершк.).

Важный историческій моментъ изъ жизни Русскаго государства, который изображаетъ картина, роскошная обстановка палаты, яркіе костюмы, вѣрные данной эпохѣ, удачная группировка лицъ и художественное освѣщеніе, дѣлаютъ картину очень интересною. Оригиналъ картины составляетъ собственность издателя.

6) Прекрасное и полезное настольное украшеніе каждой гостиной, въ видѣ большаго изящнаго Альбома, содержащаго **„сорокъ картинъ изъ русской исторіи"** съ подробнымъ описаніемъ содержанія каждой картины.

Въ числѣ сорока картинъ этого „Альбома" есть копіи съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ исторической живописи, какъ наприм.: гг. Рѣпина, Неврева, Шварца, Маковскаго, Венига, Клодта, Земцова, Лебедева, Литовченко, Топоркова, Наумова, Савинскаго, Верещагина, Сѣдова, Творожникова и друг. Картины Альбома отпечатаны на эстампной бумагѣ и вложены въ крѣпкую папочную изящную обертку.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ежедневной газеты „Сынъ Отечества" съ еженедѣльными, ежемѣсячными иллюстрированными Приложеніями и шестью книгами „Романовъ" безъ „Олеографической картины" и Альбома"):

Съ пересылкою: На годъ 8 р.—На полгода 4 р.—За границу 14 руб.

Гг. Годовые подписчики, желающіе получить вышеозначенныя художественныя приложенія—„Картину“ или „Альбомъ“, благоволятъ высылать одинъ рубль за каждый экземпляръ (съ пересылкою).

Вмѣсто вышепредлагаемыхъ приложеній гг. подписчики могутъ получить и прежнія картины: 1) „Крещеніе Кіевлянъ при кн. Владимірѣ“ В. Думитрашко. 2) „Смерть Ивана Сусанина“ (2-е изданіе) и 3) „Проводы новобранца на службу“ Рѣпина (оригиналъ этой картины составляетъ собственность Е. И. В. Великаго Князя Владиміра Александровича) съ уплатою по 80 коп. за экземпляръ, а неподписчики по 2 руб. за экземпляръ (съ пересылкою).

Разсрочка допускается, но исключительно чрезъ Главную Контору (Спб. Невскій просп., д. 68—40).

За редактора *М. Куплетскій*. Издатель *С. Добродѣевъ*. № 5. 3—3.

1889 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на ГАЗЕТУ **1889 г.**

„КУРСКІЙ ЛИСТОКЪ“

(11-й годъ изданія)

Выходитъ по Вторникамъ, Четвергамъ и Субботамъ.

ПРОГРАММА: I. Статьи по вопросамъ общественной жизни мѣстнаго и общаго значенія. II. Фельетоны. III. Хроника мѣстной жизни. IV. Вѣсти изъ уѣздовъ Курской губерніи и изъ сосѣднихъ губерній. V. Городское самоуправленіе. VI. Земство. VII. Обзоръ газетъ и журналовъ. VIII. Внутреннія извѣстія. IX. Судебная хроника. X. Правительственныя распоряженія и служебный отдѣлъ. XI. Иностранныя извѣстія. XII. Торговыя свѣдѣнія. XIII. Справочный отдѣлъ. XIV. Смѣсь. XV. Всѣ прочія газетныя свѣдѣнія.

Условія подписки:

Безъ доставки для городскихъ подписчиковъ: на 12 мѣс. 4 руб., 9 мѣс. 3 руб. 25 коп., 6 мѣс. 2 руб 50 коп., 3 мѣс. 1 руб. 50 коп., 2 мѣс. 1 руб. 25 коп., 1 мѣс. 75 коп. Съ доставк. на домъ цѣна та же, что для иногородныхъ подписчиковъ: на 12 мѣс. 5 руб., 9 мѣс. 4 руб. 25 коп., 6 мѣс. 3 руб., 3 мѣс. 2 руб., 2 мѣс. 1 руб. 50 коп., 1 мѣс. 1 руб.

Объявленія принимаются съ платою за первый разъ 10 коп., а затѣмъ по 7 коп. отъ печатной строки. За объявленія на первой страницѣ и за „сторонніе сообщенія“—вдвое.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ Курскѣ, Можаевская ул., д. Фесенко, и въ книжныхъ магазинахъ г. Курска. № 6. 3—3.

Открыта подписка

НА ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА

„РОДНИКЪ“

изданія 1889 г. (VIII годъ).

Въ 1889 г. „РОДНИКЪ“ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками увеличеннаго объема: не менѣе 7 печатныхъ листовъ каждая, со многими картинками. Характеръ журнала и направленіе останутся тѣже, что и въ минувшія семь лѣтъ.

„Родникъ“ рекомендованъ и одобренъ учебными Комитетами Мин. Нар. Просв., Святѣйшаго Синода и Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

Вмѣстѣ съ „Родникомъ“. можно получать ежемѣсячный педагогическій листокъ

„ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ,“

посвященный главнымъ образомъ разработкѣ вопросовъ дѣтскаго чтенія и критикѣ учебниковъ, учебныхъ пособій и книгъ для дѣтей и для народа.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1889 Г.:

„РОДНИКЪ“ съ листкомъ „Воспитаніе и Обученіе“ на годъ, съ доставкой и пересылкой . . . . . 6 р.

„РОДНИКЪ“ безъ листка „Воспитаніе и Обученіе“ на годъ, съ доставкой и пересылкой . . . . . 5 р.

За границу, на годъ . . . . . 8 р.

Отдѣльно: листокъ „Воспитанія и Обученіе“ на годъ съ доставкой и пересылкою. . . . . 2 р.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, уг. Знаменской и Баскова пер., д № 14—24.

Редакторъ-издательница *Е. Сысоева.* Редакторъ *Алексѣй Альмединgenъ.*

№ 7. 3—3.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Вѣстникъ Опытной Физики и Элементарной Математики,

посвященный научнымъ и педагогическимъ вопросамъ изъ области физико-математическихъ наукъ, продолжаетъ издаваться (съ 1886 г.) въ Кіевѣ

на слѣдующихъ условіяхъ:

годовая подписка принимается только съ 1-го января, и полугодовая—съ 1-го января и съ 20-го августа; менѣе какъ на одно полугодіе подписка не принимается

Въ теченіе лѣтнихъ каникулъ №№ журнала не выходятъ.

Подписная цѣна съ пересылкой:

на годъ (24 №№). . . . . 6 рублей. на полугодіе (12 №№) . . . . 3 рубля.

NB. Книжнымъ магазинамъ 5%. уступки.

Учителя начальныхъ училищъ и всѣ учащіеся могутъ подписываться на журналъ на льготныхъ условіяхъ, а именно:

на годъ (24 №№). . . . . 4 рубля. на полугодіе (12 №№) . . . . 2 рубля.

NB. Подписка на льготныхъ условіяхъ черезъ книжные магазины не принимается. Комплекты номеровъ журнала (по 12 №№) за каждое изъ истекшихъ полугодій (съ 20 августа 1886 г.) продаются по 2 р. 50 к. за каждый, а льготнымъ подписчикамъ и книгопродавцамъ по 2 руб.

ЖУРНАЛЪ РЕКОМЕНДОВАНЪ

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для гимназій мужскихъ и женскихъ, реальныхъ училищъ, прогимназій, учительскихъ институтовъ, учительскихъ семинарій и городскихъ училищъ, и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній для всѣхъ военно-учебныхъ заведеній.

Въ каждое полугодіе выходитъ 12 номеровъ журнала (не менѣе 280 стр. in 8°), съ рисунками и чертежами въ текстѣ, съ особыми приложеніями справочныхъ таблицъ, матеріаловъ для физико-математическаго словаря и пр. Въ журналѣ постоянно предлагаются задачи для рѣшенія, научныя вопросы, темы для сотрудниковъ и пр. Всѣ подписчики и читатели журнала приглашаются быть сотрудниками и корреспондентами.

Редакціей издаются физико-математическія сочиненія на выгодныхъ для авторовъ условіяхъ какъ оригинальныя, такъ и переводныя. Въ книжномъ складѣ редакціи имѣются для продажи, кромѣ собственныхъ изданій, вообще книги физико-математическаго содержанія.

Редакторъ-Издатель кандидатъ физико-математическихъ наукъ *Э. К. Шпачинскій.*

Адресъ: г. Кіевъ, Редакція Вѣстника Оп. Физики и Эл. Математики для № 37. 1—3. телеграммъ: *КІЕВЪ, ВОФЭМ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ

ВЪ **1889** ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Въ Варшавѣ:		Съ пересылкою:	
На годъ	9 руб. 60 коп.	На годъ	12 руб. — коп.
„ полгода	4 „ 80 „	„ полгода	6 „ — „
„ три мѣсяца	2 „ 40 „	„ три мѣсяца	3 „ — „
„ мѣсяцъ	— „ 80 „	„ мѣсяцъ	1 „ — „

За границу (подъ бандеролью), на годъ—15 руб. (20 гульд. или 40 франковъ), полгода—7 руб. 50 коп. (10 гульд., 20 франк.), три мѣсяца—3 руб. 75 коп. (5 гульд., 10 франковъ), мѣсяцъ 1 руб. 25 коп.

Для уѣздныхъ и гминныхъ управленій, магистратовъ и гминныхъ судей по 10 руб., а для лицъ православнаго духовенства и начальныхъ учителей по 8 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Варшава, Медовая, № 20), а также въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова, въ С.-Петербургѣ, Литейный пр., № 48-й; въ Москвѣ, Моховая, д. Коха и въ Варшавѣ, Новый-Свѣтъ, № 65.

„Варшавскій Дневникъ" выходитъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Въ случаѣ важныхъ событій въ политической жизни редакція старается выпускать нумера и по праздничнымъ днямъ.

Задача „Варшавскаго Дневника" быть выразителемъ интересовъ населенія этой окраины Русскаго Государства и слѣдить за вопросами, имѣющими общерусское значеніе. Газета ставитъ себѣ цѣлью наблюдать за развитіемъ политической, общественной и литературной жизни всего славянства и имѣетъ корреспондентовъ въ различныхъ славянскихъ земляхъ.

Варшава. Редакторъ-издатель *П. А. Кулаковскій.* № 9. 3—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на прежнихъ условіяхъ

НА ЛИТЕРАТУРНУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ТОРГОВУЮ

ГАЗЕТУ

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

ВЪ 1889 ГОДУ

съ доставкой на годъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:

на годъ семь рублей,

одиннадцать мѣс. 6 р. 50 к., десять мѣс. 6 р., девять мѣс. 5 р. 50 к., восемь мѣс. 5 р., семь мѣс. 4 р. 50 к., шесть мѣс. 4 р., пять мѣс. 3 р. 50 к., четыре мѣс. 3 р., три мѣс. 2 р. 40 к., два мѣс. 1 р. 70 к. одинъ мѣсяцъ 90 коп., полмѣсяца 50 коп.

Разсрочка допускается—если уплачивается при подпискѣ треть платы на всѣ сроки, исключая четырехъ послѣднихъ: на 3 мѣс., 2 мѣс., 1 мѣс. и 1/2 мѣс.; на эти сроки разсрочка не принимается. Остальныя двѣ трети должны быть внесены также по третямъ каждаго срока.

Подписка также принимается, и на тѣ-же сроки, и съ каждаго числа текущаго мѣсяца, но при этомъ къ подписной цѣнѣ срока приплачивается за первый мѣсяцъ 15 к. почтовыхъ. При перемѣнѣ адреса—25 к. Копѣйки могутъ высылаться почтовыми и гербовыми марками.

Газета будетъ издаваться семнадцатый годъ и выходить полными листами во всѣ четныя числа мѣсяца, не исключая праздниковъ и послѣпраздничныхъ дней, ежедневными прибавленіями.

Въ газетѣ печатаются обстоятельныя торговыя свѣдѣнія орловскаго, елецкаго и другихъ ближайшихъ къ Орлу рынковъ и мѣстностей.

Контора редакціи и типографіи въ г. Орлѣ, на Зиновьевской ул., д. № 2.

Отдѣленіе конторы при библіотекѣ и книжномъ магазинѣ „Орловскаго Вѣстника“, на Болховской ул., д. 17. № 10. 3—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 ГОДЪ

на ежемѣсячное литературно-политическое изданіе

„РУССКАЯ МЫСЛЬ.“

X годъ изд. Условія подписки на 1889 годъ. изд. годъ X

Съ доставкою и перес. во всѣ мѣста Россіи на годъ 12 р., 6 м. 6 р., 3 м. 3 руб.;
За границу на годъ 14 р., 6 м. 7 р., 3 м. 3 р. 50 к.

Отдѣльныя книги продаются по 1 руб. 25 коп. съ пересылкою.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля.

Студенты, слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ и воспитанники старшаго класса среднихъ учебныхъ заведеній могутъ получать журналъ безъ доставки въ Москвѣ и Петербургѣ за 10 руб., при чемъ допускается разсрочка: при подпискѣ 3 рубля и затѣмъ, съ 1 апрѣля, ежемѣсячно по 1 рублю.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

Журналъ выходитъ подъ тою же редакціей, при томъ же составѣ сотрудниковъ и въ прежнемъ объемѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ конторѣ журнала: Москва, Леонтьевскій пер., 21.

№ 11. 2—2. Редакторъ-Издатель *В. М. Лавровъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на большую ежедневную полит., литературную и общественную газету,

ВЫХОДЯЩУЮ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ,

„МИНУТА“

1889 —— *ГОДЪ ИЗДАНІЯ ДЕВЯТЫЙ.* —— 1889.

Газета „Минута“ съ переходомъ къ новому издателю и при новомъ составѣ редакціи совершенно реформирована, при чемъ съ 1-го января 1889 года будутъ введены новые отдѣлы, а нѣкоторые значительно пополнены.

Кромѣ того въ 1889 году всѣ отдѣлы, посвященные городской жизни, будутъ значительно увеличены и въ общемъ газета „Минута“ дастъ своимъ читателямъ массу всевозможныхъ извѣстій и разнаго интереснаго литературнаго матеріала для чтенія.

Въ портфелѣ редакціи для будущаго года имѣется нѣсколько оригинальныхъ романовъ изъ современной столичной жизни, захватывающей собою событія послѣднихъ дней.

Вообще газета „Минута“, по своему разнообразію и своевременному сообщенію всѣхъ выдающихся новостей, даетъ полную возможность, за доступную плату, знать, по возможности, все, что совершается какъ въ нашей внутренней жизни, такъ и заграницею.

Подписная цѣна остается прежняя:

Безъ доставки: на годъ 6 руб. 50 коп.
На 6 мѣсяцевъ 3 р. 75 коп.

Съ достав. на домъ въ Спб.: на годъ 8 р.
На 6 мѣсяцевъ 4 р. 75 к.

Съ перес. во всѣ гор. Россіи: на годъ 9 р.
На 6 мѣсяцевъ 5 руб.

За границу: на годъ 17 рублей
На 6 мѣсяцевъ 9 руб.

Городскіе подписчики, живущіе за чертою города, согласно новому распоряженію почтамта, вносятъ подписную цѣну, какъ иногородніе.

Допускается разсрочка подписки для гг. служащихъ чрезъ ихъ казначеевъ, а другимъ по соглашенію съ Главною конторою—при равномѣрной уплатѣ годовой подписной цѣны за каждый мѣсяцъ впередъ.

Всѣ годовые подписчики газеты „Минута“ имѣютъ право получить въ конторѣ газеты по пониженнымъ цѣнамъ слѣдующія художественныя большія олеографическія картины, отпечатанныя въ нѣсколько красокъ съ лакировкою и рельефомъ:

1) „Закатъ солнца въ зимній день“ съ картины А. Шильдера вмѣсто 3 р.
2) „Смерть Ивана Сусанина“ (историч. жанръ) Н. Оболенскаго „ 2 р.
3) „Крещеніе Кіевлянъ при князѣ Владимірѣ“ В. Думитрашко. „ 2 р.
4) „Проводы новобранца на службу“ съ картины Рѣпина „ 2 р.

по 1 р. съ перессылк. за экз.

Кромѣ того подписчики газеты „Минута“ могутъ получить (стоющій 5 руб.) за одинъ руб. художественно-историческій альбомъ:

„Сорокъ картинъ изъ русской жизни“

съ подробнымъ описаніемъ содержанія каждой картины.

Въ числѣ сорока картинъ этого альбома есть копіи съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ исторической живописи, какъ напр.: гг. Рѣпина, Неврева Шварца, Маковскаго, Вонига, Клодта, Земцова, Лебедева, Литовченко, Топоркова, Наумова, Савинскаго, Верещагина, Сѣдова, Творожникова и друг. Картины альбома отпечатаны на эстампной бумагѣ и вложены въ крѣпкую папочную изящную обертку.

Подобное изданіе, въ видѣ приложенія, возможно только при печатаніи его въ громадномъ количествѣ экземпляровъ и при обширныхъ техническихъ средствахъ, коими располагаетъ редакція. Это изданіе можетъ служить какъ роскошнымъ и крайне интереснымъ киосэкомъ самой изысканной гостиной, такъ и пособіемъ при изученіи русской старины.

Адресъ конторы: Спб., Невскій Проспектъ, у Аничкина моста, д. № 68—40.

№ 12. 2—3. За редактора-издатель *С. Добродѣевъ.*

Самая распространенная на югѣ Россіи

большая политическая, литературная и коммерческая газета

„Одесскій Листокъ“

будетъ выходить въ 1889 году ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и послѣпраздничныхъ дней (350 №№ въ годъ), въ форматѣ самыхъ большихъ столичныхъ русскихъ и заграничныхъ изданій. Вслѣдствіе этого въ „Одесскомъ Листкѣ“ помѣщается гораздо больше матеріала, чѣмъ въ любой изъ провинціальныхъ газетъ.

Въ теченіе 15 лѣтней своей дѣятельности мы успѣли поставить „Одесскій Листокъ“ на одинъ уровень съ большими столичными изданіями не только по внѣшнему виду, но и по разнообразному содержанію. Особое вниманіе обращено нами на своевременность сообщеній о всѣхъ выдающихся событіяхъ и явленіяхъ какъ русской, такъ и заграничной общественной жизни. Группируя и освѣщая эти сообщенія, мы помѣщаемъ ихъ въ нижеслѣдующихъ отдѣлахъ:

1) Телеграфныя извѣстія спеціальныхъ корреспондентовъ и Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства, сообщающихъ какъ о внутреннихъ, такъ равно и объ иностранныхъ событіяхъ и явленіяхъ.

2) Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и иностранной политики, статьи по городскому и земскому хозяйству.

3) Фельетоны нашей газеты составляютъ самый интересный отдѣлъ ея, въ особенности оригинальные фельетоны. Въ этомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе вы-

дающіяся литературныя силы, какъ то: бывшій фельетонистъ газеты „Голосъ“ г. Гамма, Баронъ Икс. Черноморецъ, Оса и др. Помимо фельетоновъ изъ общественной жизни, въ „Одесскомъ Листкѣ“ помѣщаются оригинальные и переводные разсказы, повѣсти, новеллы, стихотворенія

4) Новости изъ области науки и искусства, рецензіи театральныхъ представленій, отзывы о новыхъ книгахъ, картинахъ, выставкахъ, концертахъ.

5) Въ отдѣлѣ Дневника печатаются саммыя разнообразныя свѣдѣнія, касающіяся наиболѣе животрепещущихъ вопросовъ какъ Одессы, такъ и другихъ мѣстностей края.

6) Рефераты думскихъ засѣданій и отчеты о земскихъ, уѣздныхъ и губернскихъ, а также дворянскихъ собраніяхъ и засѣданіяхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ.

7) Распоряженія Правительства, Высочайшія повелѣнія, указы, награды и проч.

8) Корреспонденціи изъ всѣхъ населенныхъ пунктовъ южнаго края

9) Отдѣлы „О чемъ говорятъ“ и „Маленькій листокъ“ посвящены исключительно злобѣ дня, и въ нихъ находитъ откликъ все, что въ данную минуту интересуетъ читающую публику.

10) Въ судебной хроникѣ помѣщаются отчеты о наиболѣе выдающихся процессахъ изъ практики мировыхъ учрежденій и общихъ судебныхъ мѣстъ какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ.

11) Въ коммерческомъ отдѣлѣ помѣщаются телеграммы и свѣдѣнія о курсахъ на монеты, фонды, акціи, облигаціи, о хлѣбныхъ, зерновыхъ, колоніальныхъ и другихъ рынкахъ.

12) Тиражи 5% выигрышныхъ билетовъ 1-го и 2-го внутр. займовъ, закладныхъ листовъ Херсонскаго земскаго банка, Одесск. Городск. Кредитнаго Общества и Таврическаго Земельнаго Банка.

13) Въ судебномъ указателѣ печатаются списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ окружномъ и коммерческомъ судахъ, суд. палатѣ и мировыхъ съѣздахъ городскомъ и уѣздномъ.

14) Вниманію объявителей. Спросъ и предложеніе посредствомъ публикацій неоспоримо быстрѣе достигаютъ своей цѣли, если объявленія обнародованы въ наиболѣе распространенныхъ изданіяхъ. На югѣ Россіи такою распространенностью пользуется „Одесскій Листокъ“, не только въ Одессѣ но и въ другихъ городахъ нашего края. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить та масса разнообразныхъ объявленій, которыя ежедневно печатаются на страницахъ нашей газеты.

„Одесскій Листокъ“—первая большая провинціальная газета, которая печатается посредствомъ стереотипа на ротаціонной машинѣ и на безконечной бумагѣ.

Подписная цѣна съ ежедневною высылкою по почтѣ 12 руб. въ годъ. 7 руб. за полгода, 3 р. 80 к. за три мѣсяца.

Контора редакціи въ Одессѣ, на углу Дерибасовской и Ришельевской ул., д. Меля (бывш. Стифеля).

Редакторъ-Издатель *В. В. Навроцкій.*

№ 13. 2—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1889 годъ

НА ПОЛИТИЧЕСКО-ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ

ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ГОДЪ ВТОРОЙ)

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Въ случаѣ особенно важныхъ событій въ дни послѣпраздичные городскіе подписчики будутъ получать особые бюллетени.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ пересылки и доставки		Съ доставкою и пересылкою	
На годъ	7 р.	На годъ	8 р.
„ 1/2 года	4 р.	„ 1/2 года	5 р.
„ 1/4 „	2 р. 50 к.	„ 1/4 „	3 р.
„ 1 мѣсяцъ	1 р.	„ 1 мѣсяцъ	1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится – 3 р., къ 1-му Мая – 3 р., къ 1-му Сентября остальные 2 р.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. СЕВАСТОПОЛѢ – въ редакціи „Крымскаго Вѣстника“, Екатерининская ул., д. Спиро, въ г. СИМФЕРОПОЛѢ – въ отдѣленіи конторы на Полицейской ул., д. Спиро, въ ЯЛТѢ – въ книжной торговлѣ г. Москвича, въ ЕКАТЕРИНОСЛАВѢ – у Я. И. Шрейдера (Александровская ул., д. Сидоренко) и въ книжномъ магазинѣ І. В. Шафермана и въ БАХЧИСАРАѢ – у И. Долто, въ АРМЕНСКѢ и ПЕРЕКОПѢ – у Б. Д. Розенштейна.

№ 36. 1—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 ГОДЪ.

Девятый годъ изданія.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСК. и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Выходитъ ежедневно.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ

„Южнаго Края“ и „Сѣвернаго телеграфнаго агентства“. V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ Юга: корреспонденціи „Южнаго Края“. VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты и Харьковскаго военно-окружнаго суда. XVIII. Сторонніе сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногороднимъ . . .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей. Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Кромѣ того подписка и объявленія принимаются: въ Петербургѣ—въ конторахъ подписки и объявленій Ф. Петрикъ, Невскій просп. № 8 и Н. Матисена, Невскій, у Казанскаго моста № 28—12. Въ Москвѣ—въ конторахъ объявленій и подписки: А. Сенъ-Мартенъ, Неглинный проѣздъ, д. Молчанова: Н. Печковской, Петровскія линіи; Н. А. Мейера, Покровка д. Молчанова; въ центральн. конт. объявленій бывш. Л. Метцель: Мясницкая, д. Спиридонова и въ справочномъ Бюро Н. Доничъ и К°, Софійка, противъ Лубянскаго пассажа; въ Полтавѣ—въ конторѣ Н. А. Дохмана. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ, у Havas, Lafite и C°, Place de la Bourse.

№ 15. 2—2. Редакторъ-издатель А. А. Іозефовичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИКА НА ГОДЪ V.

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ,“

первый русскій иллюстрированный журналъ

въ 1889.—ДЛЯ РЕЛИГІОЗНО-НРАВСТВЕННАГО ЧТЕНІЯ,—въ 1889

„Рус. Пал.“ одобренъ для всѣхъ среднихъ и низшихъ учебн. заведеній.

ПРОГРАММА „РУССКАГО ПАЛОМНИКА“: I. Часть литературная. Путешествія по св. мѣстамъ Россіи и Востока, описанія св. мѣстъ, св. обителей, храмовъ, чудотворныхъ св. иконъ и др. святынь; историческіе повѣсти и разсказы

разсказы изъ библейскаго и евангельскаго быта, повѣсти и разсказы изъ религіозной жизни русскаго народа, стихотворенія, легенды; житія святыхъ, біографіи дѣятелей Церкви, какъ современныхъ, такъ и почившихъ, преимущественно архипастырей русскихъ и восточныхъ; описанія трудовъ и подвиговъ православныхъ миссіонеровъ; этнографо-историческія статьи, посвященныя инославнымъ христіанскимъ церквамъ, особенно Восточнымъ; статьи по предметамъ православнаго вѣроученія и нравоученія, назидательныя размышленія и разсказы, проповѣди знаменитыхъ проповѣдниковъ - цѣлыя и въ отрывкахъ; популярныя статьи по всѣмъ церковнымъ наукамъ и по всѣмъ отраслямъ церковнаго искусства, современныя извѣстія изъ церковной жизни какъ въ Россіи, такъ и заграницею и пр.

По всѣмъ этимъ отдѣламъ редакція уже имѣетъ въ своихъ рукахъ много интересныхъ и разнообразныхъ статей. Такъ, въ наступающемъ году будутъ помѣщены: „По Святой Землѣ“ прот. В. Я. Михайловскаго, „Путь къ Синаю“—митроп. Саввы Косановича (пер. съ сербскаго), „Письма съ Аѳона“, Тихвинскій монастырь“, „Очерки Царьграда“, „Святыни Москвы“, рядъ статей д-ра А. В. Елисѣева, разсказы К. К. Случевскаго, Ѳ. Ѳ. Тютчева, стихотворенія: О. Н. Чюминой, В. А. Иванова, корреспонденціи книгоноши И. К. Голубева и мн. др.

Литературныя произведенія большаго объема будутъ редакціею выдѣлены въ **особое литературное приложеніе** и будутъ прилагаться при журналѣ особыми книжками.

Такихъ книжекъ въ 1889 г. будетъ шесть, не менѣе 10 листовъ каждая.

I Книжка, которая выйдетъ при первомъ же № журнала, будетъ заключать въ себѣ два интереснѣйшихъ произведенія: 1) „Въ древней Палестинѣ“ (разсказъ) и 2) „Цецилія, или первыя времена христіанства“ (истор. повѣсть). Въ слѣдующихъ книжкахъ будутъ печататься: „Путеводитель по Св. Землѣ“ (съ иллюстраціями, портретами и картами)—д-ра А. В. Елисѣева, рядъ истор. повѣстей, большіе біографическіе разсказы и пр.

II. Часть художественная. Портреты Восточныхъ патріарховъ, архипастырей Россіи и Востока, знаменитыхъ проповѣдниковъ и вообще дѣятелей Церкви; снимки со святыхъ иконъ; виды св. мѣстъ, обителей храмовъ и другихъ святынь; копіи съ картинъ великихъ мастеровъ христіанской живописи; оригинальные рисунки изъ жизни святыхъ; иллюстраціи къ статьямъ, автографы, копіи съ древнихъ предметовъ и рукописей, планы, карты и пр.

Между прочимъ, въ наступающемъ году редакція дастъ: 1) Двѣнадцать копій, въ уменьш. размѣрѣ, съ картинъ великихъ мастеровъ (Рафаэля, Рубенса, Рембранда, Верне, Пуссэна и др.), изображающихъ сцены изъ Библіи: 2) рядъ высокохудожественныхъ рисунковъ подъ общимъ названіемъ „Библейскія женщины“, 3) рядъ картинъ, изображающихъ святыни Москвы и пр.

Кромѣ всего перечисленнаго, редакція въ 1889 годъ разошлетъ подписчикамъ

Три художественныхъ преміи:

I. Большую, исполненную многими красками копію съ акварели, спеціально исполненной для „Русскаго Паломника“ извѣстнымъ академикомъ Шрейберомъ и изображающей

„АѲОНЪ ПРИ ЗАКАТѢ СОЛНЦА“.

II и III. Двѣ большихъ копіи гравюры съ картинъ знаменитыхъ художниковъ. Гравюры эти будутъ разосланы къ Пасхѣ и Рождеству.

Цѣна „Русскаго Паломника“ прежняя: на годъ, съ пер. и дост., со всѣми преміями и приложеніями, шесть рублей. Допускается разсрочка.

Пробный № высылается за двѣ семикоп. марки.

Просимъ Гг. подписчиковъ, во избѣжаніе замедленія въ высылкѣ приложеній, подписываться заблаговременно.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Владимірскій пр., д. № 13.

№ 16. 2—3. Редакторъ-Издатель *А. И. Поповицкій.*

г. VI.—Большой ежемѣсячный научно-литературный журналъ—г. VI.

„КОЛОСЬЯ“

въ 1889 г. будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и въ предыдущіе пять лѣтъ Журналъ избѣгаетъ узкой тенденціозности и крайнихъ направленій; его цѣль дать читателю массу интереснаго литературнаго, научнаго, историко-публицистическаго и др. матеріала, подходящаго къ общей идеѣ воспитанія эстетическихъ вкусовъ и развитія принциповъ правды, добра и прогресса.

Въ каждой книжкѣ „Колосьевъ“ помѣщаются романы и повѣсти, стихотворенія, драмы и комедіи, популярныя научныя статьи, историческіе очерки или воспоминанія, путешествія, критика и внутреннее обозрѣніе. Нѣкоторые изъ романовъ, печатавшихся въ „Колосьяхъ“ за истекшіе годы, какъ напримѣръ „Алзаковы“ А. Д. Апраксина, въ отдѣльныхъ изданіяхъ имѣли весьма большой успѣхъ. Новый романъ г. Апраксина „Праздные люди“, заканчивающійся въ декабрьской книжкѣ, есть въ сущности первая часть цѣлой серіи задуманныхъ имъ романовъ, имѣющихъ представить полную картину постепеннаго нашего оскудѣнія. Серія эта будетъ продолжаться и въ будущемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ 1889 Г. ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ:

На годъ. . . . . 8 руб.

На полгода . . . . . 5 „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ журнала „Колосья“, Пушкинская, д. 11.

№ 17. 2—2. Редакторъ-Издатель *И. А. Баталинъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ.

3-й г. изд.

„ДОНСКАЯ РѢЧЬ“

газета донского края

ВЫХОДИТЪ *три раза* ВЪ НЕДѢЛЮ и *четыре*—ВЪ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХЪ СЛУЧАЯХЪ.

Программа: правительственныя распоряженія, статьи по вопросамъ мѣстной жизни, телеграммы, корреспонденціи, новости Донского края и сосѣднихъ губерній,

фельетонъ, очерки, разсказы, стихотворенія, смѣсь, юмористическій отдѣлъ, справоч. свѣдѣнія и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ пересылкою и доставкою. . . . . 5 р.
На ½ года (съ 1 января и по 1 іюля). . . . . 3 р.
На 1 мѣсяцъ (съ 1 числа). . . . . 1 р.

Съ подпиской адресоваться: въ г. Новочеркаскъ, въ Контору Редакціи „Донской Рѣчи“ (Платовскій просп., д. Юганова). № 18 2—3.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

„ЗЕМСКІЙ ВРАЧЪ“,

посвященная вопросамъ земской медицины, будетъ выходить въ г. Черниговѣ также и въ 1889 году.

ВЪ ПРОГРАММУ „ЗЕМСКАГО ВРАЧА“ ВХОДЯТЪ:

1. Статьи по общимъ вопросамъ земской медицины, по медицинской статистикѣ, медико-топографическіе очерки.

2. Казуистика. Оригинальныя и переводные статьи по вопросамъ предупрежденія и леченія эпидемическихъ болѣзней.

3. Въ видѣ приложеній—популярныя статьи по вопросамъ гигіены, профилактики и бактеріологіи.

4. Рефераты. Хроника. Смѣсь. Корреспонденціи. Объявленія.

Земскимъ Управамъ и Земскимъ Врачамъ разсылаются подробныя объявленія и программа изданія.

Подписная цѣна: на годъ—9 р., на полгода—4 р. 50 к. съ доставкой и пересылкой. Для фельдшеровъ—на годъ 6 р., на полгода—3 р.

Подписка принимается: г. Черниговъ, д-ру Евгенію Владиміровичу Святловскому.

№ 19 2—3. Редакторъ-Издатель Д-ръ *Е. Святловскій*

Съ 1-го января 1889 года будетъ издаваться

Журналъ СЧЕТОВОДЪ Ѳ. В. Езерскаго.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.

Отдѣлъ I. Научный. Счетоводство. Финансы. Контроль. Коммерческія науки.

Отдѣлъ II. Обзоръ смѣтъ, отчетовъ земскихъ и городскихъ учрежденій, товариществъ, компаній и обществъ на паяхъ, акціяхъ, взаимнаго кредита и т. п.

Отдѣлъ III. Судебный, (безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній). Судебно-счетоводная экспертиза.

Отдѣлъ IV. Библіографія. Новыя книги и рецензіи на изданія, соотвѣтствующія программѣ журнала.

Отдѣлъ V. Счетоводная жизнь. Сцены и разсказы изъ нея.

Отдѣлъ VI. Справочный. Рекламы. Объявленія.

Срокъ выхода въ свѣтъ по три книги въ мѣсяцъ, а въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ по двѣ, всего 33 книги въ годъ.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою: на годъ **6** р., полгода **3** руб. Книгопродавцамъ уступки 10%

Адресоваться въ редакцію журнала „Счетоводъ“ Ѳ. В. Езерскаго. С. Петербургъ, Невскій пр., № 66.

№ 20. 2—3. Редакторъ-издатель *Ѳ. В. Езерскій.*

НА 1889 *ОТКРЫТА ПОДПИСКА на ГАЗЕТУ* **ГОДЪ**

„ДОНЪ“

Двадцать первый годъ изданія.

Выходитъ три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ,—за исключеніемъ большихъ праздничныхъ дней.

Въ составъ газеты входятъ рубрики:

I. Воронежъ:—руководящія статьи по разнымъ общественнымъ вопросамъ.

II Мѣстная хроника, слухи и замѣтки:—сюда входятъ мѣстныя административныя распоряженія, перемѣны по службѣ, происшествія, корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ воронежской губерніи и проч.

III. Изъ текущей жизни:—извлеченія изъ разныхъ газетъ выдающихся явленій общественной жизни, мнѣнія и отзывы столичныхъ и провинціальныхъ органовъ по поводу тѣхъ или другихъ вопросовъ.

IV. Телеграммы:—Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства.

V. Политическія извѣстія.

VI. Фельетонъ: литературная хроника, театральная хроника, стихотворенія, разсказы, очерки и т. п.

VII. Смѣсь:—факты изъ сферы изслѣдованія наукъ, открытій, изобрѣтеній и проч.

Съ доставкою въ Воронежѣ: на годъ 6 руб., на полг. 3 р. 50 к., на 3 м. 2 р., на 1 мѣсяцъ 75 к.

Съ пересылкою въ другіе города: на годъ 7 р., на полг. 4 р., на 3 м. 2 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ 1 руб. № 38. 1—1.

1889 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1889 г.**

„ВОЛЫНЬ".

Газету политическую, литературную и общественной жизни.

Годъ одинадцатый. Съ будущаго 1889 года „*ВОЛЫНЬ*" будетъ выходить *ЕЖЕДНЕВНО*, за исключеніемъ праздниковъ и дней послѣ оныхъ, по прежней программѣ.

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) библіографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій и 13) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ конторѣ редакціи, б. Бердичевская ул. домъ Духовнаго училища.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 1 г.	На ½ г.	На 3 м.	На 1 м.
какъ для городскихъ, такъ и для иногородныхъ подписчиковъ, съ доставкою на домъ и пересылкою во всѣ города Россійской имперіи. . . .	5 р.	2 р. 60 к.	1 р. 50 к.	75 к.

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики за перемѣну адреса приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 к.

№ 22. 2—3. Издатель *И. И. Коровицкій.* Редакторъ *И. К. Коровицкій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 Г. НА

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,"

ГАЗЕТУ

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ.

(*Годъ двадцатый*).

„**Новороссійскій Телеграфъ**", по примѣру большихъ, столичныхъ газетъ, выходитъ ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ (350 №№ въ годъ).

Газета наша будетъ издаваться въ наступающемъ году въ томъ же направленіи и при томъ составѣ сотрудниковъ, какъ и въ предъидущіе годы.

Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ газеты состоитъ: И. Ф. Василевскій (Буква), А. С. Степановъ (передовыя статьи, бывшій сотрудникъ „Голоса“), М. В. Неручевъ, И. Н. Потапенко, извѣстный бессарабскій дѣятель М. К. Зозулинъ, П. А. Сергѣенко (Бѣдный Іорикъ), П. И. Компанъ, Наблюдатель (псевдонимъ). По беллетристическому отдѣлу, кромѣ И. Н. Потапенко, будутъ по прежнему помѣщать свои произведенія г-жа Назарьева, В. С. Лихачовъ и Зео.

Кромѣ того намъ обѣщали свое сотрудничество профессора А. И. Кирпичниковъ, И. Г. Табачниковъ и В. И. Шерцль, а также и извѣстный сотрудникъ „Новаго Времени“ А. И. Молчановъ.

Въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ, Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ у насъ имѣются постоянные корреспонденты.

Такого состава редакціи не имѣетъ ни одна провинціальная газета въ Россіи.

Въ будущемъ году редакція будетъ по прежнему помѣщать рисунки, касающіеся современныхъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей и пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, ежедневно доставляющихъ намъ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ (законодательнымъ, административнымъ, экономическимъ, финансовымъ и проч.). Сообщенія столичныхъ корреспондентовъ получаются нами и печатаются въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ“ одновременно съ телеграммами и во всякомъ случаѣ 2—3 днями раньше появленія ихъ въ другихъ одесскихъ газетахъ, гдѣ они помѣщаются уже въ видѣ перепечатокъ изъ столичныхъ изданій.

Кромѣ телеграммъ „Сѣв. Тел. Агентства“, мы даемъ постоянно, въ теченіи цѣлаго года (а не передъ годовой только подпиской), телеграммы отъ нашихъ столичныхъ корреспондентовъ, которые какъ по вопросамъ внутренней жизни, такъ и внѣшней политики государства, всегда присылаютъ свои сообщенія раньше „Сѣв. Тел. Агентства“ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ болѣе обстоятельной формѣ.

„Новороссійскій Телеграфъ“ имѣетъ въ своей программѣ „Юридическую хронику“ съ правомъ относиться критически къ рѣшеніямъ судовъ, а также пользуется правомъ помѣщать рефераты судебныхъ засѣданій военно-окружнаго суда. Эти права имѣютъ не всѣ мѣстныя газеты.

Подписка принимается въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Агаркова, противъ Херсонской улицы, и въ отдѣленія газеты при типографіи: Новая улица, домъ Озмидова.

Кромѣ того, подписка принимается: въ Кишиневѣ, въ библіотекахъ: А. Т. Грищенко (уголъ Губернской и Госпитальной. ул), А. П. Дромашко (близъ женской гимназіи, соб. домъ), въ книжномъ магазинѣ г. Шаха. Въ Бендерахъ: въ библіотекѣ г. Муслина. Въ Николаевѣ, въ книжномъ магазинѣ М. О. Шаха, и у г. Рыбакова Садовая № 29.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.		Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.
На 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣсяц.	7 р. 50 к.	9 р. — к.
„ 2 „	2 „ 50 „	2 „ 75 „	„ 8 „	8 „ 50 „	10 „ — „
„ 3 „	3 „ 50 „	4 „ — „	„ 9 „	9 „ 50 „	11 „ — „
„ 4 „	4 „ 50 „	5 „ 50 „	„ 10 „	10 „ 50 „	12 „ — „
„ 5 „	5 „ 50 „	6 „ 50 „	„ 11 „	11 „ — „	13 „ — „
„ 6 „	6 „ 50 „	7 „ 50 „	„ 12 „	12 „ — „	14 „ — „

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 60 коп., въ годъ 7 руб. 20 коп.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые (по 7 р. къ 1 января и къ 1-му іюня), или по четвертямъ года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1-му марту, 1-му іюня и 1-му сентября), т. е. всегда за мѣсяцъ впередъ до наступленія срока разсрочки).

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка въ кредитъ, по письменнымъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1889 года.

Для свѣдѣнія подавателей объявленій. Для увеличенія распространенности объявленій, печатаемыхъ въ „Нов. Телеграфѣ“, редакція пріобрѣла право ежедневно расклеивать 4-ю страницу съ объявленіями на слѣдующихъ главныхъ станціяхъ юго-западной желѣзной дороги: Одесса, Кіевъ, Кишиневъ, Елисаветградъ, Балта, Тирасполь, Бендеры, Волочискъ, Казатинъ, Бѣлостокъ, Граево, Жмеринка, Фастовъ, Бердичевъ, Винница, Бирзула, Унгены, Раздѣльная и др., всего на 36 станціяхъ юго-западныхъ линій, имѣющихъ протяженіе до 2500 верстъ и обнимающихъ районъ семи южныхъ и юго-западныхъ губ.

Списокъ получателей грузовъ, привозимыхъ въ Одессу по желѣзной дорогѣ, печатается исключительно въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ“. № 25. 2—3.

Открытъ подпискъ на

„ЕЛИСАВЕТГРАДСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

на 1889 годъ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

выходитъ ежедневно, за исключеніемъ послѣпраздничныхъ дней.

Газета выходитъ полными листами въ прежнемъ форматѣ, подписная же цѣна не увеличивается. Превративъ свою газету въ ежедневное изданіе и не увеличивъ подписной платы, редакція, помимо сего, приняла мѣры, чтобы отъ этого времени, по возможности, читателю давался болѣе интересный и болѣе разнообразный матерьялъ для чтенія. Редакціей будетъ также сдѣлано все отъ нея зависящее, чтобы подписчики городовъ Александріи, Бобринца, Вознесенска и проч. получали газету своевременно.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки и пересылки:		*Съ доставкой и пересылкой:*	
На годъ (12 мѣсяцевъ). . .	6 р. — к.	На годъ (12 мѣсяцевъ). . .	7 р. 20 к.
На 6-ть мѣсяцевъ.	3 р. 50 к.	На 6-ть мѣсяцевъ.	4 р. 20 к.
На 3 мѣсяца.	2 р. — к.	На 3 мѣсяца.	2 р. 40 к.
На 1 мѣсяцъ.	— р. 70 к.	На 1 мѣсяцъ.	— р. 85 к.

Контора газеты на углу Большой Перспективной и Петровской ул. д. Пржигодскаго, открыта ежедневно съ 9-ти до 2-хъ час. по полудни и съ 4-хъ до 7-ми час. вечера, а въ праздники съ 10-ти до 2-хъ час. по полудни.

Редакція газеты открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, съ 5-ти до 7-ми час. по полудни. № 24. 2—3.

Открыта подписка на 1889 годъ на дѣтскій иллюстрированный журналъ (для младшаго возраста)

„ИГРУШЕЧКА“

выходитъ 1-го ч. каждаго м. книжками въ 3 печатныхъ листа

10 годъ изданія 10

Основанный талантливой писательницей Т. П. Пассекъ, онъ, со дня своего возникновенія поставилъ себѣ задачей пробуждать въ дѣтяхъ любовь къ людямъ, правдѣ и стремленіе къ добру, справедливости и труду.

Въ журналѣ помѣщаются: статьи научнаго содержанія, изъ жизни и природы, приноровленныя къ дѣтскому пониманію, статьи по исторіи, повѣсти и разсказы оригинальные и переводные, путешествія, стихотворенія, сказки, загадки, шарады и описаніе ремеслъ. На статьи о ремеслахъ будутъ обращено особенное вниманіе. Статьи иллюстрируются, соотвѣтственно тексту, рисунками. Съ 1888 г. въ „Игрушечкѣ“ введенъ (начиная съ азбуки) отдѣлъ французскаго языка. Такого отдѣла нѣтъ ни въ одномъ изъ дѣтскихъ журналовъ. Между тѣмъ въ хорошо руководимомъ чтеніи на французскомъ языкѣ ощущался довольно большой пробѣлъ. Разсказы, изложенные на французскомъ языкѣ, имѣютъ подстрочный русскій переводъ. Въ 1889 г. этотъ отдѣлъ будетъ продолжаться.

Кромѣ рисунковъ въ текстѣ, въ 1889 г., чтобы способствовать развитію въ дѣтяхъ чувства изящнаго, въ журналѣ „Игрушечка“ время отъ времени будутъ помѣщаться подъ названіемъ „Картинная Галлерея Игрушечки“, снимки съ оригинальныхъ картинъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ: сценки, пейзажи, животные и другіе сюжеты, способные заинтересовать дѣтей.

Съ Января 1889 г. въ журналѣ „Игрушечка“ будетъ открытъ новый отдѣлъ „для малютокъ“. Статьи этого отдѣла будутъ печататься крупнымъ шрифтомъ, со многими картинками. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ изрѣдка помѣщаться пѣсенки съ нотами и разныя смѣшныя сценки въ рисункахъ.

Съ январской книжкой подписчики получаютъ даровую занимательную премію.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1888 ГОДЪ:

Журналъ „Игрушечка“ за 12 книгъ съ даровой преміей и съ доставкой и пересылкой на годъ	3 руб.
За границу на годъ	5 „
Съ отдѣломъ „для малютокъ“ на годъ	5 „
За границу на годъ	7 „

Отдѣльной подписки на отдѣлъ „для малютокъ“ не будетъ.

Адресъ Редакціи С.-Петербургъ, Сергіевская ул., д. № 14.

№ 25 2—3. Редакторъ-издательница *А. Тюфяева-Толмачева.*

Открыта подписка на 1889 г.

НА ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“,

который будетъ выходить въ 1889 году подъ той-же редакцей по той-же программѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовая цѣна безъ пересылки и доставки . . . . . 12 „ — „
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи . . . . . 13 „ 50 „
Съ доставкой въ Петербургѣ . . . . . 12 „ 50 „
За границу . . . . . 15 „ — „

Разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ—5 р. 50 к., къ 1-му апрѣля—4 р., къ 1-му іюля и 1-му октября по 2 рубля.

Учащимся, духовенству, сельскимъ учителямъ и учительницамъ журналъ по прежнему высылается на льготныхъ условіяхъ, т. е. со скидкою 2 р. съ годовой цѣны и съ разсрочкою: при подпискѣ—4 р. 50 к., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля и къ 1-му октября по 2 рубля.

Цѣна 12 книгъ 1887 года . . . . . 10 р. — к.
„ „ „ 1886 „ . . . . . 10 „ — „
„ „ „ 1885 „ . . . . . 5 „ — „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ, Басковъ пер., 15. — Книгопродавцамъ уступка 50 коп. съ годовой цѣны экземпляра.

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ главную контору журнала. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Главная Контора открыта ежедневно отъ 11-ти до 4-хъ час. исключая праздниковъ. Личныя объясненія по вторникамъ и четвергамъ отъ 2—4 часовъ.

Издательница *А. В. Сабашникова.*

№ 26. 2—2. Редакторъ *А. М. Евреинова.*

БИБЛІОГРАФЪ

1889 ВѢСТНИКЪ **Годъ V.**

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА.

Журналъ библіографическій, критическій и историческій.

Выходитъ ежемѣсячно.

Ученымъ Комитет. М-ства Народн. Просв. РЕКОМЕНДОВАНЪ для основныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ ОДОБРЕНЪ для пріобрѣтенія въ фундаменталь-

ныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ.—По распоряженію Военно-Ученаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; издательское и книжно-торговое дѣло въ его прошедшемъ и настоящемъ; хроника.

Отд. 2-й (справочный). Полная библіографическая лѣтопись: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) Rossica; 4) правительственныя распоряженія; 5) объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

И. Ѳ. Анненскій, А. И. Барбашевъ,, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Е. А. Бѣловъ, П. В. Владиміровъ. Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, проф. Е. Е. Замысловскій, проф. В. С. Иконниковъ, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко. И. А. Козеко, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, Л. Н. Майковъ, В. И. Межовъ, проф. О. Ѳ. Миллеръ, А. Е. Молчановъ, С. Ѳ. Платоновъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, С. М. Середонинъ, С. Л. Степановъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи 5 р., за-границу 6 р. отдѣльно нумеръ 50 к., съ перес. 60 к.

Плата за объявленія: страница—8 р.; ¾ стран.—6 р. 50 к.; ½ стран.—4 р. 50 к.; ¼ стран.—2 р. 50 к.; ⅛ стран.—1 р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Подписка и объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени"—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.—Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Обуховскій просп., д. 7, кв. 13.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полные комплекты „Библіографа" за 1885, 1886 и 1887 гг. продаются по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Также имѣются въ продажѣ изданныя редакціею брошюры: 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1 и 2. Ц. по 60 коп. 2) Библіографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Ц. 40 к. 3) Александръ Николаевичъ Сѣровъ. I. Библіографич. указатель произведеній А. Н. Сѣрова. II. Библіографич. указатель литературы о А. Н. Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 руб. за вып.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

№ 27. 2—2. Редакторъ *Н. М Лисовскій.*

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1889 ГОДУ

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки 8 р.	съ пересылкой въ другіе города . . 9 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ 8 р. 50 к.	за-границей . . . . . 12 р.

отдѣльно книга журнала 2 р.

Подписчики, желающіе получить, сверхъ того, *рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената*, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 р. 50 к.

Рѣшенія касс. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны, сумма. Въ случаѣ невысылки въ условленный срокъ подписной платы, дальнѣйшая доставка журнала пріостанавливается. *Гг. дѣйствительные члены спб. юридическаго общества* пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и кандидатамъ на судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1886 и 1887 г.г. по 9 р. за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкою.

№ 28. 2—2. Редакторъ *В. Володимировъ.*

Русскій Архивъ

1888 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ)

Годовая цѣна за двѣнадцать книжекъ „Русскаго Архива“ въ 1888 году съ доставкою—девять руб.

Для Германіи—одиннадцать рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской. на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ Петербургѣ, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р.. съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи, а нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ книжнымъ рѣдкостямъ.

„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1889 году на прежнихъ основаніяхъ.

Цѣна 9 рублей съ пересылкой.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ *Петръ Бартеневъ.*

№ 29. 2—2

1839 г. **L.** **1889 г.**

МУЗЫКАЛЬНАГО ЖУРНАЛА

„НУВЕЛЛИСТЪ.“

Въ наступающемъ 1889 году „НУВЕЛЛИСТЪ“ кончаетъ первое, полувѣковое свое существованіе. Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы выразить нашу глубокую благодарность: музыкальнымъ дѣятелямъ, какъ отечественнымъ, такъ и иностраннымъ, помогавшимъ намъ вести наше изданіе, и публикѣ, сочувствіе и под-

держка которой давала намъ возможность служить высокой задачѣ, полвѣка назадъ ставшей девизомъ „НУВЕЛЛИСТА“.

Оглядываясь на тяжелое прошлое, пережитое нашимъ журналомъ, мы не безъ гордости высказать можемъ, что силы и энергія, потраченныя редакціею на неустанное, полувѣковое веденіе своей нелегкой работы, нашли себѣ достойную оцѣнку въ средѣ русскаго общества и въ средѣ русской семьи по преимуществу. Предоставленные самимъ себѣ и никогда не пользуясь, ни прямо, ни косвенно, посторонними субсидіями, мы черпали — и духовныя и матерьяльныя средства для веденія журнала только въ общественномъ сочувствіи нашему дѣлу. Это дорогое намъ сочувствіе нынѣ и возлагаетъ на насъ обязательство, продолжать наше изданіе и, по мѣрѣ возможности, его совершенствовать.

Желая достойнымъ образомъ ознаменовать окончаніе перваго полувѣка существованія „НУВЕЛЛИСТА“, редакція рѣшила дать въ этомъ юбилейномъ году цѣлый рядъ пьесъ выдающихся композиторовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, написанныхъ исключительно для юбилейнаго года „Нувеллиста.“

Въ юбилейномъ году будутъ помѣщены сочиненія, между прочимъ, слѣдующихъ музыкальныхъ авторовъ: Рубинштейна, Чайковскаго, А. Н. Сѣрова („Ноктюрнъ“, принесенный въ даръ редакціи „Нувеллиста“ для юбилейнаго года, сестрою композитора), Направника, Иванова, Соловьева, Дюбюкова, Главача, Бориса Шель, Зике, Макарова, Капри, Тивольскаго, Малашкина, Лишина (посмертное сочиненіе), Гуно, Сенъ-Санса, Массенэ, Годара, Рейнеке, Шарвенка, Мошковскаго, Штраусса и мног. друг.

„МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“ будетъ выходить въ продолженіи музыкальнаго сезона—въ Январѣ, Февралѣ, Мартѣ, Апрѣлѣ, Сентябрѣ, Октябрѣ, Ноябрѣ и Декабрѣ.

ПРЕМІЯ юбилейнаго года.

Эта премія будетъ состоять изъ большаго художественнаго альбома, въ которомъ будутъ помѣщены автографы знаменитыхъ музыкантовъ, наброски извѣстныхъ художниковъ и портреты выдающихся музыкальн. дѣятелей.

Въ портфелѣ редакціи находятся между прочими письма, манускрипты, записки и пр. нижеслѣдующихъ музыкальныхъ дѣятелей: Русскихъ: Алябьева, Балакирева, Бахметева, Булахова, Варламова, Глинки, Гурилева, Ганзельта, Даргомыжскаго, Дюбюка, Давыдова, Дрейшока, Монюшко, Мусоргскаго, Контскаго, Направника, Рубинштейна, Сѣрова, Чайковскаго, Улышева и друг. Иностранныхъ: Беріо, Блументаля, Велле Вьетана, Горія, Гуммеля, Делера, Гордиджіани, С. Геллера, К. Майера, Мендельсона-Бертольди, Кулака, Листа, Кл. Шумана, Роберта Шумана, Серве, Пансерона, Фетиса, Фильда, Эрнста и др.

Несмотря на большія затраты на изданіе альбома, въ Юбилейный годъ редакція не увеличиваетъ цѣну.

Подписная цѣна 5 руб., съ доставкою и пересылкою 6 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ С.-Петтрбургѣ, въ главной конторѣ „Нувеллиста“ при музык. торговлѣ М. Бернарда, Невскій пр. № 64, уголъ Каравайной ул., противъ Аничкина дворца. Въ Москвѣ, въ муз. магазинѣ П. И. Юргенсонъ.

№ 34. 1—1.

Принимается подписка на 1889 годъ

на еженедѣльный журналъ

РУССКОЕ СУДОХОДСТВО

ТОРГОВОЕ и ПРОМЫСЛОВОЕ

НА РѢКАХЪ, ОЗЕРАХЪ и МОРЯХЪ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Къ задачѣ журнала „Русское Судоходство“ развитіе внутренняго судоходства и торговаго флота,—долженъ относиться со вниманіемъ и сочувствіемъ не только каждый русскій производитель, но и каждый просвѣщенный русскій человѣкъ. Производитель — сельскій хозяинъ, заводчикъ и промышленникъ — потому, что облегченіе и удешевленіе провоза предметовъ его производства вѣрнѣе и лучше всего достигается упорядоченіемъ и развитіемъ внутреннихъ водныхъ путей обширнаго нашего отечества, благоустройствомъ портовъ и обладаніемъ собственнымъ торговымъ флотомъ для вывоза русскихъ грузовъ на міровые рынки. Каждый русскій человѣкъ долженъ сознавать, что не только хозяйственная независимость и возможное благосостояніе, но и могущество Россіи обусловливается развитіемъ ея морскихъ силъ. Сухопутныя побѣды Россіи—почти безплодны. Взамѣнъ санстефанскаго договора, Европа всегда съумѣетъ навязать намъ берлинскій, пока мы не заключимъ наиболѣе толковаго прочнаго и единственно пригоднаго Россіи союза—съ морями.

Такова задача и таковы взгляды редакціи. Съ ними терпѣливо, съ неизмѣнною вѣрою съ свое дѣло и въ русскихъ людей, начинаетъ она четвертый годъ изданія журнала „Русское Судоходство“.

Неудовлетворяясь настоящимъ состояніемъ всего морскаго дѣла Россіи, редакція помѣщала въ журналѣ сказанія изъ лѣтописей будущаго (крейсеръ Русская Надежда и Роковая война, печатавшіеся въ журналѣ за 1886—1888 гг.). Продолжая свое дѣло, редакція дастъ мѣсто въ журналѣ новымъ сказаніямъ,—почерпнутымъ также изъ лѣтописей будущаго и обнимающимъ уже болѣе широкія области русской жизни.

СОДЕРЖАНІЕ ЖУРНАЛА:

1) Узаконенія и правительственныя распоряженія, касающіяся судоходства.

2) Очередныя статьи о нуждахъ отечественнаго судоходства.

3) Обозрѣніе дѣятельности Императорскаго Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству и его отдѣленій.

4) Мореходные классы.

5) Внутреннія водныя сообщенія.

6) Рѣчное и морское судостроеніе.

7) Рѣчные, озерные и морскіе промыслы.

8) Торговое мореходство.

9) Обозрѣніе иностраннаго судоходства и судостроенія.

10) Портовыя сооруженія и пристани.

11) Текущія извѣстія о русскомъ судоходствѣ.

12) Разсказы и воспоминанія о морскихъ путешествіяхъ и промысловомъ бытѣ; статьи историческія и повѣсти по содержанію своему соотвѣтствующія задачамъ журнала.

13) Отзывы объ изданіяхъ, касающихся судоходства.

14) Разныя извѣстія и объявленія.

Кромѣ того, по соглашенію съ Правленіемъ С.-Петербурскаго Отдѣленія Императорскаго Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, въ журналѣ „Русское Судоходство“ помѣщаются труды этого Отдѣленія.

Журналъ выходитъ книжками, четыре раза въ мѣсяцъ.

Цѣна восемь руб. въ годъ, съ пересылкою. Желающіе имѣть журналъ „Русское Судоходство“ съ начала изданія, за 1886, 1887 и 1888 гг., высылаютъ восемнадцать руб. или по шести руб. за каждый годъ Безъ пересылки-пять руб. за каждый годъ.

Городская подписка принимается въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Г.г. иногородные подписчики благоволятъ обращаться прямо въ редакцію: С.-Петербургъ, Фонтанка, 53 (у Малаго театра).

Въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ, подписка принимается также въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

№ 33. 1—1. Редакторъ-Издатель *М. Меньъ*.

1889 г. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1889 г.

на

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ „РОССІЯ“

Еженедѣльный журналъ „РОССІЯ“ будетъ выходить со многими улучшеніями какъ въ отдѣлѣ художественномъ, такъ и въ литературномъ:

1) объемъ номера увеличенъ вдвое: вмѣсто одного—2 листа большаго формата;

2) въ текстѣ будутъ помѣщаться иллюстраціи; портреты выдающихся дѣятелей, копіи картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, оригинальные рисунки и фотографическіе виды и этюды;

3) ежемѣсячное приложеніе: художественно выполненныя хромолитографированныя копіи картинъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ и продолженіе альбома „Народы Россіи“.

4) Годовымъ подписчикамъ въ январѣ мѣсяцѣ будетъ выдана олеографическая картина: „Утро чиновника, получившаго первый крестъ“ П. А. Федотова, въ натуральную величину знаменитаго оригинала, хранящагося въ картинной галлереѣ Московскаго Румянцевскаго музея.

Работы для журнала, какъ-то: олеографіи, хромолитографіи, фототипіи и типографія—исполняются въ соб. мастерскихъ І. И. Пашкова.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться романы, повѣсти, стихотворенія, статьи по литературѣ, искусству и исторіи; путевые очерки; критика литературная и художественная; политическое обозрѣніе, распоряженіе правительства, новости и слухи и проч.

Подписная цѣна: съ пересылкой на годъ 7 р., на полгода 4 р.

Допускается разсрочка: 3 р. при подпискѣ, 2 руб. 1-го апрѣля и 2 р. 1-го іюля. Подписавшіеся въ разсрочку получаютъ премію послѣ іюльской уплаты (Москва, Солянка, редакція журнала „Россія“.

№ 39. 1—1. Редакторъ-Издатель І. И. Пашковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ

НА ИЗДАЮЩІЙСЯ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОСХОДЪ“

И ГАЗЕТУ

„НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА.“

Въ 1889 г. журналъ „ВОСХОДЪ“ и газета „НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА“ вступаютъ въ ДЕВЯТЫЙ годъ своего существованія.

Въ журналѣ помѣщаются: романы, повѣсти, драмы, разсказы, очерки, стихотворенія, оригинальныя и переводныя; статьи историческія, статьи по общественнымъ и экономическимъ вопросамъ; статьи по исторіи литературы и культуры; біографіи, критика и библіографія.

Газета посвящена текущимъ внутреннимъ и внѣшнимъ событіямъ, и въ ней помѣщаются:

I.—Передовыя статьи: обзоръ выдающихся событій за недѣлю. II.—Небольшія статьи по разнымъ текущимъ вопросамъ. III.—Отголоски печати. IV.—Оффиціальныя извѣстія. V.—Петербургская лѣтопись. VI.—Внутренняя хроника, корреспонденціи, сообщенія и газетныя извѣстія изъ разныхъ пунктовъ Россіи. VII.—Заграничная хроника: корреспонденціи и извѣстія изъ разныхъ заграничныхъ центровъ. VIII.—Замѣтки литературныя, библіографическія, художественныя и т. д. XI.—Фельетонъ: юмористическіе очерки и замѣтки. X.—Объявленія.

Въ „ВОСХОДѢ“ и „НЕДѢЛЬНОЙ ХРОНИКѢ“ принимали участіе: Абрамовичъ М. С., Бершадскій С. А. (Профессоръ), Берхинъ І., Блюменфельдъ Г. Ф., Бенъ-Ами (псевдонимъ), Богровъ Г. И., Вейнбергъ П. И.. Ватсонъ Э. К., Вербовъ А., Волынскій А. Л., Гаркави А. Я., Градовскій Г. К. Гордонъ Л. О., Горвицъ М. И. (Профессоръ), Грузенбергъ С. О., Дубновъ С. М., Каминка А. И., Коршъ В. Ѳ., Кайзерлингъ Д-ръ, Кангоръ Л. О, Кулишеръ М. И., Лазаревъ М. Н. Леванда Л. О-, Левенсонъ П. Я., Лякубъ Н. М., Лиліенблюмъ М. Л., Минскій Н. М., Манасевичъ Ю. В., Моргулисъ М. Г., Мышъ М. И., Мандельштаммъ І. Е., Мережковскій Д., Позняковъ Н. И., Никитинъ В. Н. Оршанскій М. О., Онуфровичъ А. И, Несковскій М. Л., Петръ Шлемиль (Д. Л. Слонимскій), г-жа Р.-Хинъ (псевдонимъ), Ромбро Я. С., Рубакинъ Н. А., Рускинъ Л. (Н. Н. Фирсовъ), Сементковскій Р. И., Станиславскій С. М., Фругъ С. Г., Фофановъ К. М., Цедербаумъ А. А., Шафиръ М. П., Штейнбергъ О. Н, Ярошевскій С. О. и другіе.

Въ настоящее время въ портфелѣ редакціи имѣются, между прочимъ, слѣдующія произведенія:

САУЛЪ ВАЛЬ, КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ. Очерки изъ польско-еврейской исторіи. Проф. С. А. Бершадскаго.—О ПРОИСХОЖДЕНІИ И СОВРЕМЕННОМЪ ЗНАЧЕНІИ ЧЕРТЫ ОСѢДЛОСТИ. Мысли русскаго человѣка. Русскаго.—СТРАННИЦА ИЗЪ ИСТОРІИ СЕКТАТОРСКИХЪ ДВИЖЕНІЙ XIX ВѢКА. А. В. Мякотина.—ЦАРЬ СІОНСКІЙ. Драма А. Косига.—КАВКАЗСКІЕ ЕВРЕИ. По поводу новѣйшихъ объ нихъ изслѣдованій. А. К—к—и.—НОВОБРАНЕЦЪ. Очеркъ Елены Бердлевой.— ИСТОРІЯ ЕВРЕЙСКИХЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХН КОЛОНІЙ ВЪ ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ. В. Н. Никитина.—ГАМЗУ ЛЕТОВО. Очерки захолустной жизни. С. Живова.—ВЪ КАКОЙ МѢРѢ ЕВРЕИ ИСПОЛНЯЮТЪ ВОИНСКУЮ ПОВИННОСТЬ. По статистическимъ даннымъ. А. К—м—и.—ЗАБЛУДШІЙ. Романъ въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Альмонда.—ОЧЕРКИ ПО РУССКОМУ ПРАВУ. М. И. Мыша. ЕВРЕЙСКІЯ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЯ. Изслѣдованіе. Д-ра Погорѣльскаго.—АМЕРИКАНСКІЕ ЕВРЕИ. Историко-біографическіе очерки. І. Петриковскаго.—ДАЛЬНѢЙШЕЕ РАЗВИТІЕ ХАСИДИЗМА. С. М. Дубнова.—ЗНАЧЕНІЕ ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКАГО ЯЗЫКА ДЛЯ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ. Іешуруна—и разные другія публицистическія и беллетристическія статьи, а также стихотворенія гг. Абрамовича, Мережковскаго, Фофанова, Фруга и др.

Кромѣ того въ теченіе 1889 года въ журналѣ будутъ между прочимъ помѣщены слѣдующія статьи:

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЮ И ЕВРЕИ. По поводу первой годовщины французской революціи. С. Мстиславскаго.—ЭССЕИ. Историко-соціологическій этюдъ А. К. Шеллера (Михайлова).—ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССІИ. М. И. Кулишера.—КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ. А. Я. Гаркави.—ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ ИЗЪ ТАЛМУДИЧЕСКОЙ ЭПОХИ. М. Г. Моргулиса.—ИСТОРІЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Карпелеса въ переводѣ Петра Вейнберга въ приложеніи. Въ 1889 году „Исторія литературы“ Карпелеса будетъ доведена до конца и составитъ два тома въ слишкомъ 85 печатныхъ листовъ убористой печати.

Цѣна на годъ журнала „ВОСХОДЪ“ и газеты „НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА“ 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ подписы-

вающихся съ 1-го Января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1 марта 3 р., и къ 1 іюля 3 р. Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Площадь Большаго Театра, 2—32, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

НОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ получаютъ безплатно первыя главы романа: „Заблудшій“, Альмонда. Тѣ же изъ нихъ, которые пожелаютъ получить вышедшіе уже листы (45) „Исторіи еврейской литературы“ Карпелеса, прилагаютъ, сверхъ подписной платы, еще 4 руб.

№ 41. 1—2. Редакторъ-издатель А. Ландау.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХЪ

(отъ начала русской образованности до нашихъ дней).

С. А. Венгерова.

Словарь состоитъ изъ краткихъ замѣтокъ о писателяхъ, отмѣчаемыхъ лишь ради полноты, или (если они наши современники) недостаточно еще опредѣлившихся, и изъ болѣе или менѣе пространныхъ этюдовъ и монографій о писателяхъ, имѣющихъ литературное значеніе.

Кромѣ С. А. Венгерова, которому принадлежатъ статьи критическаго и историко-литературнаго характера, въ Словарѣ принимаютъ участіе спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія.

По примѣру иностранныхъ объемистыхъ изданій и въ видахъ удобства пріобрѣтенія „Критико-біографическій словарь“ выходитъ періодическими выпусками въ 3 печатныхъ листа (48 страницъ). Вышло до 15 ноября 14 выпусковъ.

Цѣна каждаго выпуска 35 коп. съ пересылкою 45 коп. При подпискѣ же на 10 выпусковъ цѣна понижается до 2 р. 50 к. безъ пересылки и 3 р. съ пересылкою или доставкою.

Для подписывающихся на 10 или болѣе выпусковъ допускается разсрочка платежа, но не менѣе какъ по 1 р. въ мѣсяцъ, причемъ служащимъ, представляющимъ ручательство казначеевъ, высылаются разомъ всѣ вышедшіе выпуски, не представляющимъ же таковаго ручательства—по мѣрѣ взносовъ.

Иногородные обращаются исключительно по адресу: *С.-Петербургъ, Литовка. 47. Семену Афанасьевичу Венгерову.*

Цѣна 35 коп.

№ 40. 1—1.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки въ годъ . . . 7 руб. полгода 4 руб. . . три мѣсяца 2 руб.
Съ доставкой и пересылкой . 8 „ „ 4 „ . . „ „ 2 „
За границу . . . . . 12 „ „ 5 „ . . „ „ 3 „

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ М. О. Вольфа, А. С. Суворина (Новаго Времени), Н. И. Мамонтова, А. А. Карцева, А. Л. Васильева, И. П. Карбасникова и въ Конторѣ Редакціи, Мясницкая, д. Эйбушитцъ. Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ „Русскаго Дѣла“ при книжномъ магазинѣ Н. Г. Мартынова (Невскій, 46) и у другихъ книгопродавцевъ. Въ Казани у Дубровина. Въ Кіевѣ у Оглоблина. Въ Одессѣ и Харьковѣ въ книжныхъ магазина „Новаго Времени“ (А. С. Суворина).

Иногородніе адресуются искаючительно въ Москву, въ Контору Редакціи, Мясницкая, домъ Эйбушитцъ.

Священнослужители, учащіе и учащіеся пользуются при подпискѣ уступкою въ 2 рубля, высылая за годъ вмѣсто 8 руб., 6 руб., а за полгода 2 руб съ доставкой и пересылкой.

№ 43. 1—3. Редакторъ-издатель Сергѣй Шараповъ.

Вышла въ свѣтъ II-ая книга

ЧТЕНІЙ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

Нестора Лѣтописца

(gr. in-8°, XII+275+128 стр.), содержащая свѣдѣнія о составѣ и дѣятельности Ист. Общества за 1878—87 гг. и сборникъ матеріаловъ и статей, изданный въ память исполнившагося 900-лѣтія крещенія Руси. **Ц. 2 р. 25 коп.**, за пересылку прилагается **25** к. Выписывающіе эту книгу, „Чтеній“ одновременно съ первою уплачиваютъ за нихъ 4 р. съ пересылкою. Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца при университетѣ св. Владиміра или въ редакцію „Кіевской Старины“.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

первая часть сочиненія **П. И. ЖИТЕЦКАГО**:

ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ

въ XVII и XVIII в.,

съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка.

Цѣна 2 руб. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться въ редакцію „Кіевской Старины“.

ПОДПИСКА НА 1889-й ГОДЪ
НА
„ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ".

5-й годъ изданія.

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ ЕЖЕМѢСЯЧНО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ А. И. СУББОТИНА.

Въ вышедшихъ до сихъ поръ книжкахъ печатались статьи: профессоровъ А. И. Чупрова, Г. Ѳ. Симоненко, В. А. Лебедева, А. А. Исаева, И. В. Лучицкаго, Д. М. Львова, И. Т. Тарасова, А. И. Скворцова, А. Ф. Фортунатова, В. Г. Яроцкаго. W. Stieda и др., а также: В. Ю. Скалона, д-ра А. В. Елисѣева, Н. Л. Карасевича, М. П. Щепкина, В. Т. Судейкина, В. Н. Григорьева, Н. А. Каблукова, М. В. Неручева, Ф. А. Щербины, Я. В. Абрамова, Л. П. Весина, А. А. Радцига, Я. И. Лудмера, А. М. Тютрюмова, П. А. Шторха, И. М. Красноперова, І. В. Вентковскаго, и многихъ другихъ спеціалистовъ по экономич. финанс. и земск. вопросамъ.

Задачи изданія: 1) Давать разъясненія по поводу всѣхъ новыхъ мѣропріятій въ экономической жизни нашего отечества. 2) Отзываться на всѣ назрѣвшіе, наиболѣе интересующіе общество и правительство, экономическіе вопросы. 3) Обсуждать мѣры, въ ихъ совокупности, къ развитію производительныхъ силъ Россіи, къ упроченію денежной и кредитной системы, къ установленію твердой экономической и финансовой политики, къ упорядоченію желѣзнодорожнаго дѣла и пр. 4) Способствовать всестороннему экономическому изученію Россіи. 5) Служить спеціальнымъ органомъ для обсужденія вопросовъ земскаго и городскаго хозяйства. 6) Способствовать ознакомленію съ текущей экономической и финансовой литературою. 7) Дать возможность людямъ практическимъ сообщать свои выводы и разъясненіе въ спеціальномъ органѣ.

Программа: I. Статьи по экономическимъ и финансовымъ вопросамъ. II. Экономическія обозрѣнія. III. Экономическая жизнь Россіи. IV. Желѣзнодорожный отдѣлъ. V. Экономическая жизнь другихъ государствъ. VI. Товарные и фондовые рынки. VII. Хроника. VIII. Смѣсь. IX. Библіографія.

До 1 декабря 1888 г., въ журналѣ помѣщено до 300 статей, 1200 замѣтокъ и обзоровъ, 120 рецензій, 30 библіографическихъ указателей. Подписчикамъ, разослано 8 приложеній.

Четырехлѣтнее существованіе „Экономическаго Журнала", сочувствіе прессы, людей науки, земскихъ, банковыхъ и др. учрежденій—все это обязываетъ редакцію продолжать и развивать дѣло.

Въ 1889 году въ „Журналѣ" будутъ помѣщаться **популярныя экономическія и финансовыя бесѣды**. Въ видѣ приложенія будетъ разослано одно изъ новѣйшихъ иностранныхъ **сочиненій** въ русскомъ переводѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: На годъ, съ перес. и прилож., **десять** рублей, на полгода—**шесть** рублей. Допускается разсрочка. Оставшіеся экземпляры за 1885, 1886, 1887 и 1888 гг. можно получать, съ пересылкою, по 5 р. за каждый годъ.

Подписка принимается въ самой редакціи (Спб., Николаевская ул. д. 14, кв. 12) и въ книжныхъ магазинахъ.

Иногородные адресуютъ деньги: въ С.-Петербургъ, въ редакцію „Экономическаго Журнала". № 42 1—3.

Открыта подписка на 1889 годъ

на еженедѣльную, выходящую безъ предварительной цензуры газету

РУССКОЕ ДѢЛО.

4-й годъ изданія.

Вступая въ четвертый годъ своего существованія, „Русское Дѣло“ можетъ гордиться тѣмъ, что среди многообразныхъ трудностей и соблазновъ оно сохранило въ неприкосновенности и чистотѣ какъ воспринятое имъ знамя, такъ и свой характеръ вполнѣ независимаго изданія, посвященнаго разъясненію идеи о православномъ и славянскомъ міровомъ призваніи Россіи, и служенію одной лишь правдѣ, безъ всякихъ уклоненій, или сдѣлокъ съ кѣмъ, или съ чѣмъ-бы то ни было. Провѣривъ и испытавъ себя въ теченіе трехъ лѣтъ самостоятельной публицистической дѣятельности, редакторъ „Русскаго Дѣла“ надѣется, что и впредь возможно будетъ ему работать въ томъ-же направленіи. Никогда еще не было такъ нужно трезвое и неподкупное слово правды, какъ сейчасъ, когда русское общество, утомленное обуявшею его со всѣхъ сторонъ ложью, жадно ищетъ среди нея и крупицу правды, когда господствующія направленія русской мысли потеряли свое обаяніе, а печатное слово едва сохраняетъ послѣдніе остатки прежняго къ себѣ уваженія и довѣрія ..

„Русское Дѣло“ будетъ выходить, какъ и въ текущемъ году, нумерами въ 16 страницъ большаго формата, убористаго шрифта, давая столько-же оригинальнаго матеріала, сколько толстые ежемѣсячные журналы. Участвовать въ изданіи будутъ, надѣемся, тѣ-же лица, что и доселѣ, т. е. Н. Аксаковъ, Ан. Александровъ, В. Аленниковъ, П. Аристовъ, В. Аристовъ, П. Астафьевъ, В. Бѣлинскій, Ав. Васильевъ, Эрнестъ Ге, П. Зеленый, А. Кирѣевъ, Ал. Кояловичъ, Л. Лопатинъ, Н. Лопатинъ, Д. Ляховъ, Евг. Марковъ, Ив. Мещерскій, Ор. Миллеръ, Ал. Морокинъ, П. Овсянниковъ, гр. Ал. Соллогубъ, Ив. Тарасовъ, гр. Л. Толстой, К. Толстой, Н. Умановъ, Т. Филипповъ, Н. Шавровъ, В. Эртель и др. и кромѣ того гг. подписывающіеся псевдонимами, сдѣлавшимися весьма извѣстными, какъ Рцы, С. С. Б., Студентъ-юристъ, М. А. (театральная хроника). Непризванный педагогъ. Житель Подунавья и т. д.

„Русское Дѣло“ имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ въ Парижѣ, (Эрнестъ Ге), въ Лондонѣ (К.), въ Берлинѣ (В. Ѳ.) и въ славянскихъ земляхъ.

Каждый нумеръ газеты распадается на слѣдующіе отдѣлы:

I. Общіе вопросы. II. Иностранный отдѣлъ. III. Экономическій отдѣлъ. IV. Военныя замѣтки. V. Литература и искусство. VI. Критика и библіографія. VII. Шутки ради. VIII. Смѣсь.

Въ первыхъ четырехъ отдѣлахъ помѣщаются: передовыя статьи, по каждому отдѣлу, особо, статьи разныхъ лицъ, корреспонденціи замѣтки и извѣстія. Въ литературномъ отдѣлѣ печатаются стихотворенія, беллетристическія и драматическія произведенія. Въ отдѣлѣ „Шутки ради“ отводится мѣсто серіезной общественной и политической сатирѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ВАСИЛІЯ ТЯПИНСКАГО

КЪ ПЕЧАТНОМУ ЕВАНГЕЛІЮ,

ИЗДАННОМУ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ,

около 1570 года.

Покойный Поповъ (А. Н., авторъ „Обзора хронографовъ“) имѣлъ въ виду сдѣлать подробное описаніе замѣчательнаго печатнаго Евангелія на двухъ языкахъ — на церковно-славянскомъ и на литературномъ языкѣ юго-западной Россіи,—XVI вѣка, но успѣлъ описать только рукопись, соединенную съ этимъ Евангеліемъ (Императ. Публ. Библ.) и то не вполнѣ (Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. Россійск. 1879 г., I). Поповъ опустилъ послѣднюю часть рукописи, заключающую предисловіе Василія Тяпинскаго къ неполному печатному Евангелію, безъ обозначенія мѣста выхода и времени изданія. Имѣя въ виду въ другомъ мѣстѣ подробнѣе остановиться на языкѣ этого „русскаго“ Евангелія XVI в., я считаю здѣсь умѣстнымъ сослаться на мое изслѣдованіе — „Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ“, Спб. 1888 г., стр. 203, 235 и далѣе, въ которомъ приведены выдержки изъ этого Евангелія и указано его значеніе.

Позволю себѣ еще отмѣтить нѣсколько особенностей въ русской части языка Евангелія Тяпинскаго. Замѣчательно отсутствіе извѣстной смѣны предлоговъ *въ* и *у*, характеризующихъ памятники юго-западной Россіи. Послѣ *ц* почти всегда слѣдуетъ *ы*. Послѣ *р*, наоборотъ, чаще *и* (на мѣстѣ *ы*). Послѣ *ч*, *ш*, *щ*, *ж* обычно *о* (на мѣстѣ *е*). Полногласіе выдержано. Много примѣровъ перехода без-

ударнаго *а* въ *е*; но примѣровъ аканья незамѣтно. Тѣмъ не менѣе, какъ и раньше, я отношу языкъ русской части въ Евангеліи Тяпинскаго къ бѣлорусскому нарѣчію, насколько оно проявлялось въ памятникахъ XVI вѣка. Помѣщаю для образца отрывокъ изъ текста Евангелія Тяпинскаго сравнительно съ соотвѣтствующимъ текстомъ изъ „Казанья св. Кирилла патр. Іерусалимскаго“, Вильна 1596 г.

П. Владиміровъ.

ПРЕДМОВА

Василеи Тıапинскіи зацнои монархии словенскои, а злаща богобоиным ласка ипокои ѿбга ѿца ипн҃а н҃шго і҃с х҃а.

(все написано киноварью).

Рад покажоу мою вѣроу которꙋю маю. азлаща народоу своемоу роускомꙋ. тые ее онымъ давним вѣкомъ славною, предков своих оумѣетностью, покорне ıако довнимаю потвердѧть, аестли ест вчом блꙋдна оны то поправѧт. ведже держꙋ же неиначеи одно зъ еѵ҃ліи ѿ бога через х҃рта пана иего апостолов поданое. котораıа есть сꙋма законоу б҃жего. котораıа зсловенского абы имъ теж их власным езыком роускимъ вдроукоу вышла. иотое маючи пана напомочи. несмысленым або красомовным выводом. незалецаными аничасꙋ оугажаючими словы. але ıако сприıазливыи простыи ащиріи. правдиве вѣрне, аѿвористе. зъ зычливости кумоеи ѿчизне. поневажь которымъ бы то властнеи ꙋчинити пристоело митрополитове в҃лки иниχто зꙋчоных через так многіи час нехотѣли. зъꙋбогое своее маетности народоу моему ꙋслꙋгую. накоторои ітеж принеи и наименечкоу хотѧж то было невеликое, вжо дле накладоу, азлаща книг стариг давних, нарозных инеблизких месца(х) доставаючи. надто еще вминоулые лѣта тѧжкіе дороги дле дроукꙋ ипотребъ томꙋ належачих подыимаючи, аправе все дотого зачинаючи зновоу. ач вельмим стол ведже предсе и должачисе. ибымитеж, ижем то не влох не нѣмець або не доктор иниıакіи постановеныи межи попы. але з чого бы мѣли пана звыкриканемъ фалити ирадоватсе же зъих посредкоу русинъ их имъ своеи рꙋси оуслоугꙋючии. бы ми мовлю ıако то призвоито бываеть. итакою невдѧчностью, анекоторые вместо помочи

або дѧки, изазростью платити хотѣли. не одно ми тое все длѧ моее повинности, ик҃ним зычливости неест прикро, але и овшем, заласкою пана бг҃а вдѧчно. стараючисѧ оих збавенное, анаостатокъ оучьстивое изацное, хоут иоупреимост с҃ца моего им показоват, ито к҃фале б҃жиеи кончить. Вжобо а еще хотѧж то небезболшое троудности пришло. ижь двема езыкы зараз исловенским ипринем т҃тжо роускимъ. атонаболшии словенскимъ. азлаща слово ѿслова, такъ ꙗко они вси везде вовсих своих цр҃квах чтоут. имают. неодно длѧ лѣпшое их вѣри, жесе не новое што, але ихже властное. им подает. алетеж идлѧ лѣпшого им розсоудкоу надто идлѧ их самихъ цвичениа втом неледа оучоном езыкоу словенскомъ є҃влиа. писаниа с҃тго матфеѧ ис҃тго марка ипочатокъ лоуки. есть втои ҃богои моеи дроукарни ѿмене имъ выдруковано.

Дочого абы первеи сами и их детки смыслы свои неꙗко готовали острили иввѣре прицвичали тым часомъ тот катехисис [1]). акоторіи сами здпаемъ своим, ꙗко довнимаю зареч исте потреб҃ю, естли незараз, вжды з своим часомъ оузнают имъ впередъ подаю. Ова их охотными ихутливыми ку можнеишим наоукам вслове своем к҃статочному розсудк҃ ику оумеетности пан оучинит ивзбоудить.

Ато небезвеликое се потребы чинит таꙗ бо тепер межи ними ꙗко ҃стала, ꙗко загин҃ла. ѳбачиване речеи жалосных кгвалтом слова до҃стъ гонит.

Бо ахто б҃гобоиныи не задержить натак҃ю казнь б҃жію гледечи, хтобы немусил плакати. видечи так великих кнѧжат. таких панов значных. такъ мног(о) деток невинных мужов ѕжонами втаком зац-

---

[1]) Ср. надписи на первомъ листѣ, передъ „предмовой: „Катехисисъ або соума на҃ки детеи Въ христе Исусе“. Послѣ двухъ текстовъ изъ Апостола: Ижсе имѧ свое подписывает, аесли тофалы своее ищоучи хто не всхочет вѣрит троудно сем҃ справит. але въ богобоиного само досыт ꙗсне патое што нам длѧ того задавано ионас мнимано бываеть вымовит. ꙗко бысмы або длѧ встыдоу словом божим подперети немогли, анаостатокъ же бы страхаючисе длѧтое правды чого естли б҃гъ допустить ҃терпѣти имен наших несмѣли подписоват. аведже даст б҃гъ вовсеи моеи погоре иокождом лепеи ниж особе роз҃мѣючи.

номъ руском азлаща перед тым довстипном оучоном народе. езыка своего славнаго занедбане, апросто взъгардоу. скоторое запокаранемъ панскимъ онаѧ ѩспаѧ их вслове бжьем мдрость. акотораѧ им была праве ѩко врожонаѧ, гды шних шишла, на ее мѣстьце натых мѣстъ, такаѧ оплаканаѧ неѹмеетность пришла. же вжо некоторие иписмом се своим. азлаща вслове бжемъ встыдают. Анаостаток што может быти жалоснеишаѧ што шкарадша. иж итые што се межи ними зовут дховными, иѹчители, смѣле мовлю намнеи его невмеют, намнеи его выроѹменіѧ незнают, анисевнем цвичат. але и ани школы коу наѹце его нигде не мают. зачим вполскіе, або в иные писма затакою неволею, немало и оу себе и дети небез встыдоу своего, бы се одно почули немалого заправоуют. Тут бых ѩ имъ ихже хоть одного змноѯства личбы оных словѧн, іоанна або григориѧ которых дле великое нетолко всвоем, але теж иврозных езыкахъ наоуки. идлѧ вдѧчное ихъ вымовы, аж золотоустыми звали. бы были живы рад их взѧлъ собе запричину доних в том. ана остаток засветка им тое речи. естлибъ бо тепер были заисте зѹмет бы се мусели видечи, ѩко окраса и оздоба народѹ ихъ, впотомстве их шнѧта, а просто загиноула. которим ѳ ѩкже бы потреба се станет, о оулитоване самих над собою. гды бобы нерекѹчи вчасы давніе посмотроли. ѩко тобыл зацныи славныи остріи довстипныи народ их вѹмеетности. ипако многокрот посторонніе ѹчоные народы их мдрость мусели похвалѧт. и овшем се шнихъ оучит. але бы хот самое писмо свое, тетра ѳѵлиѧ іапостола словенского. которое могу мовит перед тисѧчею лѣт шнѣкоторого зловѧн выложоно. акоторое неодно въих, але иповсѣх цркввах сербских московских волоских булъгаръских, харвацких іиных чтут ѹважали. истехто бы хотѣл аоумелъ тот выклад чести. обачил бы их цѣлевалъ аснат изасобою оставил. тот муж нашь милыи словенин латынских іиных толмачов. ѧко властне слова згреческого выкладал, иж трудно зрѹзѵметь, чи болшь греческіи або словенскіи езыкъ оумел. и бы не было болшь, тогды и штул досыт знакъ немалыи маем. ѧкъ пред тым словѧне, которым а што может быт прироженшого одно не рус, был люд довстипныи. а естли бы пакъ еще се коротко не фолкговало. азлаща

бы были вчитанью писмь своих оних бегліишими тоесть же бы се не плонно им проводило.

Бы были мовлю што се там пишет памятниками. о их довстипнеи остроти ꙗкіе оны синоды, з папою римским изъ иными памети годные мевали. ꙗко множства людеи квѣре зблудов выдвигали. и ѧко врозмаитых езыках оучоными были, ктомѹ ꙗко живот светобливыи вели. ѧко теж межи собою злых ифалшивых ввере братов знашали, лечили, направлѧли. ꙗко зас оучителеи своих, водле наѹки слова божего светобливым малженством ѿиных ѿтделили. и их тым оздобеных всим народом иверам ипонине ку прикладу праве ѧко свечѹ чистостю малженства светѧчую были показали. было бы што заисте широце о них выписоват.

Але толко один ꙗвныи ѧсныи авечное памети годныи приклад их припомню. акоторіи без писма всим вѣдомыи значныи аправе видомыи есть. ꙗко они дле так великое светобливости своее мимо иных таким гоиным даромъ были ѿ пана оздобени. же не рекѹчи мимо папу римског(о) але и мимо оных часов наученших народов. влибіи вантиохіи впентаполіи сыцыліи вмесопотаміи впалестыне вфиницыи иинде. ѧко то инаоко бы се ѹсмотрѣти могло иѹ нам недалеких влохов немцов полѧков францѹзов ганкликов гишпанов. а коротко мовечи всих на свете хр҃тиꙗнских народов вслове бо҃жьемъ прозрѣвши. сами одни толко того были доказали. же подлѹг науки а҃пльское своим влосным езыком ѿтак давного часу слово боже выложили имели инам зоставили. Вчом иные вси народы их прикладом, ледве се аж затых наших веков обачили. идотого што не без малого забурена ображенѧ пришли. же слово бо҃же златинских и иных писмь, своим теж езыком прирожоным перекладати ичитати почали. Але дал бы то панъ, ижбы вы каждыи ѿ себе, о зацные панове, которі есте тои речи ꙗкобы о҃цами потаких фалебных предках своих позостали. ина мѣстьца их вставили. поневаж втом або жадное помочи люцкое дле греху нет. або толко вы сами томѹ з м҃ати ку о҃чизне вашои помочи бысте могли. гдыж простота чѧвка бедного посполитого. навас очи завжды оудавала иѹдает. изавами идет. втую потр҃бѹ ѿчизны вашое простоту грѹбую про недостаток

наꙋки брати вашое прикладом своим милосерным. если есть што милости братерское ꙋ вас. гдыж межи всими люцкостѧми ничого неест такъ власного азлаща богобоиному чл҃вкꙋ ꙗко ꙋлитоване, которим оуказꙋемъ пособе неѧкое подобенство добротливости бж҃е. анаконець дле заплаты собе ѿпана вечное, тому народу вашому неꙋмеетностью заведеному иꙋтрапеному допомогаючи. митрополита вашого, владыкъ иꙋчителеи ваших дотого прозбами вашими вели. жебы не подкупов не посулов дле поседанꙗ столиць один перед другим. недоживотеи іпривильев, один над другого обварованеиших. але слова бж҃его сами се оучили идругих змаетностеи и іменеи ѿ ваших предков имъ не на марнотрацства, не настрои ишто такого. але дле наꙋкъ наданых. ова бы кꙋ наꙋце, леч не такои ꙗко тепер навѣчныи свои встыд толко прочести итоледво всвоем езыку неболшь ꙋчатсе школы заложити инаꙋку слова бж҃его ѿтак много лѣт занедбанꙋю выдвигнути братьи вашои хотели иꙋсиловали. Которих ꙗ не одному которому, але всим изстою потребою ѿчизны вашое, богопоинои пилности ростропности и верности порꙋчаю изоставую. просечи пана абых был готов если она доконца згинет знею згинут. або если через вашь ретунокъ будет выдвигнена звами изнею выбринуть. атут вжо конець речи моеи чиню [1]).

Которую замыкаючи, и то вжалости моеи мовлю если натот час занш҃ю невдѧчность мл҃рдыꙗ бы бж҃его небыло. тоую казнь ѿнас ѿдалити. злаща тепер наоко видим, иж везде вси рѣчи злыми розсудками так сут попсованы, иж не может быт ничого такь добре поведено. нашто бы потвар немогла быт оучинена. а ни теж жадинъ ѿтог(о) чого се разхвати ѿсттупит нехочет абы се не здал вчом поблудит. еще теж ижь посполите бывает. же живого чл҃ка вдарехъ, азлаща своего або собе знаемого люди скромне ибезобразы зносит немогут, прото абых иприправдивои повести зостал излого

---

[1]) На поляхъ приписка: „перед тисечю лѣт з гевреиского ветхіи а з греческого новыи завет то ест всю библею, штож иныхъ або толковых писм их предки выложили и в своих цр҃квах власным езыком своим и поніне оставили. Аони тепер нетолко вгевреиских але и всловенском своемъ ꙋмеетность стратили“.

мниманıа ꙋшолъ. не мовлю всих але таких. ниꙋсилною прозбою. ни плонным забеганемъ анилагодными і прибавлѧючими доводы спирати хочꙋ. але ꙋчинивши повинности своеи досыт, мусим домаестату бж҃его отозватсе перед которим вси стати мусимъ. автом ничого не вонтьпим. же оны справедливыи судѧ роч н҃шю пофалит, хотѧ ее так непріѧтели взгаржають ивыкидают. А тепер побожного читолника дле х҃а просим. естли мнимает внас быт што выступног(о), або зстороны наꙋки, або зстороны нас. абы тог(о) неприписовал н҃шои злости але люцкои крепкости анеꙋмеетности. аиж бы дле х҃а ѿпустилъ. а естлиж так codecт не мало в которои нам вину дает, нехаи нас несоромотит, але нас нехаи втом хр҃тиѧнске напоминает. бо естосмы готови изь іоаном кр҃тителем здробнети абы п҃нъ х҃с росъ.

Наостаток всих побожных дле х҃а просимъ абы жадное васни немели против тым которіе насъ щипанемь огижанем преследуют. або ижбы изь іѧковом або іоаном не жадали спущенıа огнѧ знеба дле забореніа господы имесца ꙋних слову бж҃ему азнами нехаи заних пана бг҃а просѧт. абы се ꙋпамѧтали азбавени были. и ижбы сами собе не зазрели так великое ласки бж҃ее, зьихже имь достоиностью изацностью зачинаючое. Аминь.

Евангеліе Тяпинскаго.

Иседече ему нагоре оливной приступили кнему ꙋчѣники наедине, мовечи. речи намъ коли тое будеть. и што есьть за знаме твоего приистьıа, и сконченьıа векꙋ. И ѿповедаючи иисусъ, рекъ имъ. Сьтережитесе бы нихто васъ не звелъ. Многи бо приидуть вимени моемъ, мовечи. Я есмъ христосъ. и многихъ зведуть. И ꙋслышети ма-

Казанье св. Кирилла, 1596 г.

Гды х҃с сѣдѣл нагорѣ оливной; приступили до него ꙋченици особно мовѧчи. повѣж нам коли тое будет. и што зазнак приходꙋ твоего идоконченіе свѣта, а ѿповѣдаючи і҃с реклъ имъ. Стережѣте абы васъ кто нездрадил абовѣм много их пр(и)идет воимѧ мое мовѧчи іаесмем х҃с, имногих перелстѧт. абꙋдете слышати швоннах и ѿпо-

ѥте воины ѝслухи ѡвоинахъ. Смотрите, нелекатісе, потреба бо всему тому быти. але нетогды ѥт скончень. Повстанет бо народъ противъ народу, ѝкоролевство протївъ королевству. ѝбудут голоды ѝ морї ѝтресеныа по месцахъ. Лечъ все тое початокъ болесьтѧмъ. Тогды подадуть васъ вутрапеныа, ѝзабьють васъ. ѝбудете ненавидени ѿ всихъ народовъ ѝмени моего деле. Итогды згоршатьсѧ многие, ѝдругъ друга выдадуть, ѝвзненавидить другъ друга. Имногие лживые пророки повстануть ѝзведуть многихъ. Идлѧ розмножѣныа беззаконыа. озѧбнеть милосьть многихъ лечъ вытерпевшии доконца, тотъ збавитьсѧ. Ипроповедитьсе таіа евангелиіа королевства повсей земли, насьведоцъство всимъ народомъ. ѝтогды прїидеть скончень. Гъды протоузрите мерзкосьть спустошеньѧ речоную через данїла пророка, стоѧчую намесцы еветомъ. Котории чтеть нехаи розумеѥть. тогды будучие въюдеи, нехаи утекають нагоры. Икоториѝ на кровли, нехаи несходить взѧти што вдому его. Икоториѝ нарольи, нехаи неворочаѥтьсе назадъ взѧть вѣди военные, смотрѣте а нелѧкаитесѧ. пристоит бовѣм всему тому быти, але нетогды еще естъ кончина абовѣм повстанет народ нанарод, и крулевство накрулевство. ибудут голоды имори итрѧсѣне помѣстом, ато все початок болестем. тогды выдадут вас нафрансунки, иубют васъ ибудете вненависти оувсѣх народѡв длѧ имене моего. итогды погоршатсѧ их мнѡго и еден другого. имнѡго фалшивых пророкѡв повстанет иперелстѧт мнѡгихъ. адлѧ мнѡгого беззаконства изгаснет любов мнѡгих. акто вытерпит доконца тот спсетсѧ. ипроповѣссѧ еѵгліе царества повсю(и) вселенно(и), насвѣдоцство всѣм народом, итогды прїидет кончина. Акгды оузрите ѡбридливос спустошѣнѧ реченную Данїилом пророком стоѧчую намѣсци стом, ахто читает нехаи розумѣет. тогды которїи будут вжидовствѣ, нехаи бѣжат на горы. а которїи на даху нехаи несходит взѧти што вдому его. икотори нароли нехаисѧ взад навертает взѧти шат своих. Абѣ-

одежъ своихъ. Беда пакъ беременнымъ иперъсами кормачимъ втые дни. Лечъ молитесе бы небыло утеканье ваше зиме, нивсуботу. Будеть бо тогды, утрапенье великое, якое не было ѿпочатку сьвета, дотуль. анимаеть быти. Несьли небылибъ укорочоны днитые, небылобъ несьте заховано каждое тело. Для выбраныхъ пакъ деле укоротатьсе дни тые. Тогды еслї хто речеть вамъ отосезьде христосъ, або онде, неймите веры. Повъстануть болъживые христосы, иложивые пророки. идадуть знамена великие ичюда. ижбы звели есьли можно ивыбраные. Ѡто впередъ рекломъ вамъ. Есьли прото рекуть вамъ, ото впустыни есьть, невыходьте. ото веъкритосьтяхъ, неймите веры. Якъ бо маланьїа выходїть ѿ веходу иягляетьсе назаходе. такъ будеть иприхтье сына человечъего. Где бо кольвек будеть трупъ, тамъ зберутьсе орлы. А натыхъ местъ поутрапеньи дней тыхъ, солнце затьмитьсе, имесецъ недасьть сьветла своего. и звезды зъпадуть знеба имоцы небесные порушатьсе.

да беременным иперсами кормачим воные дны. Млтеся абы небыло оутекане вше зиме, ане всуботу. будет бовем тогды оутрапене великое, якое небыло ѿпочатку света аж доты ане будет. иеслибы неукорочены дны оные небылобы збавлено всякое тело але для выбраных оукорочены будут дны оные. Тогды если кто вам речет, ово ту хс, албо онде невере. Повстанут бовем лжехристи илживые пророци. идадут знаки ичуда, абы звели если можная реч инавыборнейших. што вперед повелем вам прото если рекут што впустыни ес невыходете што впокоях неимете вери, абовем як блискавица выходит ѿвсходу, иявляется аж назаходе так будет иприход сна члчкаго. Агде бовем будет труп, тамся зберут иорли. азараз поутрапенїю днюв оных слнце затмится имць недас света своего. А звезды спадут, знеба, имоцы небные подвигнутся. тогды явится знамя сына члческого нанеби итогды плакатися

Итогды явитьсѧ знаме сына человечѣего на небе. и тогды вси плачутьсѧ вси поколеныа земъскиѣ и узрѧтъ сына человечѣего приходѧчого на облацѣхъ небесныхъ зъмоцѣю и славою многою. и тогды послетъ ангелы своѧ съ трубою гласа велика. и собѣрутъ избранныѧ его отъ четырехъ вѣтръ отъ высокихъ небесъ до конець ихъ. отъ смоковницѣ научитесѧ притчи. егда ветвь ея будетъ нѣжна и листвіе пущаетъ. вѣсте яко близъ есть лѣто. тако и вы егда сіѧ вся видите. вѣдѣйте яко близъ есть при дверехъ. аминь глаголю вамъ. не имать мимоити родъ сей. дондеже сіѧ вся будутъ. небо и земля имутъ мимоити. словеса же моѧ не имутъ мимоити. о дни же томъ и часѣ никтоже вѣсть. ни ангели небесніи. ни сынъ. токмо отецъ. Якоже бо быша дніе Ноеви. тако будетъ пришествіе сына человѣчѣего. Якоже бо бѣша въ днехъ предъ потопомъ ядуще и пиюще. женящеся и посягающе. даже до онагоже дне вниде Ное въ ковчегъ. и не разумѣша. дондеже прииде потопъ и взѧтъ всѣхъ. тако будетъ и пришествіе сына человѣчѣего. тогда два будета на селѣ. единъ поимется. и единъ оставленъ будетъ. двѣ мелющи въ жерновѣ. едина поимется. и едина оставленъ будетъ. бдѣте убо. яко не вѣсте въ который часъ господь вашъ пріидетъ. сіе же вѣдѣйте. яко аще вѣдѣлъ бы домовладыка въ который часъ татіе пріидутъ. бдѣлъ бы убо. и не далъ бы раскопати дому своему. сего ради и вы готови будите. яко въ онъ часъ не мните сына человѣчѣего пріидетъ. кто убо есть вѣренъ рабъ и разумѣнъ. егоже постави господинъ его надъ слугами своими. дати имъ пищу въ время. блаженъ рабъ онъ. егоже пришедъ господинъ его обрящетъ сія творѧща. истинно глаголю вамъ. яко надъ всѣми имѣніи своими поставитъ его. аще же речетъ злый рабъ онъ въ сердцы своемъ. не скоро пріидетъ господинъ мой. и начнетъ бити совокупленыя своѧ. ѧсть же и пити съ пьяными. пріидетъ господинъ раба онаго въ день. въ онь же не чаетъ. и въ часъ. въ онь же не вѣсть. и разсѣчетъ его. и часть его съ лицемѣрными положитъ. тамо будетъ плачь и скрежетъ зубомъ. Тогда уподобитсѧ царство небесное десѧтимъ дѣвамъ. иже взѧвше свѣтилники своѧ. изыдоша въ сретеніе жениху и невѣстѣ. пять же отъ нихъ бѣша мудры. и пять безумны. пять убо безумныхъ взѧвше свѣтилники своѧ. не взѧша съ собою елеа. мудрыѧ же взѧша елеа въ сосудѣхъ своихъ съ свѣтилники своими. Медлящу же женеху. и сномъ всѣмъ подрѣмавшимъ и уснувшимъ. въ полунощи же вопль бысть. се женихъ грядетъ. изыдите въ сретеніе ему. тогда возсташа вси дѣвы тѣ. и оукрасиша свѣтилники своѧ. безумныѧ же рекоша мудрымъ. дадите намъ отъ елеа вашего. яко свѣтилницы наши угасаютъ. отвѣщаша же мудрыѧ. глаголюще. да не како намъ и вамъ не достанетъ. идите паче къ продающимъ и купите себѣ. Отходящимъ же имъ купити. женихъ пріиде. и готовыѧ внидоша съ нимъ на бракъ. и затворишасѧ двери. Послѣдуютъ же и прочіѧ дѣвы. глаголюще. господи господи отверзи намъ. Онъ же отвѣщавъ рече. аминь глаголю вамъ. не вѣмъ васъ. Бдѣте убо. яко не вѣсте ни дне ни часа. Яко человѣкъ отходѧ. призва рабы своѧ. и предасть имъ имѣніе свое. и единому убо даде пять талантъ. другому же два. третіему же единъ. комуждо по силѣ своей. и отиде. Абіе же шедъ пріимый пять талантъ. сотвори съ ними. и приторгова ина пять талантъ. Такожде и пріимый два. приторгова ина два. Пріимый же единъ. шедъ въ лоно. скры сребро господина своего. По мнозѣ же времени. пріиде господинъ рабъ онѣхъ. и сотвори съ ними словесе. Пріидъ же пріимый пять талантъ. принесе ина пять талантъ. глаголѧ. господи пять талантъ мнѣ предалъ еси. се ина пять талантъ приторговахъ. Рече ему господинъ его. добре рабе благъ и вѣренъ. надъ малыми бѣ вѣренъ. надъ многими тя поставлю. вниди въ радость господина твоего. Пріиде же и пріимый два талантѣ. рече. господи два таланта мнѣ предалъ еси. се ина два таланта приторговахъ. Рече ему господинъ его. добре рабе благъ и вѣренъ. надъ малыми бѣ вѣренъ. надъ многими тя поставлю. вниди въ радость господина твоего. Пріиде же и пріимый единъ талантъ. рече. господи вѣдѣхъ тя. яко человѣкъ жестокъ еси. жнеши идѣже не сѣялъ еси. и собираеши идѣже не разсыпалъ еси. и убоѧвся шедъ скрыхъ талантъ твой въ земли. се имаши твое. Отвѣщавъ же господинъ его рече ему. рабе лукавый и лѣнивый. вѣдѣлъ еси яко жну идѣже не сѣялъ. и собираю идѣже не разсыпалъ. подобаше убо тебѣ вложити сребро мое торгомъ. и пришедъ азъ взѧлъ бихъ мое съ лихвою. Возмите убо отъ него талантъ. и дадите имѣющему десѧть талантъ. Всѣкому бо имѣющему дастсѧ. и приложится ему. и преизбудетъ. отъ неимущаго же. и еже мнится имѣти. возмется отъ него. и неключимаго раба сего вонъ изверзите во тму кромѣшнюю. тамо будетъ плачь и скрежетъ зубомъ. Егда же пріидетъ сынъ человѣческій въ славѣ своей. и вси ангели съ нимъ. тогда сѣдитъ на престолѣ славы своея. и собрани будутъ предъ нимъ вси языцы. и отлучитъ ихъ другъ отъ друга. якоже пастырь отлучаетъ овца отъ козлищъ. и поставитъ овца одесную себе. козлища же ошуюю. Тогда рекутъ царь одесную сущимъ ему. пріидите благословенніи отца моего. наслѣдуйте уготованное вамъ царство отъ сложенія міра. Алченъ бо бѣхъ. и дасте ми ясти. жаждахъ. и напоисте мя. странникъ бѣхъ. и сокрыстесте мя. нагъ. и одѣясте мя. недугъ имѣхъ. и посѣтисте мя. въ темницѣ бѣхъ. и пріидосте ко мнѣ. Тогда отвѣщаютъ ему праведницы. глаголюще. господи когда тя видѣхомъ алчна. и нахранихомъ. или жаждуща. и напоихомъ. когда же странна видѣхомъ. и сокрыхомъ. или нага. и одѣяхомъ. когда же недужна или въ темницѣ видѣхомъ. и пріидохомъ къ тебѣ. И отвѣщавъ царь рече имъ. аминь глаголю вамъ. понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ. мнѣ сотвористе. Тогда рече и ошуюю сущимъ. идите отъ мене проклятіи въ огнь вѣчный. уготованный діаволу и ангеломъ его. алченъ бо бѣхъ. и не дасте ми ясти. жаждахъ. и не напоисте мя. странникъ бѣхъ. и не сокрыстесте мя. нагъ. и не одѣясте мя. недугъ и въ темницѣ. и не посѣтисте мя. Тогда отвѣщаютъ ему и тіи. глаголюще. господи когда тя видѣхомъ алчна. или жаждуща. или странна. или нага. или недужна. или въ темницѣ. и не послужихомъ тебѣ. Тогда отвѣщаетъ имъ. глаголѧ. аминь глаголю вамъ. понеже не сотвористе единому отъ сихъ меньшихъ. ни мнѣ сотвористе. И идутъ сіи въ муку вѣчную. праведницы же въ животъ вѣчный. Бысть же егда сконча Іисусъ словеса сія вся. рече ученикомъ своимъ. вѣсте яко по двою днію пасха будетъ. и сынъ человѣческій предастсѧ. да распнутъ. Тогда собрашасѧ архіереи и книжницы и старцы людстіи въ сѣни архіереа именуемаго Каіафы. и совѣтъ сотворишасѧ. да Іисуса лестію поимутъ и убіютъ. Глаголаху же. не въ праздникъ. да не како мятежъ будетъ въ людехъ. Іисусу же сущу въ Виѳаніи въ домѣ Симона прокаженаго. приступи къ нему жена имѣюща алавастръ мира многоцѣннаго. и излія на главу его сѣдѧщу. Видѣвше же ученицы негодовашасѧ. глаголюще. на что погибель сія. можаше бо сіе продано быти многою цѣною. и дано быти нищимъ. Вѣдѣвъ же Іисусъ рече имъ. что творите жену сію. добро дѣло сотвори о мнѣ. нищіи бо всегда имате съ собою. мене же не всегда имате. Возливши бо сія миро сіе на тѣло мое. на погребеніе мое сотвори. аминь глаголю вамъ. идѣже аще проповѣсть сіе евангеліе въ всемъ мірѣ. глаголемо будетъ и еже сотвори сія въ память ея. Тогда отиде единъ отъ двунадесѧтъ. глаголемый Іуда Симоновъ Іскаріотскій. къ архіереомъ. и рече имъ. что хощете мнѣ дати. и азъ вамъ предамъ его. Они же поставиша ему сребреникъ тридесѧть. И отъ тогда искаше удобна времене. да предастъ его. Въ первый же день опрѣсноковъ приступиша ученицы къ Іисусу. глаголюще ему. гдѣ хощеши уготовимъ ти ясти пасху. Онъ же рече. идите въ градъ къ нѣкоему. и рцыте ему. глаголетъ учитель. время мое при тебѣ творю пасху. и ученицы мои. Сотвориша ученицы. якоже повелѣ имъ Іисусъ. и уготовашасѧ пасху. Вечеру же сущу. сѣдѣ съ двунадесѧтими. Ѧдущимъ же имъ. рече. аминь глаголю вамъ. яко единъ отъ васъ предастъ мя. И печални сущи зѣло. начаша глаголати ему. кійждо ихъ. господи не азъ ли есмь. Онъ же отвѣщавъ рече. обмакѧѧй со мною руку въ солницѣ. сей предастъ мя. Сынъ убо человѣческій идетъ. якоже писано есть о немъ. горе же человѣку тому. имже сынъ человѣческій предастсѧ. добро бы ему бѣ. аще не родился человѣкъ тотъ. Отвѣщавъ же Іуда предавый его. рече. не азъ ли есмь равви. Глаголетъ ему. ты рекъ. Ѧдущимъ же имъ. Іисусъ пріемъ хлѣбъ. и благословивъ. преломи. и даде ученикомъ своимъ. и рече. пріимите. ѧдите. сіе есть тѣло мое. И пріемъ чашу. и хвалу воздавъ. даде имъ. глаголѧ. пійте отъ сея вси. сія бо есть кровь моя новаго завѣта. яже за многіе изсыпаемая во оставленіе грѣховъ. Глаголю же вамъ. не имамъ отнынѣ пити отъ сего рожества виноградна. даже до того дне. егда его же пію съ вами новъ въ царствіи отца моего. И воспѣвше изыдоша въ гору Елеонскую. Тогда глаголетъ имъ Іисусъ. вси вы соблазнитесѧ о мнѣ въ нощь сію. писано бо есть. поражу пастыря. и разыдутсѧ овцы стада. По воскресеніи же моемъ предыду васъ въ Галилеи. Отвѣщавъ же Петръ рече ему. аще и вси соблазнятсѧ о тебѣ. азъ никогдаже соблазнюсѧ. Рече ему Іисусъ. аминь глаголю тебѣ. яко въ сію нощь. прежде даже петелъ вскричитъ. трикраты отвержеши мя. Глаголетъ ему Петръ. и аще ми будетъ съ тобою умрети. не имамъ тебе отвещи. Такожде и вси ученицы рекоша. Тогда грядетъ съ ними Іисусъ въ село глаголемое Гесиманія. и глаголетъ ученикомъ своимъ. сѣдите ту. дондеже отшедъ помолюсѧ тамо. И пріемъ Петра и два сына Зеведеова. начатъ скорбѣти и тужити. Тогда глаголетъ имъ. скорбна есть душа моѧ даже до смерти. пребудите ту и бдите со мною. И мало отшедъ. паде на лице свое. молѧсѧ и глаголѧ. отче мой. аще возможно есть. да мимоидетъ мене чаша сія. обаче не якоже азъ хощу. но якоже ты. И пріидетъ къ ученикомъ. и обрѣтетъ ихъ спѧщихъ. и глаголетъ Петру. тако ли не могосте единаго часа со мною бдѣти. бдите и молитесѧ. да не внидете въ напасть. Духъ убо бодръ. плоть же немощна. Паки второе отшедъ помолисѧ. глаголѧ. отче мой. аще не можетъ сія чаша мимоити мене. аще не пію ея. да будетъ воля твоя. И пріидетъ паки. обрѣтетъ ихъ спѧщихъ. бѣста бо ихъ очи отягчены. И оставивъ ихъ паки. отшедъ помолисѧ въ третіе. тѣмъ же словесемъ глаголѧ. Тогда пріидетъ къ ученикомъ своимъ. и глаголетъ имъ. спите отнынѣ и почивайте. се приближисѧ часъ. и сынъ человѣческій предастсѧ въ руцѣ грѣшникомъ. Востанете. да идемъ. се приближисѧ предаѧй мя. Еще ему глаголющу. се Іуда единъ отъ двунадесѧтъ пріиде. и съ нимъ народъ многъ съ мечи и съ кіи. отъ архіереовъ и старецъ людскихъ. Предаѧй же его далъ имъ знаменіе. глаголѧ. имже аще облобызаю. сей есть. держите его. И абіе пристуливъ къ Іисусу рече. радуйсѧ равви. и облобыза его. Іисусъ же рече ему. друже. на что еси пріидалъ. Тогда приступльше. возложиша руцѣ на Іисуса. и держаху его. И се единъ отъ сущихъ съ Іисусомъ. простеръ руку. изятъ мечь свой. и ударивъ раба архіерейска. отсѣче ухо его. Тогда глаголетъ ему Іисусъ. возврати мечь твой на мѣсто его. вси бо взимающіи мечь. мечемъ погибнутъ. Или мнишиси. яко не могу нынѣ умолити отца моего. и предстанетъ ми болѣе нежели двунадесѧть легіонъ ангелъ. Како убо сбудутсѧ писанія. яко тако подобаетъ быти. Въ тотъ часъ рече Іисусъ народомъ. яко на разбойника изыдосте съ мечи и съ кіи имати мене. по вся дни при васъ сѣдѧхъ въ церкви учѧ. и не имасте мене. Сіе же все бысть. да сбудутсѧ писанія пророческая. Тогда ученицы вси. оставльше его. бѣжаша. Имущіи же Іисуса поведоша къ Каіафѣ архіереу. идѣже книжницы и старцы собрашасѧ. Петръ же издалеча по немъ идѣ даже до двора архіерейска. и вшедъ внутрь сѣдѣ съ слугами. видѣти конець. Архіереи же и старцы и весь соборъ. лжесвѣтельства искаху на Іисуса. да смерти его предадятъ. и не обрѣтоша. Многимъ бо лжесвѣтелемъ пришедшимъ. не обрѣтоша. Послѣдь же пришедша два лжесвѣтеля. Рекоста. сей рече. могу разорити церковь божію. и въ три дни создати ю. И востадъ архіерей рече ему. ничтоже ли отвѣщаеши. что сіи на тя свидѣтельствуютъ. Іисусъ же молчаше. И отвѣщавъ архіерей рече ему. заклинаю тя живымъ богомъ. да речеши намъ. аще ты еси Христосъ сынъ божій. Глаголетъ ему Іисусъ. ты рекъ. Обаче глаголю вамъ. отнынѣ узрите сына человѣческаго сѣдѧща одесную силы. и грядуща на облацѣхъ небесныхъ. Тогда архіерей раздра ризы своѧ. глаголѧ. что еще имамъ нужду свидѣтелей. се нынѣ слышасте хулу. что вамъ мнится. Они же отвѣщавше рекоша. повиненъ есть смерти. Тогда плюнуша въ лице его. и заушиша его. Инѣи же ударяху. глаголюще. пророчествуй намъ христе. кто есть ударивый тя. Петръ же сѣдѣ внѣ въ сѣни. И приступи къ нему одна раба. глаголющи. и ты съ Іисусомъ галилеѣскимъ бѣ. Онъ же отрече предъ всѣми. глаголѧ. не вѣмъ что глаголеши. Изшедшу же ему въ преддверіе. видѣ его друга. и глаголетъ сущимъ тамо. и сей бѣ съ Іисусомъ назорѣемъ. И паки отрече съ клятвою. яко не вѣмъ человѣка сего. По мнозѣ же времени пристуливше сущіи тамо рекоша Петру. воистинну и ты отъ нихъ еси. и бо и рѣчь твоя тя являетъ. Тогда начатъ проклинати и клясти. яко не вѣмъ человѣка сего. И абіе пѣтелъ вскричатъ. И помяну Петръ рѣчь Іисусову. рекшаго ему. яко прежде даже петелъ вскричитъ. трикраты отвержеши мя. И изшедъ вонъ. плакасѧ горько. Утру же бывшу. совѣтъ сотворишасѧ вси архіереи и старцы людстіи на Іисуса. да смерти его предадятъ. И свѧзавше его. ведоша и предадоша Понтійскому Пилату. игемону. Тогда видѣвъ Іуда предавый его. яко осужденъ бысть. раскаѧвсѧ. возврати тридесѧть сребреникъ архіереомъ и старцемъ. глаголѧ. согрѣшихъ предавъ кровь праведну. Они же рекоша. что намъ до того. ты узриши. И отвергъ сребреники въ церковь. отиде. и шедъ удависѧ. Архіереи же пріемше сребреники. рекоша. не достоитъ ихъ вложити въ корвонъ. понеже цѣна кровопролитія суть. Совѣтъ же сотворивше. купиша ими село гончарево. въ погребеніе странникомъ. Сего ради нарекошасѧ село то кровное даже до сего дне. Тогда сбысться реченное Іереміемъ пророкомъ глаголющимъ. и пріемше тридесѧть сребреникъ. цѣну сочтенаго. егоже сочтоша отъ сыновъ Израилевыхъ. и даша ихъ въ село гончарево. якоже повелѣ мнѣ господь. Іисусъ же ста предъ игемономъ. и вопроси его игемонъ. глаголѧ. ты ли еси царь іудейскій. Рече же ему Іисусъ. ты глаголеши. И въ что обличаютъ тя. не отвѣщаетъ. Тогда глаголетъ ему Пилатъ. не слышиши ли колико на тя свидѣтельствуютъ. И не отвѣщаетъ ему ни на единое слово. Тогда Пилатъ дивляшесѧ зѣло. Въ праздникъ же имѣѧше игемонъ отпущати людемъ единаго отъ узъ. егоже хотѣху. Имѣѧше же тогда узника нарицаемаго Варавву. Сущимъ же имъ собранымъ. рече Пилатъ. кого хощете отпущу вамъ. Варавву. или Іисуса. глаголемаго христа. Вѣдѣше бо. яко ревности ради предаша его. Сѣдящу же ему на судищи. посла къ нему жена его. глаголющи. ничтоже тебѣ и праведнику тому. многа бо пострадахъ нынѣ въ сонмѣ ради его. Архіереи же и старцы людстіи совѣтъ сотворишасѧ. да Варавву просятъ. Іисуса же да погубятъ. Игемонъ же отвѣщавъ рече имъ. кого отъ двою хощете отпущу вамъ. Они же рекоша. Варавву. Глаголетъ имъ Пилатъ. что убо сотворю Іисусу. глаголемому христу. Глаголютъ ему вси. да распнется. Игемонъ же рече. что бо злаго сотвори. Они же паче вопіяху. глаголюще. да распнется. Видѣвъ же Пилатъ. яко ничтоже успѣваетъ. но паче мятежъ творитсѧ. пріемъ воду умы руцѣ предъ народомъ. глаголѧ. чистъ азъ есмь отъ крове праведника сего. вы узрите. Отвѣщавъ же весь людъ рече. кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ. Тогда отпусти имъ Варавву. Іисуса же бичевавъ предастъ имъ. да распнутъ. Тогда воини игемоновы пріемше Іисуса въ преторію. собрашасѧ на него весь полкъ. И совлекше его. одѣяша и въ багряницу. И сплетше вѣнецъ отъ терній. возложиша на главу его. и трость въ десницу его. И преклонше колѣна предъ нимъ. поругахуся ему. глаголюще. радуйсѧ царю іудейскій. И плюнувше въ него. пріемше трость. биѧху по главѣ его. И по поруганіи его. совлекоша его багряницу. и облекоша его въ ризы его. и ведоша его на распятіе. Изшедше же обрѣтоша человѣка кирінѣанина именемъ Симона. сего принудиша. да понесетъ крестъ его. И пришедше на мѣсто глаголемое Голгоѳа. еже есть глаголемое мѣсто лобное. Даша ему пити оцтъ съ желчію смѣшенъ. И вкусивъ не восхоте пити. Распнше же его. раздѣлиша ризы его. вметающе жребій. да сбудется реченное пророкомъ. раздѣлиша ризы моѧ себѣ. и о одеждѣ моей меташа жребій. И сѣдѧще стрежаху его тамо. И возложиша надъ главою его вину его написану. сей есть Іисусъ царь іудейскій. Тогда распяти съ нимъ два разбойника. одинъ одесную. и одинъ ошуюю. Преидущіи же хулу глаголаху на него. главами своими потрясающе. и глаголюще. разоряѧй церковь и въ три дни созидаѧй. спаси самъ себе. аще сынъ еси божій. сниди съ креста. Такожде и архіереи ругающеся съ книжники и старцы и фарисеи глаголаху. Инѣхъ спасе. себе не можетъ спасти. царь израилевъ есть. да сниметъ нынѣ съ креста. и вѣруемъ ему. Уповалъ на бога. да избавитъ нынѣ его. аще хощетъ его. Рече бо. яко сынъ божій есмь. Сіе же и разбойницы распятіи съ нимъ поносяху ему. Отъ шестаго же часа тма бысть по всей земли даже до часа девятаго. И около девятаго часа возопи Іисусъ гласомъ великимъ. глаголѧ. Илі Илі лама савахѳани. сіе есть. боже мой боже мой. вскуду мя еси оставилъ. Нѣціи же отъ стоѧщихъ тамо. слышавше. глаголаху. Иліа сего зоветъ. И абіе тецій отъ нихъ. и пріемъ губу. исполни оцта. и наложивъ на трость. напоѧше его. Прочіи же рекоша. стой. видимъ аще пріидетъ Иліа избавити его. Іисусъ же паки возопивъ гласомъ великимъ. испусти духъ. И се завѣса церковная раздрася на двое отъ верха даже до низу. и земля потрясеся. и каміе разсѣдошасѧ. и гробове отверзошасѧ. и многа тѣла усопшихъ святыхъ возсташа. и изшедше отъ гробъ по воскресеніи его. внидоша въ святый градъ. и явишасѧ многимъ. Сотникъ же и иже съ нимъ стрегущіи Іисуса. видѣвше трусъ и бывшаѧ. убоѧшасѧ зѣло. глаголюще. воистинну сынъ божій бѣ сей. Бѣша же тамо жены многи издалеча зрящи. иже послѣдовашя Іисусу отъ Галилеи. служащи ему. Въ нихъ же бѣ Марія Магдалина. и Марія Іаковля и Іосіина мати. и мати сыновъ Зеведеовыхъ. Вечеру же сущу. пріиде человѣкъ богатъ отъ Аримаѳеи. именемъ Іосифъ. иже и самъ ученикъ бѣ Іисусовъ. сей пріидъ къ Пилату. просѧше тѣло Іисусово. Тогда Пилатъ повелѣ тѣло отдати. Іосифъ же пріемъ тѣло. обви е плащаницею чистою. и положи е въ новѣмъ своемъ гробѣ. его же изсѣче въ камени. и привали камень великъ на двери гроба. отиде. Бѣша же тамо Марія Магдалина и другая Марія. сѣдѧщи противу гроба. Въ утрій же день. иже есть по пятцѣ. собрашасѧ архіереи и фарисеи къ Пилату. глаголюще. господине. помянухомъ. яко лестникъ онъ рече сущу еще живу. по трехъ днехъ возстати имамъ. повели убо утвердити гробъ даже до третіяго дне. да не како пришедше ученицы его нощію украдутъ его. и рекутъ людемъ. воста отъ мертвыхъ. и будетъ послѣдняя лесть горша первыя. Рече имъ Пилатъ. имате стрегущія. идите. утвердите. якоже вѣсте. Они же шедше утвердиша гробъ. запечатавше камень. со стрегущими. Въ конецъ же субботъ. свѣтающи въ первый день недѣльный. пріидоста Марія Магдалина и другая Марія видѣти гроба. И се трусъ великъ бысть. ангелъ бо господень сшедъ съ небесе. и пришедъ отвали камень отъ двери гроба. и сѣдѣ на немъ. Видѣніе же его бѣ яко молнія. и одѣяніе его бѣлое яко снѣгъ. Отъ страха же его ужасошасѧ стрегущіи. и быша яко мертви. Ангелъ же отвѣщавъ рече женамъ. не бойтесѧ вы. вѣмъ бо. яко Іисуса распятаго ищете. Нѣсть его зде. воста бо. якоже рече. пріидите. видите мѣсто идѣже лежа господь. и шедше скоро рцыте ученикомъ его. яко воста отъ мертвыхъ. и се предыдетъ васъ въ Галилеи. тамо его узрите. се азъ рекохъ вамъ. Они же изшедше скоро отъ гроба. съ страхомъ и радостію велію. текоста возвѣстити ученикомъ его. Се же идущимъ имъ. нѣціи отъ стрегущихъ пріидоша въ градъ. и возвѣстиша архіереомъ вся бывшаѧ. Они же собрашасѧ со старцы. совѣтъ сотворивше. сребреники многи дадоша воинамъ. глаголюще. рцыте яко ученицы его нощію пришедше украдоша его. спящу намъ. и аще сіе слышано будетъ у игемона. мы убѣдимъ его. и васъ безпечны сотворимъ. Они же пріемше сребреники. сотворишасѧ якоже научени быша. и прошибеся слово сіе у іудей даже до сего дне. Единадесѧть же ученицы шедше въ Галилею. въ гору идѣже повелѣ имъ Іисусъ. и видѣвше его поклонишасѧ. нѣціи же усумнѣшасѧ. И приступль Іисусъ. глагола имъ. рекій. дана ми есть всѧка власть на небеси и на земли. Шедше убо научите всѧ языкы. крестѧще ихъ во имя отца и сына и святаго духа. учаще ихъ блюсти всѧ. елика заповѣдахъ вамъ. и се азъ съ вами есмь во вся дни даже до скончанія вѣка. аминь.